

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

В погоне за счастьем, или Мэри-Энн

В погоне за счастьем, или Мэри-Энн

Дафна дю Морье

Аннотация
Дафна Дюморье. В погоне за счастьем, или Мэри-Энн
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Часть вторая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Часть третья
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Часть четвертая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Аннотация

Книги английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) стали классикой литературы XX века. Мастер тонкого психологического портрета и виртуоз интриги, Дюморье, как никто другой, умеет держать читателя в напряжении. Недаром одним из почитателей ее таланта был кинорежиссер Альфред Хичкок, снявший по ее произведениям знаменитые кинотриллеры: «Ребекка», «Птицы», «Трактир „Ямайка“»…

Роман «В погоне за счастьем, или Мэри-Энн», вышедший между знаменитыми книгами «Моя кузина Рейчел» и «Козел отпущения», когда писательница находилась на вершине своей формы, был признан одной из лучших книг Дафны Дюморье. Погружаясь в атмосферу Англии XIX столетия, автор воссоздает образ своей экстравагантной прапрабабушки и рассказывает историю ее поистине удивительной жизни, полной взлетов и падений. У Мэри-Энн была невероятная судьба и невероятный характер, в котором сочетались расчетливость и безрассудность,

доверчивость и лукавство, язвительность и добродушие, бесстрашие и распутность… Ей удалось выбраться из убогих лондонских трущоб, став известной куртизанкой и любовницей герцога Йоркского, брата короля Георга III, достичь высот власти, а затем, ввязавшись в громкий коррупционный скандал и политические интриги, она поставила на карту свое будущее и свою жизнь…

Дафна Дюморье
В погоне за счастьем, или Мэри-Энн

Памяти МЭРИ-ЭНН КЛАРК, моей прапрабабушки, умершей в Булони 21 июня 1852 года, и ГЕРТРУДЫ ЛОУРЕНС, игравшей на сцене и умершей в Нью-Йорке 6 сентября 1952 года, посвящаю эту книгу

Daphne du Maurier
MARY ANNE
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1954
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© М. Л. Павлычева, перевод, 1993
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Глава 1

Много лет спустя, уже после того, как она ушла из их жизни, в их памяти осталась только ее улыбка. Черты лица, подернутые дымкой забвения, уже были едва различимы. Глаза, как всем казалось, были голубыми — но с тем же успехом они могли быть зелеными или серыми. А волосы, собранные в узел или ниспадающие локонами, были, по всей видимости, темно- или светло-каштановыми. Вот нос уж точно был греческим — ни у кого этот факт не вызывал сомнения. Форма ее рта никого не интересовала — ни тогда, ни теперь.

Все ее естество проявлялось в том, как она улыбалась. Улыбка зарождалась в левом уголке рта и моментально превращалась в насмешку, которой она встречала всех без исключения: и тех, кого любила, в том числе и свою семью, и тех, кого презирала. Они в неловком молчании ожидали, что сейчас на них обрушится поток саркастических замечаний, но, когда ее глаза зажигались озорным огнем, преображая лицо и излучая радость, они вздыхали с облегчением, понимая, что их разыграли, и начинали от всей

души смеяться над ее шуткой.

Это воспоминание они пронесли через всю свою жизнь. Все остальное: ложь, обман, внезапные вспышки ярости — было забыто. Были забыты ее непомерная расточительность, доходящая до абсурда щедрость, язвительный язык. Остались только ее сердечность и любовь к жизни.

Разбросанные во времени, одинокие тени прошлого, неразличимые друг для друга, они перебирали в памяти эти мгновения. Жизненные пути некоторых из них пересеклись, однако дружбы между ними не возникло; и все же против своей воли они оставались связанными одной нитью.

Самое странное заключалось в том, что трое из тех, кого она любила сильнее всех, скончались друг за другом в один год, вскоре за ними последовал и четвертый; и перед смертью каждый из них вспоминал ее улыбку. Они слышали смех, чистый и звонкий, как будто в голове звучала музыкальная шкатулка, и память, подобно прорвавшей плотину воде, затопляла сознание.

Ее брат, Чарльз Томпсон, покинул этот мир первым. Ему никогда ни в чем не хватало терпения. Эта черта характера и стала причиной его смерти, так же как и многих других событий его

жизни начиная еще с того времени, когда он, маленький мальчик, тянул к ней ручонки и просил: «Возьми меня, не оставляй меня!» Он навечно вверил себя ее заботам, и с тех пор, даже тогда, когда он превратился во взрослого мужчину, они полностью зависели друг от друга, — это и принесло им обоим несчастье.

Его жизненный путь закончился шумной ссорой в пивной, когда он, как обычно, начал бахвалиться — рассказывать, будто бы он был самым многообещающим командиром роты в полку и шел на повышение. Его история была стара как мир: неважное здоровье самого Чарльза, несправедливое отношение к нему полковника, враждебность и зависть младших офицеров, вопиющая несправедливость военных судей. И — как венец истории — страстное желание главнокомандующего отомстить сестре Чарльза, выразившееся в том, что тот вымещал свою злобу на брате.

Чарльз огляделся по сторонам, ожидая увидеть сочувственные взгляды. Однако его рассказ никого не взволновал, многие вообще не слушали: дело было давнее — к чему теперь ворошить прошлое? Отвернувшись, посетители наполнили кружки, что привело Чарльза Томпсона в бешен-

ство. Он швырнул свою кружку на пол и, вскочив, закричал:

— Слушайте, вы, черт бы вас всех побрал! Я такое могу вам порассказать про королевское семейство — вы даже ушам своим не поверите! Знай вы всю правду, вы швырнули бы всех Ганноверов в Канал!

И в это мгновение один из тех, кто еще помнил события шестнадцатилетней давности, тихо, как бы про себя, пробормотал стишок, который был очень популярен в те времена: его распевали на лондонских улицах. В стишке довольно грубо высмеивалась сестра Чарльза. Остряк не собирался обижать Чарльза, он просто хотел повеселиться. Но Чарльз решил иначе. Он подошел к весельчаку и ударил его в лицо. Тот упал, стол перевернулся, потом Чарльз еще кого-то задел, и началась свалка, сопровождаемая криками и ругательствами. Придя в себя, Чарльз обнаружил, что он стоит на улице, щека рассечена, а в ушах все еще звучит хохот его собутыльников.

Ярко светила луна, силуэт собора Святого Павла четко выделялся на фоне темного неба. Чарльз брел, не разбирая дороги, по узким, похожим на лабиринт улочкам, пока наконец какое-то полузабытое чувство не привело его к дому, где

они выросли, к дому, существование которого он хотел бы скрыть от своих приятелей. Он взял пример со своей сестры: одним он говорил, что провел детство в Оксфордшире, другим — что в Шотландии. Но сейчас он стоял перед домом, где действительно прошло его детство: домом, зажатым между другими такими же обшарпанными домами, стоящим в начале переулка Баулинг-Инн-Элли, такого узкого, что лунный свет не достигал его дна и не освещал окон. Именно здесь они с сестрой мечтали о будущем, строили планы. А может, это она строила планы, а он только слушал? Здесь и сейчас жили люди. Он услышал детский плач. Затем прозвучал женский голос, в котором слышались злоба и раздражение. Дверь дома распахнулась, кто-то вышел и выплеснул ведро помоев на вымощенную каменными плитами улицу, крича при этом что-то через плечо.

Чарльз Томпсон развернулся и побрел дальше. Тени прошлого неотступно преследовали его, пока он не добрался до реки. Было время прилива, и вода быстро поднималась. Он понял, что у него нет денег, нет будущего, что его сестра далеко и некому больше вытереть сочащуюся из рассеченной щеки кровь.

Прошло довольно много времени, прежде чем

дети, возившиеся в грязи на берегу, нашли его труп.

Тело Чарльза Томпсона опознал Вильям Даулер, в течение двадцати пяти лет хранивший верность его сестре. Он был уже очень болен, когда письмо от ее поверенных, сообщавшее о находке в реке, вынудило его проделать путь из Брайтона в Лондон. Кое-какие приметы совпадали с описанием ее пропавшего брата, и Даулеру, являвшемуся ее попечителем, пришлось заняться этим делом. Его совершенно не интересовал Томпсон, и, когда его взору предстало то, что осталось от Чарльза, он подумал, что ее жизнь могла бы сложиться совершенно иначе, утони ее брат сразу же после увольнения со службы, семнадцать лет назад. И для Даулера все сложилось бы по-другому. Она пришла бы к нему за сочувствием, и он бы увез ее и заставил забыть все. А получилось так, что ее обуяли гнев и жажда мести. И вот лежит человек, ставший причиной столь многих несчастий. Ее «бесценный брат», как она обычно называла его, ее «дорогой мальчик».

По дороге назад, в Брайтон, Даулер спрашивал себя: а не была ли его нелюбовь к Томпсону вызвана ревностью? Ведь к большинству ее знакомых он всегда относился довольно спокойно, считая,

что они ничего собой не представляют: почти все они безудержно льстили ей исключительно ради того, чтобы вытянуть из нее как можно больше. Возможно, с некоторыми из них у нее были близкие отношения, но он закрывал на это глаза. Ну а что касается герцога, то, оправившись после эмоционального потрясения, Даулер взглянул на их связь как на необходимость, как на своего рода сделку. Впрочем, никакие уговоры Даулера и не смогли бы остановить ее.

— Я же говорила, что у меня далекоидущие планы, — сказала она ему, и стрела попала в цель. — Но ты все равно будешь нужен мне, хотя тебе и придется держаться в тени.

Он так и остался в тени. Он являлся к ней по первому ее требованию. Он давал ей советы, которым она никогда не следовала. Он платил по ее счетам, когда это забывал сделать герцог. Он даже выкупил заложенные ею бриллианты. Но пределом его унижения была обязанность отвозить ее детей в школу, все то время пока она жила в Уэйбридже, куда уезжала вслед за его королевским высочеством.

Зачем он все это делал? Что это ему дало?

Устремив свой взгляд на море, сверкавшее в лучах солнца, Вильям Даулер вспоминал дни,

которые они вместе провели здесь, на побережье Брайтона. Это было еще до того, как на сцене появился герцог. Конечно, и здесь, в Брайтоне, она не переставала выслеживать дичь — Крипплгейт Бэрримор и прочие щеголи из *Возничих*, — но Даулер был слишком ослеплен любовью к ней, чтобы обращать на это внимание.

В Хэмпстеде ему повезло больше: однажды ей очень захотелось его увидеть, и она бежала к нему навстречу, оставив свой пост у постели больного ребенка. Позже, когда герцог уже бросил Мэри-Энн, ее потребность в Даулере только усилилась. Она пришла к нему, и он решил, что ей больше никто на свете не нужен. Однако, зная ее беспокойный нрав, он не мог быть полностью уверен в этом.

И наконец, какое чувство руководило ею, когда она ворвалась к нему в комнату в отеле «Рейд» сразу после того, как он вернулся из Лисабона? Ее плечи были прикрыты легкой накидкой — у нее и в мыслях не было скрывать свое лицо от окружающих.

— Тебя так долго не было, — проговорила она. — Мне очень нужна твоя помощь!

А может, она специально пришла к нему сразу же после его возвращения, чтобы застать его до

того, как ему станет известно все, так как знала, что ему не устоять перед ней? К тому же интуиция подсказывала ей, что он может оказаться для нее самым ценным свидетелем, когда она окажется перед барьером на суде в палате общин.

На этот вопрос, как и на множество других, ответить было невозможно. Повернувшись спиной к морю, Вильям Даулер еще некоторое время стоял, облокотившись на перила. Внезапно мимо него, будто призрак, вызванный его воспоминаниями, проехал экипаж, в котором сидели полный пожилой мужчина и девочка.

Это был герцог Йоркский и его племянница, принцесса Виктория. За последнее время герцог сильно сдал и выглядел значительно старше своих шестидесяти двух лет. Но возраст не лишил его кожу упругости, не превратил ее в сухой пергамент, в нем все еще чувствовалась военная выправка, он энергично взмахивал рукой в приветствии каждый раз, когда ему навстречу попадались знакомые. Даулер увидел, как герцог наклонился к девочке, которая смотрела на него и весело смеялась, и впервые в жизни он вдруг почувствовал жалость к человеку, которому он когда-то завидовал.

Было что-то трогательное в этом стареющем

мужчине, сидящем в экипаже рядом с ребенком, и Даулер задумался: а действительно ли герцог так одинок? Ходили слухи, что он не смог оправиться после смерти своей последней любовницы, герцогини Рутланд, но Даулер прекрасно знал, что молве верить нельзя. Поговаривали, что в конце концов его сведет в могилу водянка, и в этом, по всей видимости, было больше правды. И когда это случится много месяцев спустя, наиболее дотошные газетчики опять начнут трясти грязное белье, обсасывать подробности того расследования и рядом с некрологом в траурной рамке Даулер увидит ее имя.

Однако Даулеру не суждено было пройти через это испытание: он умер на четыре месяца раньше герцога. Именно герцогу довелось прочитать некролог о смерти Даулера в одном из старых номеров «Джентльменз мэгэзин». Одетый в серый халат, уложив забинтованные ноги на стул, герцог сидел в библиотеке в своем доме на Арлингтон-стрит. Он, должно быть, задремал. В последнее время герцог стал быстро уставать. Он никому об этом не говорил, даже Герберту Тейлору, своему личному секретарю, но все вокруг, начиная с его брата-короля и заканчивая этими безмозглыми докторами, которые приезжали

каждое утро, — только и твердили, что он очень болен, что ему надо отдохнуть.

Даулер… Что там пишут? «Седьмого сентября в Брайтоне скончался Вильям Даулер, эсквайр, бывший специальный уполномоченный вооруженных сил его величества». И вот уже герцог — не старый и беспомощный калека, который все дни проводит в особняке Рутландов на Арлингтон-стрит. Он стоит в холле особняка на Глостер-Плейс, срывает с себя портупею, бросает ее Людвигу и, перескакивая через три ступеньки, взлетает по лестнице. А она стоит наверху и говорит ему:

— Сир, я ждала вас намного раньше! — Церемонное приветствие не имеет никакого значения, это представление рассчитано на слуг, и, пока она приседает в реверансе (ей страшно нравилось делать реверансы, и для нее не имело значения, что на ней надето: бальное платье или пеньюар), он ногой распахивает дверь, захлопывает ее за собой — и вот она уже в его объятиях и расстегивает пуговицы его рубашки.

— Где ты задержался на этот раз? В штабе или Сент-Джеймсском дворце?

— И там и там, дорогая. Не забывай, что мы в состоянии войны.

— Я ни на мгновение об этом не забываю. Ты мог бы гораздо быстрее расправляться со своими делами, если бы оставил начальником секретариата Клинтона, а не ставил бы на его место Гордона.

— Почему бы тебе не руководить моей канцелярией?

— Я и так негласно занимаюсь этим последние шесть месяцев. Скажи своему портному, что он делает слишком маленькие петли — я сломала ноготь.

Даулер… Вильям Даулер… тот самый. Герцог тогда нашел ему место в комиссариате. Отдел снабжения, Восточный военный округ. Он даже помнил, когда это было — в июне или июле 1805 года.

— Билл Даулер — мой старинный друг, — сказала она. — Если он получит это назначение, он будет мне очень благодарен.

В тот момент герцог уже засыпал, — как всегда, последний стакан портвейна оказался для него роковым. Так же как и то, что ее голова лежала у него на плече.

— И как же он проявит свою благодарность?

— Он сделает все, что я ему скажу. Например, оплатит счет мясника, который ждет денег три

месяца: из-за этого сегодня на обед тебе подавали рыбу.

Господи! Ее смех возник из прошлого, чтобы преследовать его. Даже здесь, на Арлингтон-стрит, где ничто не напоминает о ней. А ему-то казалось, что воспоминания уже давно похоронены под затянутыми паутиной и покрытыми толстым слоем пыли сводами дома на Глостер-Плейс.

В ходе расследования выяснилось, что Даулер заплатил ей тысячу фунтов за это назначение. Он к тому же был ее любовником в течение многих лет. Так ему сказали. Возможно, все это ложь. Какое теперь это может иметь значение? Разрушения, которые она произвела в его жизни, оказались недолговечными. Он пережил это, но так и не встретил женщину, которая в чем-то могла сравниться с ней. Только она обладала неким особым качеством, которое сделало те несколько лет, проведенные на Глостер-Плейс, столь памятными. Он обычно приходил в этот дом вечером, после нескончаемого дня в штабе, и она заставляла его забыть все заботы и трудности, с которыми была связана его должность главнокомандующего армией, в пятьдесят раз меньшей, чем армия противника. (Он получал

одни оскорбления, его никогда не хвалили. Ему не так легко было работать с некомпетентными людьми, его попытки организовать оборону Англии были самой настоящей борьбой, в то время как противник только и ждал удобного момента, чтобы пересечь Канал и вторгнуться в страну.) Как только он оказывался в стенах этого дома, раздражение немедленно улетучивалось, и он расслаблялся.

Она чертовски вкусно его кормила. Знала, что он ненавидит торжественные обеды. Все должно быть просто. Чтобы после еды он мог растянуться возле огня, выпить стакан бренди и посмеяться ее шуткам! Он даже помнил запах той комнаты, тот небольшой беспорядок — ее эскизы на столе, арфа в углу, необычная кукла, которую она притащила с какого-то маскарада, — делавший ее особенно уютной.

Почему всему этому пришел конец? Может, их страсть была слишком сильна, чтобы продолжаться долго, или свою роль сыграло вмешательство этого надоедливого Эдама, ставшего причиной несчастья? А может, она испугалась угроз своего мужа, этого жалкого пропойцы? Он, должно быть, закончил свои дни в канаве. Он наверняка давно умер. Почти все уже покину-

ли этот мир. Он и сам стоит на пороге могилы. Дернув за шнурок звонка, герцог вызвал своего личного слугу Батчелора.

— Что там за шум на улице?

— На Пиккадилли раскладывают солому, ваше королевское высочество, чтобы шум экипажей не беспокоил вас. Это приказание сэра Герберта Тейлора.

— Чепуха какая-то! Прикажите им прекратить это глупое занятие. Мне нравится уличный шум. Терпеть не могу тишины.

Позади особняка на Глостер-Плейс были казармы. Они часто из окна его гардеробной наблюдали за гвардейцами. Ее дом был наполнен жизнью, смехом, движением, шумом: она пела, когда укладывала волосы; звала детей, которые, топоча, сбегали к ней с верхнего этажа; отчитывала горничную, когда та неправильно выполняла ее указания. В том доме была жизнь, а этот — мертв.

Старый дурак этот Тейлор, надо же — приказать застелить Пиккадилли соломой… Муж, которого герцог Йоркский назвал жалким пропойцей, предпочитал тишину уличному шуму. Гораздо приятнее и мягче шлепаться задом на грелку, чем в канаву. Впрочем, он падал не так уж часто. Са-

зерленд, владелец дома, где он снимал квартиру, очень внимательно следил за ним и позаботился обо всем. Он держал виски под замком. Но у Джозефа Кларка был свой собственный запас, спрятанный под досками пола в спальне, и время от времени, когда он впадал в меланхолию — а зимы в Кейтнессе долгие, — он устраивал так называемые «праздники в свою честь». Захмелев, но будучи еще на первой стадии опьянения, он торжественно пил за здоровье его королевского высочества главнокомандующего.

— Не каждый, — громко произносил он, хотя его никто не слышал, — удостаивается чести обзавестись рогами стараниями принца крови.

Однако он недолго пребывал в таком настроении. Вслед за этим он обычно начинал жалеть себя. Сложись его судьба иначе, он мог бы достичь большего. Но его всю жизнь преследовали неудачи. Ему ни разу не представилась возможность проявить свои способности: всегда что-то мешало. Если бы кто-нибудь дал ему в руки молоток и резец и поставил бы его перед гранитной плитой высотой шесть футов или, вернее, шесть футов и три дюйма — именно таков был рост главнокомандующего, — он бы… он создал бы тот шедевр, о котором она так мечтала. Или разбил

бы камень на мелкие кусочки и прикончил бы бутылку виски.

Как бы то ни было, в Кейтнессе было слишком много гранита. Все графство было заполнено гранитом. Потому-то его и послали туда.

— Ведь ты учился на каменотеса, так? Вот и занимайся этим.

Каменотес? Нет! Художник, скульптор, мечтатель. И все три ипостаси объединялись после бутылки виски.

И все же, представ перед палатой общин, она имела наглость заявить министру юстиции, что ее муж ничего для нее не значит. И целая толпа слышала это.

— Ваш муж жив?

— Я не знаю, жив он или умер. Он ничего для меня не значит.

— Чем он занимается?

— Ничем. Он никто. Самый обычный мужчина.

И все смеялись над ее словами. А потом ее ответ напечатали в газете. Он купил и прочитал. Они смеялись. «Самый обычный мужчина».

Третий стакан помог ему забыть нанесенное оскорбление. Он распахнул окно, впустив в спальню густой туман, лег на кровать и уставил-

ся в потолок. И вместо ликов святых, которые он мог бы создать, — строгих ликов с невидящими глазами, устремленными в небеса, — он увидел ее улыбающееся лицо и услышал ее смех. Ранним утром они стояли во дворе церкви Святого Панкратия, и она протягивала к нему руку.

— Случилось ужасное, — сказал он. — Я забыл разрешение.

— Оно у меня, — ответила она. — И нам понадобится второй свидетель. Но я обо всем позаботилась.

— И кто он?

— Могильщик из этой церкви. Я дала ему два шиллинга за труды. Поторопись. Нас ждут.

Она была так взволнована, что ошиблась и в метрической книге написала свое имя перед его. Тогда ей было всего шестнадцать.

Обычный мужчина. Герцогу пришлось прочитать и его некролог. Но не в «Таймсе» и не в «Джентльменз мэгэзин», а в «Джон О'Гроатс джорнэл».

> Девятого февраля 1836 года в доме г-на Сазерленда из Бильбстера, Уэттинский приход нашего графства, скончался г-н Дж. Кларк, которого принято считать

мужем знаменитой Мэри-Энн Кларк, сыгравшей ключевую роль в суде над Его Королевским Высочеством герцогом Йоркским. В течение последнего времени г-н Кларк имел пагубную склонность к алкоголю, что, в сочетании с неудавшейся семейной жизнью, сказалось на его умственных способностях. Говорят, что у него было найдено несколько книг, исписанных именем Мэри-Энн Кларк.

Вот и исчезло последнее звено, кануло в вечность, окутанное облаком винных испарений. Единственное, что осталось от них, — пачки писем, непристойные памфлеты и старые, покрытые пылью газеты. Обладательница той улыбки, которую они вспоминали, в конце концов утерла нос им всем. Она не была ни призраком, ни воспоминанием, ни плодом воображения, ни давно забытой мечтой, разбивающей сердца тех, кто терял голову от любви к ней. Ей было семьдесят шесть, и она сидела у окна в своем доме в Булони и смотрела на далекий берег Англии, где все давно забыли о ней. Ее горячо любимая дочь умерла, другая дочь жила в Лондоне. Внуки же, которых она нянчила, когда те были совсем крошками,

теперь стеснялись даже упоминать ее имя и никогда не писали ей. У сына, которого она обожала, была своя жизнь. Мужчины и женщины, которых она когда-то знала, были преданы забвению.

И все воспоминания достались ей.

Глава 2

Первым воспоминанием Мэри-Энн был запах типографской краски. Ее отчим, Боб Фаркуар, обычно не переодевался после работы, и им с матерью приходилось каждый день стирать. Как они ни старались, пятна от краски не сходили, и манжеты его рабочей блузы всегда казались грязными. Да и сам он выглядел неопрятно, и ее мать, ревностная поборница чистоты, непрерывно ругалась с ним из-за этого. Очень часто он садился к столу с руками, испачканными краской. Она въелась даже под ногти, которые стали черными. Каждый раз Мэри-Энн видела, как нежное лицо матери, это лицо мученицы и страдалицы, болезненно искажалось. Но Мэри-Энн нравился ее отчим, и ей не хотелось, чтобы мать начинала его пилить, поэтому она щипала под столом своего братишку, который тут же начинал плакать и отвлекал мать.

— Закрой свой рот, — говорил Боб Фаркуар, — я не слышу, как я ем.

Он всегда чавкал во время еды. Запихнув еду в рот, он потом вытаскивал огрызок карандаша, раскладывал на столе свернутые в трубку, еще

сырые оттиски и принимался одновременно и есть, и править. И запах типографской краски смешивался с ароматом подливки.

Именно по этим оттискам Мэри-Энн научилась читать. Слова завораживали ее, ей казалось, что форма букв очень важна, и она считала, что буквы различаются по полу. Например, «а», «е» и «у» — это женщины, а твердые «г», «б» и «к» — мужчины и зависят от букв-женщин.

— Что это такое? Прочти мне! — просила она Боба Фаркуара, и ее отчим, веселый и добродушный человек, обнимал ее за плечи и объяснял, как буквы складываются в слова и что можно с ними делать. Для чтения у Мэри-Энн были только эти оттиски, так как все книги и другие вещи ее матери были давно уже проданы, — скудного заработка Боба Фаркуара, работавшего в типографии господина Хьюэса, на жизнь не хватало. Господин Хьюэс наводнил все книжные лавки дешевыми сборниками памфлетов, сочиненных какими-то неизвестными авторами.

Вот так и получилось, что в том возрасте, когда дети начинают изучать катехизис и по слогам читать Книгу притчей Соломоновых, Мэри-Энн сидела на ступеньках дома на Баулинг-Инн-Элли, погрузившись в газетные статьи, полные напа-

док на правительство, недовольства внешней политикой, истерии, вызванной в одинаковой степени как любовью, так и ненавистью к каким-то политическим деятелям. Эти статьи перемежались сообщениями о скандалах, слухами и различными домыслами.

— Присмотри за мальчиками, Мэри-Энн, и помой посуду, — говорила ей уставшая и раздраженная мать, и девочка откладывала принесенные отчимом оттиски, поднималась со ступенек и шла убираться, так как ее мать, опять беременная, не выносила даже вида объедков. Родной брат Мэри-Энн, Чарли, в это время обычно налегал на варенье, а единоутробные братья, Джордж и Эдди, ползали по полу у нее под ногами.

— Ведите себя хорошо, иначе я выгоню вас, — приказывала девочка очень тихо, чтобы ее не услышала мать, которая была в спальне наверху.

Позже, когда посуда была вымыта, стол убран, а мать ложилась отдохнуть, Мэри-Энн брала одного из малышей, усаживала его на бедро, давала руку другому, разрешала третьему держаться за ее юбку и они уходили прочь из этого каменного ущелья, куда никогда не проникало солнце, и задними дворами пробирались на Ченсери-лейн, а потом спускались по Флит-стрит.

Они попадали в совершенно другой мир, в мир, который ей очень нравился, полный света, ярких красок, шума и самых разнообразных запахов, таких отличных от запахов их улицы. Здесь тротуары были запружены пешеходами, экипажи с грохотом поворачивали на Ладгейт-Хилл и к собору Святого Павла, возчики щелкали кнутами и кричали. В этом мире изящный джентльмен останавливал свой экипаж и направлялся в книжный магазин, и тут же к нему кидалась цветочница и предлагала ему букетик лаванды. В том же мире они видели перевернутую тележку, с которой сыпались яблоки и апельсины, спящего в канаве слепого музыканта, старика, чинившего стул.

Ветер приносил с собой шум и запахи Лондона, и девочка ощущала движение и жизнь этого сказочного города, впитывала исходившее от него возбуждение, которое влекло ее к чему-то, куда-то — гораздо дальше ступеней собора Святого Павла, на которых обычно играли ее маленькие братья.

Этот сказочный мир был наполнен приключениями. Для Мэри-Энн приключением было подобрать брошенный какой-нибудь дамой букетик цветов и предложить его пожилому джентльмену, который гладил ее по голове и давал на прощание двупенсовик. Приключе-

нием было заглядывать в окна домов, где жили ростовщики, ехать в фургоне с ухмыляющимся возчиком, драться с мальчишками-подмастерьями, слоняться возле книжных магазинов и ждать, когда продавец отвернется, чтобы вырвать из книжки несколько страниц, которые она будет читать дома, — ведь богатые покупатели всегда смотрели только на обложку.

Сама не понимая почему, она очень любила все эти приключения. Но она никогда не рассказывала о своих похождениях матери, которая наверняка бы не одобрила ее и отругала.

Улица была для нее и наставником, и учителем, и компаньоном для игр. Уличные мошенники залезали в чужие карманы, нищим подавали милостыню, в лавках продавались различные товары, обменивались деньги, мужчины смеялись, мужчины грязно ругались, женщины плакали, женщины улыбались, дети гибли под колесами экипажей. Одни были разодеты в дорогие платья, другие ходили в отрепьях. Первые вкусно ели, вторые голодали. Для того чтобы тебе никогда не пришлось голодать и ходить в обносках, нужно наблюдать, ждать, первой хватать выпавшие из карманов монетки, быстро бегать, хорошо прятаться, уметь улыбнуться в нужный момент

и вовремя исчезнуть, бережно хранить все свое достояние, следить за собой. И помнить, что нельзя становиться похожей на мать, слабую, не умеющую сопротивляться обстоятельствам женщину, которая потеряла себя в этом чужом для нее уголке Лондона и находит единственное утешение в разговорах о прошлом, о временах, когда она знавала лучшие дни.

Лучшие дни… Что это такое? «Лучшие дни» — значит спать на тонком белье, иметь слуг, покупать себе новые платья, обедать в четыре часа. Эти понятия ничего не говорили маленькой девочке, но со временем в глазах Мэри-Энн, постоянно слушавшей рассказы матери, они обрели вполне конкретные очертания. Мэри-Энн как наяву видела перед собой эти «лучшие дни». Она видела слуг, она видела красивые туалеты, она обедала в четыре часа. Единственное, чего она не понимала, — почему ее мать отказалась от всего этого.

— У меня не было выбора. Я была вдовой с двумя детьми на руках.

— Что значит «не было выбора»?

— Твой отчим сделал мне предложение. Мне больше ничего не оставалось. Кроме того, он добрый и хороший человек.

«Итак, мужчины не зависят от женщин, — размышляла Мэри-Энн, — а женщины зависят от мужчин». Мальчики хрупки, мальчики плачут, мальчики изнежены, мальчики беспомощны. Мэри-Энн прекрасно знала это, она была старше своих братьев, ну а малышка Изабель в расчет не принималась. Мужчины тоже хрупки, мужчины тоже плачут, мужчины тоже изнежены, мужчины тоже беспомощны. К этому выводу Мэри-Энн пришла на собственном опыте, потому что все эти характеристики в полной мере относились к Бобу Фаркуару, ее отчиму. Но мужчины работают. Они зарабатывают деньги — или сорят ими, как ее отчим, и тогда не на что было купить одежду для детей. Ее мать пытается сохранить хоть жалкие крохи, подрабатывает, вышивая по вечерам при свете свечи. Поэтому она выглядит уставшей и постаревшей. Где-то здесь скрыта несправедливость. Нарушается какое-то равновесие.

— Когда я вырасту, я выйду замуж за богатого, — сказала Мэри-Энн.

Это произошло в тот день, когда вся семья сидела за столом и ужинала. Было лето, и горячий воздух улицы проникал в комнату через открытую дверь, принося с собой вонь гниющих овощей и помоев. Отчим повесил свою куртку

на спинку стула и остался в одной рубашке, намокшей от пота. Как обычно, его руки были в краске. Мать пыталась заставить Изабель поесть, но малышка, измученная жарой, отворачивалась и плакала. Джордж и Эдди толкали друг друга ногами под столом. Чарли только что опрокинул на себя соус.

Мэри-Энн оглядела всех и объявила о своем решении. Ей уже было тринадцать. Боб Фаркуар рассмеялся и подмигнул ей.

— Тебе придется сначала найти такого человека, — сказал он. — И что же ты собираешься для этого предпринять?

Ну уж совсем не то, что сделала ее мать, чтобы найти Боба Фаркуара, подумала девочка. Она не будет терпеливо ждать, когда ей сделают предложение. Она не превратится в няньку и посудомойку. Все эти мысли вихрем пронеслись в ее голове, но девочка решила не высказывать их вслух, чтобы не обижать Боба, к которому очень хорошо относилась. Она улыбнулась ему и подмигнула.

— Я ему быстро заморочу голову, — ответила она, — чтобы он не успел прийти в себя и одурачить меня.

Ее ответ восхитил отчима, он усмехнулся и

принялся раскуривать трубку. Матери же ее заявление не показалось смешным.

— Я знаю, где она научилась так говорить, — сказала она. — Слушает болтовню твоих приятелей, когда вы собираетесь по вечерам.

Боб Фаркуар пожал плечами, зевнул и отодвинулся от стола.

— Ну и что в этом плохого? — спросил он. — Она хитра, как мартышка, и знает об этом. Такая не пропадет.

Он бросил на стол свернутый в рулон оттиск, и падчерица ловко его подхватила.

— Что будет, если дернуть мартышку за хвост? — спросил он.

— Мартышка укусит, — ответила Мэри-Энн.

Она пробежала глазами текст оттиска. Некоторые слова были очень длинными, и она не понимала их значения, но, увидев, что отчим надевает куртку и направляется к двери, она сообразила, что правку оттиска он оставляет ей.

— Ты еще не рассказала нам, как будешь искать богатого мужа, — поддразнил ее отчим.

— Вот ты мне и расскажи, — ответила Мэри-Энн.

— Ну, встань на углу и свистни тому, кто тебе понравится. Твои глаза привлекут любого.

— Хорошо, — сказала Мэри-Энн, — но понравившийся мне парень может не быть богатым.

Его смех еще долго звучал в переулке. Боб Фаркуар направлялся на встречу со своими друзьями. Девочка часто сопровождала его и знала, что он будет делать. Сначала он пройдет по всем переулкам и созовет приятелей; потом они встанут на улице и, смеясь и перебрасываясь шутками, примутся разглядывать прохожих; а затем они небольшой компанией, человек шесть-семь, отправятся в пивную и будут рассказывать друг другу о том, что произошло за день.

Беседы мужчин всегда интереснее, чем разговоры женщин. Мужчины никогда не говорят о кухне, о детях, о болезнях, о прохудившейся обуви. Мужчины обсуждают людей, причины каких-то событий. Они ведут разговор не о соседских детях, а о восстаниях во Франции. Не о том, кто разбил чашку, а о том, кто нарушил договор. Не о том, кто испачкал выстиранное белье, а о том, кто разгласил государственные секреты. «Виг» значит патриот, «лягушатник» — француз, «тори» — изменник, «женщина» — проститутка. Что-то из этого вызывало у нее интерес, что-то она считала скучным, но все равно сидеть рядом с ними было гораздо приятнее, чем чинить носки

Чарли.

— Жажда замучила?

— Жажда замучила.

Они торжественно чокались и торжественно пили, и сквозь шум и крики Мэри-Энн собирала по кусочкам обрывочные сведения о знаменитостях. Так бывало всегда — но не сегодня. Сегодня ей предстояло заштопать носки и постирать рубашки, уложить мальчиков и успокоить мать, а когда, уже перед самым сном, у нее выдалась свободная минутка и она собралась было сесть у окна и просмотреть оттиск, который должны были напечатать на следующий день, пришел Чарли.

— Расскажи мне сказку, Мэри-Энн.

— Я тебя сначала за уши оттаскаю.

— Расскажи мне сказку.

Рассказывать можно было о чем угодно. Как бьют в барабан. Как звучат колокола собора Святого Павла. Как кричит пьяница. Как оборванный лудильщик идет по улице, стучит в двери и кричит: «Лудим, паяем. Кому надо чинить кастрюли?» — и вдруг спотыкается о Джорджа и Эдди, которые пускают кораблики в сточной канаве. Даже старого обтрепанного лудильщика, которого мать не раз прогоняла от двери их дома,

можно превратить в принца, чтобы Чарли был доволен.

— Расскажи мне о сражении сорок пятого года и о серебряной пуговице.

Принц Карл потерпел поражение, а герцог Камберлендский победил. Мэри-Энн никогда не заговаривала об этом в присутствии матери, урожденной Маккензи. У одного из Маккензи хранилась серебряная пуговица, которая раньше была на мундире принца. На этом семейное предание заканчивалось.

— А что случилось с пуговицей? — спросила Мэри-Энн, когда ей было пять лет.

Ее мать не знала. Она родилась на юге, куда перебрались отпрыски боковой ветви Маккензи. Они потеряли связь с родственниками. Вот Мэри-Энн и выдумала сказку для Чарли и для себя. Им нужно только найти пуговицу, и благоденствие семьи восстановится.

— А что мы будем делать, когда найдем пуговицу?

— Зажжем везде свечи.

Свечи, которые ярко освещают комнату, а не заполняют ее удушливой вонью. Свечи, которые не трещат и не разбрызгивают жир по всей комнате, пока не сгорят.

Мэри-Энн рассказала Чарли легенду о серебряной пуговице. Потом она зажгла свечу и, развернув оттиск, принялась громко читать, внимательно следя за своим произношением. Как-то мать сказала ей, что она неправильно выговаривает звуки, и эти слова матери крепко засели в голове девочки.

— Что значит — неправильно выговариваю? — спросила Мэри-Энн, ощетинившись.

— Я не имею в виду твой голос — он очень звонкий. Но у тебя грязная речь. Ты набралась всего этого словесного мусора у здешних детей. Твой отчим ничего не замечает. Он сам так говорит.

Опять ее унизили. Попрекнули отчимом и переулком, в котором она выросла. Шотландские Маккензи совсем другие. Такие, как ее отец, господин Томпсон из Абердина.

— Значит, он был дворянином? — Она потянула за ниточку, которая связывала их с «лучшими днями».

— Он вращался среди дворян, — был ответ.

Но этого было недостаточно. Недостаточно для «лучших дней» и для обедов в четыре часа. Обычный господин Томпсон из Абердина — этого мало. Мало и того, что он погиб в войне с Америкой.

— Ты хочешь сказать, что он командовал вой-

сками?

— Не совсем. Он был прикомандирован к войскам.

Может, в качестве советника? Чтобы разрабатывать планы? Или в качестве посредника? В памфлетах упоминалось о таких людях. Иногда их называли шпионами. Господин Томпсон, с которым ее мать провела «лучшие дни», стал интересовать Мэри-Энн. Он улыбался, кланялся и слушал; он выпытывал военные секреты; он был умен; он был хитер. Более того, он был дворянином, который умел правильно говорить. Его речь очень отличалась от речи детей на улице.

— Слушай, Чарли. Слушай, как звучит мой голос.

— А разве с твоим голосом что-то не так?

— Тебя не касается. Слушай.

Самое главное было научиться произносить звук «х». Так сказала ей мать — «х», «о» и «у». И еще «о» и «и», когда они стоят рядом.

— «По сведениям, полученным из достоверных источников, правительство его величества не ограничилось поисками подходящей палки, которой оно уже на нынешней сессии постарается избить до полусмерти собаку в лице оппозиции, и вытащило на свет грязное белье…»

— Что ты читаешь, Мэри-Энн?

— Завтрашний выпуск.

— Но я ничего не понимаю.

— И я тоже. Но это не важно. Папа говорит, что читатели тоже ничего не понимают. Не перебивай. «По сведениям, полученным из достоверных источников…» — И тут она вытащила карандаш: «р» в слове «достоверных» было напечатано неправильно из-за сломанной литеры.

— Стучат в дверь.

— Да пусть стучат.

Но мальчик уже вскочил с кровати и высунулся в окно.

— Какие-то мужчины… они несут папу… он ранен.

Внезапно они услышали взволнованный голос матери, заплакала Изабель, забегали наверху Джордж и Эдди.

— Все в порядке. Успокойтесь. Причин для беспокойства нет.

Отчима уложили на пол между двух стульев в гостиной. Его лицо было в красных пятнах, он казался чужим.

— Это все жара.

— Доктор пустит ему кровь.

— Он упал на углу.

— Он скоро придет в себя.

Мать стояла, беспомощно опустив руки. Мэри-Энн послала Чарли за доктором, увела мальчиков и Изабель наверх. Потом она принесла таз с холодной водой и сделала отчиму компресс. А его приятели продолжали рассказывать матери, как с ним произошло несчастье.

Вскоре вернулся Чарли и привел доктора, который выглядел очень мрачным и что-то бормотал насчет апоплексии. Он выгнал Мэри-Энн и Чарли из комнаты — дети мешали ему заниматься больным.

Наконец Боба Фаркуара перенесли на кровать в спальню. Ему пустили кровь. Детям сказали, что это не апоплексия и что отчим не умрет, но что ему нужен отдых. Что он ни в коем случае не должен идти на работу, ни завтра, ни всю следующую неделю и потом еще несколько недель. Пока доктор объяснял обезумевшей от горя матери, как ухаживать за больным и чем его кормить, Мэри-Энн проскользнула в спальню и взяла отчима за руку. Он уже был в сознании.

— Что же будет? — сказал он. — Они наймут кого-нибудь другого вместо меня. Им не нужен больной работник.

— Не беспокойся.

— Тебе придется отнести им записку. Спроси господина Дея, управляющего. — Он закрыл глаза: разговор утомил его.

Мэри-Энн спустилась вниз. Мать смотрела на нее с выражением полной безнадежности.

— Это конец, — проговорила она. — Они заплатят ему только за эту неделю. Может, он оправится только через несколько месяцев, а к тому времени его место уже будет занято. На что нам жить?

— Утром я схожу в типографию.

— Расскажи им все как есть. Что твой отец болен.

— Я так и сделаю.

Мэри-Энн бережно расправила оттиск. Нельзя упускать такой случай, а для этого следует проверить каждое слово. Она уже знала, как отмечать ошибки — крохотные пометки на полях: еще ни разу оттиск не возвращался в типографию без пометок ее отчима. Она прекрасно знала его почерк. Наклонная «р». Завиток на «ф». В самом низу оттиска она написала: «Исправлено. Боб Фаркуар».

На следующее утро она тщательно умылась, надела свое выходное платье. Непослушные локоны делали ее похожей на маленькую девочку.

Она отрезала их ножницами и повернулась к зеркалу посмотреть, что получилось. Намного лучше, но чего-то недостает — не хватает яркого мазка. Она пробралась в спальню. Отчим спал. Она открыла шкаф с одеждой матери. Там висело платье, которое та ни разу не надевала с тех пор, как стала жить на Баулинг-Инн-Элли, платье, которое было из «лучших дней», с бантом из красных лент на корсаже. Мэри-Энн взяла одну ленту, повязала ею волосы и посмотрела на себя в зеркало. Да, лента решила все проблемы.

Девочка тихо выскользнула из дома, чтобы мать и братья не увидели ее, и, зажав в руке свернутый оттиск, направилась к Флит-стрит.

Глава 3

Двери были открыты, и Мэри-Энн могла свободно разгуливать по цеху. Никто не обращал на нее внимания. Работал печатный станок. Она мельком взглянула на эту огромную деревянную махину, которая была установлена в длинной узкой комнате. Рядом со станком стояли двое рабочих и мальчик, подававший рабочим бумажные рулоны. Невдалеке о чем-то беседовали еще двое рабочих, и еще один мальчик постоянно бегал по лестнице в комнату на втором этаже и возвращался с новыми рулонами бумаги. Один из мужчин стал говорить громче, так как грохот станка заглушал его слова.

Напротив входа в печатный цех находилась дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Мэри-Энн постучала в эту дверь. В ответ раздалось раздраженное: «Войдите!» Девочка вошла в комнату.

— Что тебе надо?!

Обладатель этого раздраженного голоса оказался настоящим джентльменом. На нем был отлично сшитый сюртук, шелковые чулки и напудренный завитой парик, повязанный черной

лентой.

— Я пришла с запиской от моего отца. Он заболел.

— Кто твой отец?

— Роберт Фаркуар.

Джентльмен пожал плечами и отвернулся. Сидевший рядом с ним мужчина, в чулках грубой вязки и без парика, принялся объяснять:

— Боб Фаркуар, господин Хьюэс. Один из наших лучших работников. Наборщик и корректор. Какое несчастье. — Он повернулся к девочке. — Что случилось с твоим отцом?

— Ему стало плохо вчера вечером. Доктор говорит, что он сможет вернуться на работу только через несколько недель.

— Вычеркни его, — раздраженно проговорил джентльмен. Он стоял у окна и полировал ногти. — Мы запросто найдем замену. Выдай девочке недельное жалованье, и пусть она уходит домой.

Но второй мужчина казался обеспокоенным.

— Мне было бы жаль потерять такого работника, сэр. Он уже много лет работает у нас.

— Ничем не могу помочь. Я не могу содержать больных работников.

— Да, сэр. — Мужчина вздохнул и, открыв ящик стола, достал деньги. — Скажи своему отцу, что

нам очень жаль и, если он надумает зайти к нам после того, как поправится, мы попробуем ему подыскать какую-нибудь работу. Но обещать мы ничего не можем. Вот его жалованье за неделю.

— А вы господин Дей?

— Да.

— Значит, это вам я должна отдать оттиск.

Она протянула ему драгоценный свиток и стала наблюдать, как мистер Дей разворачивает его. Она заметила, что он бросил взгляд на подпись.

— Твой отец внес правки вчера вечером до того, как ему стало плохо?

— Да.

— И здесь убыток, господин Хьюэс. Боб Фаркуар обычно брал оттиски домой, и мы экономили на заработной плате второму рабочему.

— Значит, теперь тот, кто согласится на сверхурочные, будет оставаться здесь после работы и вносить правку. Отдай девочке деньги и прогони ее.

Господин Дей протянул Мэри-Энн деньги.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Мэри-Энн взяла деньги и вышла из комнаты. Но домой она не пошла. Выйдя на улицу, она отошла на несколько шагов и принялась ждать, пока наконец не увидела, что господин Хьюэс

вышел из типографии и направился вверх по Флит-стрит. После этого она вернулась и вновь постучала в дверь с табличкой «Посторонним вход запрещен». Ей разрешили войти. Господин Дей что-то писал.

— Опять ты? — сказал он, удивленно взглянув на нее. — Я же отдал тебе деньги.

Мэри-Энн плотно затворила за собой дверь:

— Скажите, с оттиском все в порядке?

— Что ты имеешь в виду? Он чистый. Ты что, уронила его по дороге?

— Нет. Я имею в виду, хорошо ли сделаны исправления?

— Да. Его уже отправили в печатный цех.

— И ошибок нет?

— Нет. Твой отец всегда очень внимателен. Потому-то мне и жаль терять такого работника. Но, как ты успела заметить, господина Хьюэса трудно в чем-то убедить.

— Если кто-нибудь из рабочих будет вносить правки здесь, в типографии, ему придется задерживаться после работы и он попросит, чтобы ему платили за сверхурочные. Правильно?

— Да. Но это все равно будет меньше, чем те деньги, что мы платим твоему отцу за полный рабочий день.

— Эта сумма за сверхурочные дала бы возможность нашей семье не умереть с голоду и помогла бы моему больному отцу встать на ноги.

Управляющий уставился на девочку:

— Это отец просил тебя сказать?

— Нет. Я сама так подумала. Если я буду забирать оттиски домой и по утрам приносить их в типографию, вас ведь это устроит, не правда ли? И может, не надо говорить об этом господину Хьюэсу?

Господин Дей улыбнулся. Девочка тоже улыбнулась. Ей действительно очень шла красная лента.

— Почему ты не предложила это, когда здесь был господин Хьюэс?

— Господин Хьюэс велел бы мне убираться отсюда.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Ты ходишь в школу?

— Нет. У моего отца нет денег, чтобы платить за обучение.

— Ты могла бы ходить в воскресную школу.

— Моя мама говорит, что у детей, которые ходят в воскресную школу, слишком вульгарные манеры.

Господин Дей укоризненно взглянул на нее:

— Ты вырастешь невеждой, если не будешь учиться. Каждый ребенок должен уметь писать и читать.

— Я умею и читать, и писать. Я сама научилась. Могу ли я вернуться домой и сказать отцу, что вы будете платить ему за правку, пока он не выздоровеет?

Господин Дей колебался. Он вновь скользнул взглядом по красной ленте в ее волосах, посмотрел в ее огромные глаза. Его удивляла ее необъяснимая уверенность.

— Ну ладно, — наконец проговорил он, — даю неделю. Посмотрим, что получится, хотя я не совсем понимаю, как больной человек будет делать правку. Ведь такая работа требует огромного внимания.

— Конечно, сэр. И я, и отец понимаем это.

— Ты думаешь, у него достаточно сил для работы? Надеюсь, у него не удар, или лихорадка, или что там еще?

— О нет.

— Но что же с ним такое?

— Он… он сломал ногу. Он упал с лестницы.

— Понятно. Хорошо, приходи сегодня вечером, и я дам для него оттиск. До свидания.

Когда Мэри-Энн вернулась домой, отчим все еще лежал в постели. Окна были закрыты, а шторы опущены, чтобы в комнату не проникала уличная вонь.

— Только что приходил доктор, — сообщила мать. — Сказал, что помочь ему могут только покой и тишина. Ты виделась с господином Деем?

— Да, он просил не беспокоиться. Он будет платить пять шиллингов в неделю, пока папа болеет.

— Пять шиллингов просто так? Как это великодушно!

— Он сказал, что папа — один из лучших работников.

Девочка поднялась наверх и спрятала красную ленту.

В течение последующих трех недель втайне от всей семьи Мэри-Энн правила оттиски и относила их управляющему. Но однажды, в начале четвертой недели, вернувшись с прогулки с братишками, она услышала голос отчима, звавшего ее из своей душной темной спальни.

— Только что ушел господин Дей.

— О-о.

— Он почему-то был очень изумлен. Он решил, что у меня сломана нога.

— Это я ему так сказала. Мне казалось, что сломанная нога звучит гораздо лучше, чем апоплексия.

— Но и апоплексии у меня нет. У меня был самый обыкновенный тепловой удар.

— С тепловым ударом ты не смог бы править оттиски.

— Конечно.

Мэри-Энн молчала. Она попалась в ловушку, расставленную Бобом Фаркуаром.

— Господин Дей поблагодарил меня за правку этого оттиска. А я сказал ему, что никакой оттиск я не правил. Потом я догадался, что это твоя работа. Ты хоть на минуту задумывалась, за сколь рискованное дело ты берешься? Ну две, ну три ошибки — но не полдюжины.

— Прежде чем отнести оттиск в типографию, я просмотрела его четыре раза, потом еще раз при дневном свете.

— И ошибок не было?

— Нет. Иначе господин Дей сказал бы мне.

— Ну ладно, теперь он знает, что ты правишь оттиски.

— И что же он сказал? Что он со мной сделает? Ты потеряешь работу?

— Иди в типографию и поговори с ним.

Мэри-Энн опять надела выходное платье и повязала волосы красной лентой. Чарли, следовавший за ней как тень, с беспокойством наблюдал за ее переодеванием.

— Господин Дей узнал, что ты наделала. Он побьет тебя.

— Нет, не побьет. Я уже вышла из того возраста, когда меня можно было бить.

— Ну, так еще что-нибудь сделает.

Она не ответила. Она выскочила из дома и побежала по Ченсери-лейн по направлению к Флит-стрит. Ее сердце бешено стучало. А если там будет господин Хьюэс? Уж он точно прикажет высечь ее. Он даже сам может ее выпороть.

Но господина Хьюэса на месте не было. В комнате сидел только господин Дей, управляющий.

Со смиренным видом Мэри-Энн остановилась у двери. Господин Дей держал в руке несколько испорченных оттисков, свернутых в трубки. По всей видимости, она на самом деле пропускала ошибки.

— Послушай, Мэри-Энн, — проговорил управляющий. — Как я понял, ты пыталась всех нас одурачить.

— Нет, сэр.

— Зачем ты обманывала меня?

— Нам нужны были деньги.

— Еще до болезни твой отец говорил мне, что ты уже много раз сама правила оттиски. Зачем ты это делала?

— Мне нечего было читать.

— Но девочкам не положено читать то, что написано в газетах.

— Вот поэтому мне и нравится читать оттиски.

Господин Дей закашлял и отложил оттиски в сторону. Мэри-Энн гадала, что он собирается делать. Очевидно, сейчас накажет ее.

— Сколько же из того, что ты читаешь, тебе понятно?

— Не знаю.

— А что, к примеру, мы печатали на прошлой неделе про премьер-министра?

— Вы писали, что Билли Питт слишком крепко держит в руках вожжи, чтобы его можно было вышибить из седла, а Чарли Фоксу гораздо полезнее играть на Сент-Джеймс-стрит в теннис с принцем Уэльским и господином Маклоу, владельцем корта. Я не совсем уверена, но мне кажется, что здесь какой-то скрытый смысл.

Господин Дей был ошарашен и посмотрел на девочку с еще большим неодобрением.

— Ты хотя бы не понимаешь газетный жар-

гон! — воскликнул он.

— Я знаю, что значит «взять крученый».

— И что же это значит?

— На самом деле это выражение теннисистов. Но когда оно употребляется в газете, оно обозначает «облапошить простака».

Господин Дей удивленно поднял брови.

— У нас с твоим отцом был долгий разговор, — сообщил он, — и я сказал ему, что мы с радостью примем его на работу, когда он поправится. Но ты не должна больше править оттиски. Во всяком случае, сейчас. Вместо этого ты пойдешь в школу.

— В школу?

— Да. Не в воскресную, а в пансион для благородных девиц, который находится в Хэме в Эссексе.

Мэри-Энн изумленно смотрела на господина Дея. Может, он повредился в рассудке?

— Я не могу ехать туда, — наконец сказала она. — У моего отца нет денег, чтобы платить за мое обучение, да и мама не отпустит меня из дома.

Господин Дей поднялся. Во взгляде больше не было осуждения. Он улыбался.

— Я предложил платить за твое обучение, —

признался он. — Я думаю, девочка с такими способностями должна учиться. У меня есть дочка, ей столько же лет, сколько тебе, и она учится в этом пансионе. Уверен, что тебе там понравится.

— А господин Хьюэс знает?

— Это наше личное дело. Оно совершенно не касается господина Хьюэса.

Управляющий нахмурился. Странно, что девочка спросила об этом. Конечно, он не собирался сообщать об этом господину Хьюэсу, потому что господин Хьюэс плохо думает о людях и скажет своему управляющему, что эта маленькая плутовка, которой на вид можно было дать пятнадцать и которая повязывает волосы красной лентой, обвела его вокруг пальца.

— Вы очень добры, — сказала Мэри-Энн, — но для чего вам это нужно?

— Через два года мы обсудим с тобой этот вопрос, — ответил он.

Он проводил ее до двери и пожал руку.

— Но раз пансион предназначен для благородных девиц, значит я тоже стану благородной? — спросила девочка.

— Да, если будешь хорошо учиться.

— А мне нужно учиться правильно говорить?

— Обязательно.

Девочка была безмерно счастлива. Начиналось что-то новое, начиналось приключение. Уехать из дома, оставить этот переулок, стать благородной девицей — и все только потому, что она совершила то, чего от нее никто не ожидал. Она обманула господина Дея, а господин Дей собирается платить за ее обучение. Значит, обман окупается.

— На неделе я навещу твоих родителей, — сказал он. — Кстати, как я понимаю, Боб Фаркуар тебе вовсе не отец, а отчим. Твоего отца звали Томпсоном. Какое из этих двух имен ты хотела бы выбрать?

Мэри-Энн быстро соображала. Дворянин из Абердина. Дворянин, прикомандированный к войскам. Дворянин, с которым мать провела «лучшие дни». Об этом можно было бы рассказывать девочкам в пансионе, если бы не фамилия Томпсон. Томпсонов очень много. Мэри-Энн Томпсон. Мэри-Энн Фаркуар. «Фаркуар» звучит лучше, к тому же где-то на заднем плане вырисовываются неясные очертания Маккензи.

Глава 4

Мэри-Энн было пятнадцать с половиной лет, когда воспитательница, очень добрая женщина, следившая за девочками в пансионе в Хэме, сообщила господину Дею, что его протеже закончила обучение. Мэри-Энн научилась хорошо читать, правильно говорить, у нее выработался великолепный почерк. Она приобрела глубокие познания в области истории и английской литературы. Она научилась шить и вышивать, рисовать, играть на арфе.

Но она слишком зрелая для своего возраста, что создает некоторые проблемы воспитательницам. Яркая внешность мисс Фаркуар привлекает внимание жителей окрестностей. На нее глазеют в церкви. Ее провожают долгими взглядами на улице. Ей через стену бросают записки. Какой-то молодой человек подавал ей знаки из окна дома, стоявшего напротив пансиона, и говорили, что мисс Фаркуар отвечала ему. Подобные происшествия будоражат это почтенное учебное заведение. Господин Дей, без сомнения, поймет все правильно, заберет свою подопечную и передаст ее на попечение родителей.

Господин Дей, который прибыл в Хэм в почтовом дилижансе, ни капли не удивился, когда услышал, что люди таращатся на Мэри-Энн в церкви. Он и сам не мог оторвать от нее глаз. Ее никто не назвал бы красавицей, но вздернутый носик и что-то в ее постоянно меняющемся взгляде придавали ей особую живость и очарование. Она понятия не имела о девичьей скромности. Она без всякого смущения бросилась к нему навстречу и принялась расспрашивать, как ему работается в качестве редактора.

— Нам разрешили читать «Морнинг пост», — сообщила она, — но для меня эта газета слишком скучна. Обо всех новостях можно узнать из «Паблик эдвертайзер». Когда нас отпускали в город, я обычно ее и покупала, а потом прятала под подушкой. К тому же мне ужасно не хватало ваших памфлетов и светских сплетен. Я слышала, что герцог Йоркский собирается жениться на германской принцессе с соломенными волосами. Теперь он не будет драться на дуэлях. А королю, как и раньше, не нравится господин Питт, и тори очень нервничают оттого, что французы так часто отрубают головы и мы можем этим от них заразиться.

Господин Дей подумал, что жизнь дома пока-

жется его протеже ужасно скучной. Он понимал, что не может пойти на риск и посадить ее работать в типографии: печатный станок остановится, и они не выпустят больше ни одной газеты. Лучше всего этой молодой женщине — он не мог больше называть ее девочкой — стать его экономкой. Он вдовец, а его дочь все еще живет в пансионе в Хэме. Из Мэри-Энн получится великолепная экономка, а потом, со временем, если его отношения с ней станут более теплыми, он подумает о дальнейших шагах. Только пока рано делиться с ней своими планами. Первым делом она должна вернуться домой и встретиться с родителями. Он ни секунды не сомневался в том, что очень скоро жизнь с ними утомит ее.

За три года у Фаркуаров произошли некоторые изменения. Они переехали из обшарпанного дома на Баулинг-Инн-Элли в новый, более просторный дом на Блэк-Рейвен-Пессидж, рядом с Керситор-стрит. Дом принадлежал господину Томасу Бурнеллу, известному резчику по камню и мастеру масонской ложи. Его контора находилась на первом этаже. Трое братьев Мэри-Энн все дни проводили в школе, дома оставалась только Изабель. Боб Фаркуар, такой же заботливый и добродушный, сильно растолстел, стал еще вуль-

гарнее, обленился и гораздо чаще, чем раньше, прикладывался к бутылке.

Мэри-Энн пыталась поговорить об этом с матерью, но та, замкнувшись в себе, дала понять, что у нее нет желания обсуждать подобные вопросы.

— У любого мужчины есть недостатки, — только и ответила она. — Не один, так другой.

Под «другим», как предположила Мэри-Энн, подразумевались женщины. Ее отчим иногда возвращался домой очень поздно, и, когда она видела, как он виновато отводит глаза и еле держится на ногах, у нее возникало желание ударить его. Страдальческое выражение теперь никогда не покидало ее мать. Она безмолвно жаловалась, и сердце Мэри-Энн разрывалось от жалости к обоим. Она была молода и весела, жизнь била в ней ключом, и ей очень хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Однако целыми днями она вытирала в доме пыль, учила Изабель считать, ходила по магазинам. Ей пока еще нравилось, что ее везде сопровождает Чарли, однако она стала все чаще обращать внимание на разницу в возрасте. Она смотрела на него глазами взрослой женщины, и, когда он начинал упрашивать ее рассказать сказку, вместо историй о сорока пяти и серебряной пуговице она рассказывала о своих

любовных приключениях в Хэме.

— Ну а потом что было?

— Естественно, я не ответила на его письмо. Я его выбросила.

— Это с ним ты встречалась в церкви?

— Нет, с другим.

— А кто из них тебе больше всего понравился?

— Никто. Ведь они всего-навсего мальчишки.

Но махать из окна своим поклонникам было довольно интересно, а на Блэк-Рейвен-Пессидж махать было некому.

После Рождества Боб Фаркуар, который последнее время приходил домой часа в три ночи, не пришел вовсе. Никто его не видел. Он не появлялся ни в типографии, ни в кофейне, ни в пивной. Решили, что с ним случилось несчастье, стали наводить справки, но все безрезультатно. Наконец через восемь дней, когда его безутешная вдова уже подбирала креп на траурное платье, от него пришла коротенькая записка, в которой сообщалось, что Боб Фаркуар ушел из дома навсегда, что в типографии он больше не появится и что он будет жить с одной женщиной в Дептфорде.

Госпожа Фаркуар, обессиленная, рухнула в кресло. Она призналась, что у нее уже давно были кое-какие подозрения. Ей удалось за эти

годы скопить немного денег на черный день. И черный день пришел. Но сэкономленных денег надолго не хватит. Нужно было что-то делать.

— Но ему придется давать тебе денег, — сказала Мэри-Энн. — Суд заставит его.

— Нет такого закона, который может заставить человека делать то, что он не хочет.

— Значит, надо изменить законы, — заключила Мэри-Энн.

Несправедливость. Всегда в отношениях между мужчиной и женщиной царит несправедливость. Мужчины издают законы, которые устраивают их самих, а женщины страдают от этих законов. Существует единственный способ одержать верх над мужчинами: противопоставить им всю свою хитрость и коварство и выйти из этой битвы победительницей. Но когда, и как, и где?

— Если бы мне удалось найти богатого человека, я завтра же ушла бы к нему, — сказала она господину Дею.

Господин Дей не ответил. В тот момент, когда она произносила эти слова, она была очаровательна. Его так и подмывало сделать ей предложение определенного рода, но он проявил осторожность. Ему самому еще надо было привыкнуть к этой мысли. К тому же не хотелось,

чтобы к нему в дом переехала и госпожа Фаркуар, и весь выводок неуправляемых мальчишек. У него были совсем другие планы.

— Конечно, — сказал он, — твоя мать сможет сослаться на свой статус замужней женщины, когда торговцы потребуют от нее уплаты по счетам.

— Что значит «статус замужней женщины»?

— Это когда муж, а не жена несет ответственность за оплату счетов. Никакие претензии не могут быть предъявлены жене.

Это было уже кое-что. Однако легче им не стало, так как все лавочники, узнав, что ее отчим бросил мать, уведомили, что больше не будут отпускать ей товар. К тому же нечем было платить за квартиру. Господин Бурнелл выкинет их на улицу. Надо бы увидеться с ним. Может, ей удастся уломать господина Бурнелла.

— Можно, я пока буду править оттиски? — умоляла она господина Дея. — Я же делала это. И сейчас могу.

Она так просила, что господин Дей не смог отказать, но он поставил условие, что забирать и относить оттиски будет Чарли. Нечего молодой девушке болтаться по Флит-стрит.

Следующим шагом Мэри-Энн было выяснить у господина Бурнелла, могут ли они оставаться на

Блэк-Рейвен-Пессидж.

Господин Бурнелл жил в прекрасном доме в другой части города, а контора на Блэк-Рейвен-Пессидж была ему удобна только потому, что она была расположена рядом с его каменоломней на Керситор-стрит. Томас Бурнелл приобрел известность своей отделкой нескольких церквей и недавно был назначен каменщиком Внутреннего Темпля. Он давно добивался этого доходного места, которое, как ему было известно, стало предметом зависти всех его коллег. Весть о его новом назначении разнеслась мгновенно, и господин Бурнелл как раз принимал поздравления от посетителей, когда к нему в контору вошла Мэри-Энн. Он был очень занятым человеком, поэтому едва ли замечал, как идет жизнь у Фаркуаров. Вполне приличные люди, считал он, не доставляют ему никаких неприятностей, платят всегда вовремя — большего от них и не требуется. Он пару раз видел их дочь, когда она вернулась из пансиона, но никогда не приглядывался к ней. Должно быть, это она и есть, пришла поздравить его с новым назначением.

— Вы — мисс Фаркуар? Да. Я не был уверен… Большое спасибо… Вы очень любезны…

Ну, прямо-таки настоящая молодая дама — да-

же удивительно. Отец-то у нее самый обычный рабочий. Итак, она знает о скульптурах в Калворте и в Марстон-Сен-Лоуренсе? Читала о них в газетах? Приятно, что запомнили. Да, действительно, его работа в Калворте оказалась самой удачной.

Он не сразу сообразил, что посетители уже ушли и мисс Фаркуар рассказывает о своем отчиме-негодяе, который бесследно исчез, не оставив им ни гроша, чтобы заплатить за квартиру.

— Вот я и спрашиваю, господин Бурнелл, не собираетесь ли вы теперь, когда у вас так много работы во Внутреннем Темпле, взять себе подмастерьев? Но ведь их придется кормить, им надо где-то жить. Насколько мне известно, моя мать с радостью разместит их в нашей квартире — ведь оттуда рукой подать до вашей мастерской на Керситор-стрит. Если вас это устроит, мы будем платить за квартиру по-старому, а вам не придется искать новых квартиросъемщиков.

Она говорила очень быстро, на ее личике светилась обезоруживающая улыбка, и он внезапно обнаружил, что соглашается со всеми ее предложениями. Конечно, он будет нанимать подмастерьев. Сколько комнат они смогли бы выделить для учеников? Наверное, только две,

призналась она, но двум постояльцам будут обеспечены все удобства. Когда постояльцев больше двух — это уже толпа, господин Бурнелл сам это понимает, и они могут буянить и хулиганить, а любой скандал только повредит репутации господина Бурнелла.

У господина Томаса Бурнелла даже не было времени высказать свои сомнения. И не успел он серьезно задуматься над ее предложением, как Мэри-Энн уже все решила сама, заплатила ему вперед за три месяца (эти деньги она одолжила у господина Дея), скрепив тем самым только что заключенную сделку, и поднялась наверх, чтобы сообщить матери о том, что им придется несколько потесниться. Господин Бурнелл подумал, что все само решится по ходу дела, к тому же это не так уж и важно. Что значат эти пустяки на Блэк-Рейвен-Пессидж по сравнению с грандиозными событиями во Внутреннем Темпле.

Однако Мэри-Энн пришлось столкнуться с трудностями. Ее мать всегда настороженно относилась к любым новшествам.

— Постояльцы! — воскликнула она. — Они будут ходить в грязных башмаках и повсюду раскидывать свое барахло.

— Твои сыновья давно так поступают. Ну, еще

двое — разница невелика.

— А в какие комнаты мы их поселим?

— На чердаке есть две отличные комнаты.

— Я не представляю, как буду их кормить. У них наверняка зверский аппетит.

— Они будут платить в соответствии со своими аппетитами, не забывай об этом.

— Не знаю, что и сказать, Мэри-Энн. Постояльцы. Нам не пристало держать постояльцев.

— Нам не пристало голодать под забором. А именно это нам и предстоит, если мы не возьмем постояльцев.

— Мне кажется, тебе надо посоветоваться с господином Деем.

— Господина Дея это не касается.

Госпожа Фаркуар протестовала, мальчики ворчали, но Мэри-Энн делала так, как считала нужным. Чердак почистили, помыли, развесили на окнах занавески, в магазине в Холборне заказали циновки и все расходы записали на счет господина Бурнелла.

— Очень хорошо, очаровательно, — заключил господин Бурнелл после тщательного осмотра обеих чердачных комнат, не ведая, что платить за это придется ему. — Посмотрим, что получится из этой затеи. Одним постояльцем будет Джеймс

Бертон, шотландец, как и вы, госпожа Фаркуар. Он подает большие надежды. Ему нужно на время где-то устроиться — вот я и предложил ему остановиться здесь. А второй — это мой новый подмастерье. Его зовут Джозеф Кларк — он сын моего старого друга, может, вы слышали о нем, Томас Кларк, строитель в Сноу-Хилле. И один и другой — очень уважаемые люди, с ними у вас не будет никаких хлопот.

И господин Бурнелл с головой погрузился в свою работу во Внутреннем Темпле, а госпожа Фаркуар превратилась в комок нервов.

— Вряд ли эти господа ожидают, что их поселят на чердаке, — сказала она. — Стоит им только взглянуть на комнаты, как они тут же сбегут.

— Глупости! — отрезала Мэри-Энн. — Шотландцы всегда думают только о своем кармане, а у нас тут дешевле, чем где бы то ни было. Если второй постоялец молод, он будет крепко спать, а ты знаешь: чем жестче постель, тем слаще сны. Но только не упоминай слова «чердак». Комнаты на третьем этаже.

Несколько заключительных штрихов: пара картинок на стене, красиво поддернутые занавески, поправленное зеркало. Осталось только встретить новых жильцов.

К сожалению, Мэри-Энн не было дома в тот самый момент, когда прибыли господин Бертон и господин Кларк. Она планировала, что они с матерью примут их в гостиной (которую раньше называли общей комнатой — но этого названия в Хэме никто не упоминал) и после непродолжительной светской беседы она проводит молодых людей на третий этаж и даст им возможность разобрать вещи. А потом они спустятся к обеду, вовсе не к ужину, который будет подан в шесть.

Судьба распорядилась иначе. Забежав в типографию на Флит-стрит к господину Дею, чтобы занять еще денег, Мэри-Энн вернулась домой позже, чем рассчитывала. Она нашла свою мать в страшном возбуждении.

— Они приехали, — сообщила та, — я не очень хорошо представляла, что мне надо делать, поэтому сразу же проводила их в комнаты. Один из них вскоре спустился и сказал, что обедать не собирается. Второй все еще наверху, он дважды вызывал меня. Один раз, чтобы сказать, что шкаф слишком мал, а второй — чтобы спросить, кто будет чистить ему ботинки. Может, я проявила слабость, но я попросила его подождать твоего возвращения, сказала, что ты все уладишь.

Щеки госпожи Фаркуар заливал яркий румя-

нец, ее грудь часто вздымалась от постоянной беготни вверх и вниз по лестнице.

— Ты все сделала правильно, — сказала Мэри-Энн. — Я разберусь с ним. — Она положила руку на перила и помолчала. — Что они собой представляют? — наконец прошептала она.

— Я не очень хорошо разглядела того, кто ушел, — ответила госпожа Фаркуар, — а второй — высокий и темноволосый.

Сверху послышались глухие удары. Постоялец колотил в дверь. Госпожа Фаркуар забеспокоилась.

— Это значит, ему что-то понадобилось, — сказала она. — Те два раза он тоже так стучал.

Мэри-Энн стала подниматься наверх. Ее глаза гневно сверкали, она была готова к сражению. Не успела она добраться до верхней площадки, как одна из дверей чердачных комнат распахнулась и перед Мэри-Энн возник молодой человек в рубашке из тонкого полотна и с шелковым галстуком.

— А! — воскликнул он. — Вы вовремя! Я начал уже бояться, что мне придется босиком скакать по этим лестницам. У меня грязные ботинки. Не могли бы вы их почистить?

Мэри-Энн внимательно оглядела его. Ей очень

хотелось дать ему пощечину, изо всей силы. Ее совершенно не волновало, что перед ней очень красивый молодой человек. В первую очередь нужно думать о деле и о том, что она в этом доме хозяйка.

— Мы можем предоставить вам эту услугу, — холодно проговорила она, — но она не входит в плату за жилье и питание. За это вам придется платить особо.

Она отдаст его ботинки Чарли, или Джорджу, или Эдди. Мальчики будут чистить их по очереди. Работать они могут позади кухни — там их никто не увидит.

— Меня не волнует, кто чистит мои ботинки, — проговорил молодой человек. — Главное, чтобы этот человек хорошо выполнял работу. Я очень привередлив.

Он чувствовал себя неуютно под ее холодным взглядом. Он ожидал, что явится простая служанка. Но то, что он увидел, заставило его на мгновение потерять дар речи.

— Прошу прощения, — сказал он, — но с кем я имею честь разговаривать? Меня зовут Джозеф Кларк. К вашим услугам.

— Я Мэри-Энн Фаркуар, — ответила она. — Я веду все дела в доме. Как я понимаю, ваш това-

рищ будет обедать в городе. Вы тоже пообедаете в городе?

Мгновение он колебался. Он скосил глаза на разбросанные по всей комнате вещи: на свален-ные на кровати фраки, галстуки — он готовился выйти в город и зайти в какой-нибудь ресторан. Потом он перевел взгляд на Мэри-Энн.

— Нет, — ответил он. — Если вас не затруднит, я предпочел бы пообедать дома.

Глава 5

В первый же вечер Джозеф Кларк дал им всем понять, что ему не обязательно зарабатывать себе на жизнь. Его отец достаточно богат, поэтому молодой человек может позволить себе побездельничать. Но у него есть талант, а его отцу не хотелось бы, чтобы талант сына пропадал попусту. Вот поэтому он и появился у Томаса Бурнелла.

— Естественно, — беспечно разглагольствовал он, — меня ничто не связывает. Я не такой, как обычные подмастерья. Я уйду от Бурнелла когда захочу и, возможно, заведу свое дело. Я еще не решил.

Фаркуары разглядывали его с большим интересом. Мальчики, которые впервые в жизни сели к столу с вымытыми руками и уложенными на прямой пробор волосами, сидели молча, выражая безмерное уважение. Изабель же молчала потому, что испытывала благоговейный трепет перед ним. Их мать, крайне возбужденная тем, что впервые за много лет в их доме произошло такое интересное событие, пыталась вспомнить, в какой момент подавать вино и будет ли с точки

зрения этикета правильно, если она подаст к столу сыр. К счастью, все ее ошибки исправляла дочь. Если кто-то из мальчиков тянул руку через стол, его встречал нахмуренный взгляд. Если кто-то из них нечаянно икал, то получал пинок под столом. Вторая порция, которую попыталась взять Изабель, была выхвачена у нее из-под носа и с улыбкой передана постояльцу.

Постоялец ничего не замечал. Он был слишком увлечен рассказом о самом себе.

— Мой отец ушел в отставку, — говорил он, — и теперь делом в Сноу-Хилле управляют мои братья. Они процветают. Мой младший брат только что поступил в Кембридж. Он собирается стать священником. А вы когда-нибудь встречались с моим дядюшкой, олдерменом Кларком? В один прекрасный день он обязательно станет лорд-мэром Лондона.

Постоялец пил вино: он гурман. Постоялец отказался от сыра: он разборчив. Да, действительно (в ответ на вопрос госпожи Фаркуар), он никогда не ест ничего жирного. У него очень нежный желудок. Нежный ребенок превратился в утонченного и изнеженного молодого человека.

Есть еще одна причина, почему он не может долго работать, — он быстро устает. Но тогда луч-

ше жить в деревне, на свежем воздухе, не так ли? Постоялец сморщился от отвращения. В деревне он с ума сошел бы от скуки. Чем же он занимается в свободное время? Он сознался в своем пристрастии к азартным играм, но только когда за столом сидят умелые игроки и когда ставки высоки. В некоторой степени его интересуют скачки. В прошлом сезоне он уговорил своего старшего брата купить коляску. Они заключили пари, что доскачут на ней до Брайтона, и выиграли двести фунтов. Ему нравится музыка, ему нравится петь, посещать игорные заведения. Политика его не интересует, не стоит тратить время на обсуждение событий дня.

— Мы пришли в этот мир для того, чтобы развлекаться, — сообщил он, — делать то, что нам нравится. Вы согласны, мисс Фаркуар?

Мисс Фаркуар была согласна. Обед еще не закончился, а она уже успела забыть, что он просил ее почистить ему ботинки. Этот молодой человек с печальными глазами, с римским носом, с томными манерами так отличался и от прыщавого мальчика, который глазел на нее в церкви, и от долговязого юнца, который так страстно махал ей из окна дома, стоявшего напротив пансиона в Хэме.

Во Франции таким, как он, отрубают голову. Он, должно быть, сбежал с повозки для осужденных. Каждый его жест был исполнен романтики. Позже, когда обед закончился и мать, помахав им рукой, исчезла на кухне вместе с мальчиками и Изабель, они оказались вдвоем и он признался ей, что после смерти матери он был очень несчастен в доме отца.

— Мой отец никогда не понимал, что у человека может меняться настроение, — говорил он, — сейчас оно хорошее, а через мгновение можно впасть в депрессию. Единственное, что имеет вес в его глазах, — это твердое соблюдение всех установленных правил. Временами от усталости я прямо обессилевал. Он называл это бездельем. Мне нужно приятное общество, которое вдохновляло бы меня. А он считал, что я общаюсь со всякими подонками. Все дело в том, что меня никто не понимает.

Мэри-Энн внимала ему, приоткрыв рот от восхищения. В течение трех лет она слушала только болтовню девочек, и единственным мужским голосом был голос ректора из Хэма, который по воскресеньям приезжал в пансион. Давным-давно ей было интересно слушать споры приятелей ее отчима, но сегодня все было по-другому.

Впервые в жизни она была наедине с красивым молодым человеком, который горел желанием излить кому-нибудь душу. Сердце возобладало над разумом.

— Когда я сегодня вечером увидел тебя на лестнице, я почувствовал, как между нами возникло взаимное влечение. А ты?

Тогда ей хотелось дать ему пощечину, но сейчас это не имело значения. Что было, то прошло. Вино, которое редко появлялось у них в доме, развязало ей язык.

— Честно говоря, из тех, кого я знаю, мне никто не нравится, — ответила она. — Помогать матери вести хозяйство — скучно. Мне хочется большего от жизни.

Чего же ей хотелось? Она не знала. Но когда она заметила его восхищенный взгляд, какое-то неведомое чувство зашевелилось в ней. Девушку, только что покинувшую закрытый пансион, опьяняла близость этого молодого человека, который объединял в себе и художника, и джентльмена. Благообразные манеры Хэма смягчили на некоторое время остроту восприятия девочки из низших слоев лондонского общества. К пятнадцати годам ее чувственность обрела полную силу, сердце забилось чаще, но интуиция притупилась.

Мэри-Энн созрела для своего первого любовного приключения. В этот момент ей подошел бы любой. Рабочий из типографии господина Хьюэса; сын мясника; незнакомец, который, выйдя из дилижанса в Холборне, приподнял бы при виде нее шляпу, — все эти образы были основой ее мечты, а сейчас мечта приобрела конкретные очертания в лице Джозефа Кларка, двадцати одного года от роду.

Необходима была только близость, возможность жить под одной крышей. Блэк-Рейвен-Пессидж была не намного шире, чем Баулинг-Инн-Элли, но со ступенек нового дома луна казалась красивее. Небо было бездонным, а сточные канавы не так бросались в глаза. Из окна чердачной комнаты были видны звезды, и можно было не обращать внимания на то, что взбесившийся от ревности младший брат стучит снизу в потолок.

Джеймс Бертон, второй постоялец, не мешал им. Ему было тридцать, он много работал, у него было много друзей, и приходил он только ночевать. Джозеф и Мэри-Энн были предоставлены самим себе.

Первый поцелуй удивил ее. Еще девочкой ее не раз тискали сверстники с Баулинг-Инн-Элли, они хихикали, щипали друг друга. Так, дурач-

ство. Сейчас же Мэри-Энн столкнулась с иным. Джозефу Кларку, подмастерью, еще предстояло показать, чего он стоит как резчик по камню, но ему не нужны были никакие доказательства его мастерства как любовника. Он не был ни груб, ни резок, он был решителен. Невинные поцелуи не для него, он никогда не будет бормотать: «Прости меня».

Мэри-Энн в полной мере познала сладкую муку и восторг первого объятия. Ошеломленная, счастливая, она вернулась в свою комнату. Но внутренний голос предупреждал ее: «Мама не должна об этом знать».

И Чарли, полный подозрений, подглядывавший через приоткрытую дверь, Чарли, который заметил, что у него носки рваные, а у постояльца — заштопанные, что ему за обедом подают куриную ножку, а постояльцу — белое мясо, — он тоже не должен знать.

Мэри-Энн влюбилась. Она могла думать только о Джозефе. Когда Джозефа не было, день тянулся бесконечно. Она выдумывала различные предлоги, чтобы несколько раз на дню забежать к нему в мастерскую. Он бросал работу и приближался к ней медленной и легкой походкой, приводившей ее в восхищение. Они стояли возле стены и раз-

говаривали, и она знала, что другие подмастерья разглядывают, оценивают ее, соединяют их имена, и это еще больше возбуждало.

Однако мир взрослых отнесся к этой первой любви враждебно, неодобрительно. Первую любовь нужно прятать от посторонних глаз.

— Ты вчера очень поздно легла. Я слышала, как ты закрывала дверь. Чем ты занималась?

— Я болтала с Джозефом Кларком.

— А господин Бертон был с вами?

— Нет… Он ушел.

Ее слова были встречены молчанием и холодным взглядом. Больше ничего сказано не было, но Мэри-Энн вспомнила о том молчании, о тех холодных взглядах, которыми мать провожала Боба Фаркуара, когда тот брал свою трость и отправлялся подышать свежим воздухом. Теперь она понимала его и сочувствовала. Все нужно держать в тайне.

— Госпожа Фаркуар, вы позволите мне пригласить мисс Мэри-Энн прогуляться со мной после обеда? Обидно сидеть в доме, когда на улице такая восхитительная погода.

— Прогуляться? Я думала, она побудет со мной. Нужно кое-что зашить, а она знает, что я плохо вижу.

— Мама, шитье можно оставить до утра, когда будет светло.

— Не понимаю, почему нужно отправляться на прогулку, когда дома так удобно.

Немой упрек, вздох, усталая рука, тянущаяся к корзинке с шитьем. Разве ее мать может знать, как прекрасно идти по Ладгейт-Хилл под руку с Джозефом Кларком, любоваться собором Святого Павла, залитым лунным светом? Мэри-Энн сделала знак своему возлюбленному, чтобы тот шел на улицу, и, дождавшись, когда мать примется за работу, Мэри-Энн выскользнула из дома.

— Можно мне с вами? — спросил Чарли, тоже не одобрявший ее поведения.

— Нет.

— Почему?

— Мы не хотим, чтобы ты шел с нами. — А потом, сжалившись: — Ну ладно, только до Флит-стрит.

Эта прогулка в толпе людей, спешащих в пивные и кофейни, служила оправданием позднего возвращения домой. Узкие переулки и тупики были для них пристанищем, темные подъезды — убежищем от дождя, бьющие полночь часы собора Святого Павла были эхом произнесенных слов:

— Мэри-Энн, я не могу жить без тебя.

— Но что нам делать? Куда нам деться?

Первый всплеск страсти и радость открытия сопровождались необходимостью соблюдать тайну, и это влекло за собой все возможные трудности — их приводил в ужас скрип двери, они рисковали свалиться с темной лестницы, спотыкались в темноте. Все эти звуки будили спящий дом. Из страха им приходилось спешить в те мгновения, которые должны были бы длиться вечно; они отказывались от ласки и нежности, чтобы успеть подойти к заключительному действу.

Их страсть росла, однако условия жизни не менялись. В их распоряжении была только гостиная. Именно здесь в одно апрельское утро госпожа Фаркуар, которая сделала вид, будто ее разбудил шорох крысы за стеной, а на самом деле давно обо всем подозревала, и нашла их, спустившись по скрипучей лестнице.

Бегство было невозможно. Их поймали с поличным. Сразу же полились слезы — но плакала не Мэри-Энн, а ее мать.

— Как же ты могла? Как ты могла забыть все, чему я учила тебя? Тайком красться по ночам в гостиную, как будто ты самая обыкновенная уличная шлюха. А вы, Джозеф Кларк, вы, сын

достойного человека, как вы посмели так вести себя в моем доме, зная, что у Мэри-Энн нет отца?

Весь дом был на ногах. Мальчики кубарем скатились вниз.

— Что случилось? Что они натворили?

Джеймс Бертон, сразу же смекнувший, в чем дело, быстренько убрался в свою комнату.

Позор. Она даже предположить не могла, что с ней случится такое. Ее тайна раскрыта, их застали вместе, ее поставили в глупое положение, заставив почувствовать себя виноватой нашкодившей девчонкой.

— Мне все равно, — заявила Мэри-Энн. — Я люблю его. И он любит меня. Мы собираемся пожениться. Не так ли, Джозеф?

Почему же он не отвечает? Почему у него такое глупое выражение? Что он там бормочет, будто не уверен в своем будущем, будто ему надо получить разрешение у отца, что они слишком молоды, чтобы жениться? Зачем он говорит, будто они действительно слышали крыс?

— Но это неправда. Мы не занимались поисками крыс. Мы действительно любим друг друга. И собираемся пожениться.

Мэри-Энн, чувствовавшая себя оскорбленной, резко повернулась к матери. Джозеф молчал,

его красивое лицо исказила слабая глуповатая улыбка.

Возможно, воспоминания о господине Томпсоне и о «лучших днях» придали госпоже Фаркуар новые силы. Она почувствовала, что в ней просыпается былая гордость.

— Никакой речи о свадьбе быть не может. Завтра же утром Джозеф Кларк уберется из моего дома. Я дам сопроводительное письмо к господину Бурнеллу. Мэри-Энн, тебе еще нет шестнадцати, поэтому ты находишься под моей опекой. Пожалуйста, отправляйся к себе в комнату.

Буря закончилась. Пришло время последствий. Мэри-Энн поднялась к себе и заперла дверь. Теперь настала ее очередь плакать. Слезы текли вовсе не потому, что ей пришлось перенести такой позор, — она вспоминала Джозефа, испуганного, неловкого, неспособного сказать слово в защиту их любви.

Она пробыла в своей комнате весь день. Она слышала, что наверху двигают мебель, что по лестнице пронесли чемоданы. Испуганная Изабель принесла ей поесть, но Мэри-Энн ни к чему не притронулась.

Она уже больше не была мисс Фаркуар, которая ведет все дела в доме. Она была пятнадцатилет-

ней, влюбленной до безумия девочкой, которую обидели и опозорили.

Создавалось впечатление, что в доме траур. Голоса звучали приглушенно. Приходили люди. Сначала зашел господин Бурнелл. Потом — господин Дей. Неужели третьим посетителем окажется директор пансиона в Хэме? Неужели ее собираются отправить обратно?

«Не поеду! — сказала она себе. — Сбегу».

Внезапно Мэри-Энн страшно захотелось увидеть отчима. Он понял бы все. Он погладил бы ее по плечу, подмигнул бы и сказал: «Значит, мартышка промахнулась. Где же ее богатый муженек?»

Есть единственный способ разобраться в хаосе, царившем в ее голове. Немедленно найти Джозефа и взять с него слово жениться на ней. Разрешение его отца не играет роли — Джозеф уже совершеннолетний. К тому же он говорил ей, что деньги не имеют для него особого значения. Его отец богат. Джозеф может поступать по своему усмотрению: работать или нет. Он мог бы уйти от господина Бурнелла и основать свое дело или вообще ничем не заниматься. Как только они с Джозефом поженятся, все уладится. К тому, на что сейчас смотрят с осуждением, будут

относиться снисходительно. Замужняя женщина всегда поступает правильно. Ее мать смягчится.

К Мэри-Энн вернулся ее природный оптимизм. Нужно только получить согласие матери и разыскать Джозефа — и ее будущее обеспечено.

Однако госпожа Фаркуар совершенно иначе смотрела на будущее своей дочери. У нее были другие планы.

— Я не собираюсь обсуждать то, что произошло, — в ту же ночь заявила она дочери. — Я виновата, что пустила постояльцев в свой дом. Мне с самого начала не нравилась эта идея. И события подтвердили, что я была права. Джозеф Кларк уехал отсюда навсегда. Он уволился от господина Бурнелла. Господин Бурнелл, как истинный джентльмен, пришел в ужас от его поступка и написал его отцу. Мы избавились от него.

— Куда уехал Джозеф?

— Я не интересовалась. Будь мне это известно, я ни за что не сказала бы тебе. Подобный вопрос не должен волновать тебя, так как ты тоже уезжаешь.

— Если ты собираешься вернуть меня в Хэм, я отказываюсь. Я уже выросла из того возраста, когда положено ходить в школу.

— Я говорю не о школе. Об этом нет и речи. Ты будешь экономкой у господина Дея.

Мэри-Энн расхохоталась:

— Ты, должно быть, сошла с ума. Я видела его дом в Айлингтоне — такой чопорный и печальный. К тому же господин Дей меня совершенно не интересует, он страшный привереда и зануда.

Мать посмотрела на нее с неодобрением. Так вот как дочь отвечает на заботы ее благодетеля. «Привереда и зануда».

— Господин Дей проявил исключительное великодушие. Я обо всем ему рассказала, и он согласился с тем, что ты нуждаешься в покровительстве, в отцовской опеке. Став его экономкой, ты получишь его покровительство. После вчерашнего я поняла, что ты для меня — слишком большая ответственность.

— Прекрасно.

То, что девушка внезапно передумала, должно было бы насторожить госпожу Фаркуар. Но она была слишком занята тем, чтобы увести свою дочь с порочной дороги, и не придала этому значения.

Для Мэри-Энн подобный поворот событий решал все вопросы. Она будет предоставлена самой себе и, сразу же после ухода господина Дея

в типографию, сможет отправляться на поиски Джозефа. Проще и быть не может.

В доме снова все вошло в свою колею. Мальчики весело насвистывали, все, кроме Чарли, который стал часто плакать и не хотел признаваться в причине своих переживаний.

На следующее утро Мэри-Энн села в наемный экипаж и поехала в Айлингтон. Ее встретил господин Дей, который показался ей более мрачным, чем в их первую встречу, но все таким же приветливым. Позже, вручая ей ключи от кладовой, он выглядел намного веселее.

— Я думаю, мы отлично подойдем друг другу, — сказал он. — Полагаю, ты не будешь скучать по дому и не будешь ни о чем сожалеть.

Она спросила его, когда он уходит в типографию и в котором часу подавать ему завтрак. Господин Дей удивленно взглянул на нее.

— Разве твоя мать не сказала тебе? — спросил он. — Я ушел из типографии. Я принял это решение недавно. Я собираюсь сидеть дома, читать книги и заниматься другими интересными делами. Кстати, последнее мы можем делать вместе. Мы отлично поладим. Когда приедет моя дочь, она присоединится к нам. А пока тебе придется довольствоваться моим обществом.

Он улыбнулся и галантно поклонился. Все это было полнейшей нелепостью. Когда Мэри-Энн соглашалась стать у него экономкой, она не предполагала, что мистер Дей будет сидеть дома. Она рассчитывала в половине девятого закрывать за ним дверь. Значит, они с матерью сговорились, все сделано для того, чтобы не выпускать ее из-под наблюдения.

Мэри-Энн была несправедлива к матери. На самом деле все задумал господин Дей. Он действительно ушел из типографии и прекрасно себя чувствовал. Но рассказы госпожи Фаркуар о прегрешениях дочери разожгли его воображение. Эту девушку нужно наказать, но таким образом, чтобы наказание принесло удовольствие им обоим.

И хотя Мэри-Энн рассчитывала запирать за ним дверь в половине девятого утра, все сложилось иначе и ей пришлось захлопнуть у него перед носом дверь в половине одиннадцатого ночи. Уставшая от событий последних дней, она отправилась спать довольно рано, но, услышав стук в дверь, решила, что с ним что-то случилось, что он заболел, что в доме пожар. Открыв дверь, она увидела полного надежд господина Дея с подсвечником в руках и в ночном колпаке. У него

был дурацкий и отталкивающий вид.

— Тебе одиноко? — спросил он.

И она все поняла. Она захлопнула дверь и повернула ключ. Вещей она не взяла. При первых проблесках зари она спустилась по проходящей рядом с окном водосточной трубе. Так вот зачем он отправил ее учиться в Хэм. Но он не принял в расчет возможность появления Джозефа, который одержал над ним верх.

Глава 6

Ей хватило денег, чтобы нанять экипаж. Она покинет Айлингтон точно так же, как и прибыла сюда, — она не будет бродить по улицам в столь ранний час, рискуя встретить господина Дея. Ей преподали урок, и она оказалась хорошей ученицей. Но основная сложность заключается в том, что никто ей не поверит, и в первую очередь мать. Как, этот уважаемый господин Дей оказался волком в овечьей шкуре? Никогда не поверю! Мэри-Энн наверняка все выдумала. Господин Дей сам расскажет, как все было. Когда мужчине за сорок, ему можно спокойно доверить пятнадцатилетнюю девочку.

Трясясь в экипаже по дороге в Холборн, Мэри-Энн решила, что, во-первых, надо всегда помнить: внешность человека ничего не значит, под великодушием могут скрываться другие мотивы, а когда благодетель — мужчина, у него только один мотив. Во-вторых, нельзя возвращаться домой до тех пор, пока она не выйдет замуж, и тогда, имея обручальное кольцо и свидетельство, она обретет власть над матерью. Мэри-Энн превратится в благодетельницу. У снохи богатого господина

Кларка из Сноу-Хилла будет совершенно другой статус по сравнению с мисс Фаркуар с Блэк-Рейвен-Пессидж. Отпадет необходимость сдавать комнаты постояльцам. Ее мать, Изабель и мальчики увидят лучшие дни, которые будут тянуться до бесконечности. Госпожа Джозеф Кларк будет их всех содержать.

У нее ничего не было, кроме одного платья и нескольких шиллингов в крохотном кошельке, но она была молода и полна надежд.

Мэри-Энн с достоинством вышла из экипажа и заплатила извозчику. Потом она отправилась во Внутренний Темпль разыскивать Джеймса Бертона. Да, все правильно. Джозеф ушел от господина Бурнелла. Тут был такой переполох, сообщил Джеймс Бертон. Джозеф разорвал свой договор на мелкие кусочки и швырнул их в господина Бурнелла. Господин Бурнелл обозвал Джозефа бездельником и совратителем малолетних. А Джозеф назвал господина Бурнелла развратником и скрягой.

— Ну хорошо, — нетерпеливо проговорила Мэри-Энн, — а где сейчас Джозеф?

— Он снимает комнату в Клеркенуэлле, — ответил Бертон. — У меня есть адрес. Ему в голову взбрела идея отправиться в Америку. Вчера ве-

чером я позвал его с собой в город, и он здорово напился. Мы закончили наш поход в «Ринг О'Беллз» в три часа утра. Джозефу посчастливилось выиграть десять фунтов в карты. Если вы собираетесь к нему, имейте в виду, он сейчас спит.

Дом в Клеркенуэлле, хотя и стоял на улице, а не в переулке, очень отличался от опрятного домика госпожи Фаркуар. Входная дверь была открыта настежь — заходи кто хочет. Худенькая девочка, ползая на коленях, скребла грязную прихожую, а за ней наблюдала женщина с нарумяненными щеками. Кругом царила атмосфера затхлости и упадка.

— Кларк? Третий этаж, первая дверь, — мотнув головой, ответила женщина.

Приподнятое настроение Мэри-Энн успело улетучиться, пока она поднималась по узкой лестнице. Если гордость Джозефа не позволяет ему вернуться к отцу, он мог бы снять комнату в более приличном месте.

Как Джеймс Бертон и предполагал, Джозеф спал. Если он действительно сильно напился вчера, то по нему это было не очень заметно. Его лицо горело, но румянец очень шел ему. Он выглядел таким же невинным ребенком, как Чарли, и Мэри-Энн поняла, что она любит его больше

всего на свете. Она прошлась по комнате, на ходу прибирая валявшиеся вещи, потом прилегла рядом с ним.

Когда Джозеф проснулся и обнаружил Мэри-Энн рядом с собой, все его планы о путешествии в Америку скончались сами собой. Как и раньше, их близость оказалась роковой. К тому же им не от кого было скрываться. В меблированных комнатах никто не задает вопросы, скрипящие половицы не представляют никакой угрозы.

Почти до самого вечера мир для них не существовал, они наслаждались близостью друг друга и свободой. Будущее было в их руках. Они могли делать с ним, что им хотелось.

— Ничего другого не нужно, — мечтательно проговорил Джозеф, — и так каждый день, каждую ночь. Не вставать рано, никаких Томми Бурнеллов, никаких планов.

— Нам придется есть, — напомнила Мэри-Энн, — к тому же мне не нравится эта комната. На окнах нет занавесок, и кровать узкая.

Он сказал ей, что у нее полностью отсутствует темперамент. Она сказала ему, что он совершенно лишен здравого смысла. В половине восьмого они отправились обедать.

Если наличность в карманах Джозефа и позво-

ляла ему снять более приличную квартиру, то выбранный им ресторан был явно не по карману. Грязные пивные в подвалах не для него. Они пообедают в шикарном ресторане на Стрэнде. И отправятся они туда в экипаже.

Баранина и пиво? Бог мой, какой ужас! «Сладкое мясо» и легкое французское вино. Потом подайте дикую утку, но она должна быть очень слабо поджарена. Его манера разговаривать с официантом была замечательна, а расплачивался он вообще артистически. Официанты почтительно склонились перед ним. Мэри-Энн совершенно не волновало, что после обеда он нетвердо держался на ногах: он был так красив. Ему ничего не стоило опять нанять экипаж.

— А теперь куда? В Оперу? — предложил он, звеня мелочью в кармане. Это было, конечно, соблазнительно, но от выигранных им десяти фунтов почти ничего не осталось.

— Не сегодня, — покачала головой Мэри-Энн, успев вовремя подхватить его, иначе он бы рухнул.

Действительно, как хорошо, что в меблированных комнатах никто ни о чем не спрашивает.

Через несколько дней Мэри-Энн поняла, что именно ей придется заняться практическими

вопросами их совместной жизни. Джозеф наслаждался свободой, и его единственным желанием было валяться в постели почти до вечера. После этого он выходил прогуляться.

— Зачем думать о том, что будет завтра? Зачем строить планы? — обычно спрашивал он и принимался обсуждать, куда бы им лучше пойти сегодня пообедать. Деньги? Фу! Не беспокойся. Денег достаточно. А когда они кончатся, он еще выиграет. Ну а если случится самое плохое, ему придется смирить свою гордыню и попросить денег у отца. А пока давай побездельничаем и будем любить друг друга.

Пока Джозеф сладко дремал на ее плече, Мэри-Энн обдумывала свои последующие действия. Во-первых, надо сообщить Чарли, где она живет, чтобы мальчик мог приносить ей одежду и другие необходимые вещи — а если получится, то и еду — из дома на Блэк-Рейвен-Пессидж. Тут сложностей не возникло. Подавив свою ревность, Чарли с головой погрузился в это романтическое предприятие. Потомку клана Маккензи ничего не стоило выскользнуть из дома с корзинкой, наполненной булочками, и к тому же получить за свои труды шиллинг.

Он сообщил, что в доме все в панике. Господин

Дей, у которого была своя версия происшедшего в Айлингтоне, утверждает, что Мэри-Энн — мошенница. Госпожа Фаркуар заявила о пропаже дочери. В газетах появились описания и Мэри-Энн, и Джозефа. Листовки с их приметами были расклеены на дверях пивных, магазинов и столовых.

— Вам надо переехать, а то вас поймают, — предупредил их Чарли. — И тогда состоится суд и вас отправят в тюрьму.

— Не могут же нас посадить только за то, что мы любим друг друга, — проговорила Мэри-Энн.

— Могут, потому что вы не женаты, — объяснил Чарли. — Я слышал, что так сказал господин Дей. Это называется жить в грехе, а уж он-то должен знать.

Действительно, он должен знать. Ведь он получил ответ в виде оставленной связки ключей.

— Тогда нам придется пожениться. Все идет к этому. Джозеф, ты слышишь?

Закинув ноги на спинку кровати и развалившись на подушках, Джозеф полировал ногти. Это приятное занятие клонило его в сон. Он зевнул.

— Я не знаю законов, — сказал он, — они меня не интересуют. Но тебе только пятнадцать, поэтому тебе нужно разрешение. Как же мы сможем

получить его?

Это действительно трудная задача. Пока еще все преимущества на стороне матери… А что, если найти Боба Фаркуара? Найти и лестью, уговорами, а если потребуется, угрозами и шантажом заставить его, как законного опекуна, дать ей необходимое разрешение? Зародившись в голове Мэри-Энн, эта отличная мысль зрела и приобретала конкретные очертания.

Никто не прилагал особых усилий, чтобы разыскать Боба Фаркуара. С самого начала это дело поручили господину Дею. Узнав получше господина Дея, Мэри не сомневалась, что тот был заинтересован в обратном результате. Господина Дея не устроило бы, если бы отчим нашелся. Мэри показалось, будто ей слышится знакомое хмыканье, она представила, как отчим подмигивает ей.

«Экономка? Чушь!» — сказал бы он ей.

Мэри-Энн вытащила подушки из-под головы Джозефа и заставила его подняться. Он удивленно уставился на нее, зевая. Какой же он никчемный, как тяжело заставить его что-то сделать, но он потрясающе красив.

— Что теперь?

— Одевайся быстрее. Мы отправляемся в Депт-

форд.

Боб Фаркуар был неуловим. Он постоянно ускользал. Он был хитер. Двадцатилетняя работа над статьями о различных скандалах не прошла даром. Он знал все ходы и выходы, знал, когда надо исчезнуть, где спрятаться, как сделать свое любовное гнездышко безопасным и как избежать ответственности и порицаний жены.

Да, его видели в «Короне и якоре», но только три недели назад. А, такой огромный парень с искоркой в глазах? Да, но не в «Короне и якоре», а в «Белом олене». Пять, может, восемь дней назад. Они обошли все меблированные комнаты, но напрасно. В Дептфорде его не было. Наконец в последней гостинице, расположенной на лондонской дороге, они смогли выяснить что-то более конкретное.

— Фаркуар? Двое под этим именем останавливались здесь два дня назад. Муж с женой. Комната номер четыре. Они с дочерью сели в дилижанс, который отправлялся в Лондон.

Жена и дочь. Значит, брак зарегистрирован. А это уже двоеженство. За двоеженство могут сурово наказать.

— Они сказали, куда едут?

— Нет. Но я слышал, что девочка упоминала

Панкрас-Филдс.

Это в Лондоне, на другом конце города. И раз так, не стоит ли им с Джозефом поискать другое жилье, чтобы сбежать от кредиторов?

В то утро, когда они отправились на поиски Боба Фаркуара, размалеванная и неряшливо одетая содержательница меблированных комнат в Клеркенуэлле держала в руках последний номер «Эдвертайзера» и довольно подозрительно смотрела им вслед. Чарли придется опять поработать посыльным. Надо отправить его собрать их вещи и привезти на новую квартиру. Их новым адресом стал Панкрас, расположенный на самой окраине Лондона. Если отчим действительно остановился где-то в этом районе, им не составит особого труда найти его. Местечко не больше деревушки, и только две пивные.

— Но это же край света, — протестовал Джозеф. — Вон через дорогу ферма, коровы бродят. Мы здесь умрем от скуки.

Поцелуй, нежное слово, ласка — с ним так же легко справляться, как с Чарли. Она ушла, а Джозеф занялся развешиванием галстуков.

В пивных Боба Фаркуара не оказалось. В одной из них ей намекнули, что его можно найти в маленьком домике на другом конце Панкрас-Филдс.

Когда Мэри-Энн вошла, Боб Фаркуар сидел за столом, а перед ним стояла тарелка с беконом, хлебом и сыром. Напротив сидели полная спокойная женщина, которой по виду можно было дать столько же лет, сколько отчиму, и которая никогда не знала «лучших дней», и некрасивая девочка, очень похожая на Боба Фаркуара.

«Кто бьет сильнее, тот и выходит победителем», — подумала Мэри-Энн. Она приготовилась нанести удар.

— Наконец мы тебя нашли, — сказала она. — Я привезла всю семью и двух адвокатов. Есть предложения?

К ее досаде, эти слова не произвели на отчима никакого впечатления. Он откинулся на спинку стула и вытащил из кармана газету.

— Я всегда читаю «Эдвертайзер», — сказал он. — «Пропала Мэри-Энн Томпсон, или Фаркуар, дочь Элизабет Маккензи Фаркуар, проживающей на Блэк-Рейвен-Пессидж, 2, Керситор-стрит. Не появлялась дома с семнадцатого апреля. Возраст: пятнадцать лет и девять месяцев. Приметы: глаза голубые, волосы светло-каштановые, приятной наружности…» — и так далее. Или ты уже успела прочитать?

Он швырнул ей газету, как в былые времена на

Баулинг-Инн-Элли бросал ей оттиски, она машинально поймала ее.

— Раз уж мы оба оказались в одинаковом положении, сбежав от твоей матери, давай заключим мир, — предложил Боб Фаркуар. — Познакомься, это госпожа Фаркуар-вторая, или госпожа Фавори, как она себя называет. А это Марта, надежда нашей старости.

Притворяться и строить из себя важную даму было бесполезно. Через минуту Мэри-Энн уже сидела за столом и ела хлеб с сыром.

— Дело обстоит так, — сказала она. — Если я выдам тебя, ты поступишь точно так же со мной. Нам это ничего не даст. Мы с тобой повязаны.

— Ты здраво рассуждаешь, — ответил он.

— Ты двоеженец.

— А ты нуждаешься в порке.

— Мы с Джозефом знакомы всего восемь недель, но для меня он стал самым дорогим человеком.

— Я знаю госпожу Фавори семнадцать лет — столько времени мне понадобилось, чтобы выбрать между ней и твоей матерью.

— Ты так и метался между ними?

— Ну не мог же я быть одновременно в двух местах.

Госпожа Фавори, совершенно спокойная, пи-

ла чай и с улыбкой смотрела на них. Вспомнив молчаливые упреки матери, Мэри-Энн стало странно, почему ее отчим шел к этому решению целых семнадцать лет. Однако он и там, и здесь жил припеваючи. И ничего удивительного, что у Марты его нос и глаза.

— Итак, ты отдала свое сердце этому парню?

— Мы отдали свои сердца друг другу.

— И каковы перспективы?

— У него богатый отец.

— Это уже кое-что. А будет ли его отец играть по правилам?

— Будет, когда познакомится со мной.

— Гм. Выходишь замуж на скорую руку, да на долгую муку.

Она не собиралась семнадцать лет ждать Джозефа Кларка, как поступил ее отчим по отношению к госпоже Фавори.

— Ну ладно. Что ты от меня хочешь?

— Дай мне свое согласие как отец.

— Кто будет платить за разрешение?

— Джозеф. Он всегда делает так, как ему велят. Я все устрою. Мы можем обвенчаться здесь, в Панкрасе. По дороге сюда я видела церковь.

Боб Фаркуар вздохнул.

— Нам опять придется переезжать, — прого-

ворил он. — Если я распишусь в твоем брачном свидетельстве, меня сразу же найдут. Твоя мать потребует то, что ей причитается.

— Я позабочусь о маме.

— Ну, тогда пошли. Покажи мне своего красавчика.

Взаимные подозрения заставили обоих мужчин быть осторожными. Они были полной противоположностью друг другу: один — высокий, элегантный, с пренебрежительной улыбкой, другой — небольшого роста, плотный, прямолинейный. Они разглядывали друг друга, как два пса перед дракой. Никакого вежливого обмена мнениями, никакой светской беседы. Ситуация требовала, чтобы мужчины немедленно отправились в пивную. Они провели там два часа и вернулись родными братьями.

— Всегда помни, дорогая, — сказала госпожа Фавори Мэри-Энн, когда они наблюдали за идущими в обнимку мужчинами, — нет такой жизненной проблемы, которую нельзя было бы решить с помощью стакана вина. Или двух стаканов. Вино распахивает сердце и заглушает доводы разума, а именно это требуется женщине. Итак, твоя свадьба — вопрос решенный.

Она оказалась права. Согласие было дано. На

следующий день, пока мужчины отсыпались после процесса установления родственных отношений, госпожа Фавори и Мэри-Энн выкупили разрешение и встретились с викарием церкви Святого Панкратия. Госпожа Фавори согласилась с тем, что из соображений безопасности ни ей, ни круглолицей Марте, глаза которой сверкали от возбуждения, не следует присутствовать на церемонии. Мэри-Энн сунула два шиллинга в руку могильщика, который согласился стать свидетелем. Все было готово, осталось привести жениха к алтарю.

— Джозеф, проснись! Мы сегодня с тобой венчаемся.

— Какая погода?

— Отличная. На небе ни облачка.

— Тем более стоит еще поспать. Погода не испортится.

Он зевнул, потянулся и соблаговолил приступить к процессу одевания. Вот эту льняную рубашку, ни разу не надеванную. Нет-нет, дай мне атласный сюртук. Галстуки? Но у него полдня уйдет на то, чтобы подобрать галстук. На днях он видел очень подходящий галстук в магазине на Стрэнде. Разве они не могут нанять экипаж и съездить на Стрэнд, прежде чем отправятся в

церковь? Это невозможно. Нам уже назначено. Викарий ждет.

— Тебе нравится мое платье? Я вчера его купила. Госпожа Фавори была так великодушна.

— Очаровательно. Но почему розовое? Ярко-розовый совсем не сочетается с цветом сомон моего галстука.

— Никто не обратит на это внимания. Тем более в такую рань. Пожалуйста, поторопись.

Дело происходило девятнадцатого мая 1792 года. Рука об руку они шли через залитое солнцем поле к церквушке. В этот день Мэри-Энн выходила замуж и ей исполнялось шестнадцать лет.

Они были почти у церкви, когда Джозеф остановился и хлопнул себя по карману.

— Случилось ужасное. Я забыл разрешение.

— Оно у меня. И нам понадобится второй свидетель. Но я обо всем позаботилась.

— И кто он?

— Могильщик этой церкви. Я дала ему два шиллинга за труды. Поторопись. Нас ждут.

Боб Фаркуар, с цветком в петлице, стоял у входа рядом со священником.

— Мы решили, что вы передумали, — сказал он.

Мэри-Энн взяла Джозефа под руку и улыбну-

лась.

— Ни за что на свете, — ответила она.

Отчим смотрел на них и удивлялся. Молодой хлыщ, такой высокомерный, с презрительной миной — и Мэри-Энн, в розовом платье, смущенная, взволнованная и сияющая.

— Будем надеяться, что и через десять лет твои чувства к нему не изменятся, — сказал Боб Фаркуар.

Преподобный Сойер провел их внутрь. Все было очень просто, очень примитивно. Лучик солнца проник в полумрак церкви через грязное окно. Из сада доносился щебет птиц, вдали, на полях Панкраса, блеяли овцы.

Мэри-Энн произнесла слова клятвы чистым, уверенным голосом. Джозефа было еле слышно. После этого они направились в ризницу, чтобы расписаться в метрической книге. Мэри-Энн написала свое имя над именем Джозефа.

— А медовый месяц? — спросил священник, умиленный тем, что ему оказана честь обвенчать столь невинную пару. — Где вы его проведете?

Он протянул брачное свидетельство Джозефу и стал ждать ответа. Джозеф вопросительно посмотрел на свою новоиспеченную жену. Ведь их медовый месяц успешно продолжался в тече-

ние предыдущих пяти недель, зачем же что-то менять? Их жизнь должна продолжаться по-старому: они будут ездить на прогулки, обедать, спать до полудня, вставать ближе к вечеру.

Мэри-Энн улыбнулась. Сделав реверанс преподобному Сойеру, она взяла свидетельство у Джозефа.

— Мы поедем в Хэмпстед, — сказала она. — Мой муж нуждается в отдыхе, свежем молоке и чистом воздухе.

Ее взгляд, обращенный к Джозефу, был тверд. Джозеф тоже посмотрел на нее. Боб Фаркуар хихикнул и пихнул могильщика в бок.

То было первое испытание Мэри-Энн.

Глава 7

Они опять и опять возвращались к начатому разговору, но все безрезультатно. Спорить было бесполезно: они зашли в тупик.

— Значит, ты обманывал меня все это время?

— Я никогда не лгу. Это слишком накладно.

— В тот первый вечер на Блэк-Рейвен-Пессидж ты всем нам сказал, что у тебя много денег.

— Так и было на тот момент. Но они быстро кончились. Я всегда могу достать еще больше.

— Как же ты собираешься это сделать?

— Играть в карты, на бирже, на скачках. Что-нибудь подвернется.

— Но твой отец? Ты говорил, что твой отец богат, что всегда можно попросить денег у него?

— Здесь не все так просто.

— Что ты имеешь в виду?

Она взяла его за плечи и развернула лицом к себе. Почему он всегда так беспечно смеется, почему пожимает плечами, как бы извиняясь?

— Джозеф, ты должен сказать мне правду. Немедленно, и давай покончим с этим. Я люблю тебя. Обещаю, я не буду сердиться.

Прошло уже шесть недель со дня их свадьбы,

и, хотя она полностью подчинила его себе: они вели спокойный образ жизни в меблированных комнатах, благодаря свежему воздуху на его щеках появился румянец и взгляд утратил осоловелость, — он все еще отказывался обсуждать их будущее. Когда она спрашивала его, написал ли он отцу, он сразу же переводил разговор на другую тему.

Тишина Хэмпстеда уже начинала надоедать. Ей хотелось вернуться в город, увидеться с матерью и братьями, предстать перед всеми в качестве госпожи Джозеф Кларк, снохи известного строителя, в полной мере насладиться статусом замужней дамы.

Они уже две недели не платили за квартиру. Как же глупо ютиться в убогой комнатушке, когда одно слово отца Джозефа может обеспечить им прочное материальное положение и уважение везде, где бы они ни оказались. Мэри-Энн мечтала о том, что всегда сопутствует свадьбе: подарки, поздравления, фамильное серебро и столовое белье, дом, который она смогла бы обустроить по своему вкусу (для начала можно и небольшой). Какой смысл было выходить замуж, если у нее ничего этого нет?

К тому же осенью у них родится ребенок, теперь

уже она была в этом совершенно уверена. Джозеф должен понять: для ребенка все должно быть лучшим. Она опять внимательно посмотрела на него. Он избегал встречаться с ней взглядом.

— В чем дело, Джозеф?

Внезапно он сунул руку в карман и достал письмо.

— Ну, ладно, — проговорил он, — ты победила. Просто я считал, что не нужно вот этим портить нам удовольствие. Лучше прочти.

Письмо было без обращения. На нем стояло число: двадцать третье мая, через четыре дня после их свадьбы. В углу было написано: «Эйнджел-Корт, Сноу-Хилл».

Ты с детства доставлял мне сплошные неприятности, поэтому меня совершенно не удивило сообщение Томаса Бурнелла о твоем отвратительном поведении. Напомню тебе, что это не первый, и не второй, и не третий твой поступок подобного рода. Только надежда уберечь тебя от несчастий заставила меня отдать тебя в ученики к Бурнеллу. Я никогда не верил, что ты талантлив, да и Бурнелл невысокого мнения о твоих способностях.

Насколько я могу судить, единственная твоя возможность зарабатывать честным трудом – это трудиться в качестве сдельщика под чьим-либо надзором. Как мне сказали, ты женился на соблазненной тобой девушке. Меня удивило, почему она, имея представление о твоем характере, вышла за тебя, однако этот вопрос меня мало интересует, так как я не намерен видеться с вами. Ради твоей матери я предоставлю тебе пожизненно сумму в размере одного фунта в неделю, или пятьдесят два фунта ежегодно. Большего тебе от меня ждать нечего, и после моей смерти все мое состояние и мое дело отойдут к твоим братьям.

Твой отец Томас Кларк.

Пока Мэри-Энн читала письмо, Джозеф наблюдал за ней. Сдержит ли она обещание или рассердится? Он знал ее буйный нрав. Между ними уже не раз происходили стычки, она устраивала скандалы, которые ему удавалось подавить только с помощью любовных утех.

Но как она отнесется к словам «подобный поступок»? «Не первый, и не второй, и не третий». Да,

серьезная проблема. Может, ему стоит признаться в своей связи с сестрой владельца гостиницы? Или в другом, более прискорбном случае, с женой возчика? Должен ли он выслушивать ее упреки, за которыми последуют слезы, хлопанье дверью и возвращение к ее матери?

Хотя Джозеф считал, что он хорошо знает свою жену, он ошибался. Намек на его былые похождения не тронул ее. В первую же неделю после их знакомства на Блэк-Рейвен-Пессидж его манера ухаживать рассказала ей все, что она хотела знать о его прошлом. Больно резанула ее другая фраза: «Я никогда не верил, что ты талантлив, и Бурнелл невысокого мнения о твоих способностях». Только эти слова имели значение. И перспектива на будущее: «…в качестве сдельщика под чьим-либо надзором». Неужели ей больше ничего не светит?

Она разорвала письмо и улыбнулась мужу.

— Хватит о твоем отце, — проговорила она. — Что ты можешь сказать о своих братьях?

Джозеф пожал плечами.

— Джон — старший, — ответил он, — он сын моего отца от первого брака и намного старше всех остальных. Он женат, у него семья, живет на Чарльз-сквер в Хокстоне. У нас были прекрасные

отношения. Томас — полная копия моего отца: трудолюбивый, осторожный. Он всегда относился ко мне с подозрением. Джеймс не имеет никакого отношения к нашему бизнесу: он учится в Кембридже и собирается стать священником. Еще у меня есть сестра. Но какой смысл обсуждать их? Я — «паршивая овца». Они всегда именно так ко мне и относились. — Воздав каждому по заслугам, он значительно повеселел. Перекладывая на них вину, он отпускал себе грехи. Он никогда не был ни в чем виноват.

— А твой дядя?

— Какой дядя?

— Ты рассказывал, что у тебя есть дядя, олдермен Кларк, который может стать лорд-мэром Лондона.

— А, этот. — Джозеф опять пожал плечами. — На самом деле родство очень дальнее. Я совсем его не знаю.

Каждое его слово подтверждало самые страшные опасения Мэри-Энн. Теперь она поняла, что все это время он морочил ей голову. Кларки вовсе не так богаты, как она представляла. Это самая обычная семья из торгового сословия, и, как сотни других подобных семей, она живет довольно скромно. У них и в помине нет никаких

высокопоставленных родственников. Но она так любила Джозефа и, ослепленная его красотой, никогда не задумывалась над тем, чтобы более подробно расспросить его о прошлом. Любила. Неужели она говорит о своей любви в прошедшем времени? Нет… никогда… никогда… — Она отбросила эти мысли.

— Нам остается только одно, — сказала Мэри-Энн, — это обратиться к твоему брату Джону. Думаю, что лучше этим заняться мне.

Она вновь обрела свой природный оптимизм. Так случалось каждый раз, когда ей приходилось что-то обдумывать, строить планы. Она перехитрит братца Джона точно так же, как она обвела вокруг пальца господина Дея, который разрешил ей носить домой оттиски. И очень многое будет зависеть от жены братца Джона.

Мэри-Энн отправилась в Хокстон в одиночестве. Она подгадала так, чтобы приехать в воскресенье после обеда, когда братец Джон, умиротворенный утренним посещением церкви и разморенный обедом, будет уютно сидеть дома в окружении своих домочадцев.

Чарльз-сквер, уютный и спокойный, с современными домами, производил впечатление стабильности и респектабельности.

«Мы могли бы разместиться на самом верхнем этаже, — подумала Мэри-Энн. — Там наверняка две комнаты, одна выходит на улицу, а другая — во двор. И никакой платы».

В своем подвенечном платье из розового муслина она выглядела невинной девочкой. Дверь открыл сам братец Джон. Мэри-Энн сразу же узнала его. Он оказался более потрепанной, вялой, менее элегантной копией Джозефа, и, как она предположила, поладить с ним было бы легче, чем с Джозефом.

— Простите меня, — проговорила она. — Я жена Джозефа. — И разрыдалась. Эффект был поразительным. Ее по-родственному обняли за плечи, проводили в гостиную, над ней принялась хлопотать жена Джона (слава богу, у нее вид истинной матери большого семейства). За Мэри-Энн следили любопытные глазенки детей, которых выпроводили из комнаты. И когда все утихомирились, она рассказала свою историю.

— Если бы Джозеф узнал, что я поехала к вам, он никогда бы меня не простил. Я сказала, что еду к матери. Он много мне рассказывал о вас обоих, и из его слов я поняла, что вы не прогоните меня. Он так привязан к вам, но вы же знаете, как он горд.

Они сомневались и в его привязанности, и в его гордости, но, когда она улыбнулась им сквозь слезы, их сомнения мгновенно рассеялись.

— Он так переживал из-за письма отца. Вы ведь знаете об этом?

Они знали. Очень грустно, но что можно поделать.

— Это я настояла на свадьбе. Я заставила его сбежать. Мне было так плохо дома, а моя мать настояла, чтобы я пошла в экономки к некоему господину Дею.

Она рассказала про господина Дея. Как он ломился — ни слова о его робком стуке, — ломился в дверь в десять вечера, как она сбежала к Джозефу.

— А как бы вы поступили на моем месте? — обратилась она к госпоже Джон.

На лице госпожи Джон отобразились ужас, отвращение, сочувствие. Бедная девочка, как она переживала!

— Я знала, что моя мать не сможет защитить меня, а мой брат Чарли еще мал. Мне пришлось пойти к Джозефу: он единственный, кому я могла довериться. Нам пришлось пожениться, чтобы соблюсти приличия. Мой отчим дал мне разрешение.

Она с изумлением обнаружила, что рассказывает чистую правду. Единственным преувеличением было то, что господин Дей ломился в дверь.

— А где сейчас ваш отчим?

— Он уехал в Шотландию. Мы задолжали за две недели за квартиру в Хэмпстеде, и в субботу нам уже негде будет ночевать. Если бы только у нас была возможность куда-нибудь уехать. Понимаете, осенью… — Она взглянула на госпожу Джон. Госпожа Джон все поняла.

Не прошло и недели, как господин и госпожа Джозеф Кларк переехали на Чарльз-сквер. Верхний этаж оказался в их распоряжении. Конечно, Мэри-Энн ожидала от жизни совсем другого, когда стояла перед алтарем в церкви Святого Панкратия, но об этом знала только она. К тому же новое место было более престижным, чем Блэк-Рейвен-Пессидж, что дало ей возможность разговаривать с матерью в довольно пренебрежительном тоне.

— Как видишь, Чарльз-сквер нас вполне устраивает. Мы ведем хозяйство раздельно, но мы всегда рядом. Отец, естественно, выделил Джозефу содержание. Мы вполне независимы.

Рассказ дочери очень отличался от того, что госпоже Фаркуар рассказывал Томас Бурнелл,

однако она не обратила на это внимания. Она очень скучала по Мэри-Энн. Дочь была прощена. Единственное, чего никак не могла понять госпожа Фаркуар, как во всей этой истории оказался замешан ее муж, который исчез сразу же после свадебной церемонии падчерицы.

— Как же мне жить? Что станет с Изабель и мальчиками?

— Сдавай комнаты постояльцам.

— Как ты могла допустить, чтобы твой отчим сбежал? Ведь ты наверняка могла бы задержать его, чтобы дать мне возможность воздействовать на него через суд!

— Это ничего не дало бы. У него нет ни пенса.

Боб Фаркуар был уже сброшен со счетов. Он выполнил все, что от него требовалось, и теперь о нем можно было забыть. Он не вписывался в облик Чарльз-сквер. Ни Джон Кларк, ни Джозеф Кларк не садились обедать без сюртука. Внешность и хорошие манеры — прежде всего. Мэри-Энн готова была навсегда выкинуть из головы все, что связано с ее отчимом, но она не приняла в расчет круглолицую Марту.

Однажды утром Марта постучала в дверь дома на Чарльз-сквер. Прочитав объявление в газете, она пришла наниматься в качестве няни для

ребенка, который вот-вот должен был родиться. Мэри-Энн схватила ее за руку и потащила наверх, опасаясь, что госпожа Джон увидит ее.

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты пришла?

— Я увидела объявление в газете. И догадалась, что это вы.

Это создание пристально смотрело на Мэри-Энн. Взгляд девочки выражал тупое обожание. Может, у нее не все в порядке с головой? У нее какие-то пустые глаза.

— А мой отчим знает, что ты здесь?

— Они больше не хотят меня видеть. Они сказали, что я должна сама зарабатывать себе на жизнь. Вот я и пришла наняться к вам в услужение.

— Сколько ты хочешь?

— Не знаю. Полное содержание, наверное.

Да, она умеет готовить. Да, она может стирать. Да, она умеет штопать. Она знает, как торговаться на рынке.

— Если я все-таки возьму тебя, ты никогда не должна упоминать о моем отчиме или о своей матери, а также о том, что ты видела меня в Панкрасе. Ты будешь Мартой Фавори, моей служанкой. Поняла?

— Да.

— Если мне что-нибудь не понравится, я немедленно выгоню тебя.

— Я не разочарую вас. Я буду делать все, что вы скажете.

Через мгновение Марта была уже в фартуке. Еще через минуту она уже чистила камин. Дружеский кивок и улыбка, которой Мэри-Энн одарила ее в Панкрасе, превратили девочку в ее верную рабу. Да, мэм, нет, мэм. Никакой платы, только содержание.

У госпожи Джозеф Кларк появилась служанка. Госпожа Джозеф Кларк могла сказать госпоже Джон: «Если нужно, я могла бы одолжить вам Марту на вечер». Подобные мелочи делали их отношения менее официальными. Госпожа Джозеф и госпожа Джон могли общаться на равных.

Мэри-Энн и Джозеф прожили на Чарльз-сквер два года. За это время у них появилось двое детей. Первый умер вскоре после рождения. Второй ребенок, девочка, крещенная Мэри-Энн, как и ее мать, выжила. Когда они ждали третьего, Мэри-Энн заявила, что они с Джозефом больше не могут жить на верхнем этаже. Им нужен собственный дом, но кто заплатит за него? Отец Джозефа давно умер, но свое слово сдержал. Джозеф не получил ни единого пенса сверх пятидесяти двух фунтов в

год. Дело в Сноу-Хилле процветало, но без участия второго сына. Второй сын пожал плечами. Ему выдавали фунт в неделю, у него была бесплатная крыша над головой, ему даже не нужно платить служанке — так чего беспокоиться? Они спокойно могут и дальше жить у братца Джона.

— А тебе не хочется независимости?

— Именно это я и называю независимостью.

— Разве тебе не хочется, чтобы тебя уважали, смотрели на тебя с почтением, чтобы о тебе говорили как о художнике? Разве тебе не хочется увидеть вывеску с твоим именем над твоей конторой?

— Я предпочитаю жить как джентльмен.

Но разве ютиться на четвертом этаже в доме брата и питаться за его счет — это значит жить как джентльмен? Разве это не первый шаг к тому, чтобы превратиться в жалкого оборванца, которого все жалеют и чаще всего называют «бедным родственником»? Если бы только у него была хоть капля тщеславия!

— Брат Джон, мы так сильно потеснили вас. У вас тоже семья разрослась, вам, наверное, нужны наши комнаты.

— Чепуха, моя дорогая. В доме хватит места для всех.

— Но Джозефу нужно работать, он должен чем-нибудь заниматься. У него есть талант, нужно дать ему возможность проявить его. Завещание было несправедливым. Джозеф имел право получить свою долю в семейном деле.

Братец Джон выглядел обеспокоенным и расстроенным. Смерть отца очень осложнила их отношения. У него уже возникли разногласия с братом Томасом, который унаследовал как острый ум отца, так и большую часть состояния. Джон впал в немилость потому, что поддерживал хорошие отношения с Джозефом. Иногда он подумывал о том, чтобы все бросить. Пусть Томас поступает по-своему, а он отойдет от дел.

— Джозеф ни о чем не просит, — сказала Мэри-Энн, услышав в его голосе беспокойные нотки и заметив, что он колеблется. — Я прошу за него. Ведь для того, чтобы основать свое дело, нужно совсем немного денег, а как только он станет получать доход, он отдаст вам долг. Кстати, вы слышали, что Бруэрс с Голден-лейн продает свой дом? Дом в хорошем состоянии, он недавно отремонтирован. Позади есть небольшой двор. Если бы у Джозефа был хоть один подмастерье…

Для этого подойдет Чарли. Никаких посторонних. Доход должен оставаться в семье. Нечего

платить чужим.

— Вам не кажется, что для начала это мог бы быть филиал основной компании в Сноу-Хилле? Но Томас не имел бы права вмешиваться в вашу деятельность, а всем заправляли бы вы с Джозефом — вы ведь так хорошо ладите друг с другом.

В 1794 году, на Рождество, Джозеф Кларк переехал в дом на Голден-лейн… Наконец у Мэри-Энн появился свой парадный подъезд, своя лестница. Она больше не будет спотыкаться о детей братца Джона, вечно снующих вверх и вниз. На окнах висели ее собственные новые шторы; полы застилали ее собственные новые ковры. Марта, в ситцевом платье, в чепчике и передничке, отдавала приказания посыльному мясника. Для Мэри-Энн-второй была куплена коляска, а для ребенка, которого они ждали, — плетеная колыбель. И за все платил братец Джон, который был в ссоре с братцем Томасом.

— Как у нас дела? Замечательно. От церкви Святого Луки поступил заказ на надгробие. И еще один заказ от церкви Святого Леопольда. Джозефу не справиться с таким объемом работы.

Проводить посетителей наверх. Позволить им увидеть комнаты, обставленные с утонченным вкусом, и очаровательную девочку в нарядном

платье, и респектабельную служанку на кухне. Каждая мелочь должна служить свидетельством процветания и успеха. Но заднюю дверь нужно всегда держать закрытой, чтобы никто не заметил лежащие на заднем дворе гранитные плиты, которых так и не коснулась рука резчика, валяющиеся в беспорядке инструменты, отсутствие самого мастера.

— Господин Кларк дома?

— Прошу прощения, но он ушел по делам. У него очень важный заказ.

А позже, намного позже, раздавался из кухни шепот Марты: «Хозяин вернулся».

Засунув руки в карманы, Джозеф пинал гранитные плиты. Не было надобности расспрашивать, где он пропадал: нездоровый румянец на лице, дрожащие руки, попытки обнять Мэри-Энн и поцеловать, чтобы избежать ее осуждающего взгляда, говорили сами за себя.

— Завтра начну работать, но не сегодня. Сегодня у нас должен быть праздник. К черту эту работу.

Она не должна пилить его. Она не должна угрожать ему. И не должна упрекать. Все это и оттолкнуло Боба Фаркуара от ее матери. Остается улыбаться, смеяться и с веселым и уверенным видом ехать в экипаже по городу. Такой же ее

должна видеть и госпожа Джон, которая в то лето довольно часто заезжала к Мэри-Энн, чтобы обсудить с ней постоянно возникающие у нее проблемы, и которая однажды приехала в слезах.

— Джон совершил ужасную ошибку, поругавшись с Томасом, — теперь он понял это. Он ничего не смыслит в финансах, а те деньги, что он получил в наследство, очень быстро расходятся. Пока мы будем ждать прибыли от мастерской на Голден-лейн, нам придется играть на бирже, а Джон в этом совершенно не разбирается. Вы не могли бы уговорить Джозефа побольше работать?

— Он и так много работает, но дела продвигаются вяло: ведь он болел этой зимой, к тому же идет война, время сейчас беспокойное. — Мэри-Энн использовала любой предлог, чтобы выгородить своего мужа. — Да и игра на бирже может стать удачной, если вы найдете верного человека. Недавно один знакомый Джозефа сделал себе целое состояние. Наверняка Джозеф познакомил брата Джона с этим человеком. Если следовать его советам, мы все однажды проснемся богачами.

Никогда не поддаваться тревожным опасениям. Никогда не бояться будущего. Оптимизм обеспечивает половину победы, остальное доделывают хитрость и ловкость. Пока игра на бирже

не принесет братцу Джону успех, нельзя брать у него денег; до этого времени они будут использовать господина Филда, серебряных дел мастера с Голден-лейн, который так и горит желанием одолжить им денег на предложенных Мэри-Энн условиях:

— Мой муж — племянник олдермена Кларка, и, если дело моего мужа не даст немедленной прибыли, олдермен окажет нам помощь. Но, может быть, вы дадите нам взаймы на некоторое время небольшую сумму? — Мало найдется серебряных дел мастеров, которые отказали бы в займе при виде элегантного, заново обставленного дома, за содержание которого, по всей видимости, платит будущий лорд-мэр Лондона.

Можно еще привлечь Джеймса Бертона — не в качестве заимодавца, а как постоянного консультанта. Он уже превратился в преуспевающего каменщика, наметанный глаз которого сразу заметил бы все упущения в мастерской на Голден-лейн.

— Ваш совет, господин Бертон, так много значит. Джозеф так замкнут и стеснителен. Он не может приказывать. В память о былых днях…

Былых днях? Она одарила его улыбкой. Он давным-давно уехал из дома ее матери на Блэк-

Рейвен-Пессидж и жил в построенном им самим доме в Блумсбери, но от ее голоса, который дразнил и в котором слышались ностальгические нотки, у него создавалось впечатление, будто тогда, три года назад, она флиртовала именно с ним, а не с Джозефом.

«Мне надо было бы действовать решительнее», — намек так и витал в воздухе, оставаясь только намеком, который никогда не будет высказан вслух.

В память о былых днях он отдавал приказания, однако работа шла вяло и часто оставалась незаконченной. Постепенно его покровительство сошло на нет. Ну как он может использовать неквалифицированного резчика, который редко бывает трезвым и работает с таким видом, будто делает одолжение?

— Проблема в том, госпожа Кларк, что ваш Джозеф пьет.

— Дело обстоит гораздо хуже, господин Бертон: он начисто лишен способностей.

Слова отца полностью подтвердились. Джозеф не просто не был талантлив. Она вышла замуж за человека, у которого нет ни цели в жизни, ни воли. И все же она его еще любит. Он молод, он принадлежит ей, он красив. Пришло время, и

в один жаркий летний вечер Мэри-Энн родила мальчика. Она держала на руках их первого сына, Эдварда, так похожего на нее: те же глаза, та же линия губ, те же черты. Она показала малыша его полуторагодовалой сестричке, преданной Марте, улыбающейся повивальной бабке, только Джозефа не было рядом с ней.

Рождение их сына и наследника на Голденлейн произошло двадцать восьмого июля 1795 года. Мэри-Энн лежала одна в спальне, устремив невидящий взгляд в потолок. Если он напьется и в эту ночь, она не будет молчать. Ее терпение не бесконечно. Как никогда раньше, она нуждается в его сочувствии и понимании. Завтра к ней вернутся силы, она будет готова смело взглянуть в будущее. Но сегодня — ради всего святого! — она нуждается в покое и нежности. Когда он вернулся, он был трезв, но страшно бледен. Он даже не взглянул на спавшего в колыбели малыша.

— Наше предприятие потерпело крах, — сказал он.

Она села в кровати и пристально взглянула на стоящего в дверях мужа.

— Какое предприятие? Что ты хочешь сказать?

— Спекуляция на бирже, — объяснил он. — Как только мне стало все известно, я сразу же отпра-

вился на Чарльз-сквер. Но я опоздал.

Он в изнеможении опустился на пол возле кровати и разрыдался. Она обняла его с такой же нежностью и заботой, как час назад обнимала своего сына.

— Никогда не бывает поздно. Я что-нибудь придумаю. Я найду выход, — говорила она.

Джозеф покачал головой. Что бы она ни придумала, ничто теперь не может скрыть его полной некомпетентности. Ведь именно его совета послушался брат, который так доверял ему.

— А сколько потерял братец Джон? — спросила она.

— Все свои сбережения. Все, что у него было. Он узнал об этом сегодня утром и не вернулся домой. А вечером он застрелился. Тело нашли в экипаже в Пентонвилле.

Глава 8

Главной задачей было сохранить видимость благополучия, не показывать, что они слишком близко подошли к банкротству. Джон покончил с собой; они остались живы. Поэтому в их доме царит веселая атмосфера. Полы натерты, панели заново покрашены, все затянуто шелковыми драпировками. А для детей — нежный муслин с веселым рисунком. Взятый напрокат, но так и не оплаченный спинет, листы с нотами, книги в кожаных переплетах, серебряные подсвечники. На столе разбросаны картинки с модными фасонами, театральные программки, незаконченная вышивка в пяльцах, вырезки с памфлетами из последних газет, плотный картон для рисования. Щенок с длинными ушами, играющий с ленточкой, два попугайчика в клетке. Каждый штрих, каждая мелочь предназначены для того, чтобы демонстрировать покой и благополучие, лишний раз указывая на отличие Голден-лейн от Баулинг-Инн-Элли.

Под внешним лоском пряталась нищета, с усмешкой подмигивавшая Мэри-Энн из каждого угла. Дамасский шелк, прикрывавший дыры от

отваливавшейся штукатурки, отвлекал взгляды посетителей от трещин на стенах.

Лежа в постели рядом с пьяным мужем и ощущая свое полное одиночество, Мэри-Энн размышляла над тем, что ее жизнь постепенно становится похожей на жизнь ее матери, повторяя те же этапы. Каждый год — ребенок. Недомогания, раздражение. Четыре детских личика за столом — Мэри-Энн, Эдварда, Эллен и малыша Джорджа — напоминали ей ее детство. И всех их содержит именно она, а не Джозеф, который со своим ночным образом жизни, сонными глазами, нездоровым румянцем и всегда готовыми оправданиями превращается в Боба Фаркуара. Как выбраться из этого порочного круга? Как избежать судьбы своей матери?

Госпожа Фаркуар навещала свою дочь каждое воскресенье и вела с ней нудные и утомительные разговоры о женских проблемах: о цене на рыбу, о причудах нового постояльца, о том, что Изабель стала помогать ей по дому и как лечить ревматизм. Но за всеми жалобами госпожи Фаркуар скрывался невысказанный намек на то, что замужество, которого так жаждала Мэри-Энн, ничего хорошего ей не принесло. Это ужасное «я же тебе говорила» стояло между ними как

призрак. Столь много обещавшее родство с семейством Кларк ничего не дало. Единоутробные братья Мэри-Энн отправились служить на флот — но только в качестве юнг (об этом никогда не упоминалось) — и оба утонули в сражении при мысе Святого Винсента. Чарли жил на Голденлейн и работал подмастерьем у Джозефа, однако, понимая, что из их предприятия ничего путного не получится, постоянно угрожал, что бросит мастерскую и запишется в армию.

— Вы же говорили, что мы разбогатеем. А денег так и не прибавилось.

Заказы, поступавшие в мастерскую, были настоящим унижением. Надгробие на могилу молочника из соседнего дома или просто вырезать имя мясника с Олд-стрит.

Постоянная необходимость притворяться и изобретать какие-то оправдания, чтобы скрыть отсутствие работы в мастерской. Но если это будет длиться годами, что тогда? Должен быть какой-то выход, надо что-то делать. Она вспомнила старые газеты со статьями о скандальных историях, дешевые газетенки, захватанные грязными руками посетителей пивных. День или два эти листки бродили по рукам, над ними хихикали, их обсуждали, а потом использовали для того, чтобы

завернуть рыбью голову для кошки. А еще позже они вместе с мусором оказывались в помойке. Этот хлам печатали господа Хьюэс, Блэклок с Ройял-Эксчейндж, Джоунс с Патерностер-роу и еще куча им подобных, разбросанных по всему городу. Кто писал эти непристойности? Какой-нибудь низкосортный писака, имеющий на руках больную жену? А может, женщина? Довольно легко удалось уговорить Джозефа побывать в столовых, где обычно собираются издатели. Смешаться с толпой, поболтать с ними, сделать пару намеков, выяснить их имена и адреса. И пока Джозеф играл в кости, рассказывал всякие истории и изображал из себя джентльмена, Мэри-Энн выясняла, какие сплетни и слухи в наибольшей степени привлекают внимание читателей.

Сидней с Нортумберленд-стрит, Хилдьярд с Феттер-лейн, Хант из Бофорт-билдинг на Стрэнде — они были знатоками своего дела. Из-под их коварного пера выходили статьи, в которых авторы сначала рассыпались в любезностях своим читателям, а потом давали понять, что сообщаемые ими сведения известны только им, и никому больше. И все это было украшено какой-нибудь классической цитатой, выведенной в качестве заголовка. Прозаичное начало, многозначительная

середина — и хлоп! — конец, полный косвенных намеков и подкалываний. И за это платили полпенса. Чем значительнее упоминаемое в статье имя, тем сильнее интерес публики.

— Где вы научились устраивать такие фейерверки, госпожа Кларк?

— В колыбели. В качестве погремушки у меня была хлопушка.

Мэри-Энн строчила весь этот вздор, лежа в постели рядом с храпящим Джозефом, и никто, даже Чарли, не догадывался, чем она занимается. Ее труды увенчались успехом: пять счетов были оплачены — пять из пяти десятков. К тому же это отвлекало ее от домашних забот. Круп и судороги, лихорадки, заставлявшие ее вскакивать по ночам, дыры в коврах, плохое настроение Марты, подгоревший пирог, объятия Джозефа — она сыта этим по горло. Но как же от этого избавиться? Серьезная проблема. Притвориться больной, притвориться уставшей и, преступив все грани допустимого, притвориться холодной. И больше никаких детей. Хватит и четверых. Но как же она любила их, когда они младенцами засыпали у нее на руках, наевшиеся, беспомощные, с непропорционально крупной головой, закрытыми глазками и нежными ручонками. Это были ее де-

ти, они никогда не принадлежали Джозефу. Будь у нее жизнь поспокойнее, она родила бы еще десяток. Но при такой жизни, как сейчас, она ни за что на такое не пойдет. Нечего плодить нищих.

Но где же то, ради чего она согласилась бы бросить Голден-лейн? Как спасти свой дом от старьевщиков? Ее статеек, написанных при свете чадящей свечи, недостаточно, чтобы содержать всю семью, чтобы дать матери возможность отдохнуть на старости лет, чтобы вывести Чарли в люди. Слишком многие зависят от остроумия одной женщины, которой всего двадцать лет и три года.

Все ее старания оказались тщетными. Пришли старьевщики. Они унесли столы и стулья, забрали попугайчиков и кровати. Умирающие торговцы больше не нуждались в надгробиях. Джозеф обанкротился, и его мастерская была продана. Даже плачущей и сопротивляющейся Марте пришлось уйти. Она нанялась в няньки в дом на Чипсайде.

Это произошло летом 1800 года, и Мэри-Энн была вынуждена опять искать выход. На братца Томаса из Сноу-Хилла надежды нет, а как насчет младшего брата, помощника приходского священника? Преподобного Джеймса Самюэля,

который только что окончил Кембридж? У него собственный дом в Бейсуотере, слишком большой для одного, и он дал пристанище госпоже Джон. Но если немного потесниться, можно было бы разместить еще много народу, поэтому Джозеф Кларк снялся с якоря и перебрался на Крейвен-Плейс. Когда-нибудь викарий, возможно, станет епископом, но на ближайшее время дети получили крышу над головой, а так как только это имело значение, Джозефу пришлось взять себя в руки: в пять часов, когда подается обед, он должен забыть обо всем на свете.

Соседи оказались очень приятными людьми. Как и в других маленьких провинциальных городках, на Крейвен-Плейс двери дома викария были для всех открыты, а Мэри-Энн истосковалась по новым знакомым. Тейлоры из дома шесть были ее главной находкой. Трое братьев служили в армии, двое — на флоте, а старшую сестру тоже звали Мэри-Энн.

— Не должно быть двух Мэри-Энн. Я буду звать тебя Мей.

И опять, как в пансионе в Хэме, у нее появилась подруга, с которой можно посмеяться, похихикать, обменяться шляпками, платьями и лентами, обсудить достоинства и недостатки

всех их знакомых. Эта чепуха была как бальзам на раны, противоядие для отравленной замужеством души. К тому же у Мей Тейлор были связи, которые могли пригодиться: для того чтобы одевать и кормить своих детей, Мэри-Энн приходилось постоянно снабжать редакторов с Флит-стрит новыми памфлетами. У Тейлоров была бабушка, которая жила на Беркли-стрит. Ее школа для девочек из благородных семей была хорошо известна. В проспектах говорилось: «В школе госпожи Уэстерн осуществляется благочестивое обучение барышень, а более опытным дамам даются уроки совершенствования».

Когда барышень укладывали в постель, а дамы собирались вместе, госпожа Уэстерн иногда проявляла неосторожность.

— Я могу рассказать вам, что происходит в высшем свете. У меня в школе учатся дети из самых знатных семей.

Младшая госпожа Кларк, которая приходила в школу, чтобы улучшить свой французский, делала кое-какие стенографические записи. Эти записи никогда не показывались ни викарию, ни Тейлорам, а прямиком отправлялись на Патерностер-роу. В результате — пальто для Эллен, коляска для Джорджа.

Еще у Тейлоров был дядюшка Томас на Бонд-стрит. Как сапожник, обувающий королевскую семью, он представлял собой огромную ценность. После двух стаканов вина из него можно было вытянуть все, что угодно. Но его рассказы предназначались только для ушей родственников и знакомых.

— Как близкой подруге моей племянницы, госпожа Кларк, я могу рассказать и вам. — И рассказывал, к вящей радости и ликованию любителей скандальных статеек с Граб-стрит. Румяный, круглолицый, совершенно лысый, с носом, как у попугая, он очень любил поплотнее набить желудок и расположиться возле камина.

— Ваш ход, госпожа Кларк.

— Нет, ваш, господин Тейлор.

— Вы пропустили ход, уверяю вас. Так о чем я говорил?

— Как принцесса Августа…

— А, да! Она была в своем будуаре. Дело происходило в Виндзоре.

— И никто ничего не узнал?

— Только фрейлина. Ее выдворили за границу и назначили небольшую пенсию.

— А кто же был любовником принцессы?

— Ш-ш! Наклонитесь ко мне.

Дядюшка Томас со своими шашками и уродливым носом, который ему приходилось постоянно вытирать, был на редкость ценной находкой, но иногда Мэри-Энн казалось, что он что-то подозревает.

— Вы видели заметку в «Персоналитиз» на прошлой неделе?

— Нет, господин Тейлор. Мой деверь, викарий, не покупает дешевых изданий.

— Очень любопытно, как там мог появиться анекдот о принцессе? Сегодня утром я спросил себя: «Кто же проболтался?»

Действительно, кто? Она расставила шашки и дала ему возможность выиграть, надеясь тем самым успокоить его подозрения. Мимоходом он заметил, что ей следовало бы заказывать себе обувь у него. Заходите: Бонд-стрит, номер девять, рядом с Пиккадилли.

— У вас слишком высокие цены. Я не могу себе этого позволить. У моего мужа нет денег, господин Тейлор.

— Но, как я понял со слов племянницы, у него есть кое-какое состояние.

— Очень небольшое. Его отец оставил ему ежегодное содержание.

— Вам, должно быть, трудно свести концы с

концами, имея на руках четверых детей.

— Да, нелегко.

— Вы любите своего мужа?

— Мы женаты уже восемь лет.

Он повертел в руках шашку и вытер нос. Раздававшийся из гостиной шум указывал на то, что еще в течение некоторого времени их беспокоить не будут. Мэри-Энн стало интересно, что он пытается выяснить своими вопросами. Он продвинул свою шашку, Мэри-Энн сделала ход.

— Всегда есть возможность увеличить свой доход, — как бы между прочим прошептал он. — Вы так молоды и красивы. Я несколько раз помогал таким же молодым и красивым девушкам. Но не рассказывайте об этом моей племяннице, она ничего не знает.

Чего она не знает? Почему этот старик говорит шепотом? Может, он хочет предложить взаймы под три процента?

— Вы очень добры, — сказала Мэри-Энн. — Но я ненавижу быть у кого-то в долгу.

Опять вздох. Шашка в руках, взгляд через плечо, нет ли там кого-нибудь.

— Разговор не об этом, все расходы будет оплачивать мужчина. Вопрос только в том, где будут происходить свидания. В моем доме на Бонд-

стрит есть несколько довольно удобных комнат. Все будут молчать, поэтому нечего бояться разоблачения. Об этих комнатах знают только самые высокопоставленные персоны. Среди моих клиентов есть даже принц Уэльский.

Теперь она поняла. Великий Боже! Кто бы мог подумать! Старый дядюшка Том и дом свиданий. Надо крайне нуждаться, чтобы решиться на такое, но все равно, довольно забавно услышать подобное предложение из его уст. Неудивительно, что ему известны все сплетни.

— Что вы тут обсуждаете?

— Цены на кожу. Твой дядюшка говорит, что он почтет за честь починить, когда понадобится, мои туфли.

Мэри-Энн поднялась и сделала реверанс, продолжая пристально смотреть в глаза старику. Вреда не будет, если показать ему, что она все поняла.

— Именно это я и имел в виду, дорогая, — подтвердил старик. — Не зарекайтесь: ваши туфли могут разорваться в любой момент.

Он протянул ей свою карточку, украшенную всевозможными завитушками.

ТОМАС ТЕЙЛОР,

обувщик королевской семьи.
9, Бонд-стрит, Лондон

— Мне кажется, тут ошибка, — сказала ему Мэри-Энн. — Вы должны были бы написать: «Томас Тейлор, посол Марокко при дворе Его Величества». Кстати, вы шьете по меркам? Или мне придется купить те туфли, которые вы мне предложите?

Его крохотные глазки сверкнули, отвисшие щеки собрались в складки.

— Моя юная леди, уверяю вас, вы будете довольны.

Его племянница радостно захлопала в ладоши и позвала своих друзей.

— Мэри-Энн собирается покупать туфли у дядюшки Тома.

Все зааплодировали, рассмеялись и принялись обсуждать новость.

— Осторожней, тебе это дорого обойдется.

— Ты разоришься, дорогая.

— А для родственников есть какие-нибудь скидки, дядя Том?

Старик вздохнул, улыбнулся и промолчал. Никаких неприличных предложений, все довольны. Он перевел разговор на музыку и на пение. О туф-

лях позабыли, и вскоре вечер подошел к концу. Капитан Саттон, бывший в недавнем времени гренадером, и молодой человек, с которым один из братьев Тейлор познакомился в армии, проводили Мэри-Энн домой. Когда капитан Саттон прощался с ней, он протянул руку, и она заметила, как в его глазах промелькнуло какое-то странное выражение.

— Когда же, госпожа Кларк, — спросил он, — мы опять встретимся? На Крейвен-Плейс или на Бонд-стрит?

Может, это был пробный шар? Она захлопнула дверь перед его носом и взбежала по лестнице, миновала комнату вдовы Джона, потом святую святых — комнату викария. Прошла мимо приготовленных к завтрашней службе и сложенных в стопку молитвенников. Через детскую, где спали все четверо ее детей, таких слабых, еще ничего не понимающих, зависящих от нее. Зашла в свою комнату, где в постели разметался храпящий Джозеф. Он свалился с кровати и теперь спал на полу. Интересно, а викарий слышал шум от упавшего тела? Хорошо хоть Джозеф не опозорил ее и не приехал за ней к Тейлорам; по крайней мере, ей не пришлось краснеть за его внезапное появление, за его нетвердую походку. Неловкое

молчание было бы нарушено ничего не значащим разговором, и добродушный молодой Тейлор поддерживал бы пьяного Джозефа под локоть.

Она наклонилась, чтобы вывернуть его карманы, и обнаружила шиллинг — когда он уходил из дома, у него было три гинеи. Завтра он, как всегда, начнет извиняться и оправдываться: ну, сыграл пару раз в кости с отличными ребятами. Она подложила подушку ему под голову и оставила его на полу.

Где бумага и перо? Какую жертву она сегодня отдаст на растерзание этим хищникам? Давно госпожа Уэстерн ей ничего не рассказывала. Последняя ее история была о том, как в чулане Девоншир-Хауса нашли завернутого в кружево младенца. Сказали, что это ребенок кухарки, но ходят слухи… Ничего нового о господине Питте? Мэри-Энн быстро соображала. В вестибюле видели шатающегося премьер-министра. Несколько строчек из Поупа, чтобы ввести всех в заблуждение. Помнить, что основной удар будет нанесен в конце. Мэри-Энн писала двадцать минут. Отложив перо, она закрыла глаза.

Стояла полная тишина, слышалось только мерное дыхание Джозефа. Один раз заплакал ребенок. Она поправила одеяло, взбила подушку,

и малыш опять заснул. Никак не дадут отдохнуть ее голове, приходится все время как-то выкручиваться.

Оценивающий, вопрошающий взгляд капитана Саттона. «На Крейвен-Плейс или на Бонд-стрит, госпожа Кларк?»

Глава 9

Через неделю Тейлоры нанесли ответный визит. А за день до этого Мэри-Энн получила записку от капитана Саттона: «Сегодня на бирже я встретил одного своего знакомого, Билла Даулера. Можно мне привести его с собой?» Ответ: «Буду счастлива». Это оказалось той самой случайностью, которая меняет всю жизнь.

Мэри-Энн, взволнованная всеми приготовлениями к приему, расстроенная необходимостью постоянно одергивать Джозефа, измученная до предела, нуждалась в поощрении. И она нашла его. Рядом с ней сидел незнакомец. Он ей очень понравился: голубоглазый, среднего роста, со здоровым цветом лица. Болтовня остальных гостей дала этим двоим возможность произвести разведку. Подшучивание друг над другом перешло сначала во взаимное согласие, а потом — во взаимопонимание. В какое-то мгновение их внутренние мелодии зазвучали в унисон. В результате произошла взбудоражившая обоих реакция соединения. В ее жизнь внезапно вошел мужчина, который ей очень понравился, и это повлекло за собой массу сложностей. Как же ей

справиться с опасностью? Желание, которое, казалось, навечно умерло за годы жизни с Джозефом, вновь разгорелось с появлением Даулера. Он объединил в себе то, чего был лишен Джозеф. Сначала он все обдумывал, взвешивал каждое слово, а только потом высказывался. У него были сильные руки, а его широкие плечи… Только теперь Мэри-Энн осознала, какую ошибку совершила, поддавшись внешнему обаянию Джозефа. Сейчас все было по-другому.

«Почему мы не встретились раньше?»

Эти слова говорили друг другу тысячи влюбленных. Он не торопил ее, он был спокоен и сдержан, разжигая тем самым горевший в ней огонь, заставляя ее думать — и поражаться силе чувств, требовавших от нее забыть о гордости: «Я хочу его. Как же мне подтолкнуть его?»

Как можно надеяться на какие-то ответные чувства, если живешь в доме викария? Вот главное препятствие. Ведь Билл Даулер — человек чести, и это главная составляющая его привлекательности. Он не будет красться по ночам к ней в комнату, ей нечего бояться скрипящих половиц. Он приходил на обед к пяти и уходил в десять — и оба страдали, но честь была спасена. Он был неспособен скомпрометировать женщину. Един-

ственный сын любящих и нежных родителей, он впитал в себя их принципы: бойся Бога и остерегайся дьявола.

Прием в Воксхолле? Конечно, это замечательно. Но они приходили в сопровождении нескольких знакомых — и никогда вдвоем. Плечо касалось плеча, когда они смотрели кукольное представление; руки соприкасались, когда указывали на медведя Бруно; смех звучал в унисон; глаза постоянно искали друг друга; их нежность проявлялась в каждом жесте. Но к чему это приводило, когда заканчивался прием? К жесткому сиденью в экипаже, медленно трясущемся по направлению к Бейсуотеру, в то время как двухместная коляска могла бы сотворить чудеса.

Намеки Мей Тейлор пробуждали в нем сострадание и наводили на размышления.

— Разве вы не знали, что ее муж самое настоящее животное?

— У меня возникло подобное предположение: Саттон мне кое-что рассказывал.

В его голосе слышалась забота, он обращался с ней очень бережно. Но он не переступал границ, ничего не предпринимал. Только пара томиков стихов, нежное поглаживание Эдварда по голове, кукла для Эллен.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас? Если да, вы скажете мне?

Сказать? Бог мой! Неужели он считает, что она сделана из камня? Неужели она должна спокойно сидеть, скромно сложив руки на коленях, кивать и заставлять себя сдерживаться? Или ей стоит начать гадать на ромашке — прямо как ученице из Хэма? Любит, не любит. Возьмет меня, не возьмет. А пока каждую ночь она видит спящего Джозефа, впустую растрачивая драгоценные недели, теряя волшебные, возвышенные вечера середины лета.

Именно Джозеф в конце концов вынудил ее принять решение. Возможно, он, несмотря на свой затуманенный вином мозг, догадался, что не только усталость сделала ее такой молчаливой; возможно, он почувствовал, что скрывается за зевотой, за постоянным внутренним сопротивлением, за нежеланием взглянуть прямо в глаза.

— Что случилось с тобой в последнее время? Почему ты так изменилась?

— Изменилась? А что ты ожидал? Посмотри в зеркало.

Не было больше завуалированных упреков, только нападение. Звучавшее в ее словах отвращение показало ему, как низко он пал. Он

уставился в зеркало и увидел свое отражение: урод, жалкое подобие человека. Черты расплылись, кожа покрылась пятнами. Темные глаза превратились в щелки на одутловатом лице. Трясущиеся руки, поникшие, ссутулившиеся плечи. Перекошенный рот, как будто его ужалила оса. Полный крах того человека, каким он был раньше, а ведь ему нет тридцати.

— Прости меня. Я ничего не могу поделать.

Стыд овладел им утром, когда, сцепив руки, он жалобно молил о прощении, о снисхождении.

— Мне просто не повезло, все ополчились против меня.

Разговоры с братом, викарием, ничего не дали. За торжественным «Пусть Всемогущий Господь принесет тебе успокоение» следовали слезы и обещания, что в будущем подобное не повторится, но в глубине души он понимал, что Мэри-Энн презирает его, и к вечеру надежда на спасение покидала его. Один стаканчик, чтобы успокоить дрожь в руках; второй — чтобы помочь своей уязвленной гордости; третий — чтобы придать походке былое щегольство; четвертый — чтобы мир вновь расцвел яркими красками; пятый — чтобы обругать их всех, стать Господом Всемогущим; шестой — чтобы затуманить мозг и все

забыть. Наконец полное забытье, и он в руках дьявола.

— На его лечение могут уйти месяцы, госпожа Кларк. Я видел людей, которые, будучи в таком же состоянии, выздоравливали. Но вы ни на мгновение не сможете расслабиться. Один глоток — и все повторится. Это бремя вам придется нести всю жизнь, а у вас еще маленькие дети.

Они с доктором были в кабинете викария, где все собрались на семейный совет: Мэри-Энн, преподобный Джеймс, госпожа Джон. Наконец тайное стало явным, и они увидели, в каком он ужасном состоянии. Они больше не отводили глаз и не пытались остаться в стороне.

— Вы называете моего мужа алкоголиком. Я называю его пьяницей. Раз я вынуждена выбирать между ним и детьми, я выбираю детей.

Она с ужасом представила, что будет привязана к нему навеки, ее испугала перспектива уподобиться владельцу медведя, который изредка выпускает своего подопечного погулять на травке. Неуклюжее чудовище, которое бродит по лесу, высунув язык. Детей придется раздать родственникам: девочек — к ее матери, мальчиков — к госпоже Джон. Она со своим больным будет жить на пособие по бедности. Она отбросила эти

мысли и повернулась викарию:

— Я терпела девять лет. Другая на моем месте не выдержала бы и пяти. Это началось еще до того, как мы уехали с Чарльз-сквер, а до такой степени он опустился, когда мы жили на Голден-лейн. Для него и для всех нас было бы лучше, если бы он сейчас пустил себе пулю в лоб, как ваш брат Джон.

Викарий попросил ее повременить с окончательным решением. Он рассказал притчу о мужьях-повесах, о падших ангелах и раскаявшихся грешниках.

— Как много радости… — начал он, но она оборвала его.

— На небесах, возможно, — сказала она, — но не на земле, тем более для женщины.

Он напомнил ей о клятве, данной перед алтарем, о кольце, которое она носила на пальце, о благословении. В богатстве и в бедности, пока смерть не разлучит.

— «Все, что у меня есть, я оставляю тебе». Так однажды сказал Господь, так говорил мне и мой муж, но он не дал мне ничего, кроме болезни, из-за которой я потеряла ребенка. Только уважение к вашему сану не позволяет мне вдаваться в подробности.

Потрясенные и ошеломленные, они больше не пытались давить на нее. Доктор, трезво оценивающий ситуацию, был на ее стороне. Он посоветовал увезти Джозефа из города, хотя бы на время. Отдых… свежий воздух… привести в порядок нервы. Если его оставить на Крейвен-Плейс, ему понадобится санитар.

Викарий заколебался, пойманный в капкан собственными рассуждениями. Муж-повеса оказался также и братом-повесой, Джозеф был Исавом, но без миски похлебки. Обстоятельства заставили Джона совершить самоубийство, поэтому надо спасать Джозефа. Возможно, со временем ему удастся восстановить и семью. Но молодая женщина с четырьмя маленькими детьми останется одна на всем свете? Краснея, он выдавил из себя слова предостережения:

— Мэри-Энн, достаточно ли вы сильны, чтобы противостоять искушению?

Она не была сильна. В этом-то и было все дело. Искушение манило ее, и ей хотелось уступить и забыть обо всем на свете. Ей хотелось погрязнуть в грехе.

— Я смогу позаботиться и о себе, и о детях.

Незачем рассказывать викарию об уже написанной, но еще не отосланной записке, которую

она отправит с посыльным Даулеру.

Смущенных детей посадили в дилижанс, и в сопровождении Мей Тейлор и Изабель они отправились в меблированные комнаты в Хэмпстеде.

— А где папа? Он заболел? Почему он кричал?

Маленького Эдварда быстро заставили замолчать, к тому же путешествие становилось интересным. Холодный, напоенный сладостью воздух Хэмпстеда оказывал целительное воздействие, и «Йеллоу-Коттедж», принадлежавший госпоже Эндрюс, выходил на Хаверсток-Хилл. О Джозефе, лежащем на Крейвен-Плейс в комнате с зашторенными окнами, нужно забыть. Все ее чувства были наполнены радостью спасения и ожиданием любви. Завтра она получит ответ на свою записку или самого Даулера. Она скажет ему: «Почему бы тебе не остаться? Ты можешь остановиться в комнате Мей Тейлор, ей пришлось вернуться. Она не может так долго находиться вдали от Крейвен-Плейс. А Изабель — Изабель будет с детьми. Она прекрасно поспит с Эллен, которая часто плачет по ночам… Ты захватил для меня книги? Мне так плохо без книг и без музыки…»

Потом они зажгут свечи и опустят шторы, и, если он настоящий мужчина, а не урод, он… Она

заснула.

А на следующий день случилась беда, все оказалось не так, как она рассчитывала. Мэри-Энн-вторую била лихорадка, она бредила и кашляла. К вечеру на лице и на груди выступила сыпь. Девочка в бреду звала давно уехавшую Марту. Марту, которой уже год не было с ними. Мэри-Энн, стоя на коленях возле кровати, никак не могла успокоить ее.

— Позови Марту. Пожалуйста, позови Марту.

Девочка металась, постоянно повторяя это имя. Доктор, вызванный госпожой Эндрюс, покачал головой. Тяжелый случай кори, болезнь очень заразна. Остальные тоже заболеют, ничего нельзя сделать. Не было смысла ставить банки, единственное средство — теплое молоко.

— Изабель, где сейчас Марта?

— Там же, в Чипсайде. У господина Эллиса.

— Немедленно отправляйся туда с Мей. Найми экипаж. Не считайся с расходами, сейчас это не имеет значения.

— Почему ты думаешь, что она вернется? Ведь уже год, как она ушла.

Возмездие. Душевные муки. С подушки на Мэри-Энн устремлен остекленевший взгляд, но это больше не детский взгляд, это взгляд Джозефа.

Тщетно она возносила молитвы отвернувшемуся от нее Всевышнему. В чем я виновата? Почему это случилось? Возьми мою жизнь, но оставь жизнь ребенку.

Холодный компресс на горячий лоб — безрезультатно. Минуты растянулись в часы, часы — в вечность. Чарльз-сквер, потом Голден-лейн, смех ребенка. Что-то было не так в их семейной жизни, но кто виноват? И почему из-за этого должен страдать ребенок?

— Я пришла, мэм.

— Марта!

Рыдая, она припала к ней. Круглое лицо Марты светилось надеждой. В ее плотной фигуре, в накинутой на плечи шали — подарок на прощание, в плетеной корзинке, в том, как она поставила корзинку и скинула шаль, было что-то успокаивающее.

— Что ты сказала своему хозяину?

— Меня он не волнует. Я сказала, что у меня заболела мать.

Улыбка Боба Фаркуара. Его блеск в глазах.

— Марта здесь, родная моя. Марта пришла к тебе.

Она ощутила, что панический ужас исчез, на сердце сразу полегчало; все чувства замерли в

ней, за исключением страшной усталости, мучительной болью пронзившей все ее тело, когда она поднялась.

Внезапно она увидела Билла Даулера, стоявшего в дверях.

— Что вы здесь делаете?

— Я получил ваше письмо. И сразу же приехал.

— Мое письмо?

Она обо всем забыла из-за болезни дочери. Призыв, посланный ею с Крейвен-Плейс, принадлежал другому времени, другой эпохе. «Йеллоу-Коттедж» превратился в прибежище страданий и болезни, это больше не уютное гнездышко для влюбленных.

— Вы опоздали.

Он не понял, что она хотела сказать, но не стал расспрашивать. Она страдала, она была измучена до крайности, и только это имело для него значение. Он протянул к ней руки, и она прижалась к нему, как ребенок прижимается к отцу.

Неизведанное ранее чувство покоя охватило ее. Это ощущение не было похоже на испытанное ею вчера предвкушение неземного блаженства. Он повел ее вниз, в гостиную госпожи Эндрюс, и они сели у окна. В саду, за которым простиралась вересковая пустошь, Изабель пыталась поймать

слонявшегося Эдварда и заставить его заняться делами. Мей Тейлор вместе с Эллен собирала цветы, маленький Джордж пытался справиться со своим фартучком, который путался у него под ногами.

— Я подумал, что вам нужна помощь. Я очень беспокоился.

— Мой деверь, викарий, дал мне денег.

— Но их может быть недостаточно.

Недостаточно для чего? На случай болезни, смерти, стихийного бедствия, всех непредвиденных несчастий, для оплаты судебных издержек?

Внезапно он спросил:

— Вы ушли от мужа?

— Да.

— Навсегда?

Она не ответила, так как сама не знала. Если бы она сказала «нет», тогда он сразу же поднялся и вернулся бы в город. Если бы сказала «да», ребенок в комнате наверху превратился бы в заложника.

Если она заключит сделку с Господом, может ли она быть уверена, что Он не обманет ее и сохранит дитя? Ею руководили страх и чувство вины.

— Если Мэри-Энн поправится…

Она не закончила. Он понял. Его судьба за-

висела от судьбы девочки, так же как судьба самой Мэри-Энн. Ей казалось, что болезнь дочери превратилась в своего рода символ, в указательный столб с двумя стрелками, направленными вправо и влево. Если ребенок поправится, долг, благодарность и твердая решимость вернут ее на Крейвен-Плейс к Джозефу. Измученная страданиями, она пребывала в возвышенном расположении духа. Кроме того, страх притупил желание.

На него же страх подействовал совершенно иначе, только обострив влечение к ней. Вид измученной и обезумевшей от горя Мэри-Энн еще сильнее распалил его. До сих пор им руководило благоразумие, на его пути стояла призрачная фигура мужа. Дом викария помогал держать в узде чувства, но здесь, на нейтральной территории, все условности теряли свое значение. Как странно, что дразнившая его кокетка, которая флиртовала с ним в Воксхолле, прижимаясь к нему коленом и обмахивая веером, превратилась в эту сидящую рядом с ним женщину с остановившимся взглядом, несчастную и испуганную, обеспокоенную за жизнь своего ребенка.

— Вы останетесь на ночь? Пожалуйста, мне с вами спокойнее. Как мне известно, у госпожи

Эндрюс есть свободная комната.

Она даже не пожелала ему спокойной ночи, она мгновенно исчезла, как будто комната с больным ребенком притягивала ее подобно магниту.

— Как она, Марта?

— Мне кажется, ей лучше, мэм. Она стала поспокойнее. Поспите немного. Я посижу с ней.

— Если что-нибудь случится, сразу же разбуди меня.

В кровать и спать. Погрузиться в темноту. Без мыслей, без снов — до самого утра. А утром, как только она открыла глаза, боль и мука с новой силой обрушились на нее. Мэри-Энн схватила плед и босиком побежала к Марте, но вместо мрака подземелья она увидела раздвинутые шторы, улыбающуюся Марту и приподнятую над подушкой детскую головку с огромными, ясными, осмысленными глазами.

— Лихорадка прошла. Она пришла в себя.

— О, благодарю Тебя, Господи!

Но почему ее захлестнула такая мощная волна чувств, такой сильный всплеск эмоций, такое страстное желание, заставляющее ее немедленно бежать в его комнату? Почему, забыв договор с Господом, забыв обо всем на свете, она только и думает о том, чтобы отдаться ему?

— Я так люблю тебя. Я так долго ждала этого.

Кому она благодарна? Богу на небесах? Ни для нее, ни для Билла Даулера подобные понятия не имели смысла. Прошлое предано забвению, для них существует только настоящее. Изабель и Мей Тейлор уехали. Любовники были предоставлены самим себе. Остальные дети могли заразиться, но какое это имеет значение? Ну, пятнышки на лице, ну кашель по ночам, но ведь рядом Марта и искренне желающая помочь госпожа Эндрюс.

— Ты не вернешься к мужу?

— Никогда… никогда.

Эдвард заболел корью последним и умер.

Глава 10

Она глубоко не задумывалась о причинах. Она опять ушла в себя, во всем ее облике опять появилась возвышенность, как будто сердце уже нашло ответы на все вопросы, но мозг был измучен противоречиями, перепутавшими чувства. В смерти и трагедии виноват Джозеф. Она всегда следовала велению сердца, ею всегда руководило природное чутье, а Джозеф подвел ее. Если бы он добился успеха, как его хозяин Бурнелл или как Джеймс Бертон, с ними никогда не случилось бы такого несчастья. Сейчас они жили бы в богатстве, были бы счастливы, и Эдвард не умер бы.

Она не могла отделить успех от спокойствия духа. Эти два понятия взаимосвязаны: к подобному выводу она пришла после долгих наблюдений. Неудачи вели к бедности, бедность — к нищете, а нищета вела к последней стадии: к вони и убожеству Баулинг-Инн-Элли.

Женщина стареет раньше назначенного срока, замученная домашними заботами, всегда раздраженная, издерганная неуправляемыми детьми, — она видела, что через десять лет ей не избежать всего этого, и все из-за мужа-неудач-

ника. Мужчина обеспечивает семью. Мужчина распоряжается кошельком. Следовательно, нужно найти простофилю, из которого можно было бы запросто тянуть деньги, и эти деньги возместят ей прошлые страдания.

Стремление к чему-то лучшему, вынашивание детей, постоянная необходимость всех подталкивать и при этом сохранять невозмутимость не принесли ни слова благодарности, ни малейшего результата — муж под надзором санитаров в больнице, сын умер. Итак, до сих пор все сто́ящее не давалось ей в руки, значит нужно бороться, даже если грозит неудача.

Идиллическая жизнь в Хэмпстеде успокаивала боль и очищала душу. Доверие и желание исчезли, когда крохотный гробик с белым, как воск, мальчиком, чья улыбка, чей смех, чье нежное прикосновение возродились в малыше Джордже, опустился, прикрытый охапкой лилий, в разверстую пасть могилы.

Билл Даулер, возлюбленный, такой желанный, превратился в Билла Даулера, друга и покровителя, который в то же время оставался возлюбленным, в зависимости от настроения. Новый статус был принят им без всяких вопросов: он стал дядей Биллом, а не господином Даулером.

Она не старалась скрыть, какую роль уготовила ему в будущем. Пока у него были деньги, он ее устраивал. Если ее чувства к нему изменятся и если то же самое случится с его кошельком, она посмотрит в другую сторону. При живом муже у них нет никаких шансов пожениться, но в этом мире, созданном мужчинами, замужество — еще не все. Тень сапожника с Бонд-стрит — дядюшки Тома — маячила где-то вдали, суля сокровища.

Он заехал к Мэри-Энн в Хэмпстед. Его сопровождала племянница. Мэри-Энн знала, зачем он приехал: это видно было по глазам. Хотя внешне причина его визита выглядела довольно тривиально: сочувствие, соболезнование, отеческое похлопывание по руке. Но, оставшись на мгновение с ним наедине, она заметила, как он задумчиво и хладнокровно оценивал ее. «Наверное, — сказала она себе, — он с таким же видом выбирает при покупке кожу, взвешивая ее на руке, пробуя на ощупь, чтобы определить качество».

— По дороге в Хэмпстед моя племянница обмолвилась, — проговорил он, избегая смотреть ей в глаза и глядя куда-то поверх ее головы, — что вы не собираетесь возвращаться на Крейвен-Плейс. Я все правильно понял?

— Правильно.

— И что вас, позволю себе предположить, в настоящий момент устраивает ваше положение?

— Я больше не завишу от ежегодного пособия своего мужа или от своих родственников, если вы это имеете в виду.

— Именно, именно. Временная мера. Поддержка друга. — В его бормотании, учтивом, но в то же время едком, слышалось сомнение в ее будущем благополучии. «Стреляный воробей, — подумала Мэри-Энн, — мудрый, он знает жизнь».

— Биржа, — продолжал он бормотать. — Рискованно, конечно, ведь в стране сейчас такая неустойчивая обстановка. Легко сделать состояние, но еще легче потерять его. Если вы не очень хорошо разбираетесь в этом деле, лучше вам туда не соваться.

Никаких имен, но она понимала, что он намекает на Билла.

— Итак, что вы предлагаете? — спросила она прямо.

— Заключить соглашение, естественно, — ответил он. — У вас нет другого выхода. Молодые женщины, подобные вам, должны быть защищены. Счет в банке — и вы независимы… Хотя, конечно…

— Что?

— Лучше арендовать дом в городе, — бормотал он, — на ваше имя, естественно. Деньги разлетаются мгновенно, но недвижимость остается. В вашем положении это было бы мудро.

Он виделся ей кукловодом с бечевками в руках. Сделай так, красавица, покрутись, покажи ножку. Легче, изящнее, только так ты сумеешь завлечь их. Мэри-Энн оглядела комнату и увидела, что Билл Даулер разговаривает с Мей Тейлор. Спокойный, надежный, и все же… Джон Кларк рискнул всем своим состоянием, потом его нашли с простреленной головой в экипаже в Пентонвилле.

Но Билл, осторожный и благонравный, не пойдет на это, он постепенно уподобится своим родителям. Спокойная жизнь в загородном поместье. А разве рядом с законопослушными и богобоязненными родителями есть место госпоже Кларк и ее детям? Бросая своего мужа, женщина сжигает за собой мосты. Прекрасно, пусть на нее навешивают ярлыки. К черту отговорки.

— Скажите, — обратилась она к старику, — сколько я стою на вашем рынке?

На этот раз он взглянул на нее прямо и не колебался — посредник, оценщик, прекрасно знающий свое дело.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Можете сойти за двадцатилетнюю, но мужчинам нравятся еще моложе. В большинстве случаев. Но не всегда. Как долго вы замужем?

— Летом будет девять.

— Об этом следует умалчивать: меньше платят. Были замужем два года и вдруг овдовели. Это может вызвать особый интерес, к тому же вы еще полны свежести — все зависит от клиента и от моды.

— А на что сейчас мода?

— На все жизнерадостное. На шустрых, ловких и очаровательных. Суровая невинность уже много лет никого не привлекает. Тон задает принц с госпожой Фитц. А все им слепо подражают. Слышали о лорде Бэрриморе?

— О нем писали в газете.

«И злословили, — подумала Мэри-Энн, — в грязных памфлетах. А может, это было о Ричарде, седьмом графе Бэрриморе, который сбежал в Гретна-Грин, чтобы обвенчаться с дочерью носильщика портшеза, а потом, записавшись в народное ополчение в Берксе, не совладал со своим мушкетом и встретил свой конец?»

— Ведь он умер? — добавила Мэри-Энн.

— Один из Бэрриморов — близкий друг принца. Всего братьев трое, бешеных, как ястребы. Принц дал им прозвища: Хеллгейт, Криппгейт и Ньюгейт. А сестру назвал Биллингсгейт. Однажды его королевское высочество сказал мне, что она превзошла своих братьев в умении сквернословить. Нет, я говорю о ныне здравствующем графе. Он потрудился бы над вами.

Потрудился бы над ней. Она что, поле, которое надо вспахать, а Тейлор — фермер, запрягающий лошадь в плуг?

— Он женился на ирландке в девяносто пятом, — рассказывал старик, — но она все время сбегает в Уотерфорд, оставляя его светлость в дураках. Он хром, но его это мало волнует. Между прочим, он один из моих основных клиентов. Только скажите — и я представлю вас.

Мэри-Энн заметила, что Билл Даулер ищет ее, его взгляд был полон любви, взгляд счастливого обладателя и почитателя. Вопрос только, как долго он будет испытывать подобные чувства?

— Вы что-то сказали насчет аренды, — тихо проговорила она, — о доме в городе. Это будет довольно выгодно. У меня есть друзья среди домостроителей, они помогут.

Возможно, нужно обратиться к Джеймсу Бер-

тону, старому знакомому. Он заполнил весь Блумсбери своими домами. Только где Билл возьмет деньги?

Должно быть, обувщик прочел ее мысли, так как, помолчав немного, бросил оценивающий взгляд сначала на Даулера, а потом на нее и, похлопав ее по колену, сказал:

— С ним никаких дел, только любовь.

— Вы хотите сказать, что он должен быть тем другом, которому не дают возможности доказать свою преданность в беде?

— Вот именно. Если он вам нравится, отдайтесь своей любви и получайте удовольствие, вот и все. Впрочем, вряд ли он сразу согласится на подобные отношения. Знаете, что я вам скажу…

— Да?

— Мы прекрасно понимаем друг друга. Поговорите со своими друзьями из тех, кто ведет строительные дела, и выберите дом. Я дам вам денег.

— Под какие проценты? Вы не боитесь рисковать?

Он рассмеялся и дернул себя за нос.

— Вы — вовсе не рискованное предприятие, вы — надежное помещение капитала, — ответил он. — Не бойтесь, я верну свои деньги и получу

хорошие дивиденды. У вас есть мать?

— Да, и сестра, и младший брат.

— Мы используем и вашу мать, и сестру. Пусть они поселятся вместе с вами, это придаст вам особую пикантность. Молоденькая вдова, которая живет под материнским крылом. Звучит очень благопристойно и разжигает аппетиты. Ну, на сегодня достаточно. Вы знаете, где найти меня, когда у вас возникнет необходимость.

Он пошарил в бездонном кармане, вытащил сахарную плитку и два леденца и поманил лакомством детей Мэри-Энн.

— Кто хочет получить карамельку у дяди Тома?

Подходите… подходите… Она представила его на ярмарке, как он бьет в барабан… Ярко-красный занавес опущен. Что за ним? Платите денежки — и узнаете. Дети, завлеченные сладостями, придвинулись к нему поближе. Джордж, с липкими губами, скакал у него на колене. Старый великан-людоед, заманивающий детишек… Охваченная внезапным гневом, она подошла к Даулеру.

— Увези меня отсюда, — попросила она. — Я больше не могу этого выносить.

Он озадаченно уставился на нее. Что, прямо сейчас? Сию минуту? Ведь эти люди приехали

выразить им свои соболезнования, это своего рода прием. Только что он видел, как она смеялась, болтая с этим словоохотливым стариком Тейлором. Слезы по умершему сыну давно уже высохли — она никогда о нем не упоминала, никогда не плакала по ночам. Тогда почему у нее на лице такое страдание, как будто за ней гонятся привидения?

— Конечно, я увезу тебя когда захочешь, — ответил он. — Сегодня, завтра, послезавтра. Но в чем дело?

Она могла бы сказать: «В том, что жизнь продолжается. Ты можешь уйти от меня, и я останусь ни с чем. Нет, не специально. Тебя могут вынудить обстоятельства. Твои впавшие в старческий маразм родители в Аксбридже. Или ты решишь жениться на дочери сквайра и воспитывать сыновей с откормленными рожами. И если ты уйдешь, вся моя жизнь пойдет с молотка, она станет собственностью этой старой жабы. Сколько даете за выросшую в вони и нищете Баулинг-Инн-Элли мать с тремя детьми? Горит желанием обслуживать клиентов. Качество гарантируется».

Вместо этого она улыбнулась ему и сказала:

— Мне скучно.

Это был конец. Она очень ловко это скрывала.

Никаких пожиманий плечами и зевков в ответ на его ласки. И все же… в том, как она это сказала, звучал вызов. «Возмести мне то, что я потеряла», — подразумевала она. Он делал все, что от него требовалось, чего же еще она хочет? Всегда рядом с ней, является по первому зову, исполняет все ее прихоти, забавляет детей, платит госпоже Эндрюс. Если бы она была свободна и могла выйти за него… Нет, это создало бы проблемы. Как бы сильно он ни любил ее, он всегда помнил бы о старом доме в Аксбридже, о своем отце. Но она не свободна, следовательно, ссоры с отцом не будет. Возможно, когда-нибудь они найдут дом, маленький домик в поместье каких-нибудь знакомых, куда всегда можно будет приехать. А когда его родители умрут, все само собой решится без труда.

Пока же он увезет ее из этой сутолоки, от сестры, друзей и выздоравливающих детей. Она будет принадлежать только ему.

— Я знаю одну деревушку, — сказал он. — Челфон-Сент-Питер, всего в двадцати милях от города. Там маленькая гостиница, почти нет народу. Вокруг поля и леса, тишина и пустынные тропинки.

Полное отсутствие какого-либо выражения на

ее лице указало ему на его ошибку.

— Сент-Питер что? — спросила она. — Я не паломница. Бога ради, я хочу повидать свет. Мы поедем в Брайтон.

«Какая удача, — подумал он, — что мне так повезло на бирже. Брайтон гораздо дороже Сент-Питера».

Она в пять минут все обдумала. Ее мать приедет в Хэмпстед и возьмет на себя все заботы. А завтра она отправится в город, чтобы купить платье. Нельзя появляться в таком виде, все ее шляпки давно вышли из моды. Она может взять с собой Изабель и Мей Тейлор. Сейчас конец сезона, все будет гораздо дешевле.

— А туфли? — спросил дядюшка Том Тейлор.

Билла Даулера удивил взгляд, который она бросила на старика. Он же был так вежлив, не хотел ее обидеть. Ведь он обувщик, а Мей — его племянница, вот он и хотел помочь им сэкономить.

— Я сама куплю себе обувь в Брайтоне, — ответила Мэри-Энн.

Не было надобности так резко отвечать. Она отвернулась от него. Старик улыбнулся и достал из кармана леденцы. «Возможно, он как-то обидел ее, — подумал Даулер. — Женщины так капризны, они непредсказуемы».

В эту ночь они любили друг друга как никогда. Зачем же тогда ехать в Брайтон? Откуда скука? Лучше молчать, а не задавать вопросы. Нести за ней свертки, писать письма с просьбой заказать номер, оставаться дядей Биллом, кормить ребенка завтраком, посадив его на руки, становиться глухим, когда сестры начинают обсуждать наряды. Куда должно смотреть перо — вверх или вниз, а какой вырез делать — глубокий? Только вот вопрос: ради кого эта суматоха с нарядами, ради него? Когда они прогуливались по променаду в Брайтоне, он подумал, что все делалось ради него. Ее улыбка принадлежала ему, ее глаза, ее смех, кроме взглядов, обращенных ей вслед.

Боже, он так гордился ею! Взбитые по последней моде волосы, элегантное платье (за него еще не уплачено? — забудем об этом), надетая под невероятным углом шляпка с перьями. Никаких забот, все печали позабыты. Бедная девочка, своими страданиями она заслужила это удовольствие. Этот муж-подонок, отравивший ее лучшие годы.

— Счастлива? — спросил он, всматриваясь в ее искрящиеся глаза.

Она схватила его за руку и кивнула, но не ответила.

— Свежий воздух пошел тебе на пользу: у тебя

отличный цвет лица.

«Цвет лица — ерунда!» — подумала она, но промолчала. Она всегда мечтала прогуливаться именно в такой толпе. Озон или морской воздух ни при чем. Просто она оказалась в том мире, о котором писали памфлеты, в мире стиля, высших слоев общества, о котором она читала с самого детства, в мире, который описывали скандальные статьи в дешевых газетенках, в мире тех мужчин и женщин, над которыми она смеялась. И вот эти люди оказались перед ней вживую, они выглядят именно так, как она их и представляла: толстыми, жеманными, тщеславными и готовыми на обман.

Вот вдоль набережной быстро проскакали *Возничие* — так называла себя компания светских щеголей, которые умели мастерски управлять экипажем, запряженным четверкой. Их появление сопровождалось выкриками и цветистыми выражениями. Билл Даулер показывал ей знаменитостей. Лорд Сефтон, Уорчестер, Фитцхардинг, сэр Беллингэм Грэхэм, а там разве не «Чайник» Крауферд и «Пудель» Бинг?

— Лучший среди них Бэрримор, — сообщил Даулер, — я однажды встречался с ним в Олмаке. Я не очень люблю таких людей: он жуткий рас-

путник. Вон тот парень.

Экипаж, запряженный четверкой, проследовал мимо них. Лошадьми правил мужчина с георгином величиной с кочан капусты в петлице. Он повернул голову и внимательно осмотрел их, а потом что-то коротко сказал своему приятелю, сидевшему рядом с ним.

Значит, это был Крипплгейт, давний клиент старого Тейлора. Интересно, женщин он тоже бьет кнутом, как своих лошадей, чтобы заставить одних не переходить в галоп и злясь на других за то, что они слишком медленно двигаются? «Подожди, дружок, — подумала она, — не сейчас. Скоро мы с тобой встретимся в доме 9 на Бонд-стрит. Но цветок тебе придется оставить дома. Терпеть не могу капусту. И ненавижу кнут».

А вслух она проговорила:

— Давай пройдем дальше. Может, увидим принца Уэльского.

Однако судьба распорядилась, чтобы они встретили Джеймса Бертона.

— Не ожидал увидеть вас здесь, госпожа Кларк!

— Господин Бертон! Как я рада. Вы знакомы с Биллом Даулером?

Ни слова о Джозефе. Значит, вот какие дела. Бер-

тон мгновенно разобрался в ситуации и ничему не удивился. Ей суждено было пойти по кривой дорожке, так почему бы не в сторону Брайтона?

— Давайте встретимся сегодня вечером в Зале ассамблей, — предложил Бертон. — Мы возобновим наше знакомство. Как в былые времена.

Былые времена? Да здесь нет ничего похожего на былые времена. Как можно сравнивать сияющий огнями Зал ассамблей с домом на Голден-лейн, со скрипучей лестницей на Блэк-Рейвен-Пессидж и с Бертоном, старающимся как можно реже бывать дома, чтобы не мешать повесе Джозефу?

«Она прекрасно выглядит, — подумал он, — и чертовски привлекательна. Интересно, она намеренно улизнула от всегда сопровождающего ее Даулера, чтобы поговорить со мной?»

Она сразу же перешла к делу.

— Мне нужен дом, — сказала она, — дом в Лондоне.

— Сколько вы можете заплатить? Вы хотите купить его?

— Я намереваюсь арендовать его на десять лет.

Он взглянул на нее и спросил себя, кто будет платить. Этот парень, Даулер, или другая ее жертва?

— Могу вам сообщить, — сказала она, — что я навсегда ушла от Джозефа. Я буду жить одна, вместе с матерью и моими детьми.

В таком случае путь расчищен. Стоит попытаться, может, что-нибудь получится.

— У меня есть несколько домов на Тэвесток-Плейс. Они почти достроены, — сказал он. — Аренда обойдется в тысячу или в тысячу четыреста.

— Плату вносить вперед? Раз в полгода или каждые три месяца?

Он улыбнулся и покачал головой:

— Вам меня не поймать. Зачем нам спешить, мы старые друзья, мы сможем решить все вопросы как-нибудь на досуге.

— Когда я смогу въехать?

— Весной. А тем временем, если вы согласитесь, я могу использовать свои связи здесь, в Брайтоне. Веселье будет царить до декабря.

«Пришло время решаться, — подумала Мэри-Энн, — пора делать себе карьеру. Чтобы ее все видели, встречали, знали. А потом будет Лондон».

— Дом в городе мне понадобится вскоре после Рождества, — сказала она, — но пока держите наш план в секрете. Сейчас, во всяком случае.

— Разве вы не хотите, чтобы ваш друг узнал?

— Я скажу ему позже.

«Оказывается, — подумал он, — все выглядит более заманчиво. Значит, Даулер ее не содержит. В таком случае можно совместить приятное с полезным».

— А как насчет меня? — спросил он. — Будут ли чаевые для строителя? Мне приходится время от времени проверять крышу. Хорошо ли лежит краска, работает ли вентиляция. Я, естественно, черкну вам пару строк, прежде чем заехать.

Его взгляд говорил красноречивее всяких слов. Она прекрасно понимала его. Другими словами, можно забыть о ренте. Не думать об этих тысяча четырехстах фунтах. Десятилетняя аренда в обмен на периодические встречи. Ну, ладно… они знакомы уже десять лет, он довольно привлекателен. К тому же недавно женился, так что не будет доставлять особых хлопот. Семейная жизнь будет отнимать у него большую часть времени. Если ей не понадобится платить за аренду, тогда не придется обращаться к дядюшке Тому. Она будет избавлена от Бонд-стрит, а клиентов найдет сама. Она подняла фужер и посмотрела в глаза Бертону.

— Тебе, зодчий, — сказала она, — двери всегда

открыты.

Больше ничего сказано не было. Она знала, что вопрос с арендной платой улажен.

«Ну вот, решающий шаг сделан, — думала она, — возврата нет. Я на пути к тому, что мне нужно, и сделаю все, чтобы это получить. Я буду платить натурой. Я не буду дешевить. Я не буду обманывать. Никто не скажет, что я не заработала своих денег. Я буду честно отрабатывать установленную цену. Это такое же ремесло, как любое другое, все равно что быть мясником или булочником или делать подсвечники. Всем надо на что-то жить».

Суть в том, что она будет зарабатывать деньги вот таким способом, но не для того, чтобы жаться и экономить, а чтобы тратить. Литературная поденщина давала очень мало. Наконец она сможет купить то, что хочется: платья и меховые пелерины, безделушки, всевозможные шляпки, одежду для матери и Изабель, игрушки для детей. Ни одна гинея не попадет в карман Джозефа.

У нее будет свой дом, обставленный по ее вкусу. Новые лица, новые люди, новые друзья. Это нескончаемое веселье будет оплачиваться ее деньгами, поэтому ни одна живая душа не посмеет выразить ей свое неудовольствие.

Месяцы, проведенные в Брайтоне, принесли свои плоды. Знакомых становилось все больше, их круг расширялся. Когда Билл Даулер приезжал к ней на субботу и воскресенье, он видел, что у него становится все больше и больше конкурентов. Визитные карточки *Возничих* украшали ее зеркало. «До вечера», — говорила она или: «До ужина» — и отправлялась на скачки с Джонни Бранеллеом, а когда наступал вечер, она оказывалась с Чарльзом Милнером.

— Откуда у тебя такой хлыст с бриллиантами?

— Что? А, от Крипплгейта Бэрримора. Это он так пошутил.

— Довольно дорогая шутка.

— Он может себе позволить.

Он постоянно видел ее в чьей-то коляске, в чьем-то фаэтоне. Она с легкостью уходила от всех вопросов, избегая объяснений.

— Я никогда раньше так не развлекалась. Теперь я восполняю этот пробел.

Другими словами, он должен смириться или убираться вон. Какое-то время они были вместе, но теперь это время миновало. Он может продолжать играть на бирже или катить в Аксбридж — он может делать все, что пожелает.

Но, к сожалению, удачи на бирже случались

редко. Рынок разваливался, и он терял деньги. Он оказался перед выбором: уехать домой, в Аксбридж, или потерпеть крах. Была поздняя осень, когда он заговорил о своем плане.

— Недалеко от моего дома есть один очаровательный домик. Там хватит места и для тебя, и для детей. Как ты на это смотришь?

Она подумала: «Ну вот, приехали. Придется посмотреть фактам в лицо. Карты выложены на стол». Она встала и обвила руками его шею, потом принялась целовать его глаза.

— Я переезжаю на Тэвесток-Плейс, — сказала она, — в город. Я получила от Бертона дом, довольно дешево. Я не хочу жить рядом с Аксбриджем или скрываться в домике. Я хочу произвести сенсацию, а для этого мне нужен приличный дом.

Значит… Брайтон был только пробным шаром, репетицией. Теперь ему предстоит посмотреть настоящее представление.

— Давай говорить прямо, — сказал он, — ты выставляешь себя на продажу?

— Победителей не судят, — ответила она. — Все зависит от удачи в игре. Ты сам знаешь, твоим спекуляциям на бирже не всегда будет сопутствовать успех. А пока этого не случилось, я должна заняться устройством своей жизни, я должна

быть свободна.

— Свободна для чего? Чтобы кататься в фаэтонах?

— Этим я уже занимаюсь. Согласись, в доме на Тэвесток-Плейс гораздо удобнее.

— Для Бертона, который занимается твоим домом, и Крипплгейта, который заезжает к тебе? Чтобы провести с тобой ночь и оставить тебе двести гиней?

— Надеюсь, двести пятьдесят, в букете георгинов.

Она рассмеялась и поцеловала его. Он знал, что потерпел поражение.

— Ты когда-нибудь слышала о Китти Фишер? — спросил он. — О Люси Купер, Фанни Мюррей? Они пошли по тому же пути, и все трое окончили свои дни в канаве.

— Очень низкий уровень, — ответила она. — Я гораздо выше.

— Поэтому-то ты порвала со мной: у меня нет титула. Мой отец был всего лишь купцом. Вино, как я тебе уже говорил, было нашим семейным делом.

— Которое теперь продано, Билл, а твой отец ушел на пенсию. Это меня мало привлекает.

— После его смерти все достанется мне.

— Тебе достанутся вставные зубы и парик, а я к тому времени совсем облысею. Я хочу жить сейчас, а не дожидаться чего-то в будущем.

— А любовь?

— Я буду любить тебя всю жизнь. Любовь не продается.

— Значит, после Крипплгейта я смогу получить свою долю? Какую табличку ты повесишь на свою дверь? «Старым друзьям — за четверть цены»? «В цену входит музыкальное сопровождение»?

— Я собираюсь разослать по всем клубам карточки. «Госпожа Кларк. На дому. Все дни, кроме вторников. Вторники зарезервированы за господином Вильямом Даулером».

Она опять его поцеловала, пытаясь показать, что она пошутила. Но она не шутила, и она знала, что он понял это. Где-то рядом ее ждали «лучшие дни», блеск, великолепие, сказочное сумасбродство, о которых она в детстве рассказывала Чарли. Она делала вид, будто насмехается над всем этим, будто ей доставляет удовольствие потешаться над поклонниками, но в глубине души она была польщена их вниманием и благодарна им. Билл Даулер никогда не угощал ее шампанским за завтраком, не дарил ей розы в полночь или бриллианты на рассвете. А все *Возничие* делали

это с неповторимой пышностью, и ей нравилось кутаться в меха: это так сильно отдаляло ее от Баулинг-Инн-Элли.

Конечно, она будет любить Билла всю жизнь, здесь нет никаких сомнений. Но о домике в Аксбридже и речи быть не может. Она обладает вполне развитым вкусом, ее амбиции сильно возросли — к черту эмоции. Эмоции — дело прошлого, кроме тех мгновений, когда светит луна или когда кто-нибудь распаляет ее воображение в три часа ночи.

Новая жизнь была легка. Никаких забот и беспокойств. Она преодолела последствия сокрушительного удара, нанесенного ее гордости, поэтому следующий шаг не составлял для нее особого труда. Мужчины были откровенны, прямолинейны и благодарны за самую малость, но почти всегда навеселе. После девяти лет с Джозефом это совершенно не волновало ее: пара неловких попыток обнять ее — и вот с подушки уже доносится храп. Храп лорда раздражает меньше, чем храп каменщика, к тому же лорд всегда щедр на подарки, что значительно повышает его шансы: она всегда выбирала тех, кого хотела. Она никогда не сидела в ожидании, надеясь, что заедут посетители. Два десятка карточек на зер-

кале, и все ждут встречи с ней — так посмотрим, кто больше предложит. Все очень просто.

Ответ на письмо викария был краток.

> *Ни я, ни дети больше никогда не вернемся к Джозефу. Прошу Вас, объясните ему это. Как бы он ни пытался разыскать нас, ему это не удастся. Благодарю Вас за то, что Вы сделали, но забудьте о нас. Искренне Ваша М.-Э. К.*

То был последний в ее жизни конверт, который она заклеивала самым обычным способом: придавив сургуч пальцем. На бумаге не было ни вензелей, ни обратного адреса, стояла только дата: *1802.*

В следующий раз, когда ей пришлось писать письмо — не викарию, а своим друзьям, — на бумаге уже была надпись: «Тэвесток-Плейс», а сургуч она придавливала не пальцем, а печатью, на которой был выгравирован купидон, едущий на осле.

Часть вторая

Глава 1

Белая парадная дверь с молотком в виде женской головки с одним приоткрытым глазом, начищенные до блеска ступени, нарядные оконные рамы. «Откуда у нее все это?» — задавал себе вопрос незнакомец. Но для посвященных никакого секрета не было. Он постучал в дверь и дернул за шнурок. Дверь открылась.

— Госпожа Кларк дома?

Громкие голоса указывали на то, что она дома. Это же подтверждали шинели, коричневые трости из ротанга, треуголки, небрежно брошенные на столик, и пара шляп с лихо загнутыми полями. На полу в холле, положив морду на лапы, лежал бульдог и время от времени рычал. Рядом с ним стояла пара галош, шпага на перевязи. Много гостей, главным образом мужчины.

Юноша, открывший дверь, являлся, по всей видимости, лакеем. Однако же он был без ливреи, и его лицо показалось знакомым.

— Я тебя где-то уже видел? — осведомился незнакомец.

— Да, сэр. Я жил у капитана Саттона. Он прислал меня прислуживать госпоже Кларк.

Так вот в чем дело. Незнакомец положил свою трость. Этот юноша всегда считался законным сыном Саттона. Оказывается, они ошибались. Да, ловко Саттон от него избавился, сделав лакеем в этом доме.

— Прошу вас, поднимайтесь, сэр, и представьте себя сами.

Как его и предупреждали, здесь все попросту: вон как скачут и весело хохочут. И дети с ними. Все сделано для того, чтобы клиент почувствовал себя свободно или чтобы ввести в заблуждение неискушенных. Он поднялся по лестнице и открыл дверь малой гостиной. К нему подошла пожилая дама, худая и нервная, и протянула костлявую руку.

— Меня зовут госпожа Фаркуар. Будьте как дома. Моя дочь еще не вернулась из Рэмсгейта.

Застенчивая девушка лет шестнадцати предложила ему вина и печенья. Он поблагодарил ее, и она, зардевшись до корней волос, удалилась.

— Изабель, может быть, джентльмен предпочитает портвейн, а не херес.

— Нет, мадам, уверяю вас, херес великолепный.

Громкий шум в комнате мешал разговаривать. Пожилая дама очень волновалась. Если бы он

не знал, где находится, то решил бы, что ошибся адресом. Дети возились на полу, забирались на диваны, карабкались на спинки кресел; владельцы треуголок и шляп (некоторых он знал в лицо, этих молодых повес Сент-Джеймса) тоже принимали участие в детских играх: катали детей на спине, подбрасывали вверх — все это создавало атмосферу семейного уюта, что крайне забавляло этого проницательного гостя.

Он подумал о старом Тейлоре и о его записке, которую однажды поздно вечером принесли с Бонд-стрит: «Уверяю вас, она именно то, что вам требуется. Обязательно зайдите к ней. Мы с вами сможем подготовить ее для известного вам лица».

Внезапно все забеспокоились. Началась суматоха. Дети ринулись к двери, а молодые люди столпились в кучу. В шуме и гаме послышался довольно мелодичный смех и голос, пробуждающий интерес:

— Дорогие, вы меня задушите… Джордж, у тебя грязные руки. С углем можешь возиться только в подвале, но никак не на верху. Эллен, надо заштопать твои штанишки, беги к Марте… Мама, ты не поверишь: на дорогу из Рэмсгейта ушло целых пять часов. Две лошади захромали. Я чуть

не убила Крипплгейта. А где Изабель? Я страшно голодна, дайте мне что-нибудь поесть… Кто это? Джонни, привет. Рада тебя видеть… И тебя, Гарри… И Бобби… Фитцджеральд, ты чудовище, ты меня подвел в прошлый четверг. Лучше бы мы устроили прием в пятницу… Давайте поедем в Сэдлерз-Уэллз: Гримальди вернулся, его шутки просто неповторимы. Мне он так нравится. А кто там стоит в углу? Я его не знаю.

Незнакомец выступил вперед, поклонился, поцеловал ей руку, пробормотал пару ничего не значащих фраз и назвал себя. Он протянул свою карточку, умоляя простить его за подобную церемонность.

Взгляд голубых глаз скользнул по карточке, а потом вновь обратился на лицо незнакомца. «Ей интересно, какого черта мне здесь нужно, — подумал он. — Однако старый Тейлор прав: нам нужна именно такая. Находчивая и честолюбивая. То, что надо».

— Огилви? Мне, кажется, знакомо ваше имя… Я только недавно слышала его. Но не могу вспомнить где.

— Вам, должно быть, говорил обо мне капитан Саттон.

Это озадачило ее. Она пристально разглядывала

его, оценивая со всех сторон, потом приподняла брови:

— Простите меня. Но я представляла вас совсем другим. Вокруг Саттона всегда вертятся мальчики с завитыми локонами. Как раз такой служит у меня лакеем, Сэмми Картер.

— Мадам, вы заблуждаетесь насчет меня. У нас с капитаном Саттоном чисто деловые отношения.

— И у меня тоже. — Она опять взглянула на его карточку и прочитала под его именем, чем он занимается. — О! Теперь мне все понятно. Армейский агент. Это все объясняет. Вы, должно быть, очень заняты: сейчас война, а молодые люди горят желанием записаться в армию. Среди моих знакомых много таких.

На ее губах засияла ослепительная улыбка. Итак, его верительные грамоты приняты. Но, как он заметил, карточку оставили для дальнейшего исследования.

— Очаровательный дом, — пробормотал он. — Дело рук Бертона?

Она спокойно взглянула на него. На ее лице не дрогнул ни единый мускул, хотя она наверняка прекрасно поняла его намек.

— Да, — ответила она. — Он его построил, к тому же он мой домовладелец. Бертон шотландец,

как вы знаете, и моя мама шотландка. Бертоны, Маккензи и Фаркуары — мы все привержены своим кланам.

Упоминание о кланах сняло напряжение: он понял, в каком они родстве. Тейлор намекнул ему, что она не платит ренту.

— Тэвесток-Плейс расположен в самом центре, — сказал он. — Мне всегда нравился Блумсбери. Оазис в центре вращающегося вокруг мира. У вас, должно быть, широкий круг знакомых, они, наверное, часто заезжают к вам по вечерам?

Он подумал: «Если это не выведет ее из себя, значит она сильна».

Ее взгляд ничего не выразил. Она взяла печенье.

— Близким друзьям здесь всегда рады, — ответила она, — но и они приезжают только по приглашениям.

Это колкость? Ну… возможно. Он налил себе немного хереса.

— У вас необычный дверной молоток. Где вы его нашли?

— В лавке старьевщика в Хэмпстеде. Его выбрал Джордж, мой сын. На святого Валентина ему исполнилось пять… он не по годам развит.

— У вас в доме очень уютно.

— Приятно слышать. Вам нравится белая дверь? Она очень быстро пачкается, но в темноте ее хорошо видно.

Ну, погоди! Он отплатит той же монетой. Он знает, где находится, и ему здесь нравится.

— Вы хотите сказать, — ответил он, — что заблудившийся прохожий всегда найдет дверь?

— Заблудившиеся прохожие здесь не бывают, так же как и уличные торговцы, цыгане со своими метлами. Они могут занести вшей. Всех своих знакомых я предупреждаю, что дом стоит рядом с часовней. Вы тоже, должно быть, это заметили. Очень удобно, когда ходишь к заутрене.

Она улыбнулась и присоединилась к гостям, оставив его на попечение матери. Действительно, удобно ходить к заутрене! Очень удобно для Бертона. И для Бэрримора, и для остальных *Возничих.* Но слишком далеко от его агентства на Сэвил-роу.

— Еще вина, господин Огилви?

— Нет, спасибо, мэм. Достаточно.

— У моей дочери столько знакомых. У нас всегда много гостей по средам.

Насколько ему известно, народ у них толпится каждый день, но собираются все ближе к полуночи, когда мать уже спит. Если, конечно,

не заезжает Крипплгейт Бэрримор. Том Тейлор сокрушался, что, когда тот появляется на Бонд-стрит, он ведет себя крайне неблагоразумно. Ездит в экипаже с парой цугом, дудит в рог и в полный голос распевает песни. Это шокирует живущих по соседству торговцев и будит их жен. Вся Бонд-стрит жалуется, и бедному Тому Тейлору пришлось почти прикрыть свое заведение. Он был вынужден залечь на дно и отправлять своих клиентов по другим адресам.

— Господин Огилви, поможете мне искупать детей?

Великий Боже! Он пришел сюда не для этого. Некоторые молодые люди были готовы на все. Юный Расселл Маннерс уже закатывал рукава, а один ирландский адвокат, Фитцджеральд, который, должно быть, хорошо знал всю процедуру, посадил ребенка себе на спину и уже скакал в сторону лестницы. Неужели это повторяется каждую среду? Если так, Том Тейлор мог бы предупредить его.

— Дело в том, мэм, что я не умею обращаться с детьми.

Подобного объяснения было достаточно для пожилой дамы. Но не для дочери. Голубые глаза пристально смотрели на него от двери гостиной.

— Чепуха, господин Огилви. Это несложно. Намылить мылом и потереть щеткой. Это должно входить в ваши обязанности как армейского агента. Вспомните корнетов.

Черт подери, она все-таки сунула ему ребенка в руки. Извивающийся мальчишка с липкими руками вонзил свои пятки ему под ребра и завопил: «Но!»

— Как ваше имя, господин Огилви?

— Вильям, мэм.

— Ты слышал, Джордж? У тебя появился еще один дядя. У нас уже есть Билл. Этого мы будем звать дядя Вилл.

Спорить было бесполезно, а мальчишка тем временем продолжал пинать его. Огилви взлетел по лестнице, и за ним устремилась вся толпа. На него налетел красный и взмокший Маннерс.

— Все это придумал Крипплгейт, черт бы его подрал. Сказал, что это поддерживает его в хорошей форме. И экономит деньги, которые он тратит на гимнастический зал.

— А почему бы не отказаться?

— Чтобы тебя отсюда выкинули? Ни за что!

Значит, награда, которую получал Маннерс, стоила тяжелого испытания купанием? Маннерс заслужил звание рыцаря, а Огилви — нет. Он

швырнул вопящего мальчишку в лохань.

— Дорогой, пусть дядя Вилл сначала вымоет тебе ручки.

Он проклял эти ручки. Он никак не мог удержать мальчишку на месте. Вода заливала ему глаза, рот, голову. Шлеп! — и у него на подбородке повис клок пены, а из соседней лохани раздались торжествующие крики. Девочка, сверкая глазами, запустила в Огилви полотенцем.

— Мы выигрываем, Джордж, мы выигрываем. Твоя очередь.

Ответом послужил рев извивающегося, как угорь, скользкого от мыла бесенка с грязными руками.

— Поторопитесь, господин Огилви. Джордж очень не любит проигрывать.

Спокойный голос прозвучал у него над ухом, плеча коснулась легкая рука. Повернув мокрое от воды лицо, он увидел улыбку, веселую и насмешливую, упивающуюся его страданиями. Пусть Том Тейлор обращается за помощью к кому-нибудь другому, пусть агентство на Сэвил-роу обанкротится или взорвется — с него, Вильяма Огилви, хватит.

— К черту все, я не буду выступать в роли няньки. Трите его сами.

Она подхватила маленького бесенка из его неловких рук и закутала в полотенце. Вопли затихли. Огилви продолжал стоять рядом, красный от бешенства, с него ручьями текла вода.

— Глупец! — сказала она. — Зачем вы приехали в пять, к тому же в среду? Все эти мальчики останутся обедать. Возвращайтесь к десяти, я буду одна.

Он медленно вытер лицо, промокнул галстук, с которого капало мыло. Взял фрак, который тоже был влажен, оглядел ее, стоявшую на коленях и ласкавшую сопротивляющегося малыша.

— Я не могу простить вам мои страдания, — ответил он. — Я промок до нитки. И не люблю детей. Что я получу, если вернусь сегодня вечером?

Она выпрямилась, откинув непослушный локон, упавший на лоб, и проговорила:

— Либо все, либо ничего — выбирайте сами.

Он сбежал вниз, оглушенный детскими криками, схватил шляпу и трость. Бульдог заворчал. Сэм Картер, лакей, которого, насытившись им, выкинул бывший капитан гренадеров Саттон, распахнул перед ним дверь и поклонился вслед. Госпожа Фаркуар помахала ему из окна гостиной. До десяти оставалось четыре с половиной часа. К тому времени опустят шторы и зажгут свечи,

и гостиную заполнит таинственный полумрак. Хозяйка дома будет ждать его, одна. Жаль, что он должен увидеться с ней только по делу, но ничего не попишешь, совместная работа — если, конечно, они договорятся — полностью исключает близость. Один неверный шаг — и он погиб. Итак, все учтено… Он направился к Расселл-сквер.

Когда он вернулся в десять, на окнах уже были ставни, но из гостиной пробивался свет. Да, она оказалась права насчет белой двери, притягивающей взгляд как магнит. Он уверенно постучал.

На этот раз ему открыла горничная, маленькая и пухленькая. Ее лицо почти скрывал огромный, как гриб, чепец. И никаких признаков Сэма Картера.

— Добрый вечер. А где лакей?

— Он ложится спать в девять. Хозяйка говорит, что его юный организм нуждается в отдыхе. Вечерних посетителей всегда встречаю я.

— У вас очень мудрая хозяйка.

На этот раз не было ни бульдога, ни шляп. Погруженный в полумрак холл освещала одна-единственная лампа.

— А как вас зовут?

— Марта, сэр. Вообще-то, я экономка. На кухне меня называют госпожа Фавори.

— Прекрасно. Вас уважают. Могу я подняться наверх?

— Прошу вас, сэр. Хозяйка в малой гостиной. Она сказала, что провожать вас не нужно.

Да, великолепно продуманный вечерний ритуал: Марта провожает до лестницы, а на второй этаж посетитель поднимается сам. «Интересно, — мысленно хмыкнул он, — а что сама Марта думает обо всем этом?»

— Значит, это ваша ежевечерняя обязанность?

— О нет, сэр. Только в тех случаях, когда ждут незнакомого человека вроде вас. У господина Даулера, господина Бертона и у его светлости есть ключи.

Вот это да! А что, если все трое явятся одновременно? Они будут, мягко говоря, озадачены, и начнется кровопролитие. Однако она наверняка все рассчитала. Чепчик исчез. Он поднялся по лестнице, и ему показалось, что за дверью гостиной слышится пение. Песенка была ему знакома — она очень популярна в Воксхолле. Этой весной ее распевает весь Лондон.

«Завтра сокрыто завесой от нас, так веселиться мы будем сейчас».

Песенка звучала гораздо лучше, чем в Воксхолле. Пение так расслабляет и успокаивает

мужчину, уставшего после тяжелого рабочего дня. О да, она выполнит ту работу, что он от нее ждет, более того, даже удержится на этом месте. Странно — смех из комнаты! Она что, смеется наедине с собой? Кашель, мужской кашель! Что там за дело? Нахмурившись, он постучал в дверь. В гостиной засуетились, послышался шепот, чьи-то шаги. Дверь соседней с гостиной комнаты хлопнула, и раздался ее ясный и спокойный голос:

— Проходите, господин Огилви.

Он вошел и огляделся. Только они вдвоем, больше никого. Все именно так, как он представлял себе: таинственный полумрак, хозяйка дома — на диване, в неглиже, утопает в горе подушек.

— Здесь кто-то был?

В его голосе слышалось подозрение и недоверие. Он всегда терпеть не мог подслушивания, которое позволял только себе, считая себя мастером этого дела.

Она подняла на него глаза и улыбнулась. Отбросив обтянутый кожей брусочек, которым только что полировала ногти, она протянула ему для поцелуя руку.

— Никого, кроме Чарли. Это мой брат. Я отправила его спать, он послушный мальчик.

Она похлопала рукой по дивану рядом с собой,

указывая, куда ему сесть.

Все еще полный подозрений, он снова огляделся:

— В этом доме живет вся ваша семья?

— Да, но они не будут мешать нам. Я же сказала вам, что мы чтим узы клана. Это все шотландская кровь, своего рода инстинкт — собрать всех близких под одной крышей.

Он внимательно рассматривал ее. Замечательный цвет кожи, точеная шея, красивые плечи — то, что нужно для выполнения его деликатной задачи. Тейлор говорил, что ей около двадцати семи, что она в течение девяти лет была замужем за пьяницей. Должно быть, у нее сильный характер, раз она выдержала так долго.

— Послушайте, — начал он. — Я не буду ходить вокруг да около. Я пришел к вам по делу, мне нужно с вами поговорить. Не больше.

— Слава богу. Прошлую ночь я не спала: была в Рэмсгейте.

— С лордом Бэрримором?

— Да. А вы с ним знакомы? Он такой душка, но — ах! — ужасно страстен. После встреч с ним я вся в синяках. Не знаю почему. Хотите что-нибудь выпить? Бренди?

— Спасибо.

Теперь, узнав, что у них будет деловой разговор, она села прямо и обхватила руками колени. Она сбросила томную маску и сосредоточилась.

— Итак, рассказывайте, — сказала она. — Я вся внимание.

Он налил себе бренди и сел рядом с ней.

— Давно вы здесь живете?

— Год.

— И как идут дела?

— Неплохо, но раз на раз не приходится.

— Удается что-нибудь откладывать?

— Бог мой, конечно нет. Я живу, подобно таким, как я, сегодняшним днем. Мне не надо платить за аренду, поэтому на жизнь хватает.

— А разве Бертон не снабжает вас периодически деньгами?

— Не будьте глупцом. Джеймс — шотландец. Мне страшно повезло, что у меня есть дом.

— А его светлость?

— Крипплгейт дарит подарки, в основном бриллианты. Дело в том, что мне нравится носить их, а не прятать в кубышку. Мужчины не понимают, что мы нуждаемся в деньгах, которыми смогли бы расплатиться с мясником.

Он кивнул:

— Как и в любом деле. Доверие доверием, но

наличность — на стол. Разве можно быть в комнибудь сейчас уверенным?

Она колебалась.

— Вы не знаете Билла Даулера? Он мой верный друг, но очень зависим от своего отца. Из-за этих разговоров о войне он очень много потерял на бирже. Я никогда не буду тянуть деньги у мужчины, которого люблю, это нечестно.

Отпив бренди, Огилви наклонился и смахнул несуществующую пылинку со своих белоснежных чулок.

— Как я понимаю, вы выступаете в роли вдовы?

— А кто вам сказал, что я не вдова?

— Том Тейлор. Я буду честен. Именно он подал мне мысль зайти к вам. Мы с ним очень тесно связаны по роду нашей работы, к тому же Бонд-стрит в двух шагах от Сэвил-роу. Некоторых своих клиентов, которые уже успели пройти через его руки, он отсылает ко мне, всех молодых офицеров, ожидающих повышения, лейтенантов, капитанов, майоров, полковников. Я знаю все обходные пути, знаю, за какую нитку потянуть, с кем поговорить, к кому обратиться.

Она взяла подушку и подсунула ее под бок. Потянулась за бруском и несколько раз провела

им по ногтям.

— Значит, если Питт добьется своего и втянет нас в войну, вам это только на руку?

— Теоретически, госпожа Кларк, но не практически. Слишком многие из нас увязли в этой игре, да и Гринвуд и Кокс выпихивают нас из бизнеса. В их руках все дворцовые войска, драгуны и половина пограничных соединений. У таких небольших фирм вроде моей нет шанса выжить. Будет война или нет, но мой крах, я имею в виду официальное банкротство, — это только вопрос времени. Я намерен уйти со сцены, вести частную деятельность. И эта деятельность связана с вами.

Она взглянула на сверкающие ногти, потом на него:

— Каким образом?

— Вы должны оказать некоторое воздействие. — Он ответил кратко, не желая слишком много сообщать ей.

— Вы хотите сказать, что я должна буду устраивать небольшие вечеринки для моих друзей-военных? И говорить им: «Покупайте патенты на чины у Вилли Огилви, он продает их по сниженным ценам. Он поможет вам»? Они даже слушать не будут. Кроме того, у меня мало знакомых среди военных. Несколько милых мальчиков заходили

поиграть, вот и все. И один старый генерал, который все время нес страшную чепуху. Он, должно быть, лет сто назад ушел в отставку. Назвался Клаверингом.

Огилви покачал головой и поставил стакан.

— О, я знаю Клаверинга. Он совершенно бесполезен. Нет, госпожа Кларк, я вовсе не это имею в виду. Для нашего дела нам нужно лицо, которое вошло бы в доверие к одной важной особе.

— К братьям Уэллсли? Не смешите. Они настолько чопорны, что не считают возможным завязывать себе шнурки, не говоря уже о том, чтобы самим надевать штаны. Они даже не заметят белой двери, они прямиком направятся в церковь.

— Я не имею в виду братьев Уэллсли.

— Я знакома с Джеком Элфинстоуном и Дунканом Макинтошем. Оба в шестидесятых годах были полковниками, но что из этого? К ним нельзя войти в доверие, они постоянно на охоте. Однажды в Брайтоне я встречалась со старым Амхерстом, он был главнокомандующим до того, как эту должность занял герцог Йоркский. Занудливый старый дурак, ему почти восемьдесят. Бесполезно, господин Огилви, поищите кого-нибудь другого, кто помог бы вашей фирме

стать процветающим предприятием. А вот что касается флота…

Она задумалась. Первый морской лорд когда-то сделал одно предложение, но потом струсил и сбежал в Портсмут.

Огилви улыбнулся. Странно, что она не разгадала весь план. Она упомянула то самое имя, однако оно не навело ее ни на какие мысли. Пусть лучше последнее слово останется за Тейлором.

— Послушайте, госпожа Кларк. Если мы найдем мужчину — говоря «мы», я подразумеваю вас, Тома Тейлора и себя — и поймаем его в ловушку, другими словами, если этот мужчина, я не хочу называть его имени, влюбится в вас до беспамятства — вы будете участвовать в игре?

— А каковы условия?

— Мы поделим поровну все, что вы заработаете. А заработаете вы очень много. К тому же, если вам известны основные правила, я обучу вас всем премудростям в течение нескольких недель.

Приподняв брови, она взглянула на него:

— А разве вы можете научить меня такому, чего я не знаю? Неужели вы такой большой специалист? Вы заинтриговали меня.

Он нетерпеливо покачал головой:

— Я не имею в виду вашу профессию, мэм. В

этом, как я полагаю, вам нет равных. Я хотел сказать, что буду обучать вас тонкостям моей специальности, речь пойдет только о военном деле, а не о любви.

Она пожала плечами:

— Стать рассыльным при штабе? О да, я справилась бы с такой работой. Мне нравится быть среди мужчин. Всегда нравилось, с самого детства. А если это еще и приносит доход — вообще прекрасно. У меня трое детей, как вам известно, и еще мать и брат. Моему брату нужна работа. А что, если его тоже сделать рассыльным?

— Замечательно. Он будет действовать напрямик, по уставу, а вы будете подыскивать обходные пути. Но вы не поняли, госпожа Кларк. Если все удастся — я имею в виду мой план, — встанет вопрос о том, чтобы съехать отсюда. Наверняка возникнет такой вопрос.

Она резко выпрямилась, в ее глазах промелькнул ужас.

— Из моего милого дома? Но он так удобен, я обставляла его по своему вкусу. К тому же этот дом знают все мои клиенты.

— Если нам удастся поймать этого человека в свои сети, вам не понадобятся клиенты. Он даст вам дом, в три раза больше этого. И прощай,

Бертон, Бэрримор и остальные. Почти все они — мелкая рыбешка.

Итак, до нее в конце концов дошло. Голубые глаза сузились, затем расширились. Он видел, как она в спешке мысленно листает Книгу пэров, перебирая всех первых герцогов. Но она еще не угадала.

— Если вы гарантируете полную безопасность, — медленно, тщательно подбирая слова, проговорила она, — я согласна на все. Сегодня днем, господин Огилви, вы встречались с моей матерью. Трясущаяся, нервная, раньше времени состарившаяся. У нее было двое мужей, оба бросили ее, не оставив ни пенса. Мне просто повезло, иначе мы голодали бы. Я не желаю такого конца для себя. И для своих детей. У меня был сын, он умер… Я поклялась: пойду на любую сделку, как бы низка и подла она ни была. Но тот малыш, которого вы усаживали сегодня вечером в лохань, и его сестры должны расти в спокойной обстановке, они должны быть в безопасности. Что бы ни было со мной в прошлом, что бы ни случилось со мной в будущем, все будет сделано только ради них. И Бог не оставит того, кто подаст мне руку помощи.

Она встала с дивана и прошлась по комнате.

Улыбка исчезла с ее лица. Раздвинув шторы, она встала у окна и смотрела, как дождевые капли ударяются в стекло. Его предложение отклонено? Он поставил стакан с бренди.

— Вы можете доверять мне, — сказал он. — Я буду вам другом. И у вас, и у меня была нелегкая жизнь. Ведь мы оба родились в Лондоне, не так ли? Так? Значит, у нас одинаково устроены мозги. А рядом с нами, под самым нашим носом, существует определенный класс, люди, известные под названием «первая десятка». Свое богатство они получили по наследству, пользы от них никакой, работать им не надо. Вы изредка воровали, да и я тоже… ну… а теперь перейдем к более крупным делам. Вам подворачивается удачный случай обеспечить своих детей.

Он допил бренди и поцеловал ей руку.

— А что от меня нужно сейчас? — спросила она.

— Зайдите к Тому Тейлору. Бонд-стрит, девять.

— Я знаю адрес. Но ни разу там не была. Не знаю почему, но я надеялась каким-то образом избежать этого.

— Мне понятны ваши чувства. Не поддавайтесь им. Я уверен, вы никогда не пожалеете о своем визите туда.

Он направился к двери. Она стояла и наблюдала за ним.

— В какое время? В какой день?

— В пятницу. В восемь вечера, естественно. Мы пришлем за вами экипаж.

— Вы тоже там будете?

— Нет. Только Тейлор. Он будет наблюдать из окна: вам не придется ждать его. Кстати, захватите с собой кое-какие вещи на тот случай, если…

— Если что?

— Если вас попросят провести несколько дней за городом.

Она нахмурилась, потом улыбнулась и распахнула дверь.

— Вы заставляете меня чувствовать себя девочкой перед ее первым рабочим днем на фабрике. Шаль, башмаки на деревянной подошве, обед в узелке. Когда мне было тринадцать, господин Огилви, заболел мой отчим. Он работал корректором в типографии, и я правила оттиски вместо него, потом относила их управляющему под видом работы отчима. Целых три недели тот ни о чем не догадывался. Я хорошо выполняла свою первую работу. Нам не приходилось себя в чем-либо урезать.

— Не сомневаюсь. И не придется. Спокойной

ночи.

— Спокойной ночи.

Она стояла и смотрела, как он перешел улицу, помахал ей. Она поставила его стакан из-под бренди на поднос, разложила подушки и задула свечи. Поднялась наверх и легла в постель, но уснуть не смогла.

Наступил следующий поворотный момент в ее жизни, но рядом с ней нет храпящего на полу Джозефа. Нет Эдварда, уснувшего навеки. Нет Билла, к которому она могла бы прижаться и спокойно выплакаться. Только Чарли наверху, слишком юный и неопытный.

«Господи, — подумала она, — как же одинока женщина, когда ей приходится содержать семью. Мужчины не понимают, чего этого стоит. Они привыкли».

Наступила пятница. День, похожий на все остальные, с теми же заботами. Утром торговцы принесли счета, и она договорилась об отсрочке. Заказала Марте блюда. Заехал доктор по поводу ревматизма матери. Сходила в магазин с Изабель, которой нужны были чулки и перчатки. В шесть, в качестве награды, обед с детьми — это настоящее удовольствие. Джордж все время капризничал, жаловался на тошноту… А вдруг он

заболевает?

— Ничего страшного, мэм, — сказала Марта. — Просто переел яблок.

Мучающийся от безделья Чарли попросил денег.

— Один приятель приглашал меня поиграть в теннис. Можно?

— Конечно можно. Не будь таким беспомощным, дорогой.

Наконец все в доме распределились по своим местам. Ее вещи уже упакованы, теплая накидка закрывает вечернее платье. Экипаж стоит у дверей. Сэм Картер ждет. Внезапно, без всякой причины, живот скрутил нервный спазм.

— Сэмми, пожелай мне удачи.

— В чем, мэм? Куда вы едете?

— Этого-то я и не знаю. Но все равно пожелай, Сэмми.

— Да, мэм. Я всегда желаю вам удачи.

— Закрывай дверь. Скажи кучеру: Бонд-стрит, дом девять.

Было начало апреля, темнело рано. Весна была где-то близко, но, как всегда, запаздывала. На Ганновер-сквер устраивали прием, поэтому улицы были запружены экипажами. Ей очень захотелось оказаться среди гостей, таких весе-

лых и жизнерадостных, которым не надо ехать на какое-то странное свидание. Она вспомнила наемный экипаж, и Айлингтон, и господина Дея в ночном колпаке. Одиннадцать лет прошло с тех пор, столько препятствий преодолено… Экипаж выехал на Бонд-стрит. Она плотнее запахнула накидку. В окне второго этажа горел свет: там дядюшка Том, полный тайн, все замечающий, хитрый, злобный, всегда в напряженном ожидании. Ну ладно, обратной дороги нет: игра стоит свеч. Уличный фонарь высветил надпись над магазином: «Тейлор, обувщик», а слова «По королевскому назначению» на гербовом щите четко указывали, какое положение занимает фирма. Посол Марокко верил в двусмысленность.

Глава 2

Том Тейлор, разодетый в бархатный фрак, с напудренными волосами и начищенными башмаками, встретил ее в холле.

— Моя дорогая, я так счастлив видеть вас. Мы так давно не встречались. Целых три месяца, с того дня, когда вы устроили прием в честь моих племянниц, вы не ласкали мой взор. Как детки? Как всегда, прекрасно? А вы? Но зачем я спрашиваю? Хороша, как ягодка.

Старик причмокнул губами и послал воздушный поцелуй, а потом повел ее к лестнице.

— Я очень сердит на вас, — продолжал он. — Как давно мы знакомы? Более двух лет? И вы ни разу не заехали к дяде Тому. И даже туфельки не купили.

— Еще на Крейвен-Плейс я говорила вам: у вас слишком высокие цены.

— Глупости, моя дорогая, это глупости. Для вас — в два раза дешевле.

Лестница, застланная толстым ковром, украшенная зеркалами в позолоченных рамах, была прекрасна. Наверху, когда она снимала накидку, к ней подошел шоколадного цвета мальчик-слуга

в тюрбане.

— Куда же мы отправляемся? — спросила она. — В Стамбул?

Тейлор улыбнулся и потер руки, но пропустил ее шутливое замечание мимо ушей. При этом он со знанием дела разглядывал ее платье.

— Изумительно, — заключил он, — и декольте именно такое, как надо. Многие глупышки делают огромную ошибку, выставляя напоказ слишком много из того, о чем мужчина должен только догадываться, поэтому с ними очень скоро становится скучно. Но у вас эта линия подобна перевалу в горах, за которым ждет неземное блаженство. Вы захватили с собой перчатки?

— Нет. Зачем мне перчатки? Разве мы идем на прием?

— Перчатки придают законченность всему облику. Но пусть вас это не беспокоит. У меня есть подходящие. — Он дотронулся до завязанного двойным узлом банта у нее на плече. — Изумительно. Мне нравится яркий мазок на белом. А платье хорошо соскальзывает? Я так и думал, очень удобно. — Он отошел на шаг, окидывая взглядом знатока весь туалет.

— Вы ошиблись в выборе профессии, — заметила она. — Вам надо было бы заниматься шелками,

а не кожей: вам так много известно о покрое платьев.

— Вас удивит, — ответил он, — но в экстренных ситуациях я шил и туалеты. Ко мне сюда приходили девочки, выглядели они — ну прямо ангелочками, но были так уродливо одеты. Старый дядюшка Том не дал им пропасть. Вооружившись ножницами, я принялся срезать все ленты и оборки, открывая облегающий корсет. Девочки никогда не имели бы такого успеха, не будь у них такого опытного наставника. Сюда, моя дорогая, сюда, выпейте что-нибудь прохладительное.

Она критическим взглядом обвела комнату с арочным окном, выходившим на улицу. Стулья, обитые красным бархатом, красные подсвечники, толстый ковер на полу. Такой же, как у нее на Тэвесток-Плейс, диван, рядом с ним стол с фужерами и ведерком с шампанским. Она заметила, что фужеров три.

Везде были расставлены легкие ширмы, стены украшали картины, изображавшие нежащегося в облаках купидона. В огромном зеркале отражались диван и стол. «Слишком ярко и грубо», — подумала она. Если у клиентов такой вкус, они не заслуживают высокого мнения о себе. Хо-

тя, возможно, купидоны подстегивают фантазию и распаляют аппетит, наводя на мысль попытать счастья. Тогда, если зажечь красные свечи…

— Вы будете пить шампанское, моя дорогая? — спросил дядя Том.

— Да, если у вас так заведено.

Она сейчас с удовольствием отправилась бы домой. Эта комната наводила на нее скуку. Расставить силки, чтобы, как кролика, поймать в них какого-нибудь подвыпившего генерала, а потом сидеть здесь и молоть чепуху. Лучше уж оставаться со своими друзьями, которых она хорошо знает, и веселиться с Бэрримором в Рэмсгейте.

— Ну а теперь расскажите, что у вас нового. — Его глаза сверкнули.

— Нового? Ничего. Много дел: дом, дети, моя мать — вы же знаете, сколько времени это отнимает. К тому же разговоры о войне не слишком успокаивают. Мои друзья-виги в отчаянии качают головами, а тори, естественно, ликуют и вопят от радости. Я же не поддерживаю ни тех ни других: меня это не волнует. Вы знакомы с Бертоном, моим домовладельцем? Он стал патриотом, его так и переполняет любовь к родине. Говорит, что в случае нападения сформирует полк строителей и возьмет на себя командование. Делает вид,

будто эта перспектива его пугает, но на самом деле она приводит его в восторг.

— А как лорд Бэрримор?

— Завтра отплывает в Ирландию. Ему страшно не хочется туда ехать.

— Я слышал, его супруга в положении.

— Это она так говорит, но я сомневаюсь. Этих ирландок преследуют… неудачи с детьми.

— Господин Даулер в городе?

— Я виделась с ним на прошлой неделе. Последнее время он пребывает в глубоком унынии. Ему пришлось прекратить играть на бирже и отправиться к отцу. Мне понравился ваш Вильям Огилви, но ради чего все это?

Том Тейлор приложил палец к губам.

— Как-нибудь в другой раз, — пробормотал он, — не сейчас, — и, наполнив свой фужер, добавил громким голосом: — А еще какие новости? Какие слухи?

— Никакие слухи до меня не доходили, только те сплетни, о которых пишут в газетах. Скажите, это правда, что написано в «Пост», — вы наверняка должны знать: у вас так много клиентов из королевского окружения, которым нужно подогнать по ноге обувь, — правда ли, что герцог Йоркский уволил своего брата, что в Гибралта-

ре случились какие-то неприятности и Кента отозвали?

Том Тейлор был шокирован, он стал пунцовым и зашипел. Казалось, шампанское застряло у него в горле. Она постучала ему по спине, но, увидев, что это ни к чему не привело, потянулась за сэндвичем.

— Съешьте огурчик — поможет. Ах, все вылилось на ваш бархатный жилет… какой ужас!

Она вытащила из его кармана огромный носовой платок, вытерла жилет и положила платок на место. Он неистово жестикулировал — она ничего не понимала. Он молил ее глазами — она ничего не замечала. Внезапно, под воздействием выпитого шампанского, у нее прорезался аппетит, и она принялась есть и говорить одновременно:

— Он превращается в настоящего тирана, этот Фредерик Август. Бросает бедного герцога Кентского и отказывается передать командование принцу Уэльскому. Полагаю, дело в том, что он любимчик старика и может делать все, что пожелает: ведь у старика с головой не все в порядке. Ну и семейка — вы не можете не согласиться со мной, — они не лучше Бурбонов. Одна ошибка, и — фью! — головы с плеч. Слава богу, я шотландка

и не должна проявлять лояльность. Сэндвичи просто великолепны. Их готовят у вас?

Не дожидаясь ответа, она схватила еще один.

— Заметьте, — продолжала она, — Стюарты оказались вовсе не так хитры. Юный Карл выглядел изумительно в своей юбке — но это все, что можно сказать о нем. Он улепетывал быстрее, чем заяц при выстреле из мушкета. Моя мама убила бы меня за такие слова, но еще в детстве мне нравилось слушать про Мясника. Красный мундир и вышивка. Между прочим, я люблю крупных мужчин, и он был как раз из таких. Не пора ли вам расставить точки над «i» и поведать мне о моей судьбе? Какой чертик выскочит сегодня из цилиндра? Предупреждаю, если это будет старый боевой конь, я не намерена связываться с ним, даже если он наградит меня медалью.

Счастливо улыбаясь, она уселась на диван. После чаепития с детьми шампанское приятно разлилось по телу, комната не казалась уже такой уродливой, а купидоны — опасными.

— Да, а как насчет перчаток? — спросила она. — Давайте перейдем к делу.

Хозяин дома, все еще чувствовавший себя страшно неловко, направился к двери.

— Боюсь, они больше не понадобятся.

— Ну и хорошо. Я только допью шампанское.

— Вы меня не поняли. Я хотел сказать…

Вошел шоколадный слуга, потянул его за рукав и что-то зашептал на ухо. Том Тейлор склонился к нему, при этом у него вывалился живот, потом быстро выскочил из комнаты. Внезапно ее охватили подозрения, она встала.

— О нет, — проговорила она, — вы не можете так вот бросить меня, ничего не объяснив мне. В чем дело? Зачем этот малыш в тюрбане и эта чепуха по поводу перчаток?..

Ужасная мысль пришла ей в голову. Ее судьба будет «цветной». Стареющий индийский раджа, усыпанный рубинами…

— Боже мой! — вскричала она. — Если он черный, можете принимать его сами.

Она услышала позади себя какой-то шум. Ширма зашевелилась, потом сложилась, и за ней открылась дверь — дверь, распахнутая в соседнюю комнату. Привалившись к косяку, скрестив ноги и засунув руки за отвороты мундира, в дверном проеме стоял мужчина. Ростом около шести футов и двух дюймов, довольно плотного телосложения, с голубыми проницательными глазами, крупноватым носом. На вид ему было около сорока. Она сразу же узнала его и похоло-

дела: она десятки, сотни раз видела это лицо в газетах и памфлетах. Лицо, которое она узнала бы из тысячи других. Ей была знакома его прическа, отделка его мундира, манера отдавать честь. Теперь же это лицо было совсем рядом, лицо живого человека, а не рисунок в газете. Фредерик Август, герцог Йоркский и Олбанский.

— Не черный, — проговорил он, — но даже если бы я и был чернокожим, я, черт побери, не взял бы Тома Тейлора с собой в Фулем. Где ваша накидка?

Она изумленно смотрела на него. Она не могла выговорить ни слова. Унижение и ярость боролись с искушением обладать им. Огилви и дядюшка Том осмелились втянуть ее в это дело, даже не предупредив. Белые перчатки… конечно… и не это платье, сшитое год назад и успевшее устареть, а новое, ненадеванное, серьги… броши. Из-за этой парочки она стоит перед ним, одетая как последняя кухарка, и таращит на него глаза.

Полная ненависти к нему и к себе самой, она присела в реверансе. У Марты получилось бы лучше. И туфли совсем не подходили для такого случая, они жали ей. Все, чему она выучилась за последние три года, вылетело из головы.

— Простите, — сказала она, — дядюшка Том все

испортил. Или, скорее, мы оба все испортили. Я не была готова.

— Готова к чему? — спросил он и взял сэндвич. — Вам не нравится, как я выгляжу? У меня не было времени переодеться, я приехал сюда прямо из главного штаба Конногвардейского полка. На ногах с шести утра, работал до восьми, прервавшись на два часа, которые провел в пыльных казармах. Ни вы, ни я еще не обедали, а я ужасно голоден. Мы наверстаем упущенное, когда доберемся до Фулема. Торопитесь — где этот мальчишка с вашей накидкой? Вы захватили с собой вещи?

— Да, мой саквояж внизу.

— Давайте спустимся: здесь жарко, как в печке. Старый дурак никогда не открывает окна, у него всегда горячее шампанское. Больше не пейте эту гадость, а то размякнете.

Он опустил огромную ручищу ей на плечо, подтолкнул к двери, уже на лестничной площадке выхватил у мальчика-слуги ее накидку и подал ей.

— Где Тейлор? Скрылся? Скажи ему, что мы уехали.

Она направилась к лестнице.

— Не сюда. В другую сторону. Вход со Стаффорд-

стрит, для особых клиентов. Дайте руку. — Он провел ее по коридору, а потом по узкой лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Она едва поспевала за ним, с трудом удерживаясь на высоких каблуках и чуть не падая.

— Разве вы не знаете этого хода? — спросил он. — Здесь гораздо ближе. У меня нет возможности входить через магазин со стороны Бонд-стрит: можно натолкнуться на светских дам, выбирающих себе туфли. Все знаменитости пользуются этой дверью.

За кого он ее принимает — за уличную потаскушку?

— Я здесь никогда не была, — ответила она. — И больше не приду. Все это было каким-то недоразумением. — В конце концов, и у нее есть гордость. Если ему нужна женщина на ночь, он может найти ее на улице. Для этого не нужно никаких ухищрений, никаких уловок: все очень просто.

Он втолкнул ее в экипаж и, сев рядом с ней, занял почти все сиденье. Она оказалась зажатой в угол. Он закинул ноги на противоположное сиденье и притянул ее к себе.

— До Фулема далеко, дайте мне выяснить, что вы собой представляете.

Она вздохнула и, покорившись неизбежному,

склонила голову к нему на плечо. Внутри нее росло негодование, она клялась отомстить, но не ему, бедняге, — он тоже ничего не знал, — а Огилви и дядюшке Тому. Если бы она только знала, что они замышляют… Она перехватила бы инициативу, сама занялась бы этим делом. Заманила бы к себе на ночь его повара; наняла бы пару юношей, чтобы они играли и пели для них; переставила бы мебель в малой гостиной и в комнате для гостей… К завтраку — а может, он уехал бы раньше — он успел бы испытать наивысшее наслаждение. Крипплгейт всегда говорил, что он никогда не видел более уютного дома, чем на Тэвесток-Плейс: вкусные обеды, отлично подобранные вина, кровати, навевающие сладкие сны. Скажи он только слово несколько недель назад, и она принялась бы за работу. А вместо этого… ее впихнули, как потаскушку, в экипаж и везут в Фулем. Никакой возможности показать свои достоинства: как она ведет беседу, как она грациозно двигается, как она умеет ловко завлекать мужчин, как они восхищаются *ею.* Для своего плана они с таким же успехом могли использовать любую неопытную девчонку или уличную проститутку.

— Да, поездка взбодрила меня, — сказал он. —

Ну а как насчет ужина? Вот и Фулем-Лодж, справа. Я голоден как волк.

Сдержанные лакеи не смотрели на нее. Один из них взял ее саквояж, другой — накидку, потом ее провели в большую квадратную комнату. Все было приготовлено: туалетный столик с зеркалом был уставлен бутылочками, в правильном порядке лежали щетки для волос, гребешки, подушечки для шпилек. Кровать под пологом, ночная сорочка, халат, домашние туфли. Ей против воли пришлось признать, что все выдержано в хорошем вкусе. Поменяйся они с ним местами — если бы он пришел к ней на Тэвесток-Плейс, — она не подумала бы о ночной сорочке или шлепанцах. Бритвенный прибор или, например, гребешок в ванной — это обязательно, но вот остальное… Она бросила взгляд на постельное белье. Пахнет лавандой, мягкое, тонкое, как носовой платок. Жаль, что ее мать не видит его, она так любит хорошее белье, она всегда считала, что простыня должна проходить через кольцо.

— Если вы готовы, мэм, его королевское высочество ждет вас.

Неужели ждет? Ну ладно, пусть еще подождет. Он глубоко заблуждается, если думает, будто она сядет за стол с разметавшимися в дороге

волосами, — благопристойность у нее на первом месте. Так, подушиться вот этими духами. Пахнут замечательно, как и следовало ожидать: ведь их поставляют принцессам. Том Тейлор был прав: в перчатках вид был бы лучше, они придают туалету законченность, но так как перчатки не включены в список необходимых для этой спальни вещей, можно считать, что они не играют особой роли для его королевского высочества. Очень грациозно ступая и высоко подняв голову, она медленно спускалась по лестнице. Вот возможность показать свое мастерское владение ремеслом. Он не заметил; он быстро усадил ее за стол и взревел, как бешеный бык, из-за того что суп холодный.

— Черт побери, сколько это может повторяться? Третий раз за одну неделю. Я выгоню повара. Мой желудок с ума сходит от голода. Принесите хлеба.

Суповые тарелки убрали. Принесли пышущие жаром булочки, а за ними вскоре последовал подогретый суп.

«Ну и ну, — подумала она. — Я вмиг вымуштровала бы всю прислугу. Жаль, что здесь нет Марты!»

Во время еды он хлюпал точно так же, как

Джордж, как щенок, а за это она всегда выгоняла Джорджа из-за стола. Да, его королевские манеры и поведение оказались не на высоте. Интересно, должна ли она вести беседу или молчать? Во всяком случае, она может есть, а не ждать его. В мгновение ока он расправился с супом. Она предполагала, что далее последует жаркое. Так и случилось. Седло барашка со всевозможными гарнирами. Пока он яростно атаковал второе, его жилет все сильнее и сильнее натягивался на животе, и наконец оторвавшаяся пуговица упала на стол. Принц Карл… клан Маккензи… рухнувшие состояния. Это было предзнаменованием, и никакие условности уже не могли сдержать ее.

— Вы не против, — проговорила она, — если я отдам это брату?

Она заметила, как напрягся лакей за его стулом, когда она протянула руку и взяла из солонки пуговицу. Герцог взглянул на нее и фыркнул:

— Что это вы выдумали? Эти пуговицы подходят только к этим жилетам, их шьет один портной в Виндзоре: он отлично знает мои мерки.

— Я ни к чему не собираюсь пришивать эту пуговицу… Для меня это своего рода символ.

— Символ чего? Дородности?

— Моему брату всего двадцать лет, и он тонок

как тростинка. Нет, наверное, он будет носить ее на цепочке для часов, как украшение.

Она спросила себя, нужно ли рассказывать ему легенду, или это будет бестактностью. Даже через пятьдесят лет своего правления представители Ганноверской династии были очень чувствительны.

— Дело в том, что мои предки — выходцы из Шотландии, из клана Маккензи. У одного из них была серебряная пуговица, подарок от «юного претендента». Считалось, что она приносит счастье, но ее потеряли. Я понимаю, это не та же самая пуговица, но все же…

— А она не может навредить вам? Мне кажется, вы не якобитка, но я не вполне уверен.

— О, отнюдь.

— Вы, шотландцы, все похожи друг на друга. Такие же противные, как ирландцы. Дай вам только возможность, и вы тут же всадите нож в спину. Я многих убил.

— Как вы кровожадны. — Увидев лицо слуги, она быстро добавила: — Кровожадны в том смысле, что вам нравится война, нравится быть агрессивным. Естественно, это ваша работа, вас этому обучили. — Такое толкование ее слов не вызовет у него раздражения. Раз уж она здесь,

ей придется играть роль до конца, быть веселой, интересной, полностью отработать предоставленный ей на ночь кров.

— Как я понял из вашей болтовни у Тейлора, — сказал он, — мы скоро превратимся в пережиток. Будем годны только на то, чтобы управлять крытой двуколкой.

— Тот, кто подслушивает, никогда не узнает о себе ничего хорошего, — начала она, но, вспомнив, где находится, запнулась. — Подслушивающие, как и я, — поправилась она, — слышат массу чепухи и читают такой же бред в ежедневных газетах и памфлетах. Я просто пересказала кое-что из этой чуши дядюшке Тому.

Будет ужасно, если он выставит ее на улицу в столь поздний час, когда лошади уже выпряжены из экипажа и разведены по стойлам. Ей тогда придется тащиться пешком в Блумсбери! Ну разве может женщина правильно оценить настроение представителя королевской фамилии, если она уже успела наговорить всяких глупостей, тем самым потеряв его благосклонность? А вдруг от нее требовалась только поездка в экипаже? Ужин, а потом — за дверь… совсем не так, как с Криппллгейтом и с Бертоном. Когда подавали третью перемену, она украдкой взглянула на

него. Он, кажется, пребывал в благодушном настроении. Был готов откушать айвовый пирог и выпить сотерна.

— Итак, — проговорил он, пристально глядя на нее, — вы считаете меня тираном, не правда ли? Притесняющим своего брата?

Он слышал каждое слово. Ничего не пропустил, все запомнил. Да, ей ничего не остается, как быть честной и смириться. Ей некого винить, кроме себя.

— Вы должны признать, — ответила она, положив руки на стол, — что принцу Уэльскому трудно это пережить. Если у старика… если у его величества опять случится умственное расстройство и принц Уэльский станет регентом, вы с ним поменяетесь ролями, и тогда именно вам, а не ему придется подыскивать себе место.

Лакей, наполнявший бокалы, изменился в лице: его глаза остекленели, как у вытащенной из воды рыбы.

— Меня это не касается, — ответил герцог, — командует король. Я только подчиняюсь его приказам и выполняю его указания.

— Понимаю, — согласилась она. — Ну, в таком случае это проблема. Если его величество будет упорствовать, вы ничего не сможете поделать.

— Ясно как божий день, — ответил он. — Так что передайте вашим друзьям, которые позволяют себе слушать дворцовые пересуды: им следует прочесть устав и понять, что́ разрешается главнокомандующему. Как вы, так и они крайне невежественны в подобных вопросах.

Айвовый пирог исчез. Появился стильтон. Еще одна пуговица отскочила от туго натянутого на животе жилета. Она положила ее рядом с первой, за корсаж.

— Продолжайте, — сказал он, — мне нравится слушать про мои недостатки.

После сладкого сотерна, последовавшего за кларетом, рейнвейном — она выпил его слишком много, — морского языка и теплого шампанского дядюшки Тома, после тряски в экипаже голова ее была не так ясна. Как правило, во время деловых встреч она никогда не пила, но сегодняшний вечер с самого начала выбил ее из колеи. Подперев подбородок, она смотрела на пламя свечи. Сон смешивался с явью, все казалось зыбким.

— Я уверена, вы правильно поступили в Гибралтаре, отправив Кента домой. Он не приспособлен для такой работы, так зачем же вы назначили его? Его наводящее ужас внимание к мельчайшим деталям… его болезненное чувство ответствен-

ности, все его подчиненные терпеть его не могут. Некоторые мои знакомые моряки были в Гибралтаре как раз во время мятежа. Они общались с офицерами из того батальона, на который впоследствии свалили всю вину… Кто они? Роялисты? Я забыла… Этого бы не случилось, будь у Кента хоть капля здравого смысла. Естественно, матросам наскучило сидеть в гарнизоне — с ума можно сойти от безделья. А что делает Кент — отрезает город от внешнего мира, закрывает все винные лавки и запирает солдат в казармах! Бог мой, да я бы все там разнесла, будь я на их месте. Они все боготворят вас, они считают вас героем, хотя, конечно, были времена, когда… когда и у вас не все получалось.

Она выпрямилась и постаралась сосредоточиться, глядя на свечи… Что она несет, вдруг ее болтовня будет приравнена к измене?

— Например?

— Ну… естественно, в Голландии! — Она силилась вспомнить. Она читала об этом в памфлете или сама об этом написала вскоре после рождения Мэри? Поражение при Дюнкерке. — Я ни в коей мере не ставлю под сомнение вашу отвагу, — продолжала она. — Вы храбры как лев, но храбрость помогает выигрывать битвы только

тогда, когда есть план. Теперь я вспоминаю, ведь в то время критики трудились в поте лица из-за того, что у вас не было плана, и поэтому они требовали, чтобы вас отозвали, правильно? Отвага… Боже, конечно! Вы целые дни проводили на полях сражений, не боясь, что вас могут убить. Но разве вы не согласны со мной, что подобное поведение можно объяснить некоторым отсутствием предусмотрительности? Ведь вы сами напрашивались на неприятности, открывая свою спину?! Вам повезло, что вы остались в живых. Вам это удалось… За вас.

Она приподняла бокал с сотерном, а потом, выпив все до последней капли, бросила его через плечо. Он разлетелся на куски. Этому трюку ее обучили *Возничие*, непревзойденные в своей ловкости, и ей всегда доставляло непередаваемое наслаждение чувствовать, как ломается ножка бокала.

Итак… сейчас, подумала она, ее выпроводят отсюда. Он уже вызвал охрану, и ее сейчас отправят отбывать срок в Ньюгейт. В некотором смысле она не зря провела время, ей будет что рассказать своим потомкам о поездке в Фулем, где ее ждал обед и две пуговицы.

Он встал из-за стола и подал ей руку. Она тоже

поднялась и, стараясь удержать равновесие, покорно ждала, когда ей велят убираться вон.

— Предлагаю идти спать, — сказал он. — Мы увидимся с вами за завтраком. Нас не будут беспокоить: мы сможем весь завтрашний день отдать маневрам. Признаю, я скучен на поле боя и хочу поучиться тактике. В воскресенье я должен съездить в Виндзор, но вернусь к обеду, а в понедельник вас доставят в дом на Парк-лейн: слуги держат его в полной готовности на случай моих неожиданных визитов. Если мы подойдем друг другу, я подыщу для вас дом побольше. Том говорил, что у вас двое или трое детей и вам не захочется жить отдельно от них. Вы сможете самостоятельно подняться наверх или вас взять на руки?

Она глубоко вздохнула и начала делать реверанс, но рухнула на пол. Даже если она никогда больше не поднимется, она выполнила требования этикета. Пусть эти Стюарты перевернутся в гробу, этот мужчина — ангел.

— Ваше королевское высочество, — проговорила она, — вы потрясли меня до глубины души. — Она сама не могла поверить в это. Ей хотелось смеяться и плакать, ей хотелось вывесить флаги и кричать: «Да здравствуют Ганноверы!»

— Обе пуговицы на месте? — спросил он.

Она показала, куда спрятала их, и он помог ей подняться.

— Ну, тогда спокойной ночи. Мы увидимся с вами в семь, а может, и раньше. По утрам я в ударе, так что спите, пока есть время.

— Спокойной ночи, сэр. Спасибо.

В семь… хоть на рассвете, если ему так хочется. Значит, ее не выгоняют. Ее грубость прощена, дом на Парк-лейн, а потом другой, побольше. Великий Боже! Какое будущее!

Она легла в кровать и подумала о Чарли. Они закажут серебряную оправу для пуговиц: переплетенные королевские руки, а под ними, в кружочке, дата — 1803.

Огилви был прав. Ей придется распроститься с Бертоном, с Крипплгейтом, с Биллом. Но и сам он может не рассчитывать на ее участие, раз ее любовником станет принц. Она будет вести честную игру, герцогу нечего беспокоиться.

«Конец пути, — сказала она себе. — Я достигла вершины. Я буду второй после госпожи Фитц. Вопрос только в том… как долго мне удастся сохранять это место? Нельзя расслабляться ни на минуту… Я сделаю все, чтобы удержать его на крючке».

Один урок она усвоила навсегда: когда мучают сомнения, нужно выбирать… самое дерзкое решение.

Глава 3

— Марта?

— Да, мэм.

— Марта, принеси грифельную доску, и я напишу, что приготовить. Принеси и список визитов, я оставила его в кабинете.

Она подтянула шаль и поправила за спиной подушки. На коленях у нее стоял поднос с завтраком, а рядом, на подушке, были разложены письменные принадлежности и блокнот с записями. Было время второго завтрака, когда не надо так спешить. Первый завтрак подавали в половине восьмого. Уходу герцога предшествовало суетливое поглощение булочек и чая: полуодетый, он вставал и выходил из комнаты, потом возвращался, непрерывно разговаривая при этом, ругая Людвига, своего слугу, за башмаки, за ремень, за какую-нибудь неправильно уложенную деталь туалета, а она в это время наливала ему чай и расспрашивала о планах.

— Когда тебя ждать вечером?

— Не раньше шести. Может, в половине седьмого. И не жди меня к обеду. Я могу опоздать. Сегодня будет такой же день, как вчера, горы

бумаг, которые надо просмотреть, а рядом целая кипа документов, которые Клинтон отложил для подписи. Из-за этой кампании по набору рекрутов все ходят злые, каждая учебная часть в стране чего-то требует, и только Богу известно, сколько полковников, сидящих на половинном окладе, хотят заниматься набором рекрутов.

— А разве это плохо? Ведь вам нужны люди.

— Конечно, нам нужны люди. И если бы мне дали полную свободу действий, я сунул бы им под нос устав и заставил бы работать. Нет, вести эту кампанию ужасно тяжело. Сначала около трех месяцев ушло на то, чтобы выработать условия набора, потом еще шесть — чтобы найти рекрутов, а Бони тем временем из-за Канала наблюдал за нашей возней и смеялся над нами. Людвиг! — Его вопль был обращен в сторону гардеробной.

— Да, ваше королевское высочество?

— Дай мне другие башмаки: у меня опух палец. Налей мне еще чаю, дорогая, с сахаром.

Оставаясь в кровати, она протянула руку за чашкой, а он сел на край и принялся выпутываться из подтяжек.

— Может, в среду придется отправиться на три дня в Хаит. Они там в недоумении по поводу обороны Ромнейских болот, хотя и получили мои

указания в трех экземплярах. А мне так сложно выбраться: в Лондоне куча дел, к тому же назревает политический скандал. Эддисона вынудят уйти в отставку, и его должность займет Питт, а мы не можем этого допустить, это приведет к полному беспорядку.

Закинув руки за голову, она наблюдала, как он одевается. Именно такие мгновения она ценила больше всего: он полностью забывал об осторожности, позволяя себе довольно опрометчивые высказывания, забывал точно так же, как о чае, в то время как она ничего не забывала.

— А как его величество?

— Очень болен, но это только между нами. Вчера в Виндзор ездил хирург Дандас, он консультировался с лечащим врачом Саймондсом. Они решили в ближайшее время, завтра или послезавтра, перевезти его обратно в Бак-Хаус, но королева против. Говорит, что вся политическая возня только навредит ему, так как, оказавшись в Лондоне, он тут же захочет вмешаться. Людвиг! Мундир!

— Он здесь, ваше королевское высочество.

Он стоял перед зеркалом и застегивал мундир. Через открытое окно слышалось, как фыркают и стучат копытами лошади, которых грум прогули-

вал вдоль Глостер-Плейс.

— У меня осталось времени только на то, чтобы выпить чашку чаю, моя дорогая. Я позавтракаю на Портман-сквер, а потом поеду в штаб. Если я сегодня задержусь, значит я в палате лордов: хочу послушать, что говорит Сен-Винсент. Я всецело поддерживаю мысль, что морское министерство должно получить хороший нагоняй, тогда в военном министерстве о нас сразу же забудут. А сейчас все наоборот: моряков хвалят, а на нас все валят, всю вину. Привстань и поцелуй меня: я не могу наклониться.

Она рассмеялась и, подняв руки, погладила его по подбородку.

— Ты слишком много работаешь, — сказала она. — Давай я буду что-нибудь делать.

— Ты и так слишком во многом принимаешь участие. Представь себе лицо Клинтона, если бы я появился с тобой, одетой в военную форму, в штабе. Хотя ты права, мы могли бы гораздо быстрее расправляться с делами. Который час?

— Только что пробило восемь.

— Поспи еще и представь, что сейчас одиннадцать вечера. Ты хоть капельку любишь меня?

— Сэр… как вы смеете?..

— Я не смею, это просто привычка. Желание

верить, что после ухода в моем доме сохранится высоконравственная атмосфера. Сладких снов, моя ненаглядная.

Стук каблуков по лестнице, грохот захлопнувшейся двери, цокот копыт в сторону Портман-сквер. Она откинулась на подушки и закрыла глаза. Еще часок, чтобы понежиться, а потом начнется день. Эта странная, двойная, состоящая из отдельных, не связанных между собой частей жизнь уже стала ее второй натурой. Вечер принадлежал ему, двенадцать часов — с семи до семи, но всем остальным временем она могла распоряжаться, как ей заблагорассудится. И каждое мгновение было заполнено кипучей деятельностью, но он вряд ли догадывался об этом.

В полудреме она прокручивала назад свою жизнь, год за годом, от настоящего момента до дней ее детства в грязном переулке. Воспитание, полученное ребенком из низов лондонского общества на улице, научило ее немедленно хватать удачу за хвост и заострило ее язычок. Годы, проведенные в Хэме, придали ей внешний лоск. Замужество и жизнь с Джозефом оказали на нее наибольшее влияние: теперь ни один мужчина, ни сейчас, ни в будущем, не разобьет ей сердце. Что касается остального… каждый любовник

оставил отметину в ее душе. Она знала, как использовать их с наибольшей выгодой для себя и бросить, оставаясь в то же время благодарной им за науку. У любовников, да и у других мужчин, ей удалось выяснить, к чему стремится мир, которым правят мужчины. Следовательно, надо стать им равной. Играть по их правилам, в полной мере используя свою интуицию.

Шесть месяцев на Парк-лейн, достаточно бурные и неистовые, чтобы она потеряла голову и забыла об осторожности, были всего-навсего испытательным сроком, в течение которого она должна была проявить свои достоинства. Мало только смеяться и играть роль распутницы. Если бы герцог нуждался в женщине, которая согревала бы ему постель, ему стоило только сказать одно слово, и десятки девушек с Бонд-стрит, терпеливо ждущие возможности занять ее место, сломя голову кинулись бы на его зов. Но что же происходило в его голове, в его сердце, в его желудке? Именно это она и поставила себе целью выяснить. Но не прямыми вопросами, не выпытыванием, нет, а только внимательно наблюдая, слушая, впитывая.

Герцогиня, его жена? Глупая, легкомысленная бабенка, тощая и бесплодная, окруженная целой

сворой болонок. Следовательно, у герцога, в отличие от Джеймса Бертона и других ее знакомых, семейная жизнь пуста, пресна, безрадостна. Он мечтал о доме, наполненном домашним ароматом, в котором жизнь бьет ключом. Доме, где на полу возятся дети, где нет суеты, церемоний, целой толпы лакеев. Доме, где он мог бы расслабиться, позевать, развалиться на диване. Он мечтал о женщине, которая не забивала бы его голову бабскими сплетнями, не болтала бы об оборках и кружевах, платьях и шляпках. О женщине, которая мгновенно реагировала бы на изменения его настроения. О женщине, которая смогла бы по достоинству оценить простые шутки, так популярные в казармах. О женщине, которая, разгневавшись, осмелилась бы даже ударить его. О женщине, которая в порыве страсти царапалась бы и кусалась. Именно этого он и требовал, именно это он и обнаружил в ней. Это шестимесячное испытание она выдержала, и выдержала с честью.

— Я подарю тебе дом в городе, — сказал он, — и поместье в деревне. На их содержание я буду давать деньги ежемесячно из расчета тысяча в год. Если этого окажется мало, ты все равно справишься, как-нибудь выкрутишься. Никто не

будет заставлять тебя за что-либо платить, когда узнают о наших отношениях. А я прослежу, чтобы все, в том числе и лавочники, узнали, что ты и дальше будешь находиться под моим покровительством. При такой рекомендации тебе поверят в кредит все, что угодно. Покровительство принесет тебе благосклонность окружающих. Решай сама, как расходовать эти деньги, и не беспокой меня. Я полный профан в денежных вопросах, я их не понимаю.

(Это было сказано на Парк-лейн в конце лета. Она подумала: «Тысяча в год — не много. Совсем мало, если он хочет радоваться жизни». Но если она будет настаивать на большей сумме, то может потерять его.)

— Хорошо, — ответила она. — Я справлюсь. Где мы будем жить?

— У меня есть дом на Портман-сквер, — сказал он, — в пяти минутах отсюда. И еще один на Глостер-Плейс — в нем ты и поселишься. Я буду приходить к тебе каждый вечер, обедать и проводить ночь, а утром возвращаться к себе. Слуги, мебель и все остальное — это твои заботы.

Тысяча в год уйдет только на зарплату слугам и лакеям… Она отбросила эту мысль и принялась составлять план. Удивительно, все мужчины,

встретившиеся на ее жизненном пути, были абсолютно беспомощны в денежных вопросах, однако на этот раз она хотя бы не обязана ограничивать себя. Кредит уже выдан.

Торговцы из кожи вон лезли, чтобы услужить ей. Через нее они тоже попадали под сень королевского покровительства. Биркетт, серебряных дел мастер, Паркер, ювелир, первый — с провезенным контрабандой блюдом герцога де Берри, которое он купил только для того, чтобы доставить ей удовольствие, а второй — с бриллиантами. «Подарок герцогу, мэм».

Карточки у порога, и все с именами самых преуспевающих торговцев. «Почтем за честь, мэм, за счастье, если…» И так далее. Морлок с Оксфорд-стрит, предлагающий фарфор и хрусталь; Саммер и Роуз с Бонд-стрит, посылающие образцы самых разнообразных каминных решеток; Оакли с Бонд-стрит — драпировки и шторы. «Господин Тейлор, мэм, из дома девять, просит заехать».

Том Тейлор помогал подыскивать хороших слуг.

— Моя дорогая, предоставьте все мне, я знаю, что вам нужно. Вам требуется человек, который долго прослужил в одном и том же доме. Такие приходят ко мне, когда ищут работу.

— Почему? Вы что, получаете комиссионные от них в день выдачи жалованья?

Он пропустил ее замечание мимо ушей и ничего не ответил.

Пирсон, дворецкий, десять лет у лорда Честерфилда. Макдауэлл, лакей, пять лет в Берлингтон-Хаусе. У Паркера, кучера, были отличные рекомендации — семь лет у госпожи Фитцхерберт, хочется сменить место. Горничные, прачки, повара и кухарки… всех их отыскал дядюшка Том.

— Свою камеристку я сделаю экономкой, — настаивала она.

— Вы уверены, что она справится с этой работой? — пробормотал он.

— Марта все умеет. Она верна и преданна. Кроме того, дети любят ее. — Больше ничего сказано не было.

Два экипажа. Шесть лошадей, иногда восемь. Грумы, форейтор (для этого, возможно, подошел бы Сэм Картер), молоденькая девушка для всякого шитья, поденщица, которая дважды в неделю приходит убрать дом.

Белье — как насчет белья? За это тоже взялся Том Тейлор. Ручной выделки, личное одолжение дядюшке Тому от одной фирмы в Ирландии.

— Дядюшка Том, но ведь этим людям нужно заплатить!

— Не спешите, моя дорогая. Они хотят покровительства. Если так, хватит экономить, надо заказывать все самое лучшее, и к черту последствия. Никто не осмелится возбуждать дело против принца крови.

И пошел шепот «под покровительством герцога», который оказал прямо-таки магическое воздействие, особенно на мир торговцев. Что касается знакомых, друзей и даже любовников, проявление восхищения не заставило себя долго ждать.

Джеймс Бертон, который, возможно, считал, что ему был оказан холодный прием, заверил ее, что мать может спокойно жить на Тэвесток-Плейс, пока его дом их устраивает.

— Я слышал, что вам оказывает покровительство герцог Йоркский. Как замечательно! Он лучший из Ганноверов и единственный из них не похож на германца. Между прочим, замолвите за меня словечко, расскажите о моем полке ремесленников. Если мы получим его одобрение и поддержку, может, мой план и выгорит.

Крипплгейт написал ей из Ирландии: «Что я слышу? Валяешься на сене с Фридрихом Авгу-

стом? Молодец, что отловила такую знаменитость, но держи его в узде и не прогоняй своих старых друзей, когда они придут просить у тебя одолжения. Выясни у Йорка, что я получу, если приведу несколько рекрутов».

Только Билл Даулер не проявлял никакой радости. Он заехал повидать ее.

— Это правда, что ты стала любовницей герцога Йоркского?

— О Билл, ну зачем такие слова? Я бы сказала, что нахожусь под его покровительством — как будто у меня есть отец, которого я никогда не знала. Ведь когда мы познакомились, я сказала тебе, что у меня далеко идущие планы, не так ли? И теперь я позволю себе утверждать, что моя стрела попала в цель. Но ты все равно будешь нужен мне, однако тебе придется держаться в тени.

Она повезла его показать дом на Глостер-Плейс. Джеймс Бертон установил все водоотводы и другие приспособления. Так удобно, что бывший любовник — строитель. Но Билл может выбрать шторы и ковры.

— А вы составили с герцогом договор?

— Договор? Что ты имеешь в виду? Я получила этот дом.

— Дом — это замечательно. Я имею в виду день-

ги, чтобы содержать его. Ведь это обойдется тебе как минимум в три тысячи в год.

Она подумала, как это характерно для Билла — предостерегать ее. Переходить из комнаты в комнату и качать головой, усиливая тем самым ее сомнения, охлаждая ее пыл.

— Он обещал мне платить каждый месяц.

— Понятно… Позаботься о том, чтобы обещание было изложено на бумаге. Или лучше заключи договор с его банком.

— Я не могу сделать этого. Создалось бы впечатление, будто я жадная.

— Гораздо лучше, чтобы все было обговорено с самого начала.

«Кислый виноград, — подумала она. — Бедный Билл, ему больно, он ревнует… Все еще мечтает о домике в Челфон-Сент-Питер. Как же это далеко от Глостер-Плейс! Под покровительством герцога, а не господина Даулера».

Вилл Огилви дал совет совершенно иного рода. Совет, который она не осмелилась пересказать Биллу.

— Не спешите, — сказал Огилви, — не торопите события. Изучите дело. Я даю вам время на обустройство, а потом покажу, что делать дальше. Теперь, когда моя контора на Сэвил-роу закрылась

— меня объявили банкротом, — никто не свяжет мое имя с военными вопросами. Я работаю один, в качестве вашего агента, и получаю проценты. Я буду посылать к вам ребят, которые ждут повышения. А вы будете представлять их герцогу. Вот и все дело. И денежки от тех, кто увидит свое имя в официальном бюллетене. Основное — вам, комиссионные — мне. Его королевское высочество не будет вас ни о чем спрашивать. Проверьте его на тех, к кому вы благоволите, с кем вас не связывают денежные вопросы.

Первая просьба не составила для нее никакого труда. Что-нибудь для Чарли, глаза которого засверкали, как только фортуна повернулась к нему лицом, который уже видел себя фельдмаршалом.

— Ты считаешь, что его королевское высочество… что ты можешь попросить его?

Семейное дело, личное, его легко уладить.

— Сэр, мой брат сходит с ума от желания вступить в армию. С шести лет он играет в солдатики. Могла бы я представить его вам, предположим, вечером? Он молод и застенчив, но очень умен.

Таким образом, сообщение о назначении Чарльза Фаркуара Томпсона вскоре появилось в официальном бюллетене. Назначен корнетом 13-го полка легких драгун, двадцать пятого фев-

раля 1804 года.

Сэм Картер, лакей, очень завидовал Чарли. Если уж господина Томпсона взяли в армию, то почему бы не взять и его? Капитан Саттон всегда говорил ему, что красный мундир будет ему к лицу.

— Мэм, я был счастлив служить вам, вы проявили столько доброты по отношению ко мне. Но сейчас, когда господин Томпсон уехал, в доме стало пусто. Я боюсь беспокоить его королевское высочество, но не могли бы вы похлопотать обо мне…

— Дорогой Сэм… конечно, если ты так решил, хотя мне очень не хочется терять тебя.

Какое же это удовольствие — давать своим друзьям то, чего они страстно желают. Вряд ли можно назвать Сэма Картера другом, но он хорошо служил ей, он выглядел таким несчастным, когда чистил ножи в буфетной.

— Сэр, вы знаете моего Сэмми, который прислуживает за столом?

— Юношу, который склоняется в поклоне подобно нарциссу?

— Да. Трудно в это поверить, но он просится в армию. Как вам известно, я отправила его в школу, так что он получил некоторое образование. Привлекательный мальчуган, но он теряет

время, служа лакеем.

— Дай мне все сведения о нем, и я посмотрю, что смогу сделать.

Самюэль Картер был назначен прапорщиком 16-го пехотного полка. Сообщение в бюллетене от апреля 1804 года. Эти назначения ей удалось провернуть довольно просто: каждый раз она просила за одного человека, причем из домочадцев, и никакие деньги не переходили из рук в руки. Сложности возникнут тогда, когда она начнет большую игру. Каждый день у нее находились какие-то оправдания… но Огилви ждал.

Часы пробили девять, и появилась Марта с подносом с завтраком. Был доставлен список визитов и грифельная доска.

— Мэм, опять пришел этот парень, Фью.

— Кто он?

— У него магазин на Бернард-стрит, он говорит, что вы купили у него лампу для Тэвесток-Плейс почти год назад.

— Ту штуковину в греческом стиле, которую лорд Бэрримор разнес на мелкие кусочки? Я помню. И что же он хочет? Продать еще пару древних безделушек?

— Нет, мэм, он говорит, что за лампу так и не заплатили. Он отправил лампу в мастерскую, и

за то, чтобы привести ее в божеский вид, с него взяли двадцать фунтов.

— Чепуха! Он сам чинил ее в задней комнате. Прогони его.

Забавно, до нее из Блумсбери добрался счет годовой давности. Но те дни преданы забвению. И долги тоже.

— Как чувствует себя Джордж?

— Он говорит, что ему лучше, но ему не хочется идти сегодня в школу. Он хочет отправиться в казармы лейб-гвардии.

— Пусть мальчик получит удовольствие. Отвези его, Марта.

— А как насчет мисс Мэри и мисс Эллен?

— Они не больны, так что у них будут уроки.

И ей предстоял урок — с Корри, учителем музыки, в половине одиннадцатого. Как и Сэма, его рекомендовал Саттон, но, в отличие от Сэма, учитель музыки больше походил на лилию, чем на нарцисс, причем порядком потрепанную.

— Марта, сегодня утром придет господин Корри. Проследи, чтобы приготовили кабинет и сняли чехол с арфы. В двенадцать — господин Огилви. Мисс Тейлор говорила, что, может быть, она заедет после обеда. Если она появится, скажи, что у меня посетитель и она может подняться к

детям: они уже вернутся домой к тому времени. Передай Паркеру, что до четырех экипаж мне не понадобится. Пирсону скажи, что мы будем обедать не раньше семи, но у повара все должно быть готово к половине седьмого на случай, если его королевское высочество вернется вовремя. Мы знаем, как он ненавидит ждать, если обед задерживается. Так, что еще записано на доске?.. Жаркое из утки?.. Это подавалось в воскресенье.

— Я слышала, Людвиг говорил, что повар на Портман-сквер готовил семгу. Если его королевское высочество не приедет туда обедать, блюдо пропадет.

— Не пропадет. Отправь туда Пирсона, пусть принесет его. Но по дороге ему нужно зайти на Джордж-стрит, к продавцу масел, пусть попросит, чтобы рыбу приправили соусом: наш повар не знает, как его готовить. Где мои шлепанцы?

— Здесь, мэм, под кроватью.

— А что в коробке?

— Пелерины, мэм, их принесли от портного. Он отправил несколько штук, чтобы вы примерили, вы можете надевать их по очереди.

— Я не люблю пелерины, пойдут слухи, что я беременна. Пусть Пирсон отнесет их назад, после того как принесет рыбу.

Для учителя музыки подойдет утренний капот, волосы собраны в узел на затылке, локоны забраны лентой. Легкий мазок голубого на веки, больше ничего.

— Мама… Мама…

— Джордж, ангелочек мой! — Вытереть платком ему нос. — А теперь беги к Марте.

Обиженные, с поджатыми губами девочки:

— А почему Джорджу можно?

— Потому, мои маленькие глупышки, что ему всего шесть, и если вы будете себя хорошо вести, я покатаю вас в экипаже. А теперь исчезните и дайте мне одеться.

Внизу, в кабинете, на откидном стуле ждал господин Корри, с круглым и бледным лицом, в ореоле мягких как шелк волос. Он сидел в величественной позе возле арфы, оставив дверь в кабинет открытой в надежде, что случится невероятное и его королевское высочество окажется дома.

Бесполезно. Надежда постепенно перешла в разочарование. Госпожа сбежала по лестнице одна. Она помахала ему:

— Доброе утро, Корри. Я заставила вас ждать? Я всегда опаздываю, никогда не успеваю одеться вовремя.

— Мадам, в этом доме время ничего не значит. Дышать воздухом, которым дышите вы, — райское блаженство. Возле лестницы я встретил ваших очаровательных детишек.

— Надеюсь, Джордж не ударил вас по ноге.

— Нет, мадам. Он поджал свои крохотные губки и скорчил мне очаровательную рожицу, так, ради забавы.

— Я рада, что вы называете это забавой. Когда он мне корчит рожицы, я обычно шлепаю его. Что мы будем петь сегодня?

— Что-нибудь из Моцарта?

— Если это освободит голос, тогда согласна. Но только в качестве упражнения, не больше. Его королевское высочество не любит Моцарта. Он говорит, что ему нравится слушать что-нибудь звучное.

— Звучное… мадам…

— Продолжайте, Корри. Вы же знаете, что я имею в виду. Не «тра-ля-ля», легкое, как дуновение ветерка, а песенки, популярные в Воксхолле, и чем громче, тем лучше.

Немного огорченный, он стоял и ждал, пока она листала ноты, напевая себе под нос.

— Не пойдет. Мое пение будет похоже на вопли отелившейся коровы. Его королевское высоче-

ство любит смеяться, а не затыкать уши.

Она сбросила его тетради на пол и отыскала свою.

— Давайте попробуем вот это, мы слышали эту песенку в четверг. «Помчусь я завтра в Лондон» — он даже сможет отбивать такт ногой. А как насчет этого — «Поведал Сэнди о любви»? Третья строфа — самая настоящая бульварщина.

— Если вы настаиваете, мадам, если вы настаиваете.

Она тронула струны. Голоса заполнили комнату. Ее, чистый и звонкий, его, хриплый и полный страсти. Стук в дверь разрушил торжественность момента.

— К вам пришел господин Огилви.

— Скажи ему, чтобы подождал.

Еще одну песенку, которую Огилви обязательно услышит через закрытую дверь кабинета и поймет намек: «Юный Вильям жаждет сердце мое тронуть».

Ее голос замер, и раздались сдержанные аплодисменты.

— На сегодня хватит, господин Корри. Завтра в то же время.

Он собрал свои вещи:

— Мадам, простите, что опять заговариваю об

этом, но два джентльмена, полковник Френч и капитан Сандон, горят желанием быть вам представленными. Вы позволите одному из них или обоим заехать сегодня во второй половине дня?

— А что они хотят?

— Не могу вам точно сказать. Они друзья моего знакомого… Я сказал, что выступлю в качестве посредника.

Обычная история. Просьба об одолжении. Корри получит проценты от сделки.

— Вы хотите сказать, — спросила она, — у них ко мне вопрос, связанный с армией?

— Думаю, так, мадам. Ваше влияние всем известно. Одно ваше слово — вы понимаете меня.

Она прекрасно его понимала. Такое случалось каждый день. Письма, записки. От незнакомых людей, от друзей: «Дорогая госпожа Кларк, если бы Вы сочли возможным сообщить обо мне… Одно ваше слово его королевскому высочеству значит гораздо больше, чем все прошения, направленные в военное министерство… и должен заметить, что с радостью заплачу Вам любое вознаграждение».

Она пожала плечами и протянула господину Корри его нотные тетради.

— Не могу ничего обещать, Корри. Это очень

деликатный и сложный вопрос. Пусть ваши друзья зайдут, но может оказаться так, что меня не будет дома.

— Ну что ж, пусть попробуют, мадам, конечно. Но мне кажется, что они что-то говорили о сумме в две тысячи гиней.

Она повернулась к нему спиной и сделала вид, что поправляет цветы. Он направился к двери, и в этот момент она как бы между прочим спросила:

— Кому эти две тысячи гиней?

Он вздохнул, на лице появилось обиженное выражение, он развернул свои покатые плечи, подчеркивая тем самым, что это дело никоим образом его не касается.

— Мадам, у вас свободный доступ к его королевскому высочеству. Нужно ли мне еще что-то добавлять?

Он отвесил низкий поклон и ушел. Две тысячи гиней… В два раза больше ежегодного содержания, обещанного ей герцогом и разделенного на небольшие кусочки, которые она получает ежемесячно и которых хватает только на то, чтобы расплатиться с прислугой.

Она открыла дверь и позвала Огилви.

— Вы слышали, как я пою?

С улыбкой на губах, он вплыл в комнату и поце-

ловал ей руку. Никакой лести в ее адрес, никаких комплиментов. Он единственный из знакомых ей мужчин никогда не позволял себе ничего лишнего, всегда держался на расстоянии.

— «Юный Вильям жаждет сердце мое тронуть»? Это камень в мой огород. Но я не жажду тронуть ваше сердце. Только мысли.

— Которые предпочитают образовываться в голове самостоятельно, без вашей помощи.

Она предложила ему освежающие напитки. Он отказался. Она пригласила его сесть, потом села сама, повернувшись спиной к окну и наблюдая за ним.

— Вы похожи на зловещую тень. Почему вы не можете оставить меня в покое? Я вполне счастлива.

— Разве? — сказал он. — Сомневаюсь. Ни одна женщина не может быть счастлива, пока не запрет своего мужчину в клетку. А с вашим принцем такой номер не пройдет.

— Я держу дверцу клетки открытой. Он волен лететь, куда ему заблагорассудится. Но он всегда возвращается на свой насест, как преданная птица.

— Рад слышать это. Домашнее счастье — так трогательно. Если, конечно, оно длится вечно.

Постоянные колкости, намеки на то, что в мире нет ничего постоянного.

— Вы расспрашивали его об укреплениях к югу от Лондона?

— Нет, и провалиться мне на этом месте, если сделаю это. Я не шпионка.

— «Шпионка» — неподходящее слово для такой умной женщины. Может получиться так, что эти сведения окажутся очень ценными, не сейчас, а в будущем.

— Ценными для кого?

— Для вас, для меня, для нас обоих. Мы партнеры в этой игре, не так ли? Или были партнерами, когда вступали в игру.

Намек, скрытая угроза. Она не собирается соблюдать условия заключенного соглашения.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Он честный, открытый человек. То, что он говорит мне, все конфиденциально. Если я расскажу что-нибудь, я превращусь в предательницу.

— Вы стали такой благородной за эти шесть месяцев. Возможно, здесь сказалось влияние Глостер-Плейс. Вы считаете, что обосновались в этом доме навеки. Позвольте мне напомнить вам одно высказывание Уолси: «Не вкладывайте деньги в имущество принцев». Или вы считаете

меня циником?

— Думаю, вы и циник, и изменник. Меня бы не удивило, если бы вы, выйдя из этого дома, прямиком направились к какому-нибудь французскому шпиону и передали бы ему мои слова. Хорошо. Идите. Расскажите о том, что мы едим и пьем, в котором часу ложимся спать и когда встаем. Пусть в парижских газетах появляются памфлеты о нас, пусть, но они не выведают никаких секретов. — Она скривила лицо, скорчив почти такую же рожицу, как Джордж, когда встретил Корри на лестнице, и пристально, с вызовом смотрела на него.

Он вздохнул и пожал плечами:

— Не пытайтесь уверить меня, что вы совершили этот непростительный поступок, который разрушает дело и приводит к неразумным действиям, — я мог бы ожидать такого от любой другой женщины, но только не от вас, — не пытайтесь уверить меня, что вы влюбились в вашего венценосного покровителя.

— Конечно нет. Не говорите глупостей.

Она поднялась и прошлась по комнате. Он задумчиво наблюдал за ней.

— Я в этом не совсем уверен. Подобные чувства овладевают душой незаметно, не так ли?

Возникает чувство оседлости, влечение к единственному мужчине, не уроду и занимающему высокое положение. Это должно только подстегивать вас.

Пусть Огилви с пренебрежением относится к таким понятиям, как «доверие» и «благодарность», пусть пытается выяснить, не проявляет ли она склонность к кому-нибудь. Любовь давно предана забвению. Любовь ушла, но она вовсе не мертва, когда рядом лежит любимый сын его величества.

— Больше всего на свете, — сказала она, — мне хотелось бы, чтобы вы ушли. Вы приходите сюда каждый день. У меня ничего для вас нет.

— Единственное, что мне требуется от вас, — небольшая помощь и сотрудничество.

— Я не стану шпионить. Это мое последнее слово.

— Ничто не может быть последним в этом переменчивом мире. Помните, в один прекрасный день это может оказаться полезным. Но в настоящий момент меня интересует другое. Как вы знаете, я закрыл свое дело, чтобы стать вашим агентом. Когда же я начну работать?

— Говорю вам, у меня ничего для вас нет.

Он достал из кармана блокнот, вырвал листок

и протянул ей.

— Вот список, — сказал он, — список офицеров различных полков, которые мечтают о новом назначении. Одним нужно повышение, другим — перевод на другое место. Если они будут действовать по обычным каналам, на это у них уйдет три месяца.

— А почему они не могут подождать?

— Могут, конечно, но нам гораздо выгоднее провернуть это дело побыстрее. Вы отдадите список герцогу, и мы посмотрим, что из этого получится. Вы же знаете, как выбрать подходящий момент для подобных просьб.

— Он наверняка откажет.

— Плохо. Дайте подумать. Позвольте внести одно предложение. Прежде чем давать ему список, попросите у него денег. Скажите ему, что расходов оказалось гораздо больше, чем вы рассчитывали, что вы в безвыходном положении, что очень беспокоитесь. Потом дайте ему час, чтобы он это переварил, и покажите список.

— Почему час?

— Желудок — очень нежный орган. Пищеварение царственной особы замедляется, когда приходится переваривать лекарство. Между прочим, вы ведь не собираетесь обманывать его, ваш

рассказ будет истинной правдой. Содержание дома обходится довольно дорого. Вы действительно обеспокоены.

Спорить бесполезно. Ему известно слишком многое, известны ее страхи, ее главная проблема: «Если я потерплю неудачу, что станет с детьми?» — мысль, точно призрак, постоянно следующий за ней по пятам.

Она просматривала список.

— Вилл.

— Да, Мэри-Энн?

— Мне сделали предложение на две тысячи гиней. Я еще не знаю, от кого и в чем дело. Они могут заехать сегодня к вечеру.

— Поговорите с ними, выясните все, а потом доложите мне. Не будьте такой мрачной, моя дорогая. Все очень просто. Вы ничего не теряете, только приобретаете. У вас никогда в жизни не было более простой задачи. Две тысячи гиней — хорошая награда за успешную игру.

— Вы клянетесь, что в этом нет ничего опасного?

— Я не понимаю вас. Опасного для кого?

— Для герцога… для меня… для всех нас… для страны?

Внезапная паника ребенка, выросшего в тру-

щобах Лондона… осторожно, церковный сторож, прячься под тележку, быстро, или беги в переулок… не говори матери, где была.

— Со времен нормандского завоевания в стране процветало взяточничество. От епископа до самого последнего клерка — у всех одна и та же манера вести дела. Вам нечего беспокоиться. Помните вашу первую работу, как вы заменяли своего отца в типографии? Уж если вам тогда удалось обвести вокруг пальца умудренного опытом человека, то и сегодня такое дело вам по плечу.

— Но тогда все было по-другому.

— Отнюдь. Условия игры те же. Если бы тогда проиграли, то сейчас валялись бы в канаве. Но вы не упустили свой шанс и спасли семью. И если вы струсите сейчас… — Он остановился, услышав за дверью крики ребенка. Через секунду шум прокатился вверх по лестнице и замер. — Если вы струсите сейчас, что будет с ними?

— Осенью Джордж пойдет в школу в Челси, а потом в Марлоу на два-три года. Его будущее обеспечено, герцог обещал мне.

Вилл Огилви рассмеялся и всплеснул руками:

— Крестный отец с волшебной палочкой? Замечательно. Но, как и у волшебных палочек, у обещаний есть свойство таять в воздухе. На месте

Джорджа я лучше бы полагался на маму.

Мальчик ворвался в комнату, его переполнял восторг.

— Марта возила меня смотреть на учения лейб-гвардии. Ты ведь разрешишь мне стать солдатом, чтобы я смог погнаться на лошади за Бони и изрубить его на куски? Привет, дядя Вилл. Скажите маме, чтобы она отдала меня в армию.

— Как я понял со слов твоей мамы, она как раз решает этот вопрос. До свидания, ужасный ребенок. И не дотрагивайся до моих штанов. Итак, Мэри-Энн, вы отправите мне доклад завтра утром?

— Не знаю… Не могу обещать.

Он ушел, оставив ее с Джорджем, и она смотрела из окна, как он идет по Глостер-Плейс. Добрый друг и помощник или пособник дьявола? Она никак не могла прийти к какому-то мнению. Она не была полностью уверена.

— Что ты читаешь, мама, можно посмотреть?

— Ничего, дорогой. Это всего лишь список.

Дети уже вернулись из школы, приехала Мей Тейлор. Они все вместе отправились кататься в парк. Может, ей стоит рассказать Мей и попросить у нее совета? Но это означает крушение построенной на лжи и придуманной для близких

и друзей легенды о том, как она познакомилась с герцогом, легенды, которую она рассказывала и своим домочадцам, и друзьям.

— Вот как это случилось. Я была на приеме. Кто-то подошел ко мне и сказал: «Его королевское высочество желает быть вам представленным». И с этого мгновения… — Все запросто проглатывали эту ложь, верили каждому слову. Разве она могла рассказать Мей все, что было на самом деле, и объяснить: «Твой дядя сводник, и Огилви тоже. Они вдвоем замыслили это дело, а меня использовали в качестве орудия. Теперь же они жаждут получить дивиденды»? Разве она могла?

Бесполезно. Даже нечего думать. Дружбу так легко разрушить. В семье начнутся ссоры, все Тейлоры придут в ужас, зарождающаяся между Изабель и одним из братьев Тейлор любовь окончится ничем.

— Мэри-Энн, я никогда не видела тебя такой озабоченной. Тебя что-то беспокоит?

— Да, у меня нет денег.

— Да ты шутишь! У тебя, при твоем положении? Тебе нужно только попросить у его королевского высочества.

— Разве? Интересно. Но оставим это. Паркер, завезите нас к Биркетту, серебряных дел мастеру.

Я заказала несколько подсвечников, они должны быть уже готовы.

Естественно, они были готовы. И отправлены к ней домой, как лично сообщил ей Биркетт, сгибаясь в низком поклоне.

— Не соблазнят ли вас посетить магазин вот эти купидоны? Они только что вошли в моду.

— Не надо меня ничем соблазнять. Я и так ринулась бы к этому соуснику и к гербовому щиту.

— Мадам нравится шутить. Вы уже пользовались обеденным сервизом?

— Один раз. Его королевское высочество говорит, что от него пахнет составом для полировки.

— Это невозможно, мадам. У герцога де Берри серебро никогда не чистили. Сервиз мне доставил один эмигрант, который знал слуг герцога.

— Значит, он отдает плесенью из-за того, что им долго не пользовались. В следующий раз, когда мы будем готовиться к приему, я вымою каждый предмет с мылом.

— Мадам всегда так весела. Вам нужно блюдо для кушаний, подаваемых между рыбой и жарким? У меня есть такое блюдо: раньше оно принадлежало маркизу де Сен-Клер. Лишился головы, увы, как и многие дворяне.

— Да, звучит красиво, так и хочется заполучить

это блюдо. Но я не Саломея, просящая Ирода исполнить обещание. Сколько мы вам должны, господин Биркетт?

На его лице отразился ужас, он неистово замахал руками. Подобные вопросы не подлежат обсуждению, они откладываются до будущих времен.

— Скажите. Я хочу знать.

— Если мадам настаивает… около тысячи фунтов. Но вполне устроит и пятьсот. Прошу вас, не заставляйте его королевское высочество платить. — Он с поклонами проводил ее к выходу из магазина. Дети помахали на прощание. Лакей закрыл дверцу экипажа и сел на свое место, рядом с кучером. Когда она вернулась домой, ее уже ждала коробка с подсвечниками. А рядом лежал счет, на котором в самом низу было написано: «Буду премного благодарен за произведение оплаты в соответствии с вышеупомянутым…»

Покровительство — это прекрасно, но лучше были бы оплачены счета. Тебе поверят в кредит все, что угодно… только в течение шести месяцев. Как странно, требования об оплате счетов стали приходить пачками. Неужели можно предположить — судя по поведению торговцев, — что через шесть месяцев принцы обычно меняют

свое решение?

Она смяла счет и отправила детей к Марте.

— Да, Пирсон, в чем дело?

— Прибыли два джентльмена, они желают видеть вас. Какой-то капитан Сандон и полковник Френч.

— Они сказали, по какому делу приехали?

— Нет, мэм, но они назвали господина Корри.

— Хорошо. Проводите их в кабинет.

Быстрый взгляд в зеркало, поправленная шпилька — и она готова. Тысяча фунтов Биркетту за серебряное блюдо. А эти двое пообещали ей две тысячи гиней. «Буду премного благодарен за произведение оплаты в соответствии с вышеупомянутым, но пятьсот фунтов вполне устроят».

Почему бы не использовать те же слова и не заключить сделку?

Глава 4

Обед подошел к концу. Потом детей уложили и поцеловали на ночь. В кабинете зажгли лампы и опустили шторы.

— Пирсон!

— Да, ваше королевское высочество?

— Скажите Людвигу, чтобы он явился в шесть утра. Я собираюсь поехать в Хаит, до субботы.

— Слушаюсь, ваше королевское высочество.

Герцог расположился возле камина, поставив рядом с собой стакан бренди, расстегнул жилет, вздохнул и вытянулся.

— Спой мне что-нибудь, радость моя.

— Что?

— Какую-нибудь песенку, что поют в Воксхолле. Любую.

Она пела песенки, которые репетировала утром, и краем глаза наблюдала за ним. Он ногой и рукой отбивал такт, тихим голосом подпевая ей. Она заметила, что его голова стала постепенно клониться на грудь, потом он внезапно встрепенулся и опять принялся подпевать. «Помчусь я в Лондон» была довольно проста и легко запоминалась; «Сэнди», эта насмешка над возвышенными

чувствами, изобиловала непристойностями. Потом она спела его любимые: «На двух струнах играет твой смычок» — баллада, полная сладострастия; «Я так не буду делать» — усыпляющая, успокаивающая.

Наконец, когда бренди было уже выпито, а голубые глаза затуманились дремой, когда жилет был сброшен на пол, она преподнесла ему последнее возбуждающее средство: *«Завтра сокрыто завесой от нас, так мы веселиться будем сейчас».*

И опустив крышку пианино, стала рядом с ним на колени.

— Почему ты остановилась, дорогая? — спросил он.

— Потому что я целый день тебя не видела. И завтра тебя не будет со мной. А тебе хотелось бы, чтобы я спела еще?

Он посадил ее к себе на колени и обнял, прижав ее голову к плечу:

— Если ты думаешь, что я предпочитаю мотаться по стране и спать в казарме, вместо того чтобы быть рядом с тобой… Что это такое?

— Нижняя сорочка, не надо развязывать. А где ты будешь завтра?

— В Хаите, потом в Фолкстоуне, Диле и Дувре. Если мне повезет, вернусь к вечеру в субботу.

Она взяла его руку в свою, принялась перебирать пальцы, нежно покусывая подушечки, и гладить ладонь.

— А в Отландз тебе надо ехать?

— Герцогиня обидится, если я не приеду. У нее всегда по воскресеньям полон дом народа. Кроме того, если я пропущу службу в церкви, злые языки начнут болтать и слухи дойдут до короля. Он вызовет меня на ковер и отчитает, как школьника.

— Но он никогда не поступает так с принцем Уэльским.

— Конечно же нет. Они даже не разговаривают, вот я и отдуваюсь. Послушай, что я тебе скажу, дорогая… продолжай, мне очень приятно… рядом с Отландзом, в парке, есть пустой домик. Раньше в нем жил управляющий. Почему бы тебе не обставить этот домик, не нанять прислугу, тогда я мог бы от герцогини сразу же приходить к тебе?

— Ничто на свете не сравнится с таким предложением. А как же злые языки?

— О, туда им не добраться. Ведь я буду жить в Отландзе. А в парке меня никто не заметит.

— При твоем росте тебе не так легко проскочить незамеченным… Я с удовольствием приезжала бы в Уэйбридж и жила бы там с субботы до понедельника, дышала бы свежим воздухом. Но тебе

не кажется, это будет стоить довольно дорого?

— На содержание дома уйдет не так много денег.

— Но дом придется отделать, обставить, подготовить для жилья. Дело в том, сэр, что вы подобны ребенку в таких вопросах. Это результат того, что вы всегда жили во дворцах. Вы даже представления не имеете о том, как живут простые смертные.

— Я быстро учусь.

— Да, ты уже выучился обходиться без помощи камердинера, когда укладываешься спать. Но это все. Любой ребенок проявляет больше самостоятельности, чем ты. Когда Людвиг застегивает тебе пуговицы на мундире, он похож на няньку, пеленающую младенца.

— Это твоя вина. Я теперь не так бодр по утрам, как раньше. Было время, когда я до завтрака успевал сделать несколько кругов по парку.

— Но ведь ты не бездельничаешь… просто изменился ритм жизни. Однажды ты со сна все перепутаешь и наденешь мне на шею лошадиную торбу с овсом. Послушайте меня, сэр, я честно вам говорю, я была бы счастлива жить с вами в Уэйбридже. Но дело в том, что я не могу себе этого позволить. Обставить дом, нанять прислугу, на-

ладить хозяйство — об этом не может быть и речи при том содержании, что вы мне выделяете.

Молчание, напряженная пауза, беспокойный взмах руки. Она передвинулась, чтобы не так сильно опираться на него.

— Разве я мало тебе даю?

— Достаточно, чтобы содержать небольшой коттедж.

— Ну, черт побери, я не знаю. Меня постоянно дергают. Гринвуд и Кокс ведут мои финансовые дела. Они, Гуттс и все остальные пытаются разобраться в этой путанице, а мой казначей, Эдам, сообщает мне о результатах. У меня постоянно не хватает денег, чтобы содержать свою недвижимость, не говоря уже о твоей. Ты говоришь, что мне неизвестно, как ты живешь, ты, простая смертная. Но ты не имеешь ни малейшего представления, каковы наши расходы. Мои, моих братьев, Кларенса и Кента, и всех остальных. У принца Уэльского есть свой капитал, он обеспечен, но остальные по уши в долгах. Я не раз повторял, что дело в плохом управлении финансами.

Внимание — затронуты острые темы, лучше прекратить разговор. Семя брошено в землю — не будем пока с ним ничего делать. Она соскользну-

ла с его колен, раздула огонь в камине.

— Я не хочу увеличивать твои расходы, никогда. Может, мы зря переехали на Глостер-Плейс? Но ведь… Портман-сквер всего в двух шагах отсюда, мы любим этот дом… но, сэр, если у вас не хватает денег, давайте я перееду на квартиру, отправлю детей к матери, уволю слуг.

— Черт побери, нет.

Он притянул ее к своему креслу. Обвив руками его шею, она опустилась на колени.

— Я не имею в виду, что я беден, — я разорен. — В его голосе слышались злость, раздражение. — Денежные вопросы — это единственная на свете тема, которую я ненавижу обсуждать, но вынужден постоянно к ней возвращаться. Я сотни раз говорил тебе, что ты можешь жить в кредит.

— Вы, сэр, можете. Но не ваша возлюбленная.

Она прижалась к его щеке и провела рукой по волосам.

— Кто это пристает к тебе со счетами? — спросил он.

— Биркетт и остальные… Нам не следовало покупать то серебряное блюдо, но я не удержалась, представив, как на французских лилиях будут лежать куриные грудки.

— Если Биркетт станет жаловаться, я велю его

арестовать.

— Бедняжка Биркетт. Какой же ты безжалостный. — Помассировать ему за ушами, поцеловать в лоб. — У тебя действительно хватит власти отправить человека в тюрьму?

— Да, если у меня найдется причина.

— Значит, это и подразумевается, когда говорят: «Его королевское высочество воспользовался исключительным правом»?

— Высочество — нет. Только его величество.

— Но ведь у архиепископов есть исключительные права. Почему же у тебя нет?

— Вопрос прерогатив. Неужели мы должны в этот час обсуждать такие вещи?

— Но, сэр, мне так интересно все это слушать… это дыхание жизни. Парламент объявляет перерыв — он что, решил приостановить свою деятельность?

— Полностью и бесповоротно. Перерыв — еще одно слово для обозначения прекращения работы.

— Прерогатива — перерыв — здесь должна быть какая-то связь. Давай посмотрим, имеешь ли ты прерогативу прервать мой поцелуй?

Они попробовали, и у них ничего не получилось. В камине тлели угли. Оказалось, что одного

кресла недостаточно для полного комфорта.

— Почему мы здесь сидим?

— Ты сидишь… я стою на коленях.

— Это, наверное, чертовски неудобно.

— Неудобно. Но я ждала королевского приказа.

Они, обнявшись, поднялись наверх, и из своей спальни через приоткрытую дверь она слышала шорох падавшей на пол одежды. Ей стало интересно, как происходит пищеварение. Был ли Огилви прав? Действительно ли организм усвоил лекарство за час? Она взяла список и еще раз прочитала его. В основном капитаны, которые хотят стать майорами, — трудно запомнить все имена. Она приколола список к пологу над своей подушкой, чтобы он сразу же попался ему на глаза.

— Сэр? — позвала она.

— Сию минуту.

— Сэр, вы знаете одного бывалого вояку, полковника по имени Френч?

— Сразу так и не вспомнишь. Из какого полка?

— Думаю, он не служит в каком-либо полку. Дело в том, что он ушел в отставку. И к тому же сидит на половинном жалованье. Не особо значительная фигура. Но, как мне кажется, он подавал вам прошение.

— Они все подают прошение. Каждый день

приносят мешки писем со всех концов страны от полковников с половинным окладом.

— Он хочет набирать рекрутов.

— Ну, пусть набирает.

— Да, но получение служебного письма займет массу времени. Я не знаю, что это за процедура, но вам-то известно.

— Если его прошение удовлетворят, он получит извещение. Его прошение будет передано моему секретарю по военным вопросам, потом Клинтону или адъютанту Лорейну, а потом один из них отправит его Хьюэтту, генеральному инспектору.

— А потом?

— Потом назад, ко мне, для особых замечаний и на подпись, если я согласен. Эти вояки так нетерпеливы, естественно, вся процедура занимает время. Они что, думают, нам нечего больше делать, кроме как сидеть и читать их проклятые прошения?

— Полагаю, они именно так и думают. Они просто не имеют представления. Но этот полковник Френч был крайне любезен. Рассыпался в извинениях за беспокойство и сказал, что, если я попрошу за него, он будет премного обязан и даже более.

— Что он имел в виду?

— Я не совсем поняла. Возможно, он намекал, что пошлет мне букет цветов.

В гардеробной воцарилось молчание. Потом раздался звук открываемого окна, послышались тяжелые шаги по застланному ковром полу.

В действительности практически весь разговор вел капитан Сандон. Пятьсот гиней задатка, а когда будет получено служебное письмо, остальные тысяча пятьсот… Потом Френч отправится в Ирландию набирать рекрутов, и за каждого завербованного рекрута она будет получать по гинее. Когда число рекрутов достигнет пятисот, ей будут выплачены деньги.

— А что вы будете с этого иметь? — спросила она. Очень интересный для нее вопрос.

Сандон, с круглым, как луна, лицом, постарался ей объяснить:

— Правительство, мэм, установило официальную премию: за каждого рекрута вербовочная группа получает тринадцать гиней. Мы хотим получить эти деньги, и мы уже давно набрали бы много рекрутов, но на наше прошение, направленное в военное министерство, ответ так и не пришел. Одно слово главнокомандующего — и вопрос решен. Чем выше премия, тем значитель-

нее ваше вознаграждение.

По его словам, все было очень просто. Счет ведут по головам. Один завербованный в Ирландии рекрут — одна гинея в ее кармане.

Она забралась в кровать и уютно устроилась на подушках, а над ней, приколотый к пологу, развевался список. Из гардеробной раздались проклятия, потом что-то упало на пол. Усвоение происходит слишком медленно или слишком быстро. Она закрыла глаза и принялась ждать. Она почувствовала, как матрац начал продавливаться под его весом.

— Знаешь, — сказал он, — если бы ты была на самом деле хитра, ты никогда не стала бы докучать мне по поводу денег. Этот Френч…

— Букет цветов?

— При чем тут этот веник… «он будет премного обязан». В твоем положении ты можешь заставить их всех ходить по струнке. А когда они не проявляют благодарности, выставить их за дверь.

— Не мог бы ты поконкретнее объяснить, каково мое положение?

— Я не вполне уверен. Внизу наши отношения выглядят довольно сложными.

Интермедия, прежде чем перейти к основному

вопросу.

— Что это, черт подери, такое?

— Я все думала, когда же ты заметишь.

— У меня только сейчас появилась возможность поднять голову… Чьи это имена?

— Просто имена джентльменов.

— Твоих бывших поклонников, которые отвечали твоим требованиям?

— Нет, солдат короля. Они служат именно тебе. Честно говоря, я в жизни ни о ком из них не слышала.

— В чем дело? Я что, вдруг оказался недостаточно силен? Это тонкий намек на то, что мои силы убывают и что эти пятнадцать ребят будут хорошей заменой? Если так…

Прекращение разговора и еще одна освежающая процедура, чтобы он получил лишние доказательства.

— Я вывесила этот список специально для того, чтобы ты не забыл о них.

— Я согласен, чтобы мне напоминали о делах в казарме, но не дома.

— Эти бедняжки хотят, чтобы им оказали любезность.

— Я так и делаю… не выбрасывай подушку.

— Подумай, как они будут счастливы, если по-

лучат повышение. В каждой руке по букету. Наш дом будет похож на оранжерею…

— Тебе мало цветов?

— Мне много чего недостает. Ты хочешь спать?

— Хотел. А теперь не хочу… Если бы ты хоть немного разбиралась в моих делах, ты поняла бы, что я не могу давать повышение каждому Тому, Дику или Гарри. Мне нужно внимательно разбираться с каждым прошением и следить, чтобы человек соответствовал новой должности.

— О, забудь об этом. Они могут пойти во флот.

— Я просмотрю список, но я не могу дать повышение одновременно всем. Более того…

Ясно, что желудочный сок хорошо поработал. Организм усвоил микстуру. «По одной чайной ложке. Несколько раз в день».

— Тебе придется приезжать в Уэйбридж каждую субботу, в тот домик, о котором я тебе говорил. Если ты этого не сделаешь и заставишь меня бродить по парковым гротам с герцогиней, я перережу себе горло.

— Ты будешь много времени занят с собачками.

— Вонючки. Они кусают за пальцы, когда начинаешь их шлепать.

— Не бросайся своим талантом, распространи

свое покровительство и на них. Неужели пробило час ночи?

— Не представляю, сколько сейчас времени. У меня уши закрыты.

— У тебя еще пять часов до отъезда в Дувр.

— Говорят, у Бони уходит гораздо меньше.

— Меньше чего?

— Времени, и сон его гораздо короче.

— У него рост всего пять футов и четыре дюйма, ты тяжелее. Из-за того, что твой организм выдерживает такой вес, он нуждается в отдыхе и покое, его надо холить и нежить.

— Ручаюсь, что Бони может выдержать меньше, чем я. Если сравнивать нашу выносливость.

— Он проиграл бы. Победитель получает все, и печенье в придачу.

Тишина обволокла Глостер-Плейс, дом погрузился в покой. Свечи догорели и погасли. Тьма воцарилась в комнатах. С одной подушки раздавалось нежное, еле слышное дыхание, с другой — довольно солидный храп.

— Шесть часов, ваше королевское высочество.

— Хорошо. Иди.

Бледный утренний свет проникал через окно, упрямо предвещая самое неприятное, что может быть на свете: весенний дождь, слякоть на доро-

ге, тряску в экипаже. Потом лучшее помещение в казарме. Звяканье медной упряжи, запах кожи, осмотр нового вооружения. Запах толпы, дыма и пороха.

— Ты спишь?

Она спала. Лучше оставить ее в покое, поцеловать этот непокорный завиток, упавший на щеку. Она проснулась и увидела, что он в полной готовности.

— Не уходи. Утро еще не настало.

— Настало. И здесь Людвиг.

— Спусти его с лестницы.

Нет смысла сожалеть. Сначала долг, а развлечение — после. Труба зовет.

— Прощай, любимая моя. Я постараюсь вернуться домой в субботу.

— Не уезжай в Отландз. Проведи конец недели со мной.

Теперь можно опять откинуться на подушки и погрузиться в ускользающий сон: преследование случайных прохожих в переулке, за ней тащится Чарли, на руках — Эдди. Шум улицы, запах жареного лука, вонь сгнившей в канаве капусты, плеск воды.

Когда в девять она проснулась, за окном вовсю светило солнце. Она пощупала полог. Списка

не было.

Глава 5

Вилл Огилви был прав, все оказалось довольно просто. И как только стало известно, что повышения можно добиться через личные каналы, поток просьб увеличился.

— Установите твердые тарифы, — посоветовал Вилл, — но не очень высокие. Я буду сообщать, что использование вашего влияния для получения звания майора будет стоить девятьсот, ротного — пятьсот фунтов. Звание лейтенанта обойдется в четыреста фунтов, прапорщика — в двести. Все справедливо. Оговорите, что вы будете хлопотать за них только устно, никаких писем. Как только имя просителя появится в официальном бюллетене, он должен тут же выплатить вам вознаграждение. И не принимайте никаких чеков — чек можно проследить, а это приведет к катастрофе. Настаивайте, чтобы платили наличными, банкнотами небольшого достоинства.

— А вы могли бы помочь мне? — взмолилась она.

— Сделаю все, что смогу, но мое имя нигде не должно звучать. Я просто друг одних знакомых, которые наслышаны о вашем великодушии.

Обдумав все, она пришла к выводу, что условия игры вполне приемлемы. Будучи верноподданной патриоткой, она спасает страну, помогая набирать в армию офицеров, которые сгорают от желания служить отечеству. Она даст им то, что они просят, и это обойдется им во вполне приемлемую сумму. Конечно, они будут благодарны ей.

Деньги, которые она стала получать, пришлись как нельзя кстати. На пути в Уэйбридж она подсчитывала расходы. Когда-то этот домик на границе парка был фермой. Поэтому, прежде чем начать его обустраивать, нужно выгрести кучи грязи. Стойла придется разрушить и отстроить заново, пристроить крыло для прислуги, заново покрыть крышу, переделать две комнаты, соединив их в одну большую. Челядь нужно где-то кормить, еще при доме будут грумы, и кучер, и еще двое мужчин и мальчик — для работ в саду. Только ради своего покровителя она взялась за эту работу, отодвинув собственную игру на второй план.

Пришло служебное письмо, и Френч отплыл в Ирландию. Его приятель Сандон оказался ее союзником и заезжал довольно часто. Чтобы не возникло никаких неприятностей, ей приходи-

лось проявлять максимум осторожности. Сандон обычно доставал список из кармана, точно так же, как Огилви, и если бы Огилви догадался, что у него есть конкурент, она оказалась бы в крайне неловком положении. Пару раз Огилви и Сандон приносили ей одинаковые списки. И после того как имена офицеров появлялись в официальном бюллетене, ей приходилось отдавать комиссионные обоим, что приносило убытки.

Как бы то ни было, все проходило гладко, и герцог не задавал никаких вопросов. Она только называла имя — капитан такой-то хочет стать майором — или передавала герцогу листок с краткими сведениями об офицере. Герцог запоминал имена или брал с собой листок. Этот вопрос никогда не обсуждался, они проявляли взаимную осторожность.

Только Билл придерживался иных взглядов — ложка дегтя в бочке меда. Однажды он заехал в то же время, что и Френч, в то же утро, когда Френч принес ей пятьсот фунтов — деньги за свое назначение.

Она была наверху, одевалась, и Пирсон отправил к ней Марту.

— Приехал господин Даулер. Он прошел в малую гостиную.

А полковник Френч уже десять минут ждал ее там. Она быстро закончила свой туалет и сбежала вниз, но одного взгляда на Билла было достаточно, чтобы понять, что произошло. Этот болтун Френч, возбужденный своим назначением, намекнул Даулеру, по какому делу он приехал, и, как только Билл представился близким другом, все — или почти все, — что так тщательно ею скрывалось, выплыло наружу.

— Им надо поторапливаться, — услышала она, подходя к кабинету. — Как, черт побери, они рассчитывают набрать много рекрутов, если тянут со служебными письмами? Я вновь и вновь заявлял об этом в своих прошениях полковнику Лорейну в военном министерстве. Он просто проигнорировал мои замечания, положив мою просьбу под сукно. Госпожа Кларк говорит, что она сделает все возможное, и я очень надеюсь на благоприятный исход.

— Полковник Френч, рада видеть вас. Билл! Какая неожиданность!

Она попыталась перевести разговор на другую тему, но коротышку-полковника понесло, остановить его было невозможно.

— Наверху столько препятствий. Больше всего неприятностей доставляет генерал Хьюэтт. Бу-

дучи главным инспектором, он тормозит каждое прошение. У него предубеждение против тех, кого он называет «вербовщиками», — офицеров на половинном жалованье вроде меня, которыми, можете быть уверены, движет стремление служить своей стране. Если бы госпожа Кларк только рассказала главнокомандующему, как нас прижимает этот Хьюэтт… — И так далее, а лицо Билла постепенно вытягивалось.

А потом, в довершение ко всему, Френч передал ей деньги.

— Надеюсь, ваш друг, господин Даулер, извинит нас? Нам надо урегулировать финансовые вопросы. — И Френч оттащил ее в угол и принялся шептать.

Это было в высшей степени неприятно. В ней начал закипать гнев. Единственный способ выкрутиться — вести себя как ни в чем не бывало. Наконец Френч убрался, а Билл, с видом проповедника, вещающего с кафедры, уставился в потолок. Лучший способ защиты — нападение, и она ринулась на него.

— Великий Боже, какое лицо! В чем дело? Ты был на похоронах? Мы с тобой давно не виделись. Не моя вина, что заехал этот толстый зануда.

Молчание. Потом Билл, подобно школьному

учителю, принялся отчитывать ее:

— Пусть он толстый зануда, меня это не касается. Меня, как человека, который тебя любит, волнует то, что ты ведешь какую-то игру, которая мне не совсем понятна. Ты вмешиваешься в дела армии.

— О, не будь смешным. Ты вечно осуждаешь меня. Конечно, люди докучают мне — а как могло быть иначе, если у меня такое положение. Герцог сам предупредил меня об этом. Я всегда рада помочь хорошим людям, в искренности которых я не сомневаюсь.

Она намеренно распаляла свой гнев, возмущенная, уверенная в своей правоте.

— Ты не от мира сего, — продолжала она, — ты закис у себя в Аксбридже, ты превратился в настоящего сельского жителя. Осмелюсь заявить, я встречаюсь с очень многими людьми, и за одно утро я делаю для них больше, чем ты за всю свою жизнь. Не только для вояк вроде Френча, но и для гражданских. Ты не поверишь, но ко мне обращаются с самыми разнообразными просьбами. Это не моя вина, просто так сложилось. Если бы герцогиня обладала хоть каким-то характером и стала бы вести себя, как подобает жене, они осаждали бы ее, а меня оставили в покое. Но они

знают, что она никто, потому-то и приходят ко мне. И я вынуждена выдерживать этот натиск.

Он не прерывал ее, но ее доводы на него не действовали. Она видела по его глазам, что он не верит ни единому слову.

— Может, я превратился в сельского жителя, — сказал он, — но я не полный дурак. Бесспорно, пользуйся своим влиянием, чтобы помогать людям, но не бери взятки. Ты доведешь себя до беды и его тоже.

— Я не беру взяток.

— Тогда что за деньги ты сейчас получила?

— Это просто дань уважения, своего рода подарок за хлопоты. Ты слышал, что он сказал, — зажимают в военном министерстве, все кладется под сукно. И они действуют по другому каналу.

— А готова ли ты отправиться в главный штаб и честно все рассказать?

— Готова. Это их подтолкнет.

— Ты сама понимаешь, что это лишь хвастовство. То, чем ты занимаешься, противозаконно и попахивает коррупцией. Ради бога, прекрати это, пусть твои руки будут чистыми. Разве тебе мало быть его любовницей? Ты и так достигла вершины, зачем же пачкаться?

— Как ты смеешь нападать на меня…

— Я на тебя не нападаю. У меня сердце разрывается, когда я вижу, что ты делаешь глупости.

— Прекрасно. Убирайся. Возвращайся в свой Аксбридж, там тебе место. Я не просила совета, не спрашивала твоего мнения. Я считала, что мои друзья должны молча воспринимать то, что я делаю.

— В Хэмпстеде ты говорила по-другому.

— В Хэмпстеде все было по-другому. С тех пор все в мире изменилось.

— Возможно, для тебя.

Он направился к двери. Она не удерживала его, но, когда он был уже на лестнице, она позвала:

— Билл… вернись.

Он остановился в дверях. Она протянула к нему руки:

— Почему ты так со мной обращаешься, что я такого сделала?

Не было смысла спорить и просить ее, советовать было бесполезно. Сейчас она нуждалась только в одобрении, ласковых словах, поцелуе, понимании.

— Я вынуждена это делать, Билл. Мне нужны деньги.

— Он выплачивает тебе содержание, не так ли?

— Да, но этого недостаточно… расходы растут. Один этот дом съедает почти все, что он мне дает. А есть еще один — в Уэйбридже. Лошади, экипажи, еда, мебель, одежда… Не говори мне, что надо ограничивать себя, — это невозможно. Я вынуждена так жить из-за него: он к этому привык, он этого ожидает от меня. Его никогда бы не устроила какая-нибудь жалкая квартирка. Это его второй дом. Он сам так его называет. И, по правде говоря, его единственный дом.

— Он тебе нравится?

— Возможно… но дело не в этом. Просто я не могу и не хочу просить у него денег. У него нет денег на меня, поэтому мне пришлось заниматься вот этим. — Она показала списки, которые передал ей Френч. — Если хочешь знать, коррупция есть везде. Политики, священники, военные — все одним миром мазаны. Ты слышал последние сплетни? Чем, ты думаешь, занимался лорд Мелвилль в Адмиралтействе? По этому поводу собираются создать следственную комиссию.

— Тем более тебе следует быть осторожнее.

— Ну, они будут целый год совещаться за закрытыми дверями, а в конце концов окажется, так говорит герцог, что ничего не доказано.

— Удивительно. Очень сомневаюсь. Радика-

лы не дадут этому делу заглохнуть, оно для них очень важно.

— Пусть всех нас признают виновными в мошенничестве — что это даст? Пока есть возможность, я буду держаться на плаву.

Он поцеловал ее и ушел. Она чувствовала, что он осуждает ее. Даже своим поцелуем он упрекал, обвинял ее. Ну ладно… если так, говорить больше не о чем. Он должен держаться подальше от ее дома и не приходить больше. Он наказал скорее себя, чем ее: ведь она могла обойтись без него. Ее жизнь была настолько заполненной, что не оставалось времени размышлять над недовольством друзей или бывших любовников, таких, например, как Билл. Сочувствие — да, но никаких упреков и порицаний. Уж кому-кому, но не ей, с ее-то положением, выслушивать эти менторские брюзгливые нотации. Он все еще обращается с ней, как с девочкой, которая сбежала от своего мужа, он не понимает, как она изменилась.

Мужчины, с которыми она теперь общалась, были значительными фигурами в свете, и на их фоне Билл выглядел простаком… привлекательным, но скучным. Больше всего ей нравился Джеймс Фитцджеральд, член парламента от Ирландии, великолепный оратор и адвокат, с

острым как жало языком. Он любил, потягивая бренди, вполголоса рассказывать о скандалах, случавшихся в ирландском высшем свете, вытаскивая на свет все тайны известных протестантских семей. Очень часто к обеду приглашали Вильяма Коксхед-Марша, близкого друга герцога. Он говорил, что восхищается ею, что готов беспрекословно ей повиноваться. Если она устанет от герцога, он предоставит ей дом в Эссексе — только шепните. Сказано это было тихим голосом и сопровождалось пожатием колена под столом. Билл Будл, Расселл Маннерс — все они намекали на одно и то же. Они льстили ей, баловали ее — легковесная чепуха, которая, естественно, принималась с улыбкой и некоторой долей сомнения, но всем при этом было весело.

Она сожалела, что ее венценосный любовник не ведет светский образ жизни. Дом, обставленный с таким вкусом, как нельзя лучше подходил для приемов. Для обедов, музыкальных вечеров — ей так нравилось развлекаться. Он же любил, чтобы к ним изредка заходили его друзья — никаких толп, — и предпочитал спокойно посидеть после обеда и послушать, как она поет, или сыграть в карты, даже с Мей Тейлор! Он напоминал Мэри-Энн Боба Фаркуара, у него были довольно

простые вкусы, вкусы представителя среднего класса, что казалось ей очень странным. Его привлекали непристойные шутки или песенки. Он надрывался от хохота, когда слуга разливал суп. Скачки он считал единственной темой для разговора. Он был безмерно счастлив, когда ему удавалось провести весь вечер с приятелями, которые тоже обожали конный спорт. В то время как принц и госпожа Фитцхерберт… Впрочем, оставим это. То общество было совершенно другим. У принца был собственный круг знакомых — Чарли Фокс и другие сливки общества, сверкающие и сияющие, обожавшие развлечения. Что поделаешь: если ему нравится возвращаться из штаба и ползать на коленях, кувыркаться с детьми, она не может помешать ему. Лучше играть в пикет с Мей Тейлор на Глостер-Плейс, чем сидеть рядом с леди Хертфорд в Карлтон-Хаусе.

Однако ее задевало, что приглашения приходят не так часто. «Госпоже Кларк, на дом. Вечерний прием. Экипажи будут поданы в одиннадцать», а внизу приписка мелкими буковками: «чтобы встретиться с его королевским высочеством, герцогом Йоркским». Он обычно отшвыривал приглашения.

— Если бы ты весь день, с девяти до семи, про-

вела в заботах об армии его величества, тебе захотелось бы отдохнуть и расслабиться, а не набивать свое брюхо и обсуждать какую-то чушь со всякими идиотами.

— А принц Уэльский и госпожа Фитцхерберт развлекаются…

— Он не работает, поэтому он и развлекается. Надо же ему как-то убить время.

— Ты смог бы гораздо больше выяснить и узнать, устрой мы несколько приемов. Для политиков и других интересных людей — вовсе не для отбросов.

— Все политики — жулики. Пусть ими занимается мой брат. К тому же мне нечего выяснять — я терпеть не могу интриг. В чем дело, ангел мой? Тебе скучно, тебе надоело мое общество?

— Естественно, нет… только…

— Принимай их, когда меня нет… я ничего не имею против. Ты можешь делать все, что захочешь.

Но дело было не в этом. Она жаждала славы, чтобы все видели ее рядом с ним, чтобы ей кланялись и улыбались, чтобы дом был наполнен титулованными, не ниже графа, гостями, в сверкающих бриллиантах. Чтобы они, получив ее приглашение, девчонки из грязного переулка,

которой удалось выловить такую крупную рыбину, счастливо улыбались и виляли хвостами от радости.

Иногда он соглашался. Они устроят прием. Десять-двенадцать человек, не больше, и чтобы ушли пораньше. И тогда весь дом начинал ходить ходуном, на кухне работали два повара, нанимали человека в помощь Пирсону. Подавали пять или шесть перемен, на серебряных сверкающих блюдах (чеки, которые она, хвала Господу, оплатила принесенными полковником Френчем деньгами), а потом звучала музыка, при этом она сама играла на арфе, и все ей аплодировали. Лица, улыбки, смех, шум голосов — и герцог, возвышающийся над всей толпой, заложив руки за спину, подмигивающий, снисходительный, дружелюбный, восхваляющий ее громким голосом: «Поверь мне, она их всех за пояс заткнет в Воксхолле!» Быстрый поцелуй, который все заметили — она видела их лица. Это были те мгновения, когда она, как нектаром, упивалась своей властью и очарованием, испытывая истинное блаженство. А после их ухода она окидывала взглядом остатки пиршества, мокрые пятна от пролитого вина на стульях, и все это превращалось в символы ее триумфа, отблеск ее славы.

— О, сэр… я так счастлива. Мне так понравилось.

— Что, выступать в качестве хозяйки?

— Только в том случае, когда вы выступаете в роли хозяина. Без вас это ничто.

Лежа рядом с ним, слишком взволнованная, чтобы спать, она заглядывала в будущее, она предавалась мечтаниям, довольно смелым, о том, что может произойти, о людях, которые могут умереть: о принце Уэльском, который, как говорили, никогда не отличался хорошим здоровьем, о болезненной принцессе Шарлотте, о герцоге, предполагаемом наследнике, о постоянно больном, выжившем из ума короле… Герцог с такой легкостью правил бы страной. И тогда… какое великолепие! Какое будущее!

А пока она наслаждалась пьянящим ощущением власти, которую она пила маленькими глотками: возможность заниматься назначениями и перестановками, превращать майоров в полковников — мелочь, но все равно выгодно. Как замечательно отправлять Сандону написанные в спешке после завтрака записки:

Соблаговолите просмотреть завтра вечером «Газетт», так как, я полагаю,

там появятся интересующие Вас имена. Награда за мои хлопоты о назначении майором составляет семьсот гиней, так что, если у Вас есть еще желающие, сообщите им о цене. И если у Вас есть, что сказать мне, я буду в городе в понедельник...

Потом шло другое письмо:

Я убеждена, что деньги не играют основной роли в жизни, но я разговаривала с одним человеком, который хорошо знает цены. Поэтому Вы должны сообщить Бэкону и Спеддингу, что каждому из них придется доплатить еще по двести, а капитанам – по пятьдесят. Сейчас за старших офицеров мне предлагают тысячу сто. Вы должны прислать ответ на это письмо немедленно, так как я буду говорить с Ним. Я выполнила свои обязательства, сообщив о Вас Г. Сегодня вечером я буду в театре.

А потом, после некоторых раздумий, приписка:

Госпожа Кларк шлет свои наилучшие пожелания капитану Сандону и считает, что ему не стоит появляться в ее ложе сегодня вечером, так как сегодня в театр приедет Гринвуд, который будет следить, куда обращен ваш взор. Ему не стоит знать, что капитан Сандон имеет какое-то отношение к набору рекрутов. В противном случае это может оказаться опасным как для него самого, так и для госпожи Кларк.

Но не всегда все выходило по плану. Она хлопотала за просителей, но новое назначение срывалось по их же вине.

Еще письмо Сандону:

У меня неприятности: Вам известно мое финансовое положение. Я решила поговорить по поводу Спеддинга во вторник, но его полк так плохо действовал на маневрах, что герцог разозлился и приостановил назначение всех офицеров этого полка! Он так и заявил об этом полковнику Уэмиссу, что если бы тот был джентльменом, то уже давно подал бы в отставку. Сегодня он собирается

ознакомиться с подробным изложением фактов, так как Спеддинга давно не видели в полку, а ведь он опытный офицер. Если же он все же получит повышение, то только благодаря моим усилиям. Мне придется сильно просить за него, герцог очень рассержен на Вас: при Вашей последней встрече Вы обещали ему триста иностранцев, но не поставили ни одного – о да, приятно зависеть от такого хорошего парня, как мастер Сэндон. Я уже говорила Вам, что дело надо делать постепенно: его чиновники слишком хитры. Пусть Спеддинг составит свой послужной список и отправит его мне, чтобы я могла показать его герцогу. Прощайте.

Иногда в верхнем углу письма она делала приписку: «Сжечь», а иногда забывала: когда все шло гладко, предосторожности казались излишними. Однажды, в конце июля, ее охватила паника. Полковника Клинтона, начальника секретариата военного министерства, сменил полковник Гордон, более наблюдательный и более бдительный. Повсюду ходили слухи, что новый начальник хитер и ловок, что он, обнаружив, что работа в

его департаменте идет из рук вон плохо, намерен тщательно разбирать все вопросы. Срочное письмо Сандону:

> *Я покидаю город и прошу Вас быть очень осторожным, в особенности в том, что касается упоминания моего имени. Я знаю, что у Вас есть враги, так как вчера Г. был атакован целой толпой лиц, которые ругали Вас на чем свет стоит. Он чем-то недоволен, но он ничего мне не скажет.*

«Интересно, — спросила она себя, — чем недоволен герцог — тем, что Гордон задает вопросы и сует свой нос в то, чего никогда не касался Клинтон?» Вокруг начались разговоры по поводу набора рекрутов, постоянно возникали какие-то слухи. Слишком много было посредников. Не Огилви, конечно, ему можно доверять, но, возможно, Френч в Ирландии или даже Корри?

— Это вы распустили язык?

— Мадам, я протестую…

— Пошли кое-какие слухи, и его королевскому высочеству об этом известно. Если у вас сохранились мои письма, касающиеся дел с набором рекрутов, — вы же знаете, на что я намекала, —

ради всего святого, сожгите их. — И она велела ему ехать домой.

— Успокойтесь, — сказал Вилл. — Со временем все уляжется. «Новые метлы» всегда лезут не в свое дело. Дайте Гордону поруководить.

— Вы поклялись, что в этом деле нет ничего опасного.

— Так и есть. Дайте ему время, чтобы принять дела.

Приняв дела, Гордон тут же взял бразды правления в свои руки. Первым действием нового руководства было письмо, разосланное всем армейским агентам. Датировано оно было двадцать восьмым сентября 1804 года.

Джентльмены, Его Королевское Высочество главнокомандующий имеет веские причины считать, что между офицерами агентств и лицами, именующими себя армейскими посредниками, имеется преступный сговор, цель которого – получение доходов в результате действий, противоречащих существующим правилам и установкам. Главнокомандующий считает необходимым препятствовать этой деятельности, наносящей непо-

правимый урон армии. Я уполномочен привлечь ваше внимание к этому важному вопросу и уведомить о необходимости сохранять максимальную бдительность с целью предотвратить в меру ваших возможностей любые сношения между офицерами ваших агентств и этими лицами. В том случае, если подобная деятельность осуществлялась через какое-либо агентство, главнокомандующий будет считать своим долгом рекомендовать командирам соответствующих соединений отказаться от услуг этого агентства.

Я уполномочен рекомендовать вам довести до сведения командиров подразделений, прикрепленных к вашим агентствам, что Его Королевское Высочество крайне неодобрительно относится к подобной деятельности, и заверить их, что, если какой-либо офицер будет замечен в связях с вышеназванными лицами после даты, проставленной в данном письме, его деятельность будет немедленно прекращена и офицер предстанет перед Королем с обвинением в неподчинении приказам главнокомандующего.

Дж. У. Гордон.

Получится ли перевести все это в шутку, гадала Мэри-Энн, наблюдая из окна своего дома в Уэйбридже за осенними листьями и поджидая герцога, который должен был возвратиться из Отландза от герцогини. Всего-то и осталось что благодарственная записка от одного капитана, которая была выброшена в камин, и четыреста фунтов, спрятанные за корсажем.

Глава 6

Но игра продолжалась, правда медленно и тайно. Она уже слишком далеко зашла, чтобы идти на попятный, она увязла по самое горло. На время количество просьб уменьшилось: рыбка испугалась, но через год просьбы вновь пошли сплошным потоком. У нее не было другого способа обеспечить свое существование. Расходы на содержание обоих домов удвоились, потом утроились, и она совершенно не представляла, на чем бы сэкономить. Каждый день к ней приходила Марта с жалобами.

— Мяснику не уплачено за три месяца, мэм. Он говорит, что больше не будет нам ничего поставлять, пока мы не расплатимся с ним.

— Марта, не приставай ко мне, у меня урок рисования.

Каждый день какой-нибудь урок — пения, рисования, танцев, чтобы не отстать от последней городской моды. Новым повальным увлечением был рисунок по бархату.

— Если я не буду приставать к вам, мэм, они будут приставать ко мне. Мясник говорит, что это я утаиваю деньги.

— Вот, возьми.

В ящике стола, в самом дальнем углу, лежали деньги, предназначенные для ювелира, — пара сережек, которые великолепно смотрелись бы с белым, она должна была их иметь, — часть денег можно отдать мяснику.

— Торговец углем недоволен, мэм. На прошлой неделе он все время ворчал, когда разгружал уголь. А следующую порцию придется заказывать уже через пару дней: ведь камин горит в каждой комнате.

Еще немного денег из ящика, чтобы заплатить угольщику. В первую очередь надо платить более мелким торговцам, это справедливо. Ювелир может подождать или забрать сережки.

— Марта, все мясо съедает кухонная прислуга. — Кухонная прислуга была главным козлом отпущения. — Его королевское высочество и я едим совсем мало. Все самые крупные куски попадают вниз. Я знаю, я сама видела.

— А чего, мэм, вы могли ожидать? На кухне работает десять человек. Мужчины нуждаются в пище, их надо кормить.

Десять человек — неужели нужно такое количество работников на кухне? Однако в доме постоянно появлялись новые слуги, чтобы при-

служивать за столом. Ведь кухарки не сядут за один стол с судомойками, горничные — с лакеями; те, кто отвечает за постели, не будут мыть посуду.

— О, Марта, проследи за этим. У меня нет времени.

Возобновим прерванный урок, а вечером — в Кенсингтон, в театр. Завтра — Уэйбридж, опять постоянное требование денег, теперь уже со стороны прислуги загородного дома. Летом ей захотелось выращивать овощи, но вместо небольшого садика позади дома по чьей-то ошибке были огорожены три поля — неверно переданное приказание, халатность, — и теперь ей приходилось содержать и кормить двух рабочих лошадей. Это значило, что при них обязательно должен быть человек: ее грумы умели обращаться только с лошадьми для экипажей. Но где этот человек будет жить? Ему нужен коттедж: у него жена и четверо детей.

Так и продолжалась эта сумасшедшая карусель, которая, раскрутившись, никак не останавливалась. Кроме торговцев и слуг, к ней приставали и домочадцы. Хвала Господу, Джеймс Бертон ни разу не заикнулся об арендной плате, но дом на Тэвесток-Плейс все равно надо оставить для

матери и Изабель, которая обручилась с одним из братьев Тейлор после того, как их дела несколько пошатнулись. Отец Мей неудачно сыграл на бирже, и бедняжка Мей была вся в слезах. Вынужденные покинуть свой дом, они с сестрой подумывали о том, чтобы открыть школу, но без посторонней помощи об этом не могло быть и речи.

Придется еще раз залезть в ящик и каким-то образом раздобыть пятьсот фунтов, чтобы помочь Мей и ее сестре организовать школу в Айлингтоне. И еще двести фунтов на свадьбу Изабель. Но оказалось, что деньги кончились… ей не удалось сохранить их.

Следующей проблемой стал Чарли. Ему не понравилось в 13-м полку легких драгун, и он хотел сменить место службы. Может его сестра устроить это? Он обратился со своей просьбой не вовремя, в тот момент, когда между ней и герцогом возникла некоторая напряженность. Но ей удалось уладить это дело, и его перевели в 7-й пехотный полк, стрелком-пехотинцем. Шесть месяцев спустя он опять примчался к ней.

— Терпеть не могу этот седьмой полк. Я хочу на другое место.

— Но, дорогой мой, ты говорил то же самое в

сентябре.

— Знаю. Это была ошибка, я очень жалею. В седьмом полку я как в аду, к тому же мне больше нравится кавалерия. Мне сказали, что меня могут перевести в четырнадцатый драгунский полк, но, естественно, этого придется добиваться. Ты можешь устроить?

— Посмотрим… но ты должен понять, что больше нельзя играть в солдатики.

— По всей вероятности, я доберусь до самых верхов в полку драгун.

Она не была в этом уверена, но промолчала. Дело в том, что Чарли наконец понял, в каких она отношениях с герцогом, и до нее дошли слухи, что в полку это очень не понравилось: «Скажи своему братцу, чтобы он заткнулся, или ему будет плохо. Он и так слишком молод для своего звания, пусть не высовывается!»

Когда с Чарли все уладилось, как она надеялась, донесся крик о помощи от Сэмми. От бедного Сэмми Картера, который, как она думала, отправился в далекое плавание и радуется своему званию прапорщика и новому обмундированию. Но все оказалось иначе: он торчал на транспорте, который стоял в море недалеко от Спитхеда.

Глубокочтимая мадам, – писал он с транспорта «Кларендон». – *Ужасное положение, в котором я оказался, вынуждает меня обратиться к Вам, и я, зная Вашу доброту, надеюсь, что Вы простите меня за смелость. После того как я отправил Вам свое последнее письмо, наш транспорт загрузился, и сейчас я нахожусь в открытом море. Мое положение трудно описать. У меня нет никакого снаряжения для путешествия, нет денег, чтобы купить необходимые мелочи. Мне приходится каждую ночь четыре часа стоять в карауле, мне нечего есть, кроме солонины, которую я получаю три раза в неделю, и воды. Ром здесь такой отвратительный, что его невозможно пить.*

Зная ваше доброе расположение ко мне, я ни в малейшей степени не сомневаюсь, что Вы не оставите меня в той ситуации, в которую я попал из-за того, что Вы так любезно исполнили мою просьбу. Прошу, мадам, войдите в мое положение и спасите меня от всех этих ужасов. Это будет благородным шагом с Вашей стороны, и я до конца дней своих останусь Вашим должником.

Ваш покорный слуга, мадам, Сэм Картер.

Бедный малыш Сэмми, вынужденный питаться солониной! Она сразу же выслала пятьдесят фунтов, чтобы немного поддержать его силы. Какую ошибку он совершил, оставив службу в ее доме, — она всегда знала, что он не создан для солдатской жизни. Он рассыпался в благодарностях, приложив к письму счет за свое обмундирование. Шпаги и кушаки, пояса и перья, мундир и украшения, перчатки и чулки, даже выкупил часы из залога за два фунта десять шиллингов. Все это обошлось еще в сорок фунтов. Но ведь надо спасать бедного Сэма. Она надеялась, что у него все наладится, и не стала заниматься его переводом.

— Мадам?

— Марта… что еще?

— К вам пришел доктор Тинн.

По крайней мере, доктор Тинн не требовал денег. Слава богу, ему уже заплатили за его услуги: детские простуды зимой, ревматизм у матери, ее собственное недомогание, длившееся двое суток (которое прошло после умелого лечения, не оправдав надежд герцога), припарки для Марты, банки Паркеру, кучеру.

— Дорогой доктор Тинн, чем могу быть вам полезна?

— Не мне, госпожа Кларк. Я хочу замолвить слово за друга…

Опять то же самое… Но Тинн никогда раньше этим не занимался. Хватит обмениваться любезностями, вежливо улыбаться («Спасибо, сегодня мне лучше, я прекрасно себя чувствую»), приступим к делу.

— Поподробнее. — Стандартная формулировка.

— У одной моей пациентки есть муж, а у того — брат, полковник Найт.

— Короче, вы просите за Найта?

— Да, госпожа Кларк. Полковник Найт может поменяться местами с другим офицером, полковником Бруком. Они направили прошения

в установленном порядке, но пока никакого ответа…

— Знаю, знаю. — Эти слова повторялись каждый раз. — Сделаю все, что смогу. Им известно, во что им это обойдется?

— В двести фунтов, как сказала моя пациентка.

Раньше за перевод она брала триста пятьдесят, но это было до того, как в министерство пришел Гордон. В настоящий момент ей не стоит пренебрегать и этими деньгами.

— Двести — слишком мало, но для вас, как друга, я сделаю исключение. Наличными, естественно.

— Как пожелаете, госпожа Кларк. Мой друг будет безмерно благодарен.

— Он должен прислать деньги сюда сразу же, как только его имя появится в официальном бюллетене. Я займусь его делом в конце месяца.

Господи, какая жара. В июле Лондон замер. Даже в Уэйбридже было душно. Вода в море была именно такой, какая ей требовалась, чтобы полностью расслабиться. Если она не отдохнет, то сойдет с ума, станет такой же ненормальной, как король. Его отвезли в Уэймут на ванны. Морские ванны были последним достижением медицины в области лечения слабоумия. Если бы у нее были

деньги, она тоже поехала бы в Уэймут. Двести фунтов от Найта могут оказаться очень кстати. Мысли так и вертелись вокруг клубка неразрешимых проблем.

В то лето страну опять охватила военная лихорадка, единственной темой разговора было вторжение. Неужели Бони осмелится? У него достаточно войска, но нет судов, к тому же погода неважная: весь Канал затянут туманом, один человек сможет разделаться с десятком французов. Но если все же он высадится, каковы планы Лондона?

— В вашем положении вам многое должно быть известно. Пожалуйста, расскажите нам, что намерен предпринять герцог? Правда ли, что, как говорит лорд Стенхоуп, у французов есть какое-то секретное оружие, с помощью которого они собираются потопить наши корабли?

Как будто она знает… или, зная все, рассказала бы. Столько недоброжелателей, которые только и ждут случая, чтобы дискредитировать герцога. Эти письма в «Морнинг пост», подписанные «Велизарий». Она пыталась выяснить, кто их автор, но безуспешно. Саттон клялся, что это один человек по имени Донован, ветеран на половинном окладе, который имеет зуб на герцога. Но Донован

заезжал к ней и доказал свою непричастность, к тому же прислал ей клиентов (получив при этом свою долю).

Самым удивительным событием, случившимся весной, была помощь Билла. После их ссоры в малой гостиной она около года почти не виделась с ним. Но страх перед вторжением охватил и его. Он признал это во время торжественного приема, данного в честь свадьбы Изабель, в нем пробудились патриотизм и напыщенность.

— Когда страна находится в тяжелом положении, я не могу оставаться в стороне. Я собираюсь как можно скорее найти работу.

— Какую работу?

— Трудно сказать. Такую, на которой я принес бы наибольшую пользу. Я готов работать в любой области.

Она подумала о деньгах, которые придется заплатить за прием…

— Не так просто получить назначение. Все хорошие куски уже расхватали.

— Я прекрасно понимаю это, — сказал он. — Я не гонюсь за жирным куском. Как и другие, я просто хочу служить своей стране.

— Возможно, тебе придется платить за такую привилегию.

— Знаю.

— В том случае, если я найду тебе работу, ты сможешь заплатить мне.

Она произнесла это с улыбкой. Он отвернулся. Но когда жених с невестой, осыпаемые розовыми лепестками, уехали, а гости разошлись, она поймала его, но на этот раз она не улыбалась и ее глаза были полны слез.

— В чем дело?

— Изабель была такой счастливой. Моя свадьба тринадцать лет назад была совсем другой. Никаких гостей, никаких розовых лепестков. Придется платить за сегодняшний прием, но одному Богу известно, когда я смогу это сделать.

— Все еще трудно с деньгами?

— Совсем плохо, но я не буду надоедать тебе… Надеюсь, тебе повезет с работой…

Он понял, что она имеет в виду. Разрываемый внутренними противоречиями, он долго смотрел на нее. Моральные устои, принципы, все, что он считал основополагающим в жизни, с одной стороны, и ее потребность в деньгах, с другой стороны.

— Скажи точно, сколько тебе нужно? — решился он наконец.

— По приблизительным подсчетам — тысяча

фунтов. Пятьсот — за свадьбу. Остальные? Заткнуть рот ювелиру, который начал давить на меня. В обмен на это я найду тебе место. И никто, кроме нас, не будет ни о чем знать.

— Мне придется рассказать отцу. У меня нет денег.

— Расскажи, если надо. Он знает жизнь. Хорошие места не валяются на дороге. Кто-то должен выполнить роль посредника. И почему бы эту роль не взять на себя твоему самому близкому другу? Или я не близкий друг? Вопрос решен?

Обошлось без споров: ему было некуда отступать. Она держала его на крючке, и через три месяца он уже работал в Колчестере помощником уполномоченного по снабжению сухопутных вооруженных сил его величества. За свадебный прием было заплачено, ювелир умиротворен.

— Сэр?

— Что, моя дорогая?

— Могу я поехать в Уэймут?

— Это невозможно, мой ангел. Там будет король.

— Но ведь король не приедет в два часа ночи в снятую мною квартиру…

— И я не приеду. Это официальная поездка. К тому же в воскресенье крестины сына Честер-

филда. Меня попросили стать крестным отцом, поэтому почти все время я буду занят. Если бы ты поехала, я не смог бы выбраться к тебе.

Он всегда четко разделяет официальное и личное, ни разу не попытался перебросить мостик через эту пропасть, тогда как принц Уэльский и госпожа Фитцхерберт… герцог Кларенский и госпожа Джордан… даже Кент и его давнишняя любовница-француженка… Она предполагала, что им руководит чувство долга, что он жалеет герцогиню.

— Ты стесняешься появляться со мной?

Он пристально взглянул на нее:

— Что тебя беспокоит, любимая, у тебя колики?

— Нет… собирается гроза, я неважно себя чувствую.

Он никогда не понял бы временами охватывавшей ее настоятельной потребности иметь больше власти, составлять планы, принимать решения, быть частью его жизни, но не в той роли, которая у нее была до сих пор, а как равная. Она вспомнила свое бестактное поведение в Уэйбридже в воскресенье. Она села на скамью в церкви, а когда он вошел вместе с герцогиней, принялась прихорашиваться и улыбаться ему.

Лицо его омрачилось, он отвернулся, а вечером все ей высказал:

— Какого черта ты выставляла себя напоказ перед моей семьей? Если ты еще раз посмеешь так вести себя, я велю тебя выпороть.

Боже мой… а ведь он не шутил. Она ничего не забыла. В то же время все в Уэйбридже знали о ее существовании, на его визиты к ней смотрели сквозь пальцы, к ним относились спокойно. Опять разделительная линия. В личной жизни это допустимо. Но петь «Славься» вместе с герцогиней — кощунство. Однако с просьбой похлопотать о повышении обращались отнюдь не к герцогине.

— Вы знаете доктора О'Миру, сэр?

— Никогда не слышал о нем.

— В Ирландии он считается дьяконом, но очень хочет стать епископом. Он несколько раз умолял меня представить его вам.

— Это ко мне не относится. У моего департамента нет никаких дел с церковью. К тому же мне не нравится это «О» перед его фамилией.

— Он протестант… Он так же предан короне, как и ты.

— Ирландец может быть верен только своей собственной шкуре. Передай от меня господину

О’Мире, пусть он сидит в своем болоте.

Ну-ну… при таком отношении нечего рассчитывать на повышение. И на записку с выражениями благодарности. А сколько могла бы стоить должность епископа? Столько же, сколько звание полковника? Вилл Огилви наверняка не знает, а вот Доновану может быть известно.

— Если ты не пустишь меня в Уэймут, я поеду в Уортинг.

— Почему в Уортинг, родная? Почему ты не можешь оставаться дома?

— В Лондоне, в конце июля? Здесь все вымерло.

В Уортинге были Коксхед-Марш и Вилли Фитцджеральд, сын члена парламента от Ирландии. Это место соперничало с Брайтоном по своей популярности. Уортинг успокоил бы ее самолюбие, а детей она оставила бы с матерью в Уэйбридже. Даже деньги были, их как раз принесли сегодня утром: двести фунтов от господина Роберта Найта, брата полковника, который переведен на новое место (благодаря стараниям доктора Тинна).

— Ну ладно, езжай в Уортинг. Если тебе так хочется. У тебя хватит денег?

Поразительный вопрос! Этот вопрос так редко обсуждался. Возможно, его замучила совесть. Но,

учитывая все обстоятельства, не следует этому удивляться. Он не выплачивал ей содержания с мая.

— Благодаря доктору мне удалось выкрутиться.

— Какому доктору?

— Доктору Тинну, а не тому ирландскому дьякону. Маленькая перестановка, разве ты не помнишь? Сегодня фамилии опубликованы в бюллетене. Но подобные мелочи недостойны твоего внимания. Одна сложность — он прислал мне две банкноты по сто фунтов, а я не хочу показывать их хозяину меблированных комнат.

— Пирсон разменяет.

— Что, в это время?

— Конечно. Если он скажет, для кого нужно разменять деньги, любой торговец с радостью сделает это.

«На самом же деле, — подумала она, — мне не понадобится много денег. Коксхед-Маршу и Фитцджеральду придется поделить между собой мои расходы. Номер в гостинице и посещение танцевальных вечеров».

— Пирсон, разменяйте эти деньги, возьмите банкнотами по десять и двадцать фунтов.

— Слушаюсь, мэм.

Герцог встал из-за стола и подал ей руку:

— Мой ангел будет скучать обо мне?

— Ты сам знаешь, что будет.

— Я постараюсь не задерживаться более десяти дней.

— Даже девять для меня слишком долго… Думай обо мне, помни, что я в Уортинге совсем одна.

— Попроси крошку Мей поехать с тобой.

— Может быть. Посмотрим.

От чего это зависит? От того, будет ли ей интересно с Коксхед-Маршем, достоин ли Вилли Фитцджеральд своих легендарных ирландских глаз?

Долгий-долгий поцелуй.

— Береги свою венценосную персону. — Погладить по голове, пощекотать за ушами.

— Проклятье, если бы я мог, я взял бы тебя с собой в Уэймут. Чертов Честерфилд со своим выродком.

— Я знаю… знаю.

Два часа на то, чтобы уверить его в своих чувствах, и вот он уже сидит верхом, собираясь ехать на ночь глядя, так как боится опоздать. Последний взмах платка из окна.

— Мадам, Пирсон разменял деньги.

— Спасибо, Марта.

— Мадам, приехал доктор О'Мира, хочет видеть вас. Он сказал, что надеялся застать его королевское высочество до того, как тот уедет. Он сам собирается быть в Уэймуте в воскресенье.

— Пусть им движет надежда. Если бы он сменил «О» на «Мак», он смог бы достичь гораздо большего.

— Он просил передать вам, мэм, что купил подарок.

Подарок! Несколько преждевременно. Но не может же она принимать доктора в неглиже и к тому же в столь поздний час.

— Передай доктору О'Мире, что я сейчас напишу записку его королевскому высочеству, и, раз он собирается в Уэймут, пусть сам передаст ее. Скажи еще, что я благодарю за подарок, и принеси его сюда.

Довольно необычно, что ей дают деньги, не имея никаких гарантий. Дьякон больше верит в ее могущество, чем солдаты.

Заезжал дьякон, – писала она, – *и принес деньги. Пусть ваше королевское великодушие подскажет вам, как действовать дальше. Ваша подушка выглядит очень несчастной. Мне одиноко.*

М.-Э.
31-е.

В дверях спальни появилась Марта со свертком в руках.

— Разверни, Марта, но сначала отнеси записку дьякону.

Она обломала все ногти, пытаясь развязать веревку. Марта принесла ножницы. Это могла быть напрестольная пелена, в которую завернуты деньги, но сверток слишком тверд; тогда это, должно быть, жезл. Она сорвала остатки бумаги.

— Набор спиц для крикетных ворот для мастера Джорджа, — сказала Марта.

На коробке дьякон написал: «Это для вашего очаровательного мальчика. А позже я привезу куклы для девочек. Нижайший поклон».

Слишком поздно, письмо герцогу не воротить. Дьякон уже уехал.

— Хорошо, Марта, захвати с собой в Уэйбридж.

— Это был священник, да, мэм?

— Очень умный священник.

Больше она не будет иметь дел с церковниками. Дьякон может остаться на своем месте. А что же он подарил за то, что его назначили дьяконом? Попробуем догадаться. Преподнес королеве теннисную ракетку? Или крокетный набор? Вот настоящий протестант! Неудивительно, что католики хотят освобождения.

Спицы для крикетных ворот для Джорджа… может, в этом есть какой-то скрытый смысл? Намек, что следует поощрять игры. Какое-нибудь ирландское иносказание, игра слов? Она спросит об этом Вилли Фитцджеральда, он должен знать.

Зевая, она прильнула к подушке. Как приятно хоть раз в жизни иметь всю кровать в своем распоряжении, не просыпаясь, проспать до десяти. Завтрашняя поездка к морю развеет всю скуку, она проветрится, освежит в памяти крикет… Вилли расскажет ей правила, ведь он только что окончил Оксфорд… Герцог всегда в бегах, всегда занят, а Вилли такая милашка — студенты последнего курса прекрасно поднимают настроение. Пора осваивать новые игры.

Глава 7

Со временем страх перед вторжением пропал — это было заслугой Нельсона, стоившей ему жизни. Страна с ликованием восприняла победу при Трафальгаре, всех охватил единый патриотический порыв, который стих сразу же после Аустерлица. Враг казался непобедимым.

У главнокомандующего почти не было свободного времени. С девяти до семи он находился в штабе, где вел непрерывное сражение за выполнение всех своих приказов. С одной стороны, его армия нуждалась в оружии и обмундировании, экспедиционные силы оказались неподготовленными; с другой — политические деятели во весь голос требовали, чтобы было немедленно отправлено хотя бы символическое войско и чтобы лорд Каткарт как можно скорее прибыл на Эльбу для воссоединения с генералом Доном — не важно, что все мероприятие безнадежно, главное, чтобы войска выступили.

Герцог не позволял себя запугивать. Его письма премьер-министру были четкими и исчерпывающими. «Экспедиционные силы еще не готовы к военным действиям». Это очень устраивало

Питта и помогало ему воздействовать на общественное мнение — он первым разражался гневными тирадами, когда приходили сообщения о неудачах, а вся страна вторила ему. «Еще одно поражение» — вина главнокомандующего, плохо организовавшего работу. Пусть все министерство переместится в штаб и возьмет на себя управление сухопутными силами: у них сразу же опустятся руки, и они будут молить об отставке.

Беспокойство внушало и здоровье премьер-министра. Редко кто прислушивался к замечаниям больного. Но не было никого, кто мог бы в полной мере заменить его, уйди он в отставку. Нужно было как-то налаживать отношения между партиями, поэтому Фокс получил место в Кабинете, и страсти улеглись. Пусть король против — ему придется уступить. Он все еще был в плохом состоянии — еще одна проблема. Временами его голова прояснялась, но на короткий срок.

— Если кто-то хочет занять мое место — милости просим, — однажды вечером во время обеда сказал герцог. У него не было аппетита, и он пребывал в плохом настроении. У него с Питтом состоялся разговор, который ни к чему не привел; потом он полчаса просидел с королем, который отказывался подписывать какую-то бумагу и

заставил герцога сыграть с ним в вист. Потом были вызывающие усмешку ехидные статейки с призывами к «действию»; потом передовица в «Таймсе», полная бессмыслица с намеками на дело Мелвилла, на скандал, случившийся этой весной, — если первый лорд Адмиралтейства вынужден подать в отставку, что можно говорить об армейском руководстве? Последней каплей стало ожидавшее его на Глостер-сквер письмо, наглая анонимка. Пообедав, он подсел к камину в кабинете, вытащил письмо из кармана и начал читать вслух:

> *Его Королевскому Высочеству, нарушающему супружескую верность. Вам, без сомнения, известен закон, но если ошибаюсь я, то существуют настоящие профессионалы, которые своим знанием всех законов зарабатывают себе на хлеб. Лишить мужа законной жены, лишить детей отца считается преступлением. Вы виноваты и в том и в другом. Ждите последствий.*

Герцог отшвырнул листок Мэри-Энн на колени и рассмеялся. Но смех прозвучал натянуто.

— Какой-то ненормальный из твоего прошло-

го?

Она сразу же узнала почерк. Что-то в ее душе дрогнуло, но тут же превратилось в камень. Джозеф… Хотя почерк был нечетким, принадлежность письма не вызывала сомнений. Джозеф, которого, как она слышала, увезли куда-то в Нортхэмптон. Хилый, безнадежный, он был на попечении родственников, которые вопросов не задавали и имени ее не упоминали.

— Сумасшедший или пьяный, — ответила она, разрывая записку, — а может, и то и другое.

— Что этот приятель имел в виду, говоря, что я лишил мужа жены? Ведь вдова не может испытывать нежные чувства к могиле.

— Очевидно, этот человек именно этого от меня и ожидал, а потом вдруг услышал, что мы с тобой вместе. Меня это не волнует. Брось клочки в огонь — там им место.

Он так и сделал, но вид у него был расстроенный. Записка всколыхнула какие-то давние воспоминания. Он никогда не слушал ее болтовни: дрянной муж, умирающий от эпилепсии; она сама, вынужденная каким-то образом содержать четверых маленьких детей; Бертон, который в конце концов помог ей.

— Ты хоть раз виделась с родственниками сво-

его мужа?

— Нет, никогда… они живут где-то в деревне.

Он зевнул и перевел разговор на другую тему. Дело было закрыто. Она наблюдала, как клочки бумаги почернели, а потом рассыпались в прах. Неужели она упустила свой шанс? Может, ей стоило во всем признаться? Может, она должна была сказать: «На самом деле я не вдова. Мой муж жив, но я не знаю, где он. Я ушла от него: он был не в состоянии содержать меня и детей». И ведь правда не очень отличалась бы от того, что она для него сочинила. Однако какая-то сила удержала ее. Неужели она испугалась показаться смешной, быть уличенной во лжи и услышать его вопрос: «Зачем было утруждать себя враньем?» Еще не поздно сказать: «Это почерк моего мужа». Он сидел у камина и дремал, а она играла на пианино. Через некоторое время она решила: «Я все расскажу… Я скажу, что всегда считала себя вдовой, потом откуда-то узнала, что ошиблась, что Джозеф жив, что он повредился в рассудке и сидит в сумасшедшем доме». Время шло; герцог потянулся и стал собираться спать. Слишком поздно, завтра или, может, послезавтра.

Прошла неделя. А потом пришло еще одно письмо, но теперь уже в штаб, а не домой.

Я хочу вернуть свою жену и детей. Отправьте их назад. Если вы не сделаете этого, я начну судебное преследование. Подумайте, как будет выглядеть обвинение в позорном адюльтере в тот момент, когда страна в опасности.

Подпись не вызывала никаких сомнений: «Джозеф Кларк». Он передал ей письмо в тот же вечер.

— Что ты на это скажешь?

Минутное колебание. Смеяться или плакать? Слезы будут свидетельствовать о признании своей вины, так что лучше смеяться. Отнестись ко всему легко, как к мелочи.

— Значит, он жив. На прошлой неделе мне это и в голову не пришло. Почерк сильно изменился, но теперь я совершенно уверена. Меня все клятвенно заверяли, что он умер, и я поверила.

— Но ты же говорила, что сидела у его кровати, когда он умирал!

— Разве? Я не помню. Я тогда была как в тумане, у меня болел сын. — (Трудно уже вспомнить, что она ему рассказывала.) — Его брат, викарий, умолял нас уехать, меня и детей: Джозеф был не в себе, двое мужчин его с трудом удерживали.

Потом мне в Хэмпстед написали, что я свободна.

В одной ночной сорочке он стоял возле кровати. Момент был неподходящий. Она сидела за туалетным столиком и расчесывала волосы.

— Ну? — проговорил он. — Что же ты собираешься делать? Вернуться к нему?

— О! О чем ты говоришь? Конечно нет! Десяти фунтов с него достаточно. Я напишу ему утром.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Как будто мне мало других забот, — сказал он. — Теперь еще этот дурак.

— Дорогой! Не беспокойся. Обещаю тебе, я все улажу.

— Я покажу это письмо Эдаму.

— Зачем?

— Он мой советник, он скажет, что делать. За день он прочитывает около сотни писем с угрозами. Он и Гринвуд разберутся с этим приятелем.

Ее сердце упало. Гринвуд… Эдам… Люди, которые ведут его дела, которые смотрят на нее с подозрением, не любят ее, не доверяют ей. Она не раз слышала об этом от друзей. «Будьте осторожны, — не раз предупреждал ее Джеймс Фитцджеральд, — они только и ждут момента, чтобы сокрушить вас, особенно Эдам». Она дотронулась до него. Он никак не отреагировал на

ее ласку.

— Прошу тебя, оставь это дело мне. Я знаю своего Джозефа. Десять или двадцать фунтов заткнут ему рот.

— Меня не волнует его брань. Преступный адюльтер. Представляю, как это будет звучать в суде. Лучше я поручу это Эдаму.

Хорошенькое начало зимы. Счастье отвернулось. Каждый день приносит новые неприятности. Какие-то странные споры со слугами, полное отсутствие дисциплины, все жалуются на Марту, которая слишком зазналась.

— Мы не хотим получать приказания через нее.

— Госпожа Фавори служит у меня экономкой уже тринадцать лет. Вы будете получать приказания через нее, иначе вам придется уйти.

Марта была вся в слезах.

— Лучше я уйду, чтобы не было постоянных споров. К тому же я хочу выйти замуж.

— Бог мой, за кого?

— За Уолмсли, угольщика. Он уже шесть месяцев за мной ухаживает.

— Но Марта, я не смогу без тебя!

— Не говорите так. Девочки учатся в школе мисс Тейлор, мастер Джордж в Челси, и теперь

я никому не нужна. А слуги все время спорят со мной, язвят — они все против меня.

Только спокойно!.. Остановить этот поток слов. Дайте подумать. Счетов все больше, бесконечный поток счетов, главным образом из Уэйбриджа. В конюшнях прогнили балки, стойла надо обновить, к дому пристроили несколько комнат для кучера. Счета за картошку, которой хватило бы на целый полк. Недавно купленные джерсийские коровы совсем не дают молока, болеют и дохнут, нужно купить новых. Пришлось призвать на помощь своего поверенного господина Комри, очень способного и старательного.

— Господин Комри, на нас надвигается бедствие!

— По всей видимости. — Он водрузил на нос очки и принялся раскладывать ее бумаги, разбросанные по полу. Сотни счетов, и ни по одному не заплачено. — Разве его королевское высочество не устанавливал вам твердого содержания?

— Восемьдесят в месяц. Что мне с этим делать?

Она не могла объяснить ему, что с каждым месяцем стараниями Гордона ручеек, который питали прошения о новых должностях, мелел.

— Вы должны воспользоваться вашим положением замужней женщины. Только это спасет вас.

Признайтесь всем торговцам, что вы не вдова. — Комри знал, о чем говорил, не раз именно таким способом он очень умело приостанавливал все судебные иски.

— И что будет?

— Закон не может заставить вас платить.

Она уже слышала эти слова, очень давно. Именно такой совет дали ее матери, когда ее бросил Боб Фаркуар. Возвращаемся к старому.

— И тогда счета пошлют моему мужу?

— Если смогут разыскать его. Вы знаете, где он?

— Нет… нет.

Направить сотню счетов Джозефу, который не сможет заплатить? А потом они вернутся к герцогу в сопровождении письма с угрозами? И тогда счета вернутся к ней. Выхода нет было.

— Я получил еще одно письмо от твоего пьяницы, — говорил ей герцог.

Она каждый раз содрогалась при этих словах, повторявшихся почти еженедельно.

— Надеюсь, ты их выбросил?

— Напротив. Я их все передал Эдаму. Он начал наводить справки.

Справки… что он имеет в виду, какие справки? Она не осмеливалась спросить. У него было

странное настроение: он в задумчивости ходил по комнате, и создавалось впечатление, что во всем он винит себя. Его нервы были натянуты как струна. Что-то происходило, но он не хотел рассказывать ей. В последнее время он довольно часто стал передавать через своего слугу: «Не жди к обеду. Я не знаю, когда вернусь сегодня вечером».

Он был не похож на себя. Обычно он с облегчением сбрасывал с себя весь груз штабных дел и отдыхал.

В доме не было никого, кто мог бы раздражать его. Стояла тишина, не шумели дети. Мэри и Эллен уехали в школу Тейлоров (существование которой поддерживалось главным образом за счет ее взносов), а Джордж, которому уже исполнилось восемь, строил из себя важную персону в Челси, своего рода миниатюрном военном училище, которое готовило к поступлению в Марлоу.

Она продолжала развлекаться, но в одиночестве, без гостей и без хозяина: с Фитцджеральдами, отцом и сыном, с Расселлом Маннерсом, Коксхед-Маршем — с той же преданной ей компанией, однако ее интерес к ним исчез. Она была вынуждена продолжать играть свою роль. Ее смех был сплошным притворством, ее улыбка

была натянутой, разговор она поддерживала чисто автоматически. И теперь в ее душе поселился страх: «Моя власть становится все меньше и меньше… она ускользает от меня».

Однажды утром к ней заехал господин Эдам и заявил, что герцог приказал ему навести справки по поводу даты ее свадьбы, ее местожительства до свадьбы, по поводу всех событий в ее жизни.

Она встретила его с ледяной вежливостью:

— Мое прошлое никого не касается, кроме меня. Ни вы, ни его королевское высочество не имеете права вмешиваться в мою жизнь.

— Осмелюсь спросить, мадам, действительно ли все годы вы знали о том, что ваш муж, Джозеф Кларк, жив и можно ли ваше утверждение, будто вы считали себя вдовой, назвать неправильным?

— Вовсе нет.

— Прекрасно. Тогда как же получилось, что судебный иск, который был предъявлен вам в тысяча восемьсот четвертом году и который вы скрыли от его королевского высочества, был приостановлен вашим поверенным, утверждавшим, что вы — замужняя женщина?

Как ловко ее загнали в угол. Она пожала плечами:

— Мы с поверенным решили, что это наилучший выход. У меня никогда не было никаких доказательств смерти моего мужа.

Его холодное и вежливое лицо осталось бесстрастным.

— У вас есть свидетельства о рождении ваших детей?

— Нет, не думаю. А зачем они вам?

— Один человек, имени которого я не хочу упоминать, предложил мне проверить, не были ли ваши дети рождены до свадьбы.

Великий Боже! Какая наглость. Теперь все понятно. Он послал своих ищеек в Хокстон, они обшарили все окрестности на Чарльз-сквер, перепутали Джозефа с его братом Джоном и повесили на нее весь выводок Джона, у которого дети почти взрослые.

— Ошибка произошла из-за первой буквы имени, — сказала она. — Возвращайтесь в Хокстон и проверьте ваши сведения. У моего мужа есть еще один брат, священник, у него те же инициалы, но зовут его Джеймс. Если это облегчит ваше расследование, я с готовностью признаю, что вышла замуж за всех трех братьев.

— Ваша дерзость не поможет вам, мадам, мне очень жаль. Соблаговолите назвать мне день и

место, где состоялось ваше бракосочетание.

Да будь она проклята, если сделает это! Пусть побегает. Она вспомнила свадьбу матери и Боба Фаркуара. Пусть расследует и это, если ему хочется. У нее такое бурное прошлое.

— В Беркхэмстеде, — ответила она. — Идите и проверьте записи. Вы найдете там некоторые упоминания о моей семье. А если вам хочется еще глубже влезть в мое прошлое, вам придется отправиться в Шотландию. Покопайтесь на вересковой пустоши, принадлежавшей клану Маккензи, или поищите в Абердине.

Охваченная яростью, она в тот вечер забыла о всякой осторожности. Герцог приехал домой к обеду, и она тут же накинулась на него:

— Как ты посмел прислать ко мне этого человека с расспросами? Как ты допустил, чтобы он совал свой отвратительный нос в мои дела?

Она захватила его врасплох. Он был озадачен:

— Если ты имеешь в виду Эдама, то я здесь ни при чем. Я просто попросил его разыскать твоего мужа и послать его ко всем чертям, чтобы он больше не приставал к нам.

— Хорошо, передай ему, что в следующий раз двери для него будут закрыты. Меня никогда в жизни так не оскорбляли. — Ей хотелось устроить

скандал, чтобы как-то снять с себя напряжение; запустить ему в голову бутылкой и разбить ее — и голову, и бутылку. Не важно. Но он не вставал из-за стола. Он продолжал сидеть с хмурым видом, с тем же выражением на лице, которое она видела уже в течение нескольких недель.

Угрюмый, погруженный в себя, он был похож на несправедливо обиженного мальчишку.

— У меня нет времени возиться с этим. Слишком много дел. Работа в штабе буквально убивает меня, не говоря уже о болтовне этого Гринвуда, да и Эдама тоже.

— И все же, — сказала она, — ты находишь время появляться в театре. Я видела заметку во вчерашней газете. В тот вечер ты прислал слугу предупредить, что не приедешь, так как тебя задержал король.

— Так и было. К тому времени, когда я разобрался с делами в штабе, было уже поздно заезжать сюда.

— Королевский театр. Госпожа Кари… Она хорошо танцует?

— Так себе. Я даже не заметил.

— Возможно, ты заметил ее на ужине, устроенном после спектакля?

Он покраснел, допил свой портвейн и промол-

чал. Значит, Вилл Огилви оказался прав, между ними что-то есть. Она сжала руки, стараясь сдержать себя.

— Я понимаю, она высокая. Это преимущество. Не надо наклоняться: она с тобой одного роста. Но ведь танцовщице не нужен мужчина со сломанной ногой.

Он не успел ответить, так как внизу послышался страшный шум. Свалка в кухне, слуги подрались? Марты, которая поддерживала порядок, уже не было: она вышла замуж и уехала.

— Пирсон, в чем дело?!

В холле послышался шепот, чье-то бормотание, голоса. Герцог надулся, как индюк. У него появилась веская причина прекратить разговор и не отвечать ей.

— Боже мой! Я-то думал приехать домой и отдохнуть! А тут слуги дерутся. Хороший дом. В казарме и то спокойнее.

— Или в театральной гримерной.

Вернулся Пирсон, вид у него был виноватый.

— Прошу прощения, мадам, но там какая-то женщина заявляет, что она законная жена угольщика. Того, за которого месяц назад вышла госпожа Фавори. Она вопит и требует справедливости.

— Выгоните ее. — Губы герцога сжались.

— Они борются с ней, ваше королевское высочество. Вы не представляете, какие выражения она употребляет.

— Что она говорит?

— Она говорит, что вы, мадам, заставили ее мужа бросить ее, разрешали ему приходить сюда, на Глостер-Плейс, чтобы видеться с госпожой Фавори; что внизу творятся совершенно непозволительные вещи, не говоря уже о том, что делается наверху. Она сказала, что этот дом не что иное, как... — Он замолчал и кашлянул, проявляя тем самым свою верность.

— Выгоните эту женщину, — повторил герцог, — или заприте ее где-нибудь. Возьмите себе в помощь лакея.

— Слушаюсь, ваше королевское высочество.

Скандал внизу возобновился с новой силой. Стены были тонкие, поэтому последние слова женщины разнеслись по всему дома:

— Во всем виновата ваша хозяйка, эта грязная шлюха. Затащила к себе в постель женатого мужика, да к тому же герцога!

В другой ситуации эти слова послужили бы поводом для шуток и веселья, она передразнивала бы ее, а он от души посмеялся бы надо всем.

Но не сегодня. Они сидели в полном молчании, совершенно чужие друг другу, не видя ничего смешного. Достоинство прежде всего.

— Пойдем наверх?

Пианино так и осталось закрытым. Они не разговаривали, делая вид, что читают. Часы в кабинете мерно отсчитывали время. Когда пробило одиннадцать, прозвучал заключительный аккорд этого дня: у входной двери зазвенел колокольчик, началась перебранка. Герцог отшвырнул свою книгу:

— Если опять та тетка, я вызову охрану.

Послышались шаги на лестнице, и вошел Пирсон:

— Простите за беспокойство, ваше королевское высочество… Мадам, это к вам, очень настойчивый мужчина. Он назвал себя Джозефом Кларком.

Ну вот… свершилось. Джозеф не мог бы выбрать лучшего момента, даже будь он дьявольски умен. Полное поражение, конец. Еще несколько секунд, и она может признать себя побежденной…

— Спасибо, Пирсон, я приму его. Проводите его в маленькую комнатку внизу. И будьте рядом, вы можете мне понадобиться.

Она встала и сделала реверанс. Герцог не смот-

рел на нее. Он не понял иронии, а может, он принял ее жест как должное. Она спустилась вниз и направилась в переднюю, где обычно ожидали посетители. Там стоял Джозеф, а вернее, его тень, нет, даже не тень, а жалкое подобие, карикатура. Потрепанный, в изношенной одежде, с длинными седыми волосами, с опущенными плечами, обрюзгший и расплывшийся, с глазами, превратившимися в щелочки на отекшем лице, небритый, с проваленным ртом и растрескавшимися губами.

И вот за этого человека она когда-то вышла замуж, это человек, которого она любила, отец ее детей, отец Джорджа.

— Что ты хочешь? — спросила она. — Покороче, у меня гости.

Он не отвечал и пристально разглядывал ее, одетую в вечернее платье, сверкающую драгоценностями, с красиво уложенными волосами. Потом раздался его смех, дурной, бессмысленный пьяный хохот.

— Ты выглядишь восхитительно, — забормотал он, глотая слова и шепелявя, — розовый всегда шел тебе. Ведь ты и замуж выходила в розовом? Я помню и платье на спинке кровати. Потом ты надевала его по воскресеньям на Голден-лейн.

Но без этих безделушек. А бриллианты идут тебе. Я не мог покупать тебе бриллианты, не было денег. Я изо всех сил старался экономить, но ты все тратила.

Бессвязная болтовня, пьяный бред. События прошлого виделись ему сквозь пелену его мечтаний.

— Если ты пришел для того, чтобы сказать мне все это, ты зря теряешь время. — Ее сердцем владело единственное чувство: гнев. Перед ней была пустая, лишенная жизни оболочка. Она даже не испытывала к нему жалости. Он был мертв.

— Я хочу, чтобы ты вернулась. Я хочу Мэри и Эллен. Я хочу своего сына.

— То есть ты хочешь денег. Прекрасно, сколько тебе надо? В доме есть всего двадцать фунтов. Могу дать их тебе. Тебе хватит примерно на неделю, пока не опустошишь все бутылки.

Он шагнул к ней. Она отступила к двери.

— Дом полон слуг. Стоит мне приказать, и они вышвырнут тебя на улицу, так что не дотрагивайся до меня.

— Он здесь?

— Кто?

— Его милость… — Он попытался прикрыть рукой глупую ухмылку, потом заговорил тише,

кивнув в сторону двери: — Я его хорошо напугал. Я встречался с его поверенным. Не доводите дело до суда — вот что они говорят.

— Ты хочешь сказать, что виделся с Эдамом?

Он опять ухмыльнулся и подмигнул. С пьяным торжеством помахал пальцем.

— Виделся с каким-то типом. — Он тщательно подбирал слова. — Сказал, что он казначей, не помню, как его звали. Я рассказал ему свою историю. О, я постарался описать ему все подробности: как мы целовались и обнимались в переулке и как ты облапошила того печатника, не сказав, что твой отчим заболел. Я рассказал ему, как ты довела моего брата до самоубийства, растратив все его состояние и мои деньги, а потом, прихватив последние гроши, ускакала, когда я лежал при смерти. У меня создалось впечатление, что этот тип был очень благодарен за рассказ. Он выразил свое искреннее сочувствие и сказал, что предупредит его милость.

Она позвала Пирсона:

— Проводите этого человека до двери.

— Не спеши, — проговорил он, — я еще не все сказал.

— С меня достаточно.

— Я знаю даже о мелочах. Как ты свою собствен-

ную сестру превратила в кухарку. Дочку Боба Фаркуара: нарядила ее в передник. Я рассказывал ему, что твоя мать содержала меблированные комнаты, которые служили маскировкой для кое-чего другого. О да! Он был так рад, все записал в маленькую книжечку. «Спасибо, господин Кларк, ваши сведения оказались очень кстати».

В передней стояли Пирсон и лакей, они все слышали. Они смотрели на нее округлившимися глазами, ожидая дальнейших приказаний.

— Выгоните его.

Никакой ссоры, никакого шума. Совсем не так, как выгоняли жену угольщика. Он прошаркал через холл, кланяясь, искоса поглядывая на нее, теребя в руках шляпу.

— Я жду тебя и детей в субботу. В скором времени будет годовщина нашей свадьбы. Мы, как всегда, отпразднуем по-семейному. Ты помнишь, какие праздники устраивались на Голден-лейн?

Его подтолкнули, чтобы он быстрее убирался на улицу. Дверь закрылась. Избегая ее взгляда, Пирсон повел лакеев в помещение для слуг. Повернувшись, она увидела, что на верхней площадке стоит герцог.

— Я избавилась от него.

— Я вижу.

— Он не только пьяница, он еще и сумасшедший.

— Однако рассуждал он довольно здраво.

— Это может показаться тем, кто любит подслушивать… Куда ты собираешься?

— Я велел подать экипаж. Я не буду здесь сегодня ночевать.

— Но почему?

— Мне завтра рано вставать. Я должен быть в Виндзоре в половине одиннадцатого.

— Ты об этом не говорил.

— Я забыл.

Между ними ничего не было, кроме пустой, формальной вежливости. Перед уходом он скользнул губами по ее руке и пробормотал что-то насчет обеда в пятницу. Услышав, что экипаж отъехал, она стала подниматься наверх, внезапно ощутив свинцовую тяжесть на сердце. Посмотрела на себя в зеркало. Глаза тревожные, тусклые. Две складки пролегли от носа к губам. Через неделю ее день рождения, ей исполнится тридцать. Она села перед зеркалом и принялась разглаживать складки. Не с кем поговорить, даже Марты нет.

Утром одиннадцатого числа ей принесли записку. Она узнала почерк герцога: «Эдам заедет к вам в шесть». И больше ничего. Никакого намека.

Весь день она просидела дома. Ждала. Ближе к вечеру она прошлась по комнатам. Сначала в детские, чистые и прибранные из-за отсутствия детей. Вот комната Мэри (ей почти тринадцать), мрачная, похожая на келью, с Библиями и изображениями святых, — но скоро этот возрастной этап закончится. Комната Эллен (ей десять), больше похожая на детскую: скакалка, два томика стихов (романтических), а над кроватью огромный, выполненный в цвете портрет герцога, вырванный из какой-то газеты. Комната Джорджа. Коробки с красками, с шариками для игры. Солдатики с отломанными ногами и руками. Портрет герцога верхом на боевом коне; портрет самого Джорджа в форме кадета; картина, изображающая военную школу в Челси.

Зазвонил колокольчик у входной двери. Она поспешила вниз. Но пришел не Эдам, а Вилл Огилви. Они болтали о том о сем. Она ни единым словом не намекнула ему на то, что произошло. Ей показалось, что он пристально наблюдает за ней, что он ждет от нее чего-то, но она продолжала вести себя как ни в чем не бывало. За последние несколько недель их совместная деятельность почти сошла на нет. Он что-то спросил про назначения. Она пожала плечами — в по-

следнее время ничего не было. Он не стал давить на нее. Собираясь уходить, он поцеловал ей руку и как бы между прочим заметил:

— Я слышал, что эта танцовщица, госпожа Кари, живет в Фулеме.

— Серьезно? Я мало что о ней знаю. Она в королевском театре, правильно? Я ни разу ее не видела.

— Удивительно. Все просто с ума сходят от нее. Его королевское высочество знаком с нею, он устраивал прием в ее честь в Фулем-Лодже. — Хорошие слова на прощание.

Эдам прибыл ровно в шесть. Одевшись к обеду, в бриллиантах, которые подарил ей герцог, она ждала его в кабинете.

— Боюсь, — начал он, — что мне поручена не очень приятная миссия. Однако я здесь не по собственному желанию.

— Продолжайте.

— Его королевское высочество герцог Йоркский поручил мне сообщить вам, что с сегодняшнего дня вашу связь с ним следует считать оконченной. У него нет желания видеть вас или разговаривать с вами. Его решение окончательно.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она не шевельнулась, только сильнее сжала

руки за спиной.

— Его королевское высочество объяснил причину такого решения?

— Нет, мадам. Он только сказал, что вскрывшиеся факты свидетельствуют, что все это время вы лгали ему — о вашем прошлом, о вашей семье и о многом другом. Его королевское высочество считал вас вдовой, а ваш муж начал против него судебное преследование по обвинению в адюльтере. Это только малая часть. А также ваша расточительность, частые требования денег настолько рассердили его королевское высочество, что он не смог этого больше выносить.

— Все, что я тратила, я тратила на него. Этот дом, дом в Уэйбридже — все его желания.

Эдам поднял руку, делая ей знак остановиться:

— Простите меня, мадам, но не надо никаких объяснений, прошу вас. Его королевское высочество также поручил мне сказать, что, если вы будете вести себя надлежащим образом, он с радостью выделит вам содержание в размере четырехсот фунтов в год, которые будут выплачиваться ежеквартально. Однако он не считает себя обязанным поступать таким образом, это всего лишь проявление великодушия с его стороны. И если он сочтет нужным, он немедленно

прекратит выплату.

Она ошеломленно смотрела на него. Четыреста фунтов? Да у нее долгов почти на тысячу… Только в Уэйбридже стоимость предложенных им усовершенствований, на введении которых он так настаивал, составила две тысячи. Ферма, сады…

— По всей видимости, вы ошиблись, — сказала она. — Его королевское высочество имеет представление обо всех финансовых сложностях. Он никогда не предложил бы четырехсот фунтов в год — ведь это в четыре раза меньше суммы, которая уходит на зарплату слугам и лакеям.

— Он назвал сумму в четыреста фунтов, — повторил Эдам. — Что касается долгов, его королевское высочество не признает их. Вы сами должны с ними разобраться, распродав то, что находится в этом доме.

Она попыталась заглянуть в будущее. Где она будет жить, что ее ждет впереди? А Джордж, который сейчас в военной школе?

— А мой сын, — проговорила она, — что будет с моим сыном? Его королевское высочество обещал помочь ему получить образование. Сейчас он в школе в Челси, но через год или два ему поступать в колледж в Марлоу. Его имя уже внесли в списки, я виделась с начальником.

— Сожалею, мадам, но никаких инструкций на этот счет я не получал.

Внезапно она совершенно ясно осознала, что с ней происходит. Придется сообщить обо всем слугам, расплатиться с ними и уволить их. Уладить дела с торговцами, снять шторы, скатать ковры, отправить назад в мастерские экипажи и попытаться каким-то образом объяснить все семье и друзьям… Полные жалости взгляды, неискренние проявления сочувствия, насмешливые улыбки за спиной…

— Я должна увидеться с его королевским высочеством, — сказала она. — Он не может вот так бросить меня. — Ее охватила паника, мир рушился и превращался в хаос.

— Его королевское высочество, мадам, отказывается беседовать с вами.

Он поклонился и ушел. Она не попыталась задержать его. Она продолжала сидеть у окна. Ее трясло. «Это неправда, — подумала она. — Это просто кошмарный сон. Или Эдам лжет, он сам надавил на герцога. Сегодня вечером он приедет и все объяснит. Он обязательно приедет сегодня. Ведь он говорил об обеде в пятницу, он всегда держит слово. Последнее, о чем он говорил, был „обед в пятницу“». Она так и сидела в кабинете,

ожидая его. Семь часов, восемь, а никто не приезжает. Дернув за шнурок, она вызвала Пирсона.

— Пирсон, произошло недоразумение. Пошлите кого-нибудь на Портман-сквер и выясните, придет ли его королевское высочество сегодня обедать. Скажите, чтобы повар был готов подавать в любую минуту.

Жалкая попытка сохранить свое лицо. Ведь они и так все знают, чувствуют, что в доме что-то происходит. Вернулся Пирсон:

— Простите, мадам, но никому ничего не известно. Слуги на Портман-сквер решили, что его королевское высочество здесь. Он не заказывал там обед. Значит, он приедет сюда. Возможно, он задержался в штабе.

Задержался? Глупости! Скорее отправился в театр. Или поехал в Фулем-Лодж готовить спальню. Положить комнатные туфли под кровать, расставить духи на туалетном столике, разложить подушки под пологом.

— Пирсон, пошлите туда человека около девяти. Может быть, вы правы и он действительно задержался.

В половине десятого Пирсон стоял перед ней.

— Его королевское высочество вернулся на Портман-сквер. С ним господин Гринвуд и госпо-

дин Эдам. Они обедают. Слуга его королевского высочества просил меня передать вам вот это. — Он протянул ей письмо. Она раскрыла его. Почерк герцога, но стиль слишком формальный, высокопарный, так излагают свои мысли только законники.

Вам следует вспомнить, что заставило меня возложить на моего поверенного ту работу, которая свалилась на меня по Вашей милости. Результат расследования позволил мне сделать нелестное для Вас заключение по поводу Вашего поведения. Таким образом, Вы не можете обвинять меня в необдуманном поступке по отношению к Вам. Получив доказательства, которые Вы не в состоянии опровергнуть, я намерен, в силу сложившихся обстоятельств и для сохранения своей репутации, оставить в силе принятое мною решение, от которого я не считаю возможным отказываться. Наш разговор будет мучителен для нас обоих и не принесет Вам никакой пользы. Следовательно, я отклоняю Вашу просьбу.

Мгновенно ее охватили паника и страх, кото-

рые вскоре сменились яростью. Она взбежала по лестнице, схватила накидку и открыла входную дверь. Она побежала по Глостер-Плейс в направлении Портман-сквер. Ее не волновало, что прохожие смотрят ей вслед. Ею владело единственное желание: увидеть его, посмотреть ему в глаза. Однако надо подождать, когда Гринвуд и Эдам уедут. Она встала на углу Портман-сквер так, чтобы видеть дверь его дома. Прошел час. Ей было безразлично: она ждала. Пусть прохожие думают что хотят.

Наконец на ступеньках появились две фигуры. На улице было темно. Вскоре подали его экипаж. Ее предположения подтвердились. Он будет спать не на Портман-сквер, а в широченной кровати с мягким как пух матрацем в Фулеме. Она пересекла площадь, и в тот момент, когда открылась дверь, проскользнула внутрь, пропустив слугу с багажом, поднялась по ступенькам и вошла в холл.

— Добрый вечер, Людвиг.

Камердинер замер от удивления:

— Добрый вечер, мэм.

— Где его королевское высочество?

— Я не знаю, мадам. — Побледнев и трясясь, как в лихорадке, он повернулся к лестнице.

Она подобрала платье и стала подниматься. Добравшись до лестничной площадки, она громким голосом, в котором слышался вызов, спросила:

— Готовимся к поездке в Фулем? — Из спальни показался лакей, которого она ни разу еще не видела. — Убирайся, дай мне пройти. — Она оттолкнула его, и он, ошарашенный ее напором, пропустил ее. — Так вот что представляет собой спальня холостяка. Рада, что мне довелось увидеть ее. — Улыбаясь, она остановилась в дверях. Герцог, надевавший в этот момент бриджи, балансировал на одной ноге, стараясь попасть другой в штанину. — Прости, что застала тебя без штанов. Но ведь ты не впервые предстаешь передо мной в таком виде. И французы однажды видели тебя без штанов в Голландии. Если мне не изменяет память, ты и во Фландрии появлялся в таком виде.

Залившись краской, он схватил халат. Она захлопнула дверь и привалилась к ней, улыбаясь.

— О, да не красней ты так. Я привыкла видеть тебя в подштанниках. Я сотню раз видела их на Глостер-Плейс, видела, как их стирала прачка и как они потом сушились. Ну, за твой вечер.

Она выпила воображаемое вино. Он накинул халат и принял достойный вид.

— Умоляю тебя, — поспешно проговорил он тихим голосом. — Немедленно уйди, пока мои слуги не вышвырнули тебя. В память о нашем прошлом, о том, кем мы были друг для друга.

— В память о прошлом, — передразнила она. — Я поняла твой намек. Я должна помнить, а ты обо всем забудешь и ускользнешь. Бог мой, прошлое тебя кое-чему научило: по крайней мере, ты пообедал, как сказал твой слуга, так что ты не будешь, как волк, кидаться на еду в Фулеме. Холодный суп, за которым, насколько я помню, последовал барашек. А госпоже Кари нравится барашек со шпинатом? Я рада, что она столько весит: ей придется прилагать слишком много усилий, чтобы держаться в форме. Если она будет делать пируэты на простыне, она порвет белье.

— Выгоните ее, — обратился он к ожидавшему слуге. Всего несколько дней назад она сама отдавала точно такое же приказание. «Выгоните его», — сказала она. В тот раз жертвой был Джозеф. И ее слуги подчинились ей. На этот раз она стояла одна на лестничной площадке. Никто к ней не прикоснулся. Улыбаясь, она поклонилась герцогу и в последний раз присела в реверансе:

— Я ухожу. Но сначала я тебе кое-что скажу. Если ты перестанешь покровительствовать

Джорджу и девочкам — я не говорю о себе, я как-нибудь справлюсь, ведь я женщина, — тебе придется плохо и ты очень пожалеешь. Я сделаю так, что твои потомки будут вспоминать твое имя… с отвращением. Помни… Итак, желаю тебе счастья.

Она спустилась вниз, помахала слугам и направилась к своему дому, погруженному во мрак. Она стучала и звонила трижды — никто не открывал. Крысы бегут с тонущего корабля? Она пожала плечами. Вскоре она услышала стук колес по мостовой — по Портман-сквер ехал экипаж. Ночь была тиха и тепла, яркие звезды усыпали все небо.

Глава 8

Реакция наступила внезапно. Такого с ней еще не случалось. Пять часов ее била лихорадка, ей снились кошмары, в которых Эдам вставал между ней и герцогом. Все можно объяснить: один разговор — забудем о прошлой ночи, — и все ясно и понятно. Ведь на самом деле он думает совершенно иначе, чем говорит. Она вернет его. Письма потоком шли на Портман-сквер, в Фулем, в Отландз, даже в Виндзор. В ответ она получила две краткие записки.

Если бы одному из нас это принесло хоть малейшую пользу, я, ни секунды не колеблясь, встретился бы с Вами. Но при сложившихся обстоятельствах наша встреча будет мучительна, поэтому мне придется отказаться.

Опять стиль Гринвуда. Между ними стоят Гринвуд и Эдам.

Мне понятно Ваше чувство по отношению к Вашим детям, но я не могу

предпринимать действия, в целесообразности которых не вполне уверен. Что касается Уэйбриджа, Вам следует вывезти Вашу мебель.

И оставить дом в полное распоряжение госпожи Кари? Что, путь из Отландза в Фулем-Лодж для него слишком долог?

Она сидела и держала в руках записки. Обман закончился. Это не сон. Просто она пополнила список отвергнутых любовниц, женщин, выполнивших свою роль, женщин, чье время прошло. У него не хватило смелости сказать ей об этом в глаза. Он утихомирил свою совесть, сославшись на расследование. Женщина, которая больше не устраивает мужчину, становится обузой. Вон отсюда… и чем скорее, тем лучше… освободить дорогу следующей. Если хочешь компенсации, нанимай адвоката, но сначала предупреди его: принц королевской крови не поддается на шантаж. Адвоката и его клиента ждет тюрьма. Значит… выбирай: или отставка, которую следует принять с улыбкой, или тюрьма Ньюгейт.

Она положила записку в толстую пачку любовных писем, перевязанную алой лентой, и послала за своим поверенным, господином Комри. Она

рассказала ему правду (она слишком хорошо его знала, чтобы ждать от него сочувствия), и он спросил ее:

— Вы хотите потребовать возмещения убытков, хотите предъявить ему какой-либо иск?

— Нет. У нас не было никаких письменных соглашений.

— А его обещания? Его клятвы, что ничто и никто не разделит вас, что в любой ситуации он будет заботиться о детях?

— Это всего-навсего устные заявления. Нет никаких документов. Я сохранила все его письма. Вот они, можете просмотреть.

Он поморщился, покачал головой и отказался.

— Личная переписка между мужчиной и его любовницей, которой не было выделено содержание, не представляет никакой ценности для суда. Мне очень жаль, госпожа Кларк, но вы не можете получить никакого возмещения. Единственное, что в моих силах, — это встретиться с господином Эдамом и обговорить с ним ваше ежегодное содержание. Четырехсот фунтов в год, конечно, мало: ведь вы привыкли к роскоши, но ничего нельзя поделать, вам придется жить по средствам.

— А мои долги? Кто их заплатит? Только вам я

задолжала тысячу фунтов.

— Его королевское высочество, возможно, разрешит вам продать дом. По моим оценкам, вы выручите четыре тысячи. Этих денег хватит на покрытие всех долгов.

— А эти письма?

— Какие письма, госпожа Кларк?

Она указала на пачку, перевязанную лентой:

— Вот эти любовные письма. Представляют ли они какую-то ценность? Как вы понимаете, господин Комри, это вовсе не страстные послания. Довольно часто его королевское высочество бывал несдержан. Здесь есть несколько замечаний о его величестве и о королеве, о принце Уэльском, о принцессе, о герцоге Кентском. Вот я и подумала, что если королевская семья увидит их…

Господин Комри был очень серьезен. Он протянул руку:

— Мой вам совет, сожгите их прямо сейчас. Любая попытка угрожать его королевскому высочеству или членам его семьи принесет несчастье и вам, и вашим детям. Поверьте мне.

У него образ мыслей истинного законника. Ладно, она не будет настаивать, но письма сохранит.

— Спасибо, господин Комри. Я полагаюсь на

вас. Вы сразу же поедете к господину Эдаму?

— Я встречусь с ним сегодня. А пока расскажите мне, каковы ваши планы. Вы останетесь здесь?

Планы? У нее нет никаких планов. Ее мир рухнул. Но господину Комри нет надобности об этом знать. Пусть он занимается финансовыми вопросами, а чувства, уязвленное самолюбие, страстное желание добиться справедливости его не касаются.

— Вероятно, я уеду из города, поживу у своих друзей.

Вот теперь и проверим, подумала она, чего они стоят. Интересно, останется ли при ней хоть один льстец, или они все двинутся в Фулем? Не пройдет и недели, как все выяснится: слухи распространяются мгновенно. Ш-ш… ш-ш… вы слыхали?.. Это правда… Его королевское высочество бросил ее… так ей и надо, давно пора… вот и пришел конец этой сучке.

Скатать ковры, развесить таблички: «Продается». Но никто не должен знать, как она страдает из-за того, что лишается положения, благосклонности окружающих, не говоря уже о том, что она теряет мужчину, к тому же принца. Когда подушка служила особе королевской крови, его объятия были для нее своего рода пьедесталом.

Но кем бы он ни был, принцем или простым смертным, совместная жизнь порождает чувства. Непостоянные, мимолетные, прочные — какое это имело значение? Плоть испытывает всегда одни и те же чувства, независимо от того, сколько длится связь: три часа или три года. Три года не прошли бесследно. Ее руки знали все изгибы его тела, она знала, к чему он расположен, знала, как он ведет себя за завтраком, что может внезапно расхохотаться без всякой причины среди ночи. Она чувствовала себя раскрепощенной в минуты близости, ей была знакома гордость обладания им, когда сердце замирает при мысли: «Этот мужчина мой!» Теперь все кончено. Ее пинком, как последнего поваренка, выкинули из кровати. И впредь ей придется притворяться, смело встречать косые взгляды, беспечно пожимать плечами, говорить всем заведомую ложь: «Его королевское высочество по уши в долгах. (Сдобрим ложь правдой, это всегда выгодно.) Я не могу быть для него обузой, поэтому собираюсь съехать из дома на Глостер-Плейс, распродать мебель. Потом так же я поступлю с Уэйбриджем — он не может себе позволить содержать еще и тот дом. Нам обоим очень грустно, но так будет лучше. Я с детьми уеду за город, а потом, если де-

ла пойдут неплохо, вернусь в Лондон. Бедняжка, он так загружен работой из-за этой проклятой войны, он буквально ночует в штабе. Я совсем его не вижу».

Если она будет часто повторять эту сказку, то сама скоро поверит в нее, а за ней и ее друзья и самые дорогие для нее люди — ее семья, и в первую очередь мать и Чарли. И Билл, если он вдруг скажет: «Я же говорил тебе. Я сотню раз предупреждал тебя, я знал, что это случится» — и опять предложит ей поселиться в том домике в Аксбридже, — ее застенчивый и скромный Билл вновь обретет уверенность в себе. «Это все, что я могу пока тебе предложить, но позже…»

Вообще-то, Билл должен узнать обо всем в последнюю очередь. Чем ближе ей человек, тем острее стыд. Она испытала огромное облегчение, услыхав, что в начале июня он отправляется в экспедицию в Буэнос-Айрес. Вот он вернется, тогда она и расскажет ему.

Дети — как быть с детьми? Мэри, которой тринадцать, догадается, а Эллен, ей десять, слишком любит приставать с вопросами. Пока что девочки в школе у Мей Тейлор, но скоро у них каникулы, поэтому нужно подготовиться и придумать, как реагировать на вопросы. «Почему мы должны

уехать с Глостер-Плейс?» На это она будет отвечать: «В Лондоне все слишком дорого, родная, а жизнь в деревне пойдет нам на пользу». Когда придет время, она снимет какой-нибудь дом.

Ирландия. А как насчет Ирландии и Фитцджеральдов? И отец, и сын не раз клялись ей в своей дружбе. «Если вам когда-нибудь понадобится наша помощь, скажите». Она пустила пробный шар и обнаружила, что канал Святого Георгия стал непреодолимой преградой. Заявления обоих Фитцджеральдов о своей верности сопровождались всяческими отговорками: в Ирландии очень сырой климат, они уверены, что ей там не понравится, жена Джимми Фитцджеральда очень подозрительна, а Вилли много работает, жизнь сложна и так далее, но, возможно, они увидятся осенью?

Другими словами, госпожа Кларк, вы в безвыходном положении. Сейчас, во всяком случае. Членам парламента приходится тщательно обдумывать каждый свой шаг, даже тем, кто от Ирландии, и радикалам, но время покажет, как развернутся события. Она думала о письмах, которые Джимми Фитцджеральд написал после трех стаканов портвейна на Глостер-Плейс, и о том, что он шептал ей во время обеда. Неудивительно,

что его жена полна подозрений. Неизвестно, что с ней было бы, прочитай она перевязанные лентой письма, которые лежали в изящной коробочке. Кто еще клялся ей в любви и верности? Вилл Огилви, но при этом он не прикладывал руку к сердцу. Они были деловыми партнерами, они общались на равных, как мужчины. Их дело потерпело крах, и она ждала прощального визита. Она может обвести вокруг пальца кого угодно, но только не Вилла.

Он заехал как раз в то утро, когда она пыталась решить, какую мебель продать, а какую сохранить. Он был, как всегда, изысканно вежлив.

— Не впадайте в панику, — спокойно заметил он, — держите себя в руках. Самообладание — тоже своего рода капитал, а он вам понадобится. Продавайте весь этот хлам, всю эту мишуру. Благодаря вашей дурной славе, вы можете хорошо за все это получить.

Она внимательно посмотрела на него. Он держался как всегда.

— Я не думала, что мы увидимся, — сказала она. — Я решила, что вы тоже переместились в Фулем.

— Там мне ничего не светит, — ответил он, — она не подходит для такой работы. Она долго не

продержится. Я даю ей шесть месяцев.

— А потом?

Он пожал плечами:

— Дело в том, что я все еще ставлю на вас. Мне кажется вполне вероятным, что вам удастся вернуть его.

Все еще может измениться к лучшему. Она почувствовала, что в душе возродилась надежда.

— Почему вы так думаете? Вам что-то известно?

— Только то, что Эдам и Гринвуд приложили руку к вашей отставке. Они, естественно, знали, чем вы занимаетесь. Вы мешали им самим делать деньги, поэтому вам пришлось уйти. Они копали под вас многие месяцы, с тех пор, как Гордон сменил Клинтона. Между прочим, именно Эдам познакомил его королевское высочество с госпожой Кари. Она глупа, поэтому не представляет опасности.

— Но ведь герцог влюблен в нее, Вилл?

— Она слишком проста для его столь изощренного вкуса. Он очень много работает. К тому же он излишне чувствителен к критике, а на него сейчас обрушится самый настоящий водопад — вот увидите. Понаблюдайте за парламентом. Виги жаждут чьей-то крови, и для них не сыскать

лучшей жертвы, чем главнокомандующий.

И внезапно все встало на свои места. Вилл относится к жизни реально, приземленно, он поднимает ее боевой дух, в отличие от Билла, подавляющего ее своими нотациями. Вилл никогда не будет сочувствовать ей, не предложит домик в Аксбридже, он только обнимет за плечи или шлепнет пониже спины.

— Хорошо, — сказала она. — Вы впутали меня в это дело, вы и Том Тейлор. Каковы мои шансы?

Он дотронулся до ее лица, провел пальцем по предательским складкам, ставшим только глубже после нескольких бессонных ночей.

— Честно?

— О боже, конечно. Мне надоели льстецы.

— Затаитесь приблизительно на год и отдохните. Беспокойство чертовски вредит женщине, особенно той, которая использует в качестве оружия свое очарование и чувство юмора. Ведь вы не блещете красотой. Главное ваше достояние — это выражение ваших глаз.

— Что вы предлагаете — уйти в монастырь?

— Нет. Месяцев шесть поскучать и поваляться в постели, пока не найдется какой-нибудь симпатичный молодой человек, который по вашему свистку будет развлекать вас. Не думайте о рас-

ходах. Игра продолжается.

Она взглянула на него и улыбнулась:

— Вы ошиблись в выборе профессии. Вам следовало бы стать врачом и готовить лекарства. Никаких таблеток женщинам старше тридцати, только шампанское. Как может игра продолжаться? Каким образом?

— Ваш разрыв — это только сплетня, которая не успела распространиться. Всякая мелюзга до сих пор верит, что вы пользуетесь влиянием. С назначениями в армии покончено, но есть еще куча государственных департаментов, с которыми можно столковаться. И вы можете дурачить клиентов, уверяя их, что за вами стоит член королевской семьи. Не сомневайтесь, что деньги снова потекут к вам. А потом, когда госпожа Кари добьется успеха благодаря своей привлекательной внешности, а вы обретете былую утонченность, мы увидим, как обстоят дела. Кстати, вы сохранили его письма?

— Все до единого.

— Молодец. Они могут понадобиться нам. А пока вцепитесь в тех своих друзей, которые принадлежат к вигам, а тех, кто с тори, отпустите. Они и года не продержатся.

— Вы хотите сказать, что виги одержат верх?

Король не потерпит их.

— Они не «одержат верх», как вы говорите, они создадут сильную оппозицию и будут вынюхивать и вытаскивать на свет все скандалы, которые хоть в малейшей степени смогут способствовать успеху их дела. В этом случае они могут оказаться для нас с вами полезными. Но не надо думать об этом сейчас. Как я понял, ваш поверенный Комри представляет вас официально и ему удалось выцарапать у Эдама, Гринвуда и компании все возможное.

— Четыреста фунтов и аренда дома. Больше ничего.

— Я никогда в жизни не слышал, чтобы с женщиной поступили так нечестно, хотя это типично, если можно так сказать, для королевского великодушия. Сейчас принц Уэльский живет с леди Хертфорд, а Мария Фитц от переживаний вся исхудала.

— Он вернется к ней в конце концов. Так всегда было. Она заловила его, еще когда он был юношей. Думаю, это все и объясняет.

— Вздор. Чем вкуснее ягодка, тем сокрушительнее падение. Если вам не удастся вернуть Йорка, я подыщу вам замену. У него пять братьев, и все, как вы знаете, славятся крепким здоровьем.

— Спасибо. Пуганая ворона… Я лучше буду иметь дело с пэрами. Я запомню, что вы рассказывали насчет вигов. Вы знакомы с лордом Фолкстоуном?

— С Вильямом Плейделл-Бувери, с его светлостью Радикалом? С тем, который всю свою юность провел во Франции и теперь только и думает что о революции? Я виделся с ним пару раз. Очень пылкий и очаровательный.

— Несколько недель назад, еще до того, как все случилось, он зашел ко мне в ложу. Я давно его не видела, но одно время у нас были хорошие отношения… он был очень внимателен.

— Не выпускайте его, если удастся: он может оказаться очень полезным союзником. Какие еще поклонники, по вашему мнению, представляют для нас интерес? К тому же достопочтенный Даулер всегда рядом.

— Билл едет в Буэнос-Айрес, у него нет никаких шансов. В Эссексе есть Коксхед-Марш, но у него, как и у остальных, имеется жена. У него полно денег, поэтому он пригодится. Я могла бы провести с ним месяцев шесть. Все мои ирландские поклонники покинули меня, так что Дублин для меня закрыт. Конечно, мне не составляет труда найти себе покровителя. Расселл Маннерс, сын

генерала Маннерса, так и горит желанием быть мне полезным. Стоит мне только попросить, и его дом на Олд-Берлингтон-стрит будет моим.

— Тогда хватайте его, моя дорогая, если он стоит пустой.

— Вовсе нет. В том-то и проблема. Он собирается периодически жить там и получать свое вознаграждение.

— Вы всегда можете сослаться на недомогание.

— На пару дней — конечно, но не на две недели. Лучше я сыграю весь спектакль, чем буду придумывать отговорки… Да, Берлингтон-стрит может стать моим временным пристанищем. К тому же у Маннерса есть богатый зять, Роуланд Молтби, который оплачивает все его счета. Он занимается коммерцией в Сити в Фишмангерз-Холле. Через них мы сможем кое-что подзаработать: у них куча знакомых, которые держат нос по ветру.

— Продолжайте, продолжайте. Наши шансы растут.

— Бог мой, я совершенно забыла о лорде Мориа… он податлив, как глина, во всяком случае, был таковым, когда мы встречались в апреле. За два месяца многое может измениться. Всегда открытый и корректный, ни одного грубого слова. Он много внимания уделял Джорджу, играл

с ним в солдатики. Слезами от него можно добиться всего.

— Держите его в резерве, Мэри-Энн. Мы разыграем эту карту в последнюю очередь.

— Когда все остальные окажутся бесполезными?

— Когда вытянем из остальных все возможное. А теперь последуйте моему совету и отдохните, уезжайте из Лондона. Забудьте о его королевском высочестве на шесть месяцев. Это все, о чем я вас прошу.

Удивительно, как на нее подействовал его визит. Раньше она пребывала в каком-то оцепенении, не находя ответов на свои вопросы. Она пала духом, полностью лишившись надежды. Теперь же, после этого разговора, она опять запела. Ее положение больше не казалось ей отчаянным, порыв ветра унес с собой уныние. С неудачей надо бороться и побеждать.

А удачу — хватать за хвост и держать крепко. Жизнь — это приключение, это союзник, а не противник. Хладнокровно, полностью отбросив сантименты, она сортировала вещи, отбирая все, что представляло собой хоть какую-то ценность.

«Это можно выбросить, и это, и это тоже. А подсвечники, лампы и шторы оставить: за дом

можно получить гораздо больше, когда у него все освещение в порядке. Вот это оставить, и это, и эту дюжину стульев».

Как будто она вернулась на шесть лет назад, на Голден-лейн, когда в доме появился судебный исполнитель, а Джозеф валялся в пьяном забытьи. Всего шесть лет назад? А кажется, целая вечность. И как тогда, виноват во всем Джозеф и Эдам со своей ложью и коварством. «Да, продать кровать с пологом. За нее можно будет получить хорошие деньги, когда узнают, кто в ней спал. И матрацы тоже, хотя они немного потерты. Но только не простыни. Они с монограммой, я оставлю их».

Сантименты? Нет… чистая коммерция. Их можно будет продать герцогине в Отландз, когда у той опустеют бельевые шкафы. Ей не отвертеться. «Позвольте, ваше королевское высочество, предложить вам простыни. Немного поношенные, но в отличном состоянии и с монограммой. Если вы отказываетесь, я выставлю их на аукцион „Кристи“ и дам детальное описание, кто и когда спал на них. Из щепетильности я предоставляю вашему королевскому высочеству возможность первой купить их или отказаться, дабы у вас не возникло неправильное впечатление. За сто гиней вас устраивает?» Пусть герцогиня делает

с ними что хочет. Хоть пускает на подстилки для собак.

А какую цену установить для комода? Нет, с молотка он не пойдет. Это сделка личного характера, с полковником Гордоном. «Зная о нехватке канцелярского оборудования в штабе, о недостатке материалов в связи с войной, госпожа Кларк счастлива предложить следующее: один большой комод, качество гарантируется. Для полковника Гордона, начальника секретариата. Раньше комод стоял на Глостер-Плейс, 18, где был опробован главнокомандующим. Если сделка не будет заключена, комод выставляется в „Кристи“ или в „Ройял Эксчендж“ за двойную цену».

Гордон этого не допустит. Ему придется раскошелиться, чтобы скрыть всю историю. Какие еще сувениры смогут выполнить свою особую роль, заставить всех схватиться за голову и с жадностью кинуться в борьбу за обладание ими?

Разорванная мужская ночная сорочка? Отправлена госпоже Кари, с куском мыла и катушкой ниток.

А пару подштанников отправить королеве? «Зная о глубокой привязанности Вашего Величества к принцу Фредерику Августу, герцогу Йоркскому и Олбанскому, я, Мэри-Энн Кларк, Ва-

ша преданнейшая слуга, осмелилась послать Вам в знак уважения эти подштанники, в которые облачался Ваш сын и которые, к своему удивлению, я обнаружила на диване в гардеробной». Это вызовет страшный переполох в Виндзоре, что будет с фрейлинами?!

Вилл Огилви оказался прав. Игра продолжалась. Еще оставались глупцы, готовые платить за место и положение, считая, что все нити в ее руках. Знакомый-знакомого-знакомого — и деньги переходили из рук в руки. Теперь, после продажи дома на Глостер-Плейс, центром ее деятельности стала Берлингтон-стрит, а Расселл Маннерс, член парламента (у которого где-то в Уэльсе была очаровательная молодая жена), стал ее частым гостем. Когда парламент объявил летние каникулы и жены востребовали своих мужей домой, Маннерсу пришлось уехать. Деньги стали поступать реже, ее организм настоятельно нуждался в отдыхе. Выносить сопение Маннерса — это требовало от нее огромного нервного напряжения. В минуту бешенства она написала записку герцогу:

Мне нужно сто фунтов, чтобы уехать из города. Мои долги все еще не выпла-

чены, меня преследуют кредиторы. Все, что я выручила за дом, пошло на уплату долгов мелким лавочникам. Если Вы не дадите мне денег, я приду к Вашему порогу и лягу на ступеньки.

В ответ она получила двести фунтов. Письмо принес слуга с Портман-сквер, который сказал, что его королевское высочество был один, что у него не было ни господина Эдама, ни Гринвуда. Значит… когда шпики отсутствуют, начинаются уколы совести. Он надеется, говорилось в письме, что она чувствует себя хорошо и что дети с нею. Ей не надо бояться за Джорджа, с оплатой его учебы все улажено, его будущее обеспечено, он дает слово. Что касается ее самой и ее будущего, у него есть домик, в котором никто не живет, и, пока не найдется новый владелец, она может распоряжаться им. Конечно, дом находится слишком далеко от Лондона, в Эксмуте, но, без сомнения, морской воздух пойдет на пользу и ей, и детям, и он надеется, что она проведет там и зиму. Искренне ваш, Фредерик А.

Неужели Фулем стал надоедать? Еще нет, решила она. Если бы это было так, он никогда не отправил бы ее в Девон. Расстояние в двести

миль давало ему свободу. Как же это письмо отличалось от тех, что были написаны год назад! Она вытащила одно из связки. Оно пришло из Уэймута.

> *У меня не хватает слов рассказать моей драгоценной и любимой, какое счастье принесло мне ее письмо, с каким восторгом я читал ее слова. Миллион раз говорю тебе спасибо, мой ангел, уверяю тебя, мое сердце полно любовью к тебе, только ты одна можешь сделать меня счастливым.*

И так далее… и так далее… и в конце:

> *Да благословит тебя Господь, моя дорогая, моя любимая. Я опоздаю отправить письмо, если буду продолжать писать. Верь мне, до последней минуты я буду принадлежать тебе, и только тебе…*

Письмо вернулось в пачку, потом в изящную шкатулку, а потом в дальний угол сундука — для большей безопасности. Итак, в Эксмут, на солнце и песок, с детьми, матерью, Изабель, мужем Изабель, с Чарли, который, перейдя из

драгун в 59-й пехотный полк, получил отпуск по болезни; с Мей Тейлор и ее сестрой, которым после окончания учебного года некуда деться; с бедным господином Корри, которому его доктор прописал морской воздух и который никак не может найти себе учеников в Лондоне; с Мартой — слава богу, что у нее есть Марта, — которая была сыта по горло жизнью в Вулвиче с угольщиком-двоеженцем в комнатушке, являвшейся одновременно и гостиной, и спальней, и которая горит желанием служить экономкой. Манчестер-Хаус в Эксмуте оказался огромным: здесь можно было разместить еще кучу народа, а счета за продукты отправлять герцогине в Отландз… Итак, отдых, забыть о прошлом и будущем. Весь день нежиться на солнышке и играть с детьми.

А как насчет зимы, когда все забиваются в свои норы, когда туман и дождь нагоняют тоску и уныние? Вернуться на Олд-Берлингтон-стрит или направиться на восток, в Эссекс, и снять домик в Локтоне или в Коксхед-Марше?

По крайней мере, один из этих друзей-приятелей может позволить себе израсходовать на нее некоторую сумму, учитывая, как много она сделала для них в прошлом: должности, повышения, работа на стороне. Другими словами, «взять

крученый удар и еще сильнее закрутить мяч».

Глава 9

— Говорю тебе, это правда.

— Но, дорогой мой мальчик, это совершенно невероятно.

— Может быть, но ты не знаешь Фейна. Он с самого начала ненавидел меня, как и остальные. Как только я приехал в полк, я понял, что совершил страшную ошибку. Они изо всех сил портили мне жизнь. Эти приказы шли с самого верха, это очевидно: до меня доходили некоторые слухи. «Осторожнее, Томпсон, командир части хочет разделаться с тобой!» Я спросил: «В чем причина?» Сначала мне не отвечали, но я настаивал, и тогда мне все рассказали. «Тебе не повезло, что твоя сестра рассталась с главнокомандующим. Все об этом знают. Ее поливают грязью в штабе. И всех, кто имел к ней какое-то отношение, увольняют. Один парень, я не могу назвать тебе его имя, видел такой приказ в Книге». А потом я заболел — ты знаешь, как мне было плохо… трое докторов сказали мне, что я не годен к службе. Я подал прошение об отпуске по болезни. Командир части, полковник Фейн, написал, что не в его компетенции давать отпуска по болезни и что

я должен обратиться к старшему инспектору и показать ему рекомендации доктора. Инспектор находился в Ньюарке, а я — в Лидсе. Я совсем обезумел от боли, мне нужно было как можно скорее добраться до Лондона, где бы меня вылечили. Поэтому я уехал и отправил инспектору докторские рекомендации только из Лондона. Пока я, почти без сознания, лежал в госпитале в Локтоне с мастоидитом, они и устроили этот заговор. — К ее ногам полетела «Газетт»: «Капитан Чарльз Фаркуар Томпсон, 59-й пехотный полк, уволен».

Она взглянула на его дрожащие руки. Он перестал быть мужчиной, он вновь превратился в маленького мальчика из переулка, жалующегося: «Это нечестно. Дядя ударил меня. Он сильнее меня, он столкнул меня в канаву». И она вытирает ему нос и щеки и успокаивает: «Не бойся, я буду присматривать за тобой», — чувствуя, как ее охватывает ярость, как в ней разгорается желание схватить первое, что попадется ей под руку, и бежать за обидчиком. Она еще раз прочла объявление в «Газетт».

— Не беспокойся, Чарли, я добьюсь, чтобы тебя восстановили.

— Как? У тебя больше нет никакого влияния. Ты сама лишилась работы. Нам конец. — Он рухнул

на стул. Волосы взлохмачены, китель забрызган грязью, пуговицы нечищены. — Поверь мне, у меня нет никакого шанса. Я давно это знал. И ты знала, но обманывала себя. Все эти несколько недель в Эксмуте ты притворялась, как будто все хорошо, будто его королевское высочество сам предложил тебе пожить в этом доме и ждет не дождется осени, чтобы вновь с тобой увидеться. И что же будет осенью? Когда ты уезжала в Локтон, ты всем говорила, что тебе нравится деревенский воздух, что герцог попросил Коксхед-Марша присматривать за тобой, что твои счета оплачивают Молтби и Маннерс. Разве ты виделась с его королевским высочеством? Ни разу. Даже писем не получала. Он порвал с тобой навсегда, и все на свете знают об этом. Но ему этого оказалось мало, он приставил ко мне своих шпиков, и теперь я уволен. И Джорджа тоже выгонят. Больше кадетов в Марлоу не принимают, набор окончен. Я слышал об этом от одного офицера.

Он рассмеялся, и казалось, что его смех звучит из прошлого. Он напомнил ей о душном воздухе переулка, о вони сточных канав, о плаче детей, о затхлой еде, о том, как мать звала их из кухни, о пиве, которое разливал по столу Боб Фаркуар.

— Бога ради, придержи язык.

— С чего это? Ты меня воспитала, я следовал за тобой всю свою жизнь. Ты научила, к чему стремиться. «Стремись к самому верху, — говорила ты, — и если у тебя не получится добиться желаемого, я добьюсь этого за тебя». Так ты говорила с самого начала. Мое первое назначение, потом перевод, повышение. Все доставалось легко, мне был обеспечен успех. А потом, из-за какой-то проклятой ссоры, ты портишь свои отношения с герцогом и превращаешь мою жизнь в кошмар. Мне приходится страдать из-за твоей глупости. И не только мне, но и Джорджу, девочкам, всем нам.

Он разрыдался, истерически, как ребенок, возвращаясь к тем дням, когда за слезами следовали поцелуи, успокоение и шлепок, засахаренное яблоко, сказки о серебряной пуговице и клане Маккензи. Теперь же его слезы были встречены молчанием, внезапно потускневшим взглядом, ласковым поглаживанием по голове. Она заговорила, ее голос звучал как-то отдаленно, в нем слышался испуг:

— Я никогда не думала, что мои отношения с его королевским высочеством, дом на Глостер-Плейс так много значат для тебя. Я думала, что ты воспринимаешь все как сделку, как временное

пристанище на дни отпуска.

— Сделку? О чем ты говоришь? Я жил в этом мире. В мире, который ты мне обещала, когда мы были детьми. Помнишь, как я преклонялся перед принцем Карлом? Ты сказку превратила в явь, во всяком случае, мне так казалось. В те дни, когда я бывал дома — вряд ли ты помнишь, — он любил поболтать со мной после обеда, и я был горд, когда возвращался в полк, чувствуя себя так, будто беседовал с Богом… Ты не понимаешь. Ты всего-навсего женщина, его любовница. Но мы с ним — мужчины. Мы говорили на одном языке. Он спрашивал меня о жизни в полку. Я боготворил его, как никто на свете. Он был своего рода символом — мне трудно объяснить, — символом мечты, которая влекла меня всю жизнь. А теперь все кончено. Ничего не осталось.

Она смотрела, как он рвет «Газетт» и бросает клочки в огонь, где они обугливаются и рассыпаются.

— Ты думаешь, — спросила она, — что Джордж воспринимает все так же, как ты?

Он пожал плечами:

— Откуда мне знать? Он еще ребенок. В девять лет он может воображать себе все, что угодно. Единственное, что мне известно, он считает гер-

цога своим отцом.

Она резко повернулась и изумленно взглянула на него:

— Кто тебе это сказал?

— Сам Джордж. И Эллен тоже так думает. Какие-то сказки Марты. Вот Мэри известно больше, она помнит Джозефа, но ее воспоминания туманны, и она скоро совсем его забудет. Но его королевское высочество они никогда не забудут: он прочно вошел в их жизнь. И дом на Глостер-Плейс, и все великолепие. Ничто никогда с этим не сравнится. Ты испортила их будущее, и ты должна знать это.

Каждое его слово возрождало в ней глубоко запрятанные чувства. Последние полтора года, скучные и обыденные, проведенные между Эксмутом, Лондоном и Локтон-Лодж, промелькнули как одно мгновение, не оставив никакого следа, как будто их и не было. Их друзьями становились те, кто предлагал оплатить счет; их жизнь превратилась в топтание на месте, в выжидание, в постоянную отсрочку. И она вспомнила, как разбирала вещи на Глостер-Плейс, откладывая то, что предполагалось выставить на продажу, а рядом стоял Вилл Огилви и говорил: «Игра продолжается».

Пустая, глупая игра, которая не стоит свеч, игра, рассчитанная на любителей. На чиновников какой-то третьеразрядной конторы, предел мечтаний которых — банкнота в десять фунтов. Никакого чувства удовлетворения, никакой власти, никаких титулов. «Господин Роуланд Молтби поможет вам получить место официанта». А раньше: «Его королевское высочество рекомендует…» Что ей осталось — кататься по Локтону в сопровождении Коксхед-Марша, зевая от его рассказов о вальдшнепах, куропатках, голубях и пытаясь убедить себя, что ей нравится проводить осень в Эссексе. А тем временем ею владеет только одна мысль: «Я хочу вернуть его. Я хочу иметь власть, я хочу занимать высокое положение в свете». Как же хорошо она помнит шепот, которым сопровождалось ее появление в Воксхолле: «Смотрите! Это госпожа Кларк… ищет герцога», — и суета, улыбки, кивки и море лиц.

Все кончено, мыльный пузырь лопнул, бушующий поток взбаламутил спокойную заводь.

— И что больше всего меня убивает, — продолжал Чарли, — так это твое полное спокойствие. Никакой борьбы. Неужели ты состарилась и тебя больше ничто не волнует?

На этот раз он мог бы получить затрещину или

она вцепилась бы ему в горло — ну прямо-таки двое детей, дерущиеся в канаве, таскающие друг друга за волосы и истошно вопящие: «Прекрати, а то я убью тебя!» Но вместо этого она подошла к окну; оно выходило в сад, за которым тянулась посыпанная гравием дорога, — опрятный пейзаж, столь типичный для Эссекса.

— Иди упаковывать свои вещи, — сказала она. — Мы едем в Лондон.

— Зачем? Для чего?

— Не задавай вопросов. Ведь ты доверял мне, когда был ребенком, так верь и сейчас.

— Ты восстановишь меня в прежней должности?

— Да. И ты сразу же отправишься к месту службы. Твое будущее зависит от того, как на это отреагирует твой командир части. Если он действительно хочет разделаться с тобой, он себя проявит.

Наконец у нее есть возможность действовать, есть жертва, в которую можно вцепиться. Вся ее ярость обратилась на полковника Фейна, марионетку, олицетворяющую собой закон и порядок, агента Эдама, Гордона, военное министерство. Ненависть порождает ненависть. Одна женщина против мужской половины рода человеческого,

чувствовавшей в ней достойного противника и поэтому ненавидевшей ее. Вон из наших рядов, не суй свой нос в то, что принадлежит только нам. Вот почему они возненавидели ее: она доказала, что они равны. Их не волновала госпожа Кари, которая воцарилась в Фулеме, изредка появляясь на подмостках, — артистов они принимают, так как те не вмешиваются в их дела. Но вдруг женщина перехватит у них инициативу, отнимет их заработок и начнет всем управлять — что будет с миром? Общество распадется.

— О чем ты думаешь? — спросил ее Чарли, когда они ехали в дилижансе в Лондон. — У тебя такой суровый вид.

Она засмеялась:

— Я была далеко отсюда. Но я думала не о нас с тобой. Я представила, как мама моет посуду, склонившись над лоханью в дальнем углу кухни, — помнишь, как там было темно без окна, — а мальчики ползают у нее под ногами, хватают ее за щиколотки и она не может шевельнуться. Входит отец и начинает орать, требуя, чтобы ему подали ужин… Я вспомнила, как подошла к нему и ударила. Мне не забыть этого.

— А почему ты вдруг через столько лет вспомнила об этом?

— Не знаю… — Дилижанс, качаясь из стороны в сторону, медленно тащился по дороге. Одной рукой она ухватилась за ремень, а другой — за Чарли. Все сомнения рассеялись. Она была уверена в себе и счастлива. С ее временным пристанищем на Берлингтон-стрит покончено. Расселл Маннерс уехал в Индию — вот и хорошо, ей сейчас не нужны никакие сложности, ей не нужно оповещать всех о своем возвращении.

Два дня в отеле, потом меблированные комнаты в Хэмпстеде. Она принесла цветы на могилу Эдварда, посадила в землю луковицы, которые расцветут весной. Но думала она при этом не об Эдварде, а о Джордже. С Хэмпстедом было связано ее прошлое, он стал родным, полным воспоминаний, но не о медовом месяце с Джозефом, а о Билле. Госпожа Эндрюс в «Йеллоу-Коттедж» была добра и радушна, но у нее не было комнат, которые она могла бы сдать хотя бы на полгода, а весь верхний этаж был отдан одному издателю, сэру Ричарду Филлипсу. Госпожа Кларк слышала о нем? Слышала… и сделала себе пометку на будущее. Издатель может пригодиться, все зависит от ее планов. Не согласится ли госпожа Эндрюс рекомендовать какие-нибудь другие меблированные комнаты, где она и капитан Томпсон смогли бы

обосноваться на время? Конечно, попытайтесь поговорить с господином Николсом, Фласк-Уолк, Нью-Энд. Он очень респектабельный джентльмен, по профессии булочник. Наконец вопрос с комнатами был решен.

Первый раунд был выигран.

На письмо, отправленное на Портман-сквер, ответа не было, но… двадцатого ноября Чарльз Фаркуар Томпсон, капитан 59-го пехотного полка, был восстановлен в должности. С победной улыбкой она протянула Чарли «Газетт»:

— Ведь я обещала тебе, не так ли?

— Да, но что дальше?

— Отправляйся в полк. Ты застанешь его в Колчестере. Если полковник Фейн будет опять нападать на тебя, сразу же напиши мне.

Джордж спокойно продолжал учиться в Челси, но, как и говорил Чарли, его имя было вычеркнуто из списков Марлоу. Начальниками училища были и Эдам, и Гордон, так что сразу стало ясно, кто оказался инициатором этого шага. Так получилось, что сначала ей пришлось заняться Чарли. Теперь должен быть решен вопрос с Джорджем. В меблированных комнатах господина Николса хватало места для всех: и для гувернантки-француженки (приходится забыть о школе), и для

Марты. Ее мать может пока оставаться в Локтоне. За последнее время она сильно сдала, довольно плохо себя чувствовала, все время на что-то жаловалась и спрашивала, почему его королевское высочество не навещает ее. В конце недели из Колчестера вернулся Чарли. Одного взгляда хватило, чтобы понять: опять неприятности.

— Что теперь?

— Я вынужден сменить место. Полковник Фейн говорит, что он не потерпит моего присутствия в полку.

— Он объяснил почему?

— Все потому же — отсутствие без уважительной причины. И еще одно. Ты помнишь те векселя, которые были выписаны на имя Расселла Маннерса и которые мама подписала, а ты отправила мне? По ним можно было получить деньги через Роуланда Молтби в Фишмангерз-Холле, и незадолго до того, как я заболел и уехал в отпуск, я получил от казначея в Лидсе наличные. Но по векселям платить отказались, а мы не можем доказать, что были уверены в своевременной оплате. Командир части говорит, что меня могут обвинить в мошенничестве.

— Странно, Роуланд Молтби всегда оплачивал векселя Расселла.

— Мой случай оказался исключением: Молтби отказался оплатить именно эти векселя. Может, у тебя были какие-то трения с Молтби и Маннерсом до твоего отъезда в Локтон? Может, ты не хотела их видеть?

— Великий Боже! Да они оба напились до потери сознания.

— Так… теперь все понятно. Но казначей дал мне денег, а потом векселя вернули. Если дело дойдет до суда, это будет моим концом.

— А разве полковник Фейн сказал, что против тебя будет выдвинуто обвинение?

— Он сказал, что дело закроют только в том случае, если я перейду в другой полк.

— Отлично. Мы добьемся твоего перевода. К Рождеству.

Но на этот раз ничего не получилось. Письма, отправленные на Портман-сквер, возвращались нераспечатанными. Чарли просил его о встрече. Отказ. Марта, водившая дружбу со слугами на Портман-сквер, решила зайти в гости к своей давней подруге, кухарке. Но никого из старых слуг там не оказалось, а новые просто не пустили ее на порог. У нее возникло впечатление, что все ее старые друзья были уволены господином Эдамом. За Мэри и Эллен, гулявшими по Хис-стрит, следили.

Гувернантка-француженка устроила из-за этого истерику и попросила расчет: какой-то мужчина тронул ее за руку и начал расспрашивать: «Госпожа Кларк в Хэмпстеде? Какой у нее адрес?»

Это могли быть кредиторы или даже Джозеф, но, скорее всего, за ними следили шпики Эдама. Чарли беспокойно шагал из угла в угол по маленькой гостиной, грыз ногти и выглядывал в окно.

— Есть что-нибудь о моем переводе?

— Пока нет. Я уже написала.

Не было надобности говорить ему, что его продвижение по служебной лестнице намеренно задерживают. Она написала в пятьдесят полков и отовсюду получила отказ. Никакое агентство не хотело брать его на учет. Очевидно, все получили негласный приказ: «Внести в черный список: Ч. Ф. Томпсон». Друзья, которые всего два года назад с радостью бросились бы ей на помощь, внезапно оказывались за городом, или больны, или заняты. Она отправилась к Виллу Огилви. По крайней мере, он скажет ей правду.

— Что произошло, Вилл?

— Разве вы не читали газеты?

— Вы же знаете, что я все лето и почти всю осень провела в Локтоне.

— Я же просил вас следить за развитием событий. Тогда вы бы все поняли. А вместо этого вы позволили себе расслабиться и смотреть, как Коксхед-Марш кольцует фазанов.

— Если вы считаете, что я получала от этого удовольствие… Так о чем пишут газеты?

— Они почти ежедневно нападают на его королевское высочество. Оскорбительные, граничащие с неприличием памфлеты.

— А какое отношение это имеет ко мне?

— Официально — никакого. Но все военное министерство считает, что их пишете вы.

— Боже мой! Жаль, что не я.

— Они хорошо поработали, чтобы выяснить кое-что о вашем прошлом. Вернее, Эдам и Гринвуд. Но не о вашем замужестве, дорогая, — о вашем сотрудничестве с парнями с Граб-стрит, о ваших побочных приработках, когда вы жили в Холборне.

— Поэтому они пытаются выкинуть Чарли из полка?

— Конечно. Раз он ваш брат, значит он увяз вместе с вами.

— Но, Вилл, ведь это же ложь…

— Не имеет значения. Вы опозорены, и их это очень устраивает. Дело в том, что люди, читая

памфлеты, говорят: «Дыма без огня не бывает, рыба начинает гнить с головы» — и так далее. К нашему другу, его королевскому высочеству, начинают относиться с меньшей благосклонностью. Его популярность падает, а следовательно, падает популярность того, что за ним стоит: армия, церковь, правительство тори, война с Францией, конституция страны. Еще несколько месяцев, и мы сможем совершенно открыто вести свое дело. Вы не играете в шахматы — как же мне объяснить вам? Вы отличная пешка, Мэри-Энн, в той игре, в которую я играю уже четырнадцать лет, с тысяча семьсот девяносто третьего года, когда Франция освободила себя.

Она раздраженно пожала плечами:

— Все еще продолжаете надоедать с разговорами о республике? Ладно, играйте в одиночку. Я вам и раньше говорила: для меня важнее всего безопасность. Моей семьи и моя собственная. В настоящий момент меня больше всего беспокоит мой брат Чарли. Они пытаются уволить его из пятьдесят девятого.

— Ну и пусть увольняют… Это ни для кого не имеет значения.

— А для него имеет. И для меня. Будь я проклята, если допущу, чтобы его уволили без всякой при-

чины. Вы можете подыскать ему другое место?

— Он в черном списке. Ни я, ни кто-либо другой не сможет ничего сделать. Попытайтесь быть более дальновидной, моя дорогая, и не надо нервничать. Через год правительство падет, его королевское высочество сдаст свое командование… почему вы не можете подождать?

— Я люблю своего брата, а он очень переживает. Единственное, на что я надеюсь, — это поговорить с герцогом и выяснить причины. Он все еще ездит в Фулем к госпоже Кари?

— Вы совсем отстали от жизни, он теперь развлекается с супругой пэра… Сейчас, поверьте мне, совершенно другая тактика. Вам следует стремиться не к тому, чтобы вернуть его. Вам следует стремиться нанести ему сокрушительный удар. — Маска вежливости спала. Темные глаза сверкали. Перед ней стоял совершенно другой Огилви, жесткий и безжалостный. — Из-за вашей дурацкой возни с братом вы теряете время. Но когда его наконец выпрут, а выпрут его обязательно, приходите ко мне: я расскажу вам, что делать. В Локтоне было очень скучно, не так ли? Но в Девоне, среди морских водорослей, еще скучнее.

Она ненавидела его, он ей нравился, она боялась его и доверяла ему.

— Почему, — спросила она, — я все время должна делать то, что вы от меня хотите?

— Потому, — ответил он, — что вы не можете жить по-другому.

Он проводил ее вниз, до экипажа, и закрыл дверь. Когда она вернулась в Хэмпстед, то увидела, что дети собрались вокруг Чарли и все чем-то обеспокоены.

— За нами все время следил какой-то мужчина. Он спросил госпожу Николс, писала ли ты письма на Флит-стрит.

— Глупости. Не обращайте внимания. Какой-нибудь пьяница.

Она в последний раз отправила записку на Портман-сквер, а потом Чарли написал письмо в штаб.

На ее записку пришел ответ: «Я не знаю, что вы имеете в виду. Я никогда никому не давал указаний преследовать вас, так что можете быть спокойны относительно меня».

Ответ на письмо Чарли был краток и официален: ему предписывалось немедленно отправиться в Уолчестер.

— Значит, все в порядке? Меня не переведут?

Чарли радостно помахал бланком. Его глаза сияли. Он опять обрел уверенность в себе.

— Да… Наверное, это так, — с улыбкой ответила она и поцеловала его.

Итак, Огилви ошибался. Никакой вендетты.

Чарли бросился собираться и вскоре уехал.

Теперь надо подумать, куда отдавать Джорджа. В Марлоу или в Вулвич — это будет довольно легко после того, как решился вопрос с Чарли. Все казалось легким. Дети были счастливы. Никто не доставлял ей неприятностей, и все были в приподнятом настроении. Единственное, чего ей не хватало после отъезда Чарли, — это мужчины, который знал бы ее, понимал. Но такого не было… Она схватила газету: «Не возвращается ли экспедиция из Буэнос-Айреса?»

Война в Южной Америке закончилась полным поражением. Это было рассредоточением сил, что и потребовалось противнику. Ошибка верховного командования или политиков? Но это не важно, главное, что Билл, может быть, вернется. Полтора года она не вспоминала о нем, но сейчас он был единственным на свете, кто мог бы понять ее.

— Я немедленно напишу в Аксбридж. Он должен уже быть дома.

Она забыла, как, уязвленная продажей дома на Глостер-Плейс, хотела, чтобы он убрался куда-ни-

будь подальше, как радовалась, что больше не видит и не слышит его, что их разделяют тысячи миль.

Сейчас же ее настроение, подобно флюгеру, изменилось. Хэмпстед… воспоминания… Билл был тем самым мужчиной. О боже! Как много нужно рассказать ему. О заговоре Эдама и Гринвуда, которые использовали бедного герцога как орудие и вынудили его порвать с ней (не надо упоминать о появлении госпожи Кари). Одно несчастье за другим, но она выстояла, без чьей-либо поддержки, только благодаря своей решительности. Расселл Маннерс, Роуланд Молтби и Коксхед-Марш? Да просто старые знакомые, страшно занудливые. Они ей многим обязаны.

Чарли уехал в Уолчестер, и она призвала Билла. Он пытался рассказать, как ужасно было в Буэнос-Айресе, какие лишения он терпел, какими болезнями переболел, какой там тяжелый климат. Она слушала пять минут, обеспокоенно покачивая головой, потом перебивала, и он опять превращался в покорного слушателя. Всех прошлых лет как не бывало: он опять здесь, спокойный, зависимый, надежный, верный, полный обожания. Какое счастье ощущать знакомое прикосновение! Как будто надеваешь старые

удобные туфли или вдруг, обнаружив в самом дальнем углу гардероба старое, совсем забытое платье, видишь, что оно тебе очень идет.

— Ты останешься со мной, правда? — Она поцеловала его за ухом.

— А это не может показаться странным? Дети уже взрослые.

— Я отошлю их в Локтон. Там мама.

И опять все по-старому. Поклонение успокаивает нервы, особенно когда ощущаешь пресыщение и человек почти не вызывает интереса. Билл был свободен до следующего назначения. Однако никаких приказов не поступало. Им придется жить на его половинный оклад.

Ежегодное содержание, обещанное герцогом, уже давно не выплачивалось, но, пока она жила в Локтон-Лодже, ее это не волновало. Очередные козни Эдама, он приостановил выплату. Придется заняться этим вопросом.

— Билл, мне кажется странным, что давно ничего не было от Чарли.

— Очевидно, он ждет приказа, как и я. Его полк могут направить за границу. По всему Лондону ходят слухи, что намечается новая экспедиция в Испанию под командованием Уэллсли.

— Боюсь, Чарли заболел. Он такой слабый.

— Ему пойдет на пользу посмотреть на настоящее сражение.

— Именно этого он и хочет, — быстро ответила она, — показать, на что он способен, и доказать это всему полку. До сих пор у него не было такой возможности.

Молчание Чарли было первым облачком на ясном небосклоне, первым предвестником бури. А через двадцать четыре часа она узнала всю правду. Прочитала в лондонской «Газетт»: «Капитан Чарльз Фаркуар Томпсон, 59-й пехотный полк, находится под арестом в ожидании решения военного трибунала».

Бог он или дьявол, Вилл Огилви оказался пророком. Хэмпстедской идиллии пришел конец. Началась борьба.

Глава 10

Мэри-Энн сидела в гостинице в Колчестере. В руках у нее была копия обвинительного заключения, а рядом сидел рекомендованный Комри адвокат, Смитиз, и писал под ее диктовку.

Напротив за столом сидел Роуланд Молтби, вынужденный выступать как свидетель, угрюмый, чувствующий себя крайне неловко. Его вытащили из дома в Хэртфордшире, чтобы он давал показания. Приехав к нему домой и пригрозив, что, если он будет отрицать, будто счета, о которых говорилось в обвинении, не были представлены ему к оплате, она позовет его жену и разоблачит и его, и Расселла Маннерса, который — вот повезло дьяволу — находился где-то в Индии, она посадила его в экипаж и привезла в Колчестер.

— Что я должен говорить?

— Можете говорить что угодно, но только так, чтобы с моего брата сняли обвинение в мошенничестве.

— У меня нет желания ввязываться в это дело. Я гражданское лицо, военный трибунал меня не касается.

— Вы сами способствовали его обвинению, теперь вам придется давать показания в пользу моего брата. Или мне лучше вернуться и поговорить с вашей женой?

Она распахнула дверь экипажа и сделала вид, будто собирается выпрыгнуть. Он быстро втянул ее внутрь и испуганно взглянул на окно верхнего этажа.

— Хорошо, я еду с вами. Дайте мне время, чтобы придумать какой-нибудь предлог. Встретимся на перекрестке через час.

Всю дорогу до Колчестера он просидел с угрюмым видом в надежде уязвить ее этим, однако она даже ни разу не взглянула в его сторону. Она непрерывно что-то писала. «Делает заметки для своего проклятого братца», — решил он. В два часа ночи они прибыли в Вилей, где ему выдали сэндвич и пожелали спокойной ночи. Каким же дураком, должно быть, он выглядел в глазах хозяина гостиницы!

Она читала обвинительное заключение, а адвокат записывал.

— «Обвинение первое. В скандальном и постыдном поведении, порочащем звание офицера и джентльмена, проявившемся в самовольной отлучке 21 июля 1807 г., не имея на то разрешения

командира части».

«Обвинение второе. В скандальном и позорном поведении, порочащем…» и т. д., «проявившемся в том, что обвиняемый обманным путем выманил у господина Милбанка, казначея военного округа Лидса, сто фунтов стерлингов, представив ему два векселя, которые не были оплачены по предъявлении».

Она остановилась и сделала пометку карандашом.

— А теперь, господин Смитиз, я хотела бы сообщить вам, что мой брат не способен выступать в свою защиту. Вы будете представлять его и проводить перекрестный допрос свидетелей. В качестве свидетеля выступлю я, а также господин Молтби. Мой брат утверждает, что оба обвинения необоснованны и что он невиновен.

— Я понял, госпожа Кларк.

Она вырвала лист бумаги и протянула ему:

— Первое обвинение касается самовольной отлучки. Вот вопросы, которые вы должны задать обвинению. Вопрос первый: «Известно ли вам, что во время моего отсутствия я находился на грани помешательства из-за сильнейшей боли и что трое докторов признали меня негодным к службе?» Вы должны понять, господин Смитиз,

военный трибунал — это то, что на кокни называется «лажа». Они хотят уволить моего брата из армии, а для такой цели любые средства хороши.

Вопрос второй: «Известно ли вам, что, как только я прибыл в Лондон, я немедленно отправил инспектору рекомендации доктора, касающиеся моего состояния здоровья?» Вам все понятно?

— Да, госпожа Кларк.

— Прекрасно. Теперь о втором обвинении. Мы не можем предугадать, о чем меня будет спрашивать обвинитель. Наверняка разговор пойдет о векселях, которые я дала своему брату и которые были подписаны моей матерью, Элизабет Маккензи Фаркуар. Дело в том, что ее руки искорежены ревматизмом и она не может писать, поэтому я водила ее рукой. Причина, почему я использовала ее имя, а не свое, заключается в том, что мне не хотелось, чтобы мое имя было как-то связано с Расселлом Маннерсом — зятем присутствующего здесь господина Молтби. Вы должны обратиться ко мне со следующим вопросом: «Сообщал ли вам господин Роуланд Молтби о том, что он когда-либо отказывался оплачивать вексель, выписанный на имя Расселла Маннерса?» На это я отвечу: «Никогда».

Она взглянула на сидящего напротив мрачного

свидетеля. Он потягивал эль и молчал. Адвокат писал.

— После этого, господин Смитиз, — продолжала она, — вы спросите меня: «Зная об имевшем место обмене вышеназванных векселей, можете ли вы с полной уверенностью сказать, что у капитана Томпсона не было намерений обмануть казначея, когда он передавал ему эти векселя?» На это я скажу: «Конечно нет. Капитану Томпсону было известно, что господин Маннерс был у меня в долгу».

Роуланд Молтби заерзал на стуле:

— Послушайте, вы не можете говорить об этом в суде!

— О чем?

— О том, что происходило на Берлингтон-стрит, девять, когда мы оба, пока наши жены находились в Уэльсе, развлекались там с вами.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду… я ничего подобного не помню. Говоря «в долгу», я имела в виду деньги. Я продала браслет, за который выручила триста фунтов, и дала сто Расселлу. Следовательно, он находился у меня в долгу. Вы согласны?

Роуланд Молтби пожал плечами и взглянул на адвоката.

— Был в долгу, госпожа Кларк. Я так и записал.

— Спасибо, господин Смитиз. Вот и все, что я хотела вам сказать. Давайте выпьем кофе.

Она встала и закинула руки за голову. Господи! Какое же это наслаждение — сражаться, сражаться в одиночку, самостоятельно выискивать веские аргументы. И когда никто не мешает. Билл стал бы молить ее об осторожности, безопасности, благоразумии. Именно это и были его последние слова, когда они прощались перед ее отъездом. «Будь осторожна. Своим вмешательством ты можешь только навредить». Как будто бедный Чарли мог самостоятельно выступать на суде… Три месяца эти звери держали его под арестом, предъявив ему обвинения только неделю назад. Прочитав имена, она поняла причину: все члены трибунала были собственноручно подобраны Эдамом, Гринвудом и полковником Гордоном.

Игра была нацелена против нее, но ее это не беспокоило. Она очистит имя Чарли от обвинения в мошенничестве — остальное не имеет значения.

— А защита? — спросил господин Смитиз. — Господин Комри предложил мне вызвать коллегу из Линкольнз-Инн. Мы могли бы вместе подготовить заявление от имени вашего брата.

Она посмотрела на него и улыбнулась:

— Нет необходимости.

— Вы хотели бы поручить это кому-то еще?

— Я сама напишу заявление.

— Но, мадам…

— О! Пожалуйста, не спорьте. Я знаю, что надо говорить.

— Но язык юридических документов…

— Чем длиннее слово, тем лучше! Я их забросаю словами. Когда вы, господин Смитиз, были еще младенцем, я уже правила оттиски. Краткие изложения дел, составленные адвокатами, были моими первыми книгами. Можете быть уверены, защита будет проведена с полным знанием дела.

Она протянула обоим мужчинам руку для поцелуя и поднялась наверх. Господин Смитиз кашлянул и взглянул на Роуланда Молтби.

— Вы, конечно, проиграете? — спросил Молтби.

— Боюсь, что так.

Заседание трибунала было коротким. Множество свидетелей подтвердили обоснованность первого обвинения. Рассмотрение второго обвинения потребовало больше времени, и обвинители, почувствовав, что не в состоянии расстроить замысел сестры арестованного, все утро провозились с господином Молтби, который

сам себе противоречил. Его очень пристрастно допрашивали, но не о векселях или деньгах, а о том, как часто он приезжал к госпоже Кларк в Локтон, принадлежит ли тот дом ей, а если не ей, то кому. По просьбе арестованного объявили перерыв. Субботу и воскресенье сестра арестованного провела в гостинице, запершись в своей спальне и обложившись бумагами. Когда во вторник рассмотрение дела возобновилось, адвокат капитана Томпсона обратился к суду с его заявлением:

«Господин председатель, уважаемые члены военного трибунала!

Прослужив в армии всего около четырех лет, будучи очень молодым и не обладая преимуществами, которые дает опыт, я крайне нуждаюсь в вашем покровительстве и прошу прощения за все нарушения, которые я, возможно, невольно совершил.

Если бы я не был вполне уверен, что в достаточной мере реабилитировал свое доброе имя перед лицом многоуважаемого трибунала в отношении обвинений, выдвинутых против меня с целью опо-

рочить мою репутацию, я ушел бы из общества честных людей, спрятался бы в глуши и приложил бы все усилия, чтобы стереть память о себе.

Однако, джентльмены, я смело и с уверенностью и в то же время с полной покорностью утверждаю, что посланные кучкой завистников отравленные стрелы, нацеленные на то, чтобы нарушить мой душевный покой и повредить моей репутации, будут отбиты щитом чести, невиновности и добропорядочности.

Джентльмены, когда мне впервые выпала честь вступить в 59-й полк, я очень скоро, к своему огромнейшему сожалению, обнаружил, что не только не встречаю сочувствия, но не ощущаю никакой поддержки со стороны полковника Фейна. Во имя справедливости я должен признать, что, возможно, моя молодость и отсутствие опыта были причиной незначительных нарушений, от которых меня могли бы уберечь и знание жизни, и богатый опыт. Без сомнения, полковник Фейн не желал утруждать себя задачей стать моим наставником, и я был неожи-

данно, без подготовки откомандирован из Ньюарка в Лидс для прохождения службы в рекрутском подразделении.

Я доблестно выполнял свой воинский долг, проявляя исключительное рвение и усердие, которые не прошли бы незамеченными, будь рядом более ответственный и опытный офицер, пока в июле 1807 года у меня не случился приступ тяжелейшей болезни. Моим лечением занимались опытные врачи, но в конечном итоге они заявили, что больше ничего не могут сделать для облегчения моих страданий. И я написал полковнику Фейну, сообщил ему о своем тяжелом состоянии и попросил у него отпуск по болезни. В ответ на мою просьбу я получил письмо, в котором полковник Фейн сообщил, что не в его компетенции давать мне отпуск и что, если мое состояние действительно настолько серьезно, я должен выслать медицинский сертификат старшему инспектору. Я так и сделал, но только по прибытии в Лондон. Я признаю, что совершил ошибку, не сумев правильно оценить ситуацию. Но я осмелюсь

обратиться к многоуважаемому суду с вопросом: что заставило командира части представить меня, неопытного молодого человека, перед трибуналом, если не желание разрушить мою жизнь (ведь репутация и есть жизнь для честного человека) и лишить меня всех перспектив на будущее?

А теперь осмелюсь обратить ваше внимание на некоторые замечания по поводу второго обвинения. Я обратился к моей близкой родственнице за денежной помощью. Она прислала мне два вышеупомянутых векселя, полученных ею от господина Расселла Маннерса, эсквайра. Они подлежали оплате господином Молтби, Фишмангерз-Холл. В том, что векселя подлинные и будут оплачены по первому предъявлению, у меня не было ни малейшего сомнения, и я попросил господина Милбанка, казначея округа, выдать мне в обмен на эти векселя наличные, что он и сделал. Но вскоре я узнал, что векселя так и не были оплачены. Я не буду занимать ваше драгоценное время, повторяя все слышанное вами, потому что каждое сло-

во, сказанное свидетелями, оправдывает меня и подтверждает мою невиновность.

Джентльмены, я в отчаянии от того, что вынужден так долго злоупотреблять вашим вниманием, но мое стремление наиболее точно и правдиво описать каждое обстоятельство вынуждает меня идти на этот шаг. Я не имею намерения молить многоуважаемый суд о снисхождении. Меня ни в коей мере не беспокоит результат, потому что ваше решение будет продиктовано свободным от предрассудков и просвещенным разумом. Я смиряюсь и подчиняюсь вашему решению и молю высокочтимого председателя и военного юриста поверить, что, каким бы ни было ваше решение, я всегда буду безмерно вам благодарен за внимание, которое вы уделили рассмотрению моего дела».

Господин Смитиз — маленький человечек, в очках, седой, с покатыми плечами — сел. Его голос звучал монотонно. Он зачитывал заявление защиты, как проповедь. Он ни разу не остановился, чтобы заострить на чем-то внимание и произвести на трибунал нужное впечатление. Слова,

которые так ясно звучали в спальне гостиницы, которые завораживали и убеждали в полной невиновности, потерялись в невыразительном монологе адвоката. Арестованный сидел неподвижно. Он ни на секунду не отвел глаз от лица сестры. Она наблюдала, как полковник Фейн медленно поднимается со своего стула. И сразу же председатель суда расслабился, члены суда зашевелились в своих креслах. К полковнику Фейну со всех сторон неслись слова одобрения и сочувствия. Он прочистил горло и начал говорить:

— Господин председатель, члены военного трибунала. Я не стал бы занимать ваше время, отвечая на вопросы защиты арестованного, если бы с его стороны не прозвучали тяжелые обвинения в мой адрес, касающиеся мотивов моих поступков и моего поведения.

Если арестованный считает себя невиновным, он должен был бы по достоинству оценить предоставленную мною возможность оправдаться перед военным трибуналом. Всем ясно, что имелись веские основания для предъявления ему этих обвинений. Ему также должно быть известно, что в сложившейся ситуации офицеры полка не могут общаться с ним до тех пор, пока он не объяснит свое поведение перед военным судом.

Арестованный также посчитал возможным утверждать, что я и другие офицеры уделяли ему слишком мало внимания, и, следовательно, обвинил меня в том, что мною руководили низменные побуждения. Я требую, чтобы он подтвердил свое заявление фактами. В действительности все было иначе, я оказывал ему больше внимания, чем считал возможным. Он также обвинил меня в том, что я отправил его в рекрутское подразделение, в том, что я воспользовался правом решать, какой офицер в наибольшей степени подойдет для подобной службы. Однако я изложу суду причины, по которым я остановил свой выбор на капитане Томпсоне.

Ко мне пришел господин Лоутон, владелец гостиницы в Ньюарке, и пожаловался на недопустимое поведение капитана Томпсона. Он сказал, что за день до этого капитан Томпсон жестоко оскорбил его, что ему стоило огромного труда предотвратить драку капитана с официантом и что, если я не предприму каких-либо шагов, чтобы исключить подобные инциденты, он будет вынужден направить петицию с подробным изложением фактов главнокомандующему.

Считая, что подобное поведение порочит честь полка, офицеры которого в основном молодые

люди, я решил отправить капитана Томпсона туда, где он не сможет никому причинить вреда.

Касательно первого обвинения напомню трибуналу, что в своем письме я не давал арестованному отпуск, я только напомнил ему, куда следует обратиться, если он действительно болен. Однако он не посчитал нужным последовать моим указаниям.

Касательно второго обвинения я уже заявлял трибуналу, что мне ничего не известно. Передача векселей доказана, однако трибунал будет решать, была ли эта передача совершена с целью мошенничества или нет.

Не буду более злоупотреблять вашим вниманием, джентльмены. Я заявляю, что мне, как, очевидно, и капитану Томпсону, очень хотелось бы, чтобы военный трибунал признал его невиновным.

Полковник Фейн сел, и суд удалился на совещание. Решение было принято быстро. Председатель, который после выступления полковника Фейна, доказавшего необоснованность предъявленных ему обвинений, стал еще строже относиться к арестованному, чьи нападки на своего командира оказались несправедливыми и непристойными, зачитал приговор.

Капитан Томпсон был признан виновным по первому обвинению, но полностью оправдан по второму. Приговор: уволить со службы. Приговор должен быть утвержден главнокомандующим.

Двадцать четвертого мая 1808 года приговор был утвержден герцогом Йоркским и направлен генерал-лейтенанту лорду Чатхэму, командующему Восточным округом. И в тот же день Мэри-Энн, сестра арестованного, приняла решение мстить, мстить любыми средствами.

Глава 11

— Вы все еще полны решимости самостоятельно вести дело?

— Надеюсь.

— Несмотря на то что военный трибунал не согласился с вами?

— Его решение можно было предугадать заранее. Я видела их лица. Но, по крайней мере, мне удалось снять с него второе обвинение.

— У вас есть деньги?

— Нет. Мы уехали из Хэмпстеда, не заплатив за комнаты. Вместо денег Николсы взяли мою арфу и несколько книг.

— А господин Даулер?

— Месяц назад был вызван к месту службы. Он отплыл с первым экспедиционным корпусом в Португалию. Если бы не Чарли, который сейчас находится в глубокой депрессии и не отпускает меня от себя ни на шаг, мне было бы ужасно одиноко.

— А любезный Коксхед-Марш?

— Стал еще сдержаннее. Заседание военного трибунала довольно широко комментировалось газетами Эссекса, и Локтон-Лодж теперь у всех

на виду.

— Давайте называть вещи своими именами: у вас сейчас есть покровитель?

— Никого, кроме вас. И моего собственного упорства.

Вилл Огилви рассмеялся:

— Значит, опять впрягаемся в одну упряжку? Мир у наших ног — я восхищен. Итак, первый вопрос — это пристанище для вас. Вы знакомы с обивщиком по имени Фрэнсис Райт?

— Я отдала ему на хранение свою мебель, которая осталась от Глостер-Плейс.

— Ну конечно, вспомнил: ведь я сам рекомендовал его вам. Он работает на меня. Он подыщет вам жилье, а потом займется поисками дома. Советую вам везде представляться как Фаркуар. Имя Кларк вызывает подозрение в некоторых кругах. А нам нужно, чтобы люди, с которыми вы познакомитесь, доверяли вам. Фолкстоуна вы знаете, и Бердетта, и Коббетта: они самые ярые идеалисты среди радикалов. Нам нужны именно оппортунисты. Можете рассчитывать на Уордла, члена парламента от Оукхэмптона, он полон решимости любыми способами добраться до самой вершины. Ему все равно, какими путями идти, лишь бы ему было тепло в его гнездышке.

— Я не собираюсь ввязываться в политику.

— О да… но вам придется, если вы не хотите уморить своих детей голодом. Любые средства хороши, я думал, что вы это уже поняли. Вы говорили с Ричардом Филлипсом, издателем?

— Я виделась с ним перед отъездом из Хэмпстеда. Довольно неприятная личность, его так и распирает от сознания собственной значимости.

— Они все такие. Ему хотелось бы печатать армейские списки, но он не сможет получить эту работу до тех пор, пока не падет нынешнее правительство, в том числе и главнокомандующий. Вы встречались с Маккуллумом?

— Памфлетистом? Нет, это какой-то третьеразрядный писака.

— В ближайшее время он устроит всем страшную нахлобучку расследованием по поводу злоупотребления медицинскими сертификатами. Он хочет доказать, что общественность водят за нос, что все кадеты повально больны венерическими заболеваниями. А закончить он собирается некоторыми замечаниями в адрес английских генералов… Думаю, он вам понравится.

— А почему вы так хотите нас познакомить?

— Да потому, моя дорогая, что вам известно очень многое. Вы добиваетесь правды. Вы можете

предоставить им правдивые сведения — и жить как королева до конца дней своих. А теперь идите и поговорите с Фрэнсисом Райтом о доме.

Госпожа Фаркуар и ее семья в составе ее матери, детей и брата, капитана Томпсона, поселились в меблированных комнатах в доме 10, Холлз-стрит, на Кавендиш-сквер. Очень респектабельная дама из пригорода, за нее поручился Фрэнсис Райт с Ратбон-Плейс. Меблированные комнаты сняли на июнь, а после госпожа Фаркуар надеется переехать на Бедфорд-Плейс.

В понедельник, двадцатого июня, господин Эдам, проживающий на Блумсбери-сквер, получил письмо.

Сэр,

одиннадцатого мая 1806 года, выполняя желание Его Королевского Высочества герцога Йоркского, Вы нанесли мне визит с тем, чтобы сообщить о намерении Его Королевского Высочества выплачивать мне ежегодное содержание в размере четырехсот фунтов.

В настоящее время Его Королевское Высочество должен мне пятьсот фунтов. Я не раз обращалась с просьбой выплатить

мне эти деньги, однако не получала ответа.

Поведение Его Королевского Высочества по отношению ко мне кажется мне беспринципным и совершенно лишенным чести. Увидев, что на его обещания, даже переданные через Вас, нельзя полагаться, я решила довести до Вашего сведения – с тем, чтобы вы передали мои слова Его Королевскому Высочеству, – в чем будут заключаться мои дальнейшие действия: я требую, чтобы Его Королевское Высочество сохранил мое годовое содержание и немедленно выплатил задолженность, так как я нахожусь в стесненных обстоятельствах (это ему известно). Если Его Королевское Высочество отказывается выполнить мое требование, я не вижу никакого иного выхода, кроме опубликования всех обстоятельств, способствовавших развитию моих отношений с Его Королевским Высочеством, и сведений, которые стали мне известны за годы нашей совместной жизни, а также всех его писем. Эти публикации принесут мне ощутимый доход. Он в моих руках, моя

власть над ним гораздо сильнее, чем он себе представляет.

Однако ради Его Королевского Высочества и себя самой мне очень хотелось бы, чтобы он ответил согласием на мое требование, так как мне очень тяжело выставлять напоказ наши с ним отношения. Прежде чем опубликовать эти материалы, я отошлю всем членам семьи Его Королевского Высочества копию того, что будет передано в газету. Будь Его Королевское Высочество хоть немного обязательнее, подобного заявления с моей стороны никогда бы не последовало.

И еще одно: если Его Королевское Высочество собирается в дальнейшем оказывать покровительство моему сыну (я безмерно благодарна за то, что он сделал для него в прошлом), я надеюсь, что он устроит его в школу Чартер-Хаус или в любую другую – мой ребенок не должен нести ответственность за мои поступки.

Прошу Вас, сэр, довести все вышесказанное до сведения герцога Йоркского, а в среду я отправлю к Вам своего слугу, чтобы Вы письменно сообщили решение Его Королевского Высочества.

Остаюсь вашей покорной слугой, М.-Э. Кларк.

P. S. Его Королевское Высочество должен понимать, что его недавняя любовная связь заслуживает гораздо большего наказания.

Господин Эдам решил не отвечать на это письмо. В субботу он получил второе.

Сэр,

обнаружив в среду, что Вы не ответили на мое письмо, я убедилась, что Его Королевское Высочество герцог Йоркский действительно не считает необходимым выполнять свои обещания, переданные через Вас, и Вы поддерживаете его в этом.

И, таким образом, я занялась составлением материалов, касающихся моих отношений с Его Королевским Высоче-

ством, для передачи газетам.

Пятьдесят или шестьдесят писем Его Королевского Высочества придадут весомость всем публикациям и подтвердят реальность всех событий. Если я не получу ответ и на это письмо, то во вторник я, как и обещала, представлю все материалы, и, как только документы перестанут быть моей собственностью, никто не сможет вернуть их назад.

Материалы будут отданы не какому-то издателю, а благородным людям, джентльменам, которые так же настойчивы в достижении своей цели, как и Его Королевское Высочество, однако более независимы. Все они Вам знакомы, и для облегчения моего положения, а также в пику другим они сделают то, от чего отказался герцог.

Однако все в его руках, и он может поступать так, как ему угодно.

Ваша покорная слуга, М.-Э. Кларк.

Во вторник утром на Холлз-стрит появился шериф с судебной повесткой. Он утверждал, что у него нет никаких знакомых по имени Эдам и что

он пришел арестовать госпожу Кларк, которая задолжала крупную сумму денег одному лавочнику, некоему господину Аллену, проживавшему поблизости от Глостер-Плейс. Его многократные требования об уплате долга остались без ответа.

Госпожа Кларк была взята под стражу и на следующий же день отпущена под залог. Залог был внесен Фрэнсисом Райтом, обивщиком мебели. В деле «Кларк против Аллена» успех был на стороне Кларк: она заявила, что является замужней женщиной, но адреса мужа не знает. Фрэнсис Райт, тот самый обивщик, действовавший, как могло показаться, из рыцарских побуждений, уплатил и владельцу меблированных комнат, где проживала госпожа Кларк, за июнь. Рыцарские побуждения заставили его предоставить в распоряжение госпожи Кларк дом одного знакомого на Бедфорд-Плейс.

Третий и четвертый раунды состязания — счет равный. Ни у одной из сторон нет преимущества, и никто серьезно не пострадал.

В конце июля или в начале августа принцу Уэльскому принесли в Карлтон-Хаус надушенное письмо. Письмо было кратким, подписи не было. В обратном адресе значилось: «14, Бедфорд-Плейс». Аромат, исходивший от письма,

заинтриговал принца, а тонкие намеки на младшего брата, герцога Йоркского, только разожгли его интерес. Но больше всего его привлекла печать в нижнем углу. Купидон верхом на осле… ему понравился столь искрометный юмор. Он передал письмо Макмахону, своему личному секретарю.

— Пойдите и выясните, что она хочет. Но не поднимайтесь наверх. Если это та, о ком я думаю, она может вам глаза выцарапать.

Полковник Макмахон, привыкший к подобным поручениям, отправился на Бедфорд-Плейс. Дверь открыла круглолицая служанка с тупым выражением лица.

— Слушаю, сэр?

— Прошу прощения, но кому принадлежит этот дом?

— Госпоже Фаркуар, сэр.

Имя незнакомо. Его хозяин, должно быть, ошибся. Дом принадлежит респектабельным людям.

— Мне хотелось бы видеть госпожу Фаркуар.

— Пожалуйста, проходите, сэр.

В гостиной было не убрано и довольно грязно, стулья так и остались стоять вокруг стола, за которым недавно ужинали.

— Как ваше имя, сэр?

— Я предпочитаю не называть имен. — Он вытащил из кармана письмо. — Я приехал по поводу вот этого, твоя хозяйка должна знать.

Служанка уставилась на благоухающий духами листок:

— Все правильно, сэр. Я сама относила его на почту. Я поднимусь и скажу хозяйке, что вы хотите видеть ее.

Она разговаривала в довольно фамильярном тоне, в ее словах не было никакого почтения — чувствовалось, что она много лет служит в этой семье. Он нетерпеливо расхаживал по гостиной, наконец, почти через двадцать минут, его проводили в малую гостиную.

На диване в стиле Рекамье, облокотившись на подушки, полулежала женщина. Ее волосы были забраны в греческий узел, на крохотных ножках — сандалии. Комната располагалась в дальней части дома… и поблизости ни одного слуги. Одарив его ослепительной улыбкой, женщина поднялась и сделала реверанс, но, увидев, что вместо хозяина приехал секретарь… она расслабилась.

— Здравствуйте. Чем обязана?

— Меня зовут Макмахон. Имею честь быть личным секретарем принца Уэльского. А вы —

госпожа Фаркуар?

— Я изредка называю себя госпожой Фаркуар.

— Как я понимаю, вы знакомая госпожи Кларк?

— Ее ближайшая подруга. Никто на свете не знает ее так, как я. Признаюсь честно, что ни один человек, кроме меня, не относится к ней с большим уважением. А вы с ней не знакомы?

— Нет, мэм. Мне известна ее репутация.

— И это говорит само за себя, не правда ли? Расскажите, что вы слышали.

— Мне очень жаль, госпожа Фаркуар, что эта дама — ваша подруга, но я ничего хорошего о ней не слышал. Всем известно, какой черной неблагодарностью она ответила на исключительное великодушие герцога Йоркского.

— Разве это черная неблагодарность — посвятить всю свою жизнь принцу и быть вышвырнутой на улицу с обещанием содержания, которое не выплачивается?

— Я ничего не знаю об этом, мэм.

— Ее преследовали шпионы и кредиторы, ей угрожали тюрьмой, ее брата с позором вышвырнули из армии — это ли великодушие? Неужели принц Уэльский мог бы так поступить с госпожой Фитцхерберт?

— Сожалею, я не могу обсуждать своего хозяина.

— А я могу — он очарователен, он всегда казался мне очень привлекательным. Но мы отклонились от темы. Полковник Макмахон, госпожа Кларк не будет ничего передавать через третье лицо, она может рассказать все только принцу Уэльскому.

— Должно быть, я разочарую госпожу Кларк. Сегодня утром его королевское высочество уехал в Брайтон. Он приказал мне пересылать туда всю предназначенную ему почту.

— Если бы я знала, что он собирается в Брайтон, я сама туда поехала бы.

Полковник Макмахон подкрутил свои усы:

— Его королевское высочество будет сожалеть, что он упустил такой случай. Раз уж так сложились обстоятельства, имейте дело со мной. Если моя догадка верна, вы — госпожа Кларк?

Она улыбнулась и протянула ему руки:

— Конечно.

— Тысяча извинений за то, что я тут говорил. Прошу вас, поймите меня правильно, ведь я не художник. Тот портрет, который я вижу перед собой, сильно отличается от портрета, написанного другими.

— Эдамом? И, очевидно, Гринвудом? Вам не надо было их слушать. Проходите, садитесь рядом со мной на диван.

Утро оказалось приятнейшим, время было потрачено не впустую. В одиннадцать подали печенье и вино, а потом до двенадцати один за другим следовали всякие деликатесы.

— И мне, и, конечно, принцу больше всего понравилась ваша печать.

— Я вам подарю ее.

— О! Скольким вы уже давали подобное обещание…

Наконец он ушел, согласившись выполнять роль посредника.

— Вы должны понять, принц Уэльский не может вмешиваться в ваши отношения с его братом. Но я с радостью выполню любое ваше поручение к герцогу, передам ему записку, — вероятно, я увижу его в Виндзоре. А что касается остального — я имею в виду его письма, — будет гораздо лучше, если вы сожжете их. Между принцами уже давно восстановились добрые отношения. — Он похлопал ее по руке. — Ну, ничего, моя дорогая. Все будет хорошо.

«Для кого хорошо, для тебя, дурака?» После его ухода она поправила волосы и разложила

подушки на диване. Она предприняла попытку выиграть пятый раунд, но достигла немногого. Счет все еще равный. До октября в городе никого не будет, так что начинать действовать можно только осенью, когда возобновится работа парламента, а к этому времени друзья Вилла, радикалы, успеют подготовиться.

— Я предлагаю вам, — сказал Вилл, — уехать из Блумсбери. Близость Эдама не принесет ничего хорошего. Райт подыщет для вас домик в другом районе. Но только не забывайте называть себя Фаркуар.

— А кто, — спросила она, — будет платить за домик?

— Райт и дальше будет ссужать вас деньгами. Он знает, что вы — хорошее помещение капитала и что он свое вернет.

Она просмотрела объявления в газетах и нашла дом на Вестбурн-Плейс, в пяти минутах от Челси, школы, где все еще учился Джордж. Когда герцог будет приезжать в школу с инспекцией, он проедет мимо ее окна. Мысль была заманчива: она в своей коляске, герцог — в экипаже, улыбка, взмах зонтиком. Слишком соблазнительно, чтобы упустить такую возможность. И Мей Тейлор будет рядом, на Чейн-роу. Девочки смо-

гут ходить в школу пешком. И все будут вместе. Она подписала документы об аренде, опять же именем матери, а если кто-либо начнет задавать вопросы, она сошлется на то, что замужем. Это было единственной услугой со стороны Джозефа за все время: то, что он продолжал жить на белом свете и, следовательно, нес ответственность за все не оплаченные ею счета. Документы были подписаны одиннадцатого ноября, и как только они начали перевозить вещи, что заняло два или три дня, Вилл Огилви сразу же развил активную деятельность, результатом которой был визит полковника Уордла в час дня семнадцатого ноября.

Извинившись за беспорядок, она приняла его в кабинете, который еще не был обставлен.

— Я только что въехала сюда. Все вверх дном, просто ужасно!

Она пристально разглядывала его, пока он целовал ей руку. Длиннющий нос, болезненный цвет лица, нерасполагающая внешность, завитые щипцами каштановые волосы, близко поставленные глаза.

— Уважаемая мадам, я шесть месяцев искал встречи с вами, но вы так неуловимы, что я никак не мог поймать вас. Вам, конечно, известно, что

я член парламента от Оукхэмптона. Несомненно, вы следили за моими выступлениями во время сессии?

— Я знаю, кто вы. Боюсь, я не читала ваших речей.

— Я пошлю вам копии. Они могут представлять для вас интерес. Дело в том, госпожа Кларк, что я истинный патриот. Главная цель моей жизни — освободить мою страну от злоупотреблений и коррупции. — Он замолчал, чтобы выяснить, какое впечатление произвели его слова.

Она пригласила его сесть на ящик, с которого он предварительно смахнул пыль.

— Коррупция преследует нас до самой могилы, — сказала она, — и разрушает наши идеалы. Вы выпьете кофе? Коробку с фарфором еще не распаковали.

— Мне ничего не нужно, за исключением вашего внимания, госпожа Кларк. Когда наша великая страна, которая стремится к свободе, но которую сдерживают оковы устаревших принципов…

— Может быть, мы прекратим это и перейдем к делу?

Он замолчал. Глаза-щелочки сдвинулись к переносице.

— Простите меня, я был не прав, что начал го-

ворить с вами, будто на предвыборном собрании. Как я понял из слов моего друга, журналиста Маккуллума, вы не готовы оказывать ему помощь в публикации памфлетов, направленных на герцога Йоркского?

— Вы правильно поняли.

— И все же, госпожа Кларк, ведь с вами так плохо обошлись. Разве я ошибался, что любая сильная духом женщина захочет отомстить за себя?

— Месть бесполезна, полковник Уордл, если не обеспечена безопасность. Пять фунтов за памфлет не гарантируют спокойного будущего ни мне, ни моим детям.

— Понимаю. Вы согласились бы играть за более высокое вознаграждение, верно? В таком случае я раскрою свои карты. Мои друзья — поддерживающие нас члены парламента — и я полны решимости положить конец злоупотреблениям в армии уже на ближайшей сессии. Наша единственная цель — свергнуть герцога Йоркского.

— Зачем? Что он сделал?

— Он представляет систему, которую мы хотим уничтожить. Начав с него, мы смешаем им все карты и одержим верх, поставив на его место более сговорчивого человека, который будет делать

то, что ему скажут.

— Очень патриотично… Кто этот человек?

Полковник Уордл глянул через плечо. Дверь закрыта.

— Герцог Кентский, — прошептал он.

Она рассмеялась:

— Я разочарована. Я надеялась, что вы выдвинете на это место какого-нибудь капрала. Ведь подобная авантюра уже увенчалась успехом во Франции. А вы меняете шило на мыло.

— Граждане нашей страны привыкли к традициям. Они не любят, когда слишком много перемен сразу, — изменения должны происходить постепенно. Его королевское высочество герцог Кентский очень честолюбив.

Она услышала в его словах скрытую насмешку. И все это говорит человек, который на первое место ставит благоденствие своей страны.

— Надеюсь, вы объясните, — сказала она, — в чем заключается моя роль?

— Вам, конечно, известно о недоброжелательном отношении братьев друг к другу, об их взаимной ревности? Мы надеемся использовать это. Памфлеты господина Маккуллума приобретают в этом случае первостепенную важность. И здесь нам очень пригодилась бы ваша помощь.

Но раз вы отказываетесь, ваша помощь может выразиться в другом: предоставить мне сведения о том, как вы добивались для офицеров продвижения по службе. Ведь, как я понимаю, именно этим способом вы зарабатывали себе на жизнь, имея на то разрешение герцога и находясь под его покровительством.

— Откуда вы знаете?

— Одна птичка из известной пословицы… Если у меня будут доказательства, которые я смогу представить парламенту, он сразу же полетит со своего места.

— А мне что это даст?

— Справедливость восторжествует. Герцог Кентский станет главнокомандующим. Однажды он намекнул одному моему другу, что тот, кто поможет ему занять эту должность, будет щедро вознагражден. Между прочим, он потрясен тем, как с вами обошлись, и не только с вами, но и с вашим братом. Я уверен, он лично займется восстановлением доброго имени юноши и выделит вам пособие, но не жалкие три-четыре сотни фунтов, а несколько тысяч.

— Я очень устала от обещаний, — ответила она, — особенно от тех, которые дают принцы. Я слишком часто слышала их.

— Если вам нужны какие-либо гарантии, я дам их вам. Мой близкий друг, о котором я упоминал, — это майор Додд.

— Личный секретарь герцога Кентского?

— Вот именно. Он горит желанием встретиться с вами, и чем быстрее, тем лучше. Если вам интересно знать, что он говорит, прочтите это письмо. — Он вытащил из бумажника листок и протянул ей.

Мой дорогой Уордл,

чем больше я размышляю над нашим утренним разговором, главным предметом которого была забота о чести и интересах нашей страны, тем крепче становится моя уверенность в том, что каждый, кто помогает нам в достижении нашей великой цели, имеет право требовать защиты не только от нас, но и от общественности. Если это мое утверждение поможет тебе в решении каких-то вопросов, я уполномочиваю тебя использовать его так, как ты считаешь нужным. Что касается упомянутой тобою дамы, я ни в коей мере не сомневаюсь, что ее помощь может оказаться грандиозной по своим масштабам. Господь свидетель, что одна высокородная скотина обошлась с ней совершенно по-варварски, и сейчас ей представляется возможность восстановить справедливость и послужить на благо общественности и себя самой.

Вечно твой, Томас Додд.

— Вполне вероятно, — сказала она, — но это всего лишь бумага.

— Тогда я прошу вас дать согласие на встречу с ним. Едва ли нужно говорить, что любая ваша просьба будет передана, конфиденциально конечно, его хозяину. Герцог Кентский очень либерален в подобных вопросах.

— В Гибралтаре он не был так либерален, когда закрыл все винные лавки и посадил войска на паек.

— В армии должна быть дисциплина, госпожа Кларк, железная рука. Именно в этом и нуждается страна в настоящее время.

— А свою давнюю любовницу-француженку он гладит этой железной рукой? Или, приезжая в Илинг, он надевает бархатные перчатки? Я слышала, что он поливает огород и держит канареек. Передайте от меня майору Додду, что у меня большие запросы. Кроме пособия, я потребую выезд четверкой, домик с башенками и с садом, в котором должно быть два-три озера.

— Я передам.

Великий Боже, он поверил ей! Он еще больший дурак, чем кажется, а это уже кое о чем говорит.

— Скажите, полковник Уордл, когда падет правительство и все ваши замыслы претворятся в жизнь, то есть когда все население Англии освободится от злоупотреблений и коррупции,

какой пост займете вы, каким будет ваше вознаграждение?

— Военный министр, — без колебаний ответил он. — По крайней мере, так предложил герцог Кентский.

— Как благородно, маленькая капелька в огромном океане. Я с нетерпением жду встречи с вашими друзьями, особенно с майором Доддом. Когда же мы встретимся?

— Через несколько дней, — он сверился со своими записями, — я намереваюсь отправиться в Кент. Додд поедет со мной, и еще майор Гленни, который пишет служебную записку о строительстве укреплений. Он намерен дискредитировать существующую оборону побережья, и у нас есть пропуск в Мартелло-Тауэрз. Как вы смотрите на то, чтобы присоединиться к нашей компании?

— С удовольствием. Мы сможем устроить пикник в Ромни-Марш и решить, где лучше всего начинать вторжение.

— Уж не хотите ли вы сказать…

— Что ваши симпатии лежат на другом берегу Канала? Дорогой полковник Уордл, эта мысль никогда не приходила мне в голову. Я слишком хорошо поняла, как вы любите свою страну.

Путешествие оказалось очень интересным

и поучительным. Первую остановку сделали в Мейдстоуне, вторую — в Хите. Одна дама среди трех озлобленных отставных военных, не сделавших никакой карьеры, но зато рассуждающих так, будто они руководят всеми боевыми действиями. Уже много лет она не получала такого удовольствия.

Двадцать миль они ехали вдоль берега. Погода стояла великолепная. Пока майор Гленни, специалист по фортификации, делал свои заметки, майор Додд (бывший капитан артиллерии, у которого знаний правил ведения огня хватало только на устройство праздничных фейерверков) превозносил достоинства своего венценосного хозяина: и способный, и отважный, и стойкий, именно таким должен быть настоящий командующий.

— Тогда мне кажется странным, — заметила дама, — что он не занимает никакой руководящей должности уже в течение пяти лет.

— Зависть, госпожа Кларк, зависть со стороны его брата.

— Понятно. Конечно. Какая жалость! Бросаются таким талантом, богатый опыт Кента в области ведения боевых действий пропадает зря. Эти утомительные дни, проведенные на маневрах в

Солсбери, где на обед подавали мясо, тушенное по-ирландски, и эль, — все впустую.

Полковник Уордл озадаченно взглянул на нее. Для женщины, которую, по идее, должна была сжигать жажда мести, она вела себя очень странно. Что касается его самого, он не был математиком, поэтому ему нужно было напрягать все свои извилины, чтобы разобраться в записях Гленни и понять, почему оборона Мартелло-Тауэрз так слаба. А пока он не уяснит себе все, он не сможет подготовить речь для своего выступления в парламенте.

После обеда в Хите мужчины чертили какие-то графики, а дама потягивала вино.

— У моего сына Джорджа есть дома маленькая книжечка. Он с радостью подарил бы ее вам, полковник Уордл. В ней, кажется, на третьей странице, разъясняется разница между восьмиугольником и треугольником. Это основы для начинающих… Майор Додд, расскажите еще о мадам де Лоран и о ее любви к герцогу Кентскому.

— Она знает, что ее положению ничего не угрожает, госпожа Кларк. У него, единственного из всех принцев, преданное и верное сердце, он очень нежен с ней, благодарен за то, что она дает ему.

— Прямо как в сказке… за исключением густых бровей. Вы передали ему, какого вознаграждения я жду в том случае, если помогу вашему делу?

— Пожизненное ежегодное пособие в пять тысяч фунтов, уплата всех долгов, устройство ваших дочерей. Уверяю вас, вы все это получите и даже больше. Не сомневаюсь, что полковник Уордл предоставит вам свою помощь. Сейчас нам нужны доказательства коррумпированности, имена офицеров, которые получили повышение через вас, имена ваших друзей, которые могли бы выступить в качестве свидетелей. Чтобы никто не смог опровергнуть утверждения Уордла в парламенте.

— А нас после этого сразу же посадят в сумасшедший дом?

— Закон никак не может воздействовать на вас. За вами стоит вся страна. Общественность поддержит нас в нашей борьбе, а вы, госпожа Кларк, станете национальной героиней. Вторая Жанна д'Арк, защитница прав человека.

— Вы привели не тот пример: Боудикка, проезжающая на своей колеснице по телам павших. Думаю, обсуждение окончено, майор Додд.

Обратно в Лондон, на Вестбурн-Плейс. Ежедневно кто-нибудь из них заезжал, приходили

записки от Вилла: «На что вы надеетесь? Что станет с вашими детьми, если вы откажетесь? Хотя бы ради любви к игре, ради развлечения… Додд абсолютно прав, вы ничем не рискуете. Никто не сможет посадить вас в тюрьму или преследовать в судебном порядке. Если мы проиграем, вы ничего не потеряете».

Ну хорошо, она займется этим, отберет письма, освежит в памяти последние несколько лет. Столько писем сожжено, а оставшиеся не совсем подходят для официальных документов. Где те, кто платил ей за продвижение по служебной лестнице? Большинство из них далеко отсюда, или пропали без вести, или давно забыты. Полковник Френч… капитан Сандон… Сандон где-то в Англии. Донован, может быть, кого-то вспомнит. Корри, учитель музыки, он может быть свидетелем, и еще некто по имени Найт, пациент доктора Тинна.

Ей никогда в голову не приходило записывать их имена: красная лента перевязывала любовные письма, а не деловые бумаги.

— Вы все обыскали? — спросил полковник Уордл.

Тонкие, назойливые пальцы щупали, перелистывали.

— С тысяча восемьсот шестого года я несколько раз переезжала. На то, чтобы перерыть мои сундуки, которые сейчас находятся на хранении, уйдут недели.

— А где вы их храните?

— У Райта, на Ратбон-Плейс.

— Вы позволите мне отправиться к нему вместе с вами?

Она взглянула на близко посаженные глаза, на постоянно подергивавшиеся руки:

— Я задолжала Фрэнсису Райту огромную сумму. Этот дом, как видите, еще не полностью обставлен. Он будет удерживать мое имущество до тех пор, пока я не верну ему долг.

— Тогда расскажите ему, какие перспективы вас ожидают в будущем.

— А вы внесете залог?

— Конечно.

Они поехали на Ратбон-Плейс и нашли Фрэнсиса Райта в постели, с больной ногой. Их принял его брат Даниэль. Может ли он быть им чем-нибудь полезен?

— Да, Даниэль. Покажите полковнику Уордлу мои вещи: шторы, ковры, стулья — то, что я отобрала для моего дома на Вестбурн-Плейс. Вам нравится это зеркало, полковник Уордл?

— Очень красивое.

— А эти стулья? Я сама их расписывала, когда жила на Глостер-Плейс. Покажите полковнику склад, Даниэль, покажите ему остальное. Он хочет, чтобы я все забрала со склада и отвезла в Челси. Я пойду, проведаю вашего брата. Оставляю вас вдвоем.

О возражениях не могло быть и речи. — Уордл был сражен. Выстрелом в упор. Перевезти всю мебель на Вестбурн-Плейс, не считаясь с затратами, или распрощаться с надеждой найти письма и весомые доказательства? Разъяренный тем, что его загнали в угол, он бродил по складу в сопровождении обивщика, который делал пометки в списке.

— Вы хотите сказать, что вся эта мебель стояла на Глостер-Плейс? — спросил Уордл, тыча палкой в толстенный ковер.

— О нет, сэр, вот это новое. Просто ей понравились эти вещи.

— Очень дорогое удовольствие.

— Но вы же знаете, сэр, в этом вся госпожа Кларк. Она весела, любит жить широко, окружать себя красивыми вещами. Я слышал, что у нее очень влиятельные друзья.

— Да? — Чертовка, она еще и болтает.

Она спустилась к ним и расплылась в улыбке:

— Бедный Фрэнсис Райт, я посоветовала ему применять растирания. Вы уже все решили? Вы одобряете мой выбор?

— Поговорим об этом позже.

Она обратилась к Даниэлю:

— Полковник Уордл хочет сказать, что одобряет. Упакуйте все. И не забудьте сервиз герцога де Берри…

Полковник сел в экипаж и всю дорогу молчал. Она же, не чувствуя никакой неловкости, весело болтала.

— Как приятно опять жить в роскоши. Я безмерно благодарна вам за вашу доброту, вы так великодушны. Как только они привезут мой письменный стол, я сразу же займусь поисками писем.

«К черту этот стол! — подумала она. — Письма дома». Но какое же наслаждение — дергать за хвост этого патриота, обвести его вокруг пальца и заставить заплатить за всю мебель и даже ковры! Ему не отвертеться, он у нее в руках. Вещи доставили на следующий день после обеда, а две недели спустя Фрэнсис Райт выздоровел и заехал на Вестбурн-Плейс, чтобы встретиться с полковником Уордлом.

— Полагаю, сэр, вы тот самый влиятельный джентльмен, который так много наобещал этой даме. Она дала мне понять, что вы один из тех, кто поддерживает ее. Если так, я буду вам крайне обязан, если вы уплатите пятьсот фунтов по просроченному счету.

Дама, о которой шла речь, сидела с невинным видом и улыбалась, бормоча что-то насчет палаты общин и о новом обществе для всех, в том числе и для Уордла. Достопочтенный член парламента от Оукхэмптона попробовал было взбунтоваться.

— У меня нет денег, — сказал он. — Я не могу подписать чек. На днях я дал госпоже Кларк сто фунтов.

— Но этого, — проговорила она, — едва хватило на то, чтобы рассчитаться с лавочниками в Блумсбери. Бедному господину Райту надо на что-то жить. Кроме того, не забывайте, что вы платите не из своего дырявого кармана, ваши друзья в Илинге… — Она не закончила, заметив, как он заволновался.

— Я прослежу, чтобы вам заплатили, — запинаясь, пробормотал Уордл, — но прошу вас понять: мое имя не должно нигде фигурировать. Мне предстоит очень деликатное дело в палате об-

щин, и любое упоминание может разрушить мой план. Я попытаюсь провернуть через торговцев.

Она подмигнула отражению обивщика в зеркале:

— Я уверена, у господина Райта нет желания усложнять ситуацию, поскольку ему будут представлены некоторые гарантии.

Гарантии были представлены сразу же после Рождества неким Айллингвортом, торговцем вином, 10, Пэлл-Мэлл (поставщик вина его королевскому высочеству герцогу Кентскому), в виде обещания выдать Фрэнсису Райту пятьсот фунтов в течение трех месяцев. Госпоже Кларк был доставлен ящик вина с наилучшими пожеланиями от господина Айллингворта и с надеждой, что он сможет быть ей полезным в будущем. А также спрятанная в соломе копия расписки Райта: «Получено от Р. С. Айллингворта, второго января 1809 года, вексель на акцептование в течение трех месяцев на сумму пятьсот фунтов в оплату счета за хранение мебели, доставленной госпоже Кларк, 2, Вестбурн-Плейс».

Вино оказалось очень кстати, так как она устраивала для своих друзей прием в канун Крещения, своего рода вечеринку, на которой был и господин Корри со своими юными учениками, и,

конечно, Чарли, и Мей Тейлор, и дядюшка Том, и Маккуллум, памфлетист, и Додд, и Уордл. Как оказалось, вечеринка удалась на славу. Когда гость входил в дом, его представляли под вымышленным именем и выдавали ему стакан бренди. Вскоре веселье шло полным ходом, и пока мальчики из хора вовсю таращились на Чарли, а Додд играл в шашки с дядюшкой Томом, Корри, учитель музыки, слушал разглагольствования полковника Уордла о том, как полковник Френч набирал рекрутов в 1806 году.

Языки работали вовсю… головы кружились… никто никого не слушал… появился торт — и Маккуллуму достался боб.

— А кто эти джентльмены? — шепотом спросил Корри, страшно возбужденный от выпитого бренди. — Боюсь, я был немного неосторожен в своих высказываниях, несколько несдержан.

— Не беспокойтесь, они поклялись все держать в тайне, — пробормотала хозяйка. — Все они — очень честные и принципиальные. Тот, который держит в руках боб, пишет статьи для церковных журналов и для епархиальной газеты. Слева от вас — член парламента. Зовут его Меллиш, он представляет графство Миддлсекс, очень уважаемый человек в палате общин.

Она вытерла выступившие от хохота слезы и подумала о настоящем господине Меллише — она как-то видела его: краснолицый и напыщенный, гордо выступает по Сент-Джеймсскому дворцу. У учителя музыки перехватило дыхание.

— Как великодушно с вашей стороны пригласить меня… такое исключительное общество.

Она отправилась посмотреть, как идет игра в шашки. Дядюшка Том, дважды выиграв у Додда, говорил без умолку, одну за другой выбалтывая королевские тайны. Она наполнила их стаканы и, подавив внутреннюю дрожь, стала наблюдать за ними.

— Я долгие годы снабжал их, — рассказывал дядюшка Том, — и не только обувью, уверяю вас. И все принцы по очереди приходили ко мне.

— Кроме, — строго проговорил Додд, — герцога Кентского.

— Принца Эдуарда? — брызгая слюной, переспросил Тейлор. — Да что вы, он чаще всех бывал у меня, пока не связался с той француженкой. Он так боялся быть узнанным, что надевал чужой парик и кучерскую шляпу. Братья прозвали его Непорочный Саймон.

Додд толкнул доску и принялся извиняться. Прищурившись, дядюшка Том разглядывал его

фрак. Господи! Да у него пуговицы с гербом. Неужели мир перевернулся или он сам сошел с ума? Он дернул за платье хозяйку:

— Кто этот парень?

— Не беспокойтесь, он старьевщик, скупает одежду.

Дядюшка Том с облегчением вздохнул и прикончил свое бренди.

— Вы передали мою записку герцогу Йоркскому? — спросила она.

— Да, моя дорогая, и мне очень жаль. Ничего нельзя сделать. Если вы осмелитесь написать хоть слово против него, он посадит вас в тюрьму.

Последняя попытка договориться провалилась. Тогда в битву и к победе. Как сражаться — не имеет значения, поскольку она выиграет. Нужно найти свидетелей, чтобы они все подтвердили: доктор Тинн, господин Найт, даже Билл — Билл, возвращающийся домой из Португалии. Всех придется умолять, или заставлять, или даже вызвать повесткой в суд, чтобы Уордл смог подготовить дело к концу месяца. Некоторые будут сопротивляться и все отрицать, но только не Билл. Уордлу придется потрудиться, чтобы подготовить остальных: хуже всего будет, если они начнут лгать и заявлять о своей непричастности.

— Я тоже должна быть в палате? — спросила она.

— Естественно, — ответил он, — вы будете нашим главным свидетелем.

Внезапно сердце болезненно сжалось, ее охватило беспокойство. Слишком поздно отступать, дело завертелось.

— О чем вы будете меня спрашивать?

— Ни о чем таком, что может вызвать у вас тревогу. Перед тем как являться в суд, мы все отрепетируем в вашем кабинете. Вы просто должны говорить правду о том, как вам передавали деньги.

— Но ведь не только вы будете задавать мне вопросы. А члены правительства, защищающие герцога? Разве они не сделают все возможное, чтобы дискредитировать мои показания?

— Могут. Но вы должны быть начеку и ловко изворачиваться.

Она не доверяла ему. Она не доверяла никому, за исключением, возможно, Вилла, обладавшего выдающимся умом. В канун передачи запроса в парламентский суд, вечером, он приехал к обеду, чтобы пожелать ей мужества.

— Вы хотите сказать, — спросила она, — оно мне понадобится?

— Вам понадобятся все ваше мужество и стойкость.

Наконец она услышала правду. Он твердо смотрел на нее.

Она почувствовала, как холодеют руки.

— Если вы будете сохранять спокойствие духа, вы выживете. Положение таково. В палате есть три партии. Первая — правительственная — практически поддерживает герцога, хотя некоторые из ее членов могут переметнуться на другую сторону во время слушаний, особенно в тот момент, когда на свет появятся факты. Оппозиция будет поддерживать обвинение и сделает все возможное, чтобы помочь вам. Если Уордл сбежит от нас — а он вполне способен на это, — Фрэнсис Бердетт и Фолкстоун останутся на вашей стороне. Третью партию составляют умеренные, это моралисты и все остальные во главе с Вилберфорсом. То, что у герцога была любовница, будет иметь для них огромное значение, и они примкнут к оппозиции, чтобы снять его. Особую осторожность следует соблюдать по отношению к Спенсеру Персивалю, лидеру палаты, и к Вайкари Джиббсу, министру юстиции. Они попытаются опровергнуть ваши показания, доказать, что не было никакой передачи денег, и вытащить на

свет всю грязь из вашего прошлого. Другими словами: «Эта женщина — проститутка, с первого до последнего дня она жила во лжи, и мы можем доказать это». То же самое они сделают с Вильямом Даулером, хотя для них это будет не так просто. Они представят свидетелей, которые дадут показания против вас обоих, причем все они будут натасканы Эдамом. Теперь вы знаете. Выше нос, моя дорогая, и улыбайтесь… Мы выиграем.

Что выиграем? Сомнительное удовольствие от свершившейся мести? Крушение человека, которого она когда-то почитала, любила и уважала? Успокоение уязвленной гордости, возмещение потерянному положению?

— Помните, — тихо проговорил Вилл, — о будущем ваших детей. И вашего брата, — добавил он. — Он вернет свое. Как только герцог лишится поста, приговор военного трибунала будет отменен и Чарльза восстановят в должности. Я никогда не видел, чтобы у юноши был такой потухший взгляд. Он знает, что ему не для чего жить, если только вы не поможете ему.

Он наполнил ее бокал, внимательно наблюдая за ее лицом, на котором отражалось сомнение, нерешительность. «Где она сейчас, — спрашивал он себя, — в прошлом или в будущем? Прячется

в переулке, таскает яблоки для Чарли? Или стоит перед барьером в палате общин, единственная женщина в мире мужчин?»

Внезапно она улыбнулась и подняла бокал, потом перекинула его через плечо. Он разлетелся на мелкие кусочки.

— Я сделала так однажды, — сказала она, — в Фулеме. За клан Маккензи. За продолжение игры.

Часть третья

Глава 1

Двадцать седьмого января 1809 года полковник Уордл, член парламента от Оукхэмптона, радикал, выступил в палате общин с требованием провести расследование деятельности его королевского высочества герцога Йоркского, главнокомандующего сухопутными силами, в отношении повышений в звании, распоряжении патентами на должность и набора рекрутов в армию.

— Кто-то может посчитать, — сказал Уордл, — что быть прокурором в деле человека, который занимает такой высокий пост, как главнокомандующий, — это проявление излишнего рвения и самонадеянности. Но, как бы то ни было, ничто не помешает мне выполнять свой долг. Я надеюсь, он почувствует, что, какой бы высокий пост он ни занимал и каким бы влиянием ни обладал, мнение народа, выраженное через его представителей, возобладает над коррупцией, и справедливость восторжествует во благо нации. До тех пор пока не будут предприняты действия по искоренению коррупции, страна будет оставаться легкой добычей для врага.

Надеюсь, ни один человек не подумает, что мне легко было решиться на это. Но факты этого дела вынудили меня принять такое решение, и я готов доказать все обвинения. Для проведения расследования действий его королевского высочества герцога Йоркского я прошу назначить комитет.

Поднялся представитель правительства, который выразил протест, заявив, что главнокомандующий готов провести полное расследование относительно выдвинутых против него обвинений.

Правительство просит палату признать, что кампания по снаряжению войск, которые недавно были отправлены в Португалию, была неоспоримым свидетельством военного гения герцога Йоркского, полностью опровергающим обвинения оппозиции, и считает также, что поток непристойностей, который в последнее время выливается на представителей королевской семьи, можно рассматривать только как гнусный заговор против достопочтенного дома Ганноверов. (Громкие крики со всех сторон: «Правильно! Правильно!»)

Дебаты начались с предложения, внесенного господином Спенсером Персивалем, канцлером казначейства и лидером палаты. Он сказал, что

вся палата должна стать комитетом по расследованию обстоятельств дела. Предложение было принято единогласно. Решили, что комитет начнет работать с первого февраля и будет заседать в течение пяти дней.

Отсрочка дала новости возможность распространиться — первые полосы всех газет помещали самые разнообразные сплетни, — и в день первого заседания палата была переполнена. Члены парламента со всех концов страны, которые обычно не баловали сессии своим вниманием, бились за места, на галереях была жуткая давка, а в кулуарах яблоку негде было упасть.

Полковник Уордл начал слушание с объявления, что он представит доказательства по обвинению, касающемуся перевода полковника Брука и полковника Найта, и вызвал своего первого свидетеля — доктора Тинна. Высокий седой пожилой мужчина встал перед барьером и дал показания, что в 1805 году он обратился к госпоже Мэри-Энн Кларк (которую он наблюдал как доктор в течение предыдущих семи лет) от имени своего давнего друга, господина Роберта Найта, брата одного из упомянутых джентльменов. Он был уполномочен сказать госпоже Кларк, что если она использует свое влияние и поспо-

собствует переводу, то получит вознаграждение в размере двухсот фунтов. В ответ на вопрос полковника Уордла он признал, что обратился к ней с просьбой только потому, что она находилась под покровительством герцога Йоркского. Свидетельские показания доктора Тинна были подтверждены самим господином Робертом Найтом, который добавил, что после опубликования информации о переводе в официальном бюллетене он через своего слугу отправил госпоже Кларк двести фунтов в банкнотах.

Далее шел свидетель, которого все с нетерпением ждали, — госпожа Мэри-Энн Кларк. «Одетая так, как будто ее пригласили на прием, — писала на следующий день „Морнинг пост“, — в нежно-голубом шелковом платье, отделанном белым мехом, с белой муфтой, в белой шляпке с вуалью, с ослепительной улыбкой на губах, немного вздернутым носиком и искрящимися голубыми глазами, она буквально пленила зал».

Полковник Уордл задал ей следующие вопросы:

— Скажите, в тысяча восемьсот пятом году вы проживали в доме на Глостер-Плейс, принадлежащем его королевскому высочеству герцогу Йоркскому?

— Да.

— Вы жили там с его разрешения?

— Да.

— Обращался ли к вам кто-либо по поводу полковников Брука и Найта?

— Да.

— Вы обсуждали этот вопрос с главнокомандующим?

— Да.

— Как вы объяснили, в чем дело?

— Я рассказала ему, в чем заключается просьба, и дала бумагу, которую мне передал доктор Тинн.

— Какое денежное вознаграждение вы получили?

— Двести фунтов.

— Главнокомандующий знал о деньгах?

— Да. Я показала ему две банкноты достоинством в сто фунтов. Мне кажется, я попросила одного из слуг разменять деньги.

Господин Бересфорд, представитель правительства, поднялся, чтобы задать вопросы свидетельнице:

— Где вы находились до того, как предстали перед парламентским судом?

Свидетельница повернулась и пристально

взглянула на него. В зале послышалось хихиканье. Господин Бересфорд покраснел. Немного повысив голос, он повторил свой вопрос:

— Где вы находились до того, как предстали перед парламентским судом?

— В соседней комнате.

— Кто был с вами?

— Капитан Томпсон, мисс Клиффорд, госпожа Меткалф, полковник Уордл.

— Вы разговаривали с доктором Тинном?

— Да, он сидел рядом со мной.

— В чем заключался ваш разговор?

— Он касался дам, которые были со мной.

— О чем вы говорили?

— Я не могу повторить. Тема разговора была неделикатной.

Зал взорвался громким смехом. Господин Бересфорд сел.

Поднялся сэр Вайкари Джиббс, министр юстиции, и, сложив на груди руки и подняв к потолку глаза, начал задавать вопросы свидетельнице. Его манера была совершенно другой, мягкой. Зная это, зал замолчал и принялся слушать.

— В какое время года новое назначение полковника Найта было опубликовано в официальном бюллетене?

— Кажется, это было в конце июля или в начале августа. Его королевское высочество отправлялся в Уэймут, чтобы стать крестным отцом сына лорда Честерфилда.

— Когда вы впервые рассказали об этом полковнику Уордлу?

— Недавно, примерно месяц назад.

— Кому еще вы говорили об этом?

— Я не помню. Возможно, своим друзьям.

— Преследовали ли вы какую-либо цель, сообщая о вашей связи?

— Конечно нет.

— Вы когда-либо утверждали, что у вас есть основания жаловаться на его королевское высочество герцога Йоркского?

— Моим друзьям известно, что у меня были основания.

— Разве вы не утверждали, что, если его королевское высочество не выполнит ваши требования, вы разоблачите его?

— Нет. Я написала два письма господину Эдаму. Возможно, он представит их.

— Угрозы содержались в обоих письмах?

— Там не было никаких угроз. Там были настойчивые просьбы.

— Ваши просьбы сопровождались утвержде-

нием, что, если они не будут удовлетворены, вы разоблачите его королевское высочество?

— Я не помню. Лучше попросите представить письма. Однажды герцог передал мне, что, если я скажу или напишу что-то против него, он пригвоздит меня к позорному столбу или посадит в тюрьму.

— Кто передал вам это?

— Один очень близкий друг герцога Йоркского. Некто Тейлор, обувщик с Бонд-стрит.

— Вы посылали его королевскому высочеству письма?

— Да.

— Через кого вы переправили письма?

— Через того же посла Марокко.

Зал разразился хохотом. Министр юстиции поднял руку, требуя тишины:

— Как зовут вашего мужа?

— Кларк.

— Как его имя?

— Джозеф, кажется.

— Где вы поженились?

— В Панкрасе, господин Эдам может рассказать вам.

Председатель сделал свидетельнице замечание и предупредил, что, если она и дальше будет

отвечать в такой манере, ее удалят из зала.

— Вы заставили господина Эдама поверить, что вы поженились в Беркхэмстеде, не так ли?

— Я не знаю, во что я заставила его поверить. Я просто подшутила над ним.

— Вы представляли своего мужа как племянника господина олдермена Кларка?

— Он говорил мне, что он действительно его племянник. Я никогда не утруждала себя расспросами о нем. Он ничего для меня не значит, и я ничего для него не значу. Я не видела его и ничего не слышала о нем более трех лет, с тех пор, как он угрожал начать судебное преследование против герцога.

— Кто ваш муж?

— Никто, просто мужчина.

— Чем он занимается?

— Ничем. Он живет со своим младшим братом и с женой другого брата — вот и все, что мне известно о нем.

— Вы когда-либо жили на Тэвесток-Плейс?

— Да.

— Где именно на Тэвесток-Плейс?

— Я не помню.

— Где вы жили после того, как покинули Тэвесток-Плейс, и до того, как переехали на Парк-

лейн?

— Я не знаю. Герцог знает. Должно быть, я жила в каком-то из его домов.

— Когда вы познакомились с герцогом?

— Мне кажется, вы поступаете нечестно, задавая этот вопрос. У меня есть дети, которых мне предстоит воспитывать.

— Когда вы жили на Тэвесток-Плейс, находились ли вы под покровительством герцога Йоркского?

— Нет. Я была под покровительством своей матери.

— Вам знаком майор Хоган, который писал памфлеты, направленные против герцога?

— Нет, незнаком, я никогда его не видела. Как рассказал мне Тейлор, обувщик, господин Гринвуд считал, что я связана с памфлетистом. Я тогда это отрицала, отрицаю и сейчас.

— Вы когда-либо говорили господину Роберту Найту, что вы хотели бы скрыть от герцога Йоркского передачу вам двухсот фунтов?

— Нет.

— И если кто-либо будет утверждать, что слышал от вас подобное высказывание, вы заявите, что он лжесвидетельствует?

— Конечно.

— Были ли у вас какие-либо причины скрыть от главнокомандующего визит доктора Тинна по поводу господина Найта?

— Я никогда не пыталась скрывать от его королевского высочества визиты доктора, а также визиты других джентльменов.

Министр юстиции пожал плечами и, сделав руками неопределенный жест, уступил место лидеру палаты.

— Как скоро после перевода господин Найт выполнил свое обещание?

— Немедленно, в тот же день.

— Вы утверждаете, что это произошло в тот же день, когда вы попросили герцога Йоркского разменять деньги?

— Я не просила герцога Йоркского разменивать деньги, деньги разменял слуга.

— Вам платили деньги и в тех случаях, когда вы обращались к герцогу Йоркскому от имени других офицеров, желающих получить повышение?

Свидетельница вздохнула, взглянула на председателя и ответила:

— Я думала, что после того, как я расскажу все о деле Найта, меня отпустят.

Наконец ей разрешили удалиться, и лидер палаты объявил, что господин Эдам может сде-

лать заявление. В речи, длившейся двадцать минут, этот джентльмен сообщил палате, что в конце 1805 года ему стало известно, что Джозеф Кларк угрожает герцогу Йоркскому привлечь его в судебном порядке за адюльтер; что ему, прослужившему в качестве личного секретаря его королевского высочества более двадцати лет, пришлось наводить справки. В результате расследования он выяснил, что поведение госпожи Кларк было некорректным, что она брала взятки, и он посчитал своим долгом сообщить об этом герцогу Йоркскому. Это была очень неприятная миссия, его королевское высочество не хотел верить, что в его доме что-то не так. Но доказательства были неопровержимыми, и в скором времени его королевское высочество принял окончательное решение порвать с госпожой Кларк и поручил ему, господину Эдаму, известить ее о своем решении. Их разговор был кратким, и с тех пор и до настоящего момента он, Эдам, ее больше не видел.

Поднялся член парламента и заявил протест, потребовав прекратить обсуждать в палате характер свидетельницы госпожи Кларк во время рассмотрения поведения королевской семьи. Господин Персиваль ответил, что, несмотря на

неприятный характер рассматриваемого дела, расследование должно быть полным.

— Палате предстоит выяснить вопрос, — продолжал он, — действительно ли его королевскому высочеству были известны обстоятельства передачи денег. Расследование будет неполным, если недооценивать значение госпожи Кларк как свидетельницы. Она утверждала, что она вдова, в то время когда ее муж был жив. Она сказала господину Эдаму, что они поженились в Беркхэмстеде, когда на самом деле венчание состоялось в Панкрасе. Я уверен, что обвинения будут опровергнуты с помощью ее же собственных ложных показаний.

— Суд объявил перерыв.

Мэри-Энн покинула палату общин в сопровождении своего брата, капитана Томпсона, и двух дам, с которыми прибыла на суд. До экипажа ее проводил лорд Фолкстоун, который был с ней очень заботлив и проявлял крайнее беспокойство по поводу ее здоровья. Их обступила толпа, любопытные лица выглядывали из окон.

Вернувшись на Вестбурн-Плейс, она приняла снотворное, рекомендованное ее врачом, доктором Меткалфом, и, поддерживаемая своим братом и сестрой Изабель, поднялась в свою

комнату.

— Скоты, — возмущался Чарли, — они обращались с тобой как с простой преступницей. Какое отношение к делу имеет то, когда ты вышла замуж, в какой церкви вы обвенчались, где вы жили? Почему ты не послала министра юстиции к черту?

Она растянулась на кровати и прикрыла глаза.

— Я так и сделала, — ответила она, — но в очень вежливой форме. Не беспокойся, я знаю своих противников. Вилл Огилви предупредил меня. Но все оказалось гораздо хуже, чем я ожидала. Ничего не поделаешь. Изабель, дай мне, пожалуйста, воды.

Изабель дала ей попить, сняла с нее туфли и склонилась к камину, чтобы раздуть огонь.

— Не волнуйтесь за меня, дорогие мои. Идите спать. Вы тоже, должно быть, устали. Будь добр, Чарли, посмотри, нет ли для меня писем.

— Было одно. Вот.

Он передал ей письмо со штемпелем Тильбюри. Оно пришло на Бедфорд-Плейс, а оттуда его переправили сюда. Почерк Билла. Она сжала письмо в руке.

— Все в порядке. Скажи Марте, чтобы меня не беспокоили.

Они вышли, и она распечатала письмо.

Дорогая моя, где ты и что там у вас происходит? Я получил твое письмо в Лисабоне перед Рождеством, ты написала, что собираешься разоблачить Г. Неужели ты сошла с ума? Умоляю тебя, не слушай глупых советов. Я буду в Лондоне в четверг, в отеле «Рейд».

В четверг. Сегодня. Она бросила взгляд на часы, стоявшие на камине. Она должна немедленно пойти к нему и все рассказать. Завтра будет поздно — он прочтет газеты, у него сложится свое мнение по поводу этого дела, возможно, он осудит ее и откажется ввязываться во все.

Она встала, схватила пальто, подошла на цыпочках к двери и открыла ее. Дом был погружен в тишину, свет погашен. Чарли и Изабель разошлись по своим комнатам. Оставив на подушке записку для Марты, она спустилась вниз.

Мэри-Энн подозвала проезжавший мимо наемный экипаж и приказала ехать к отелю «Рейд». Была уже почти полночь, когда она подъехала к Сент-Мартинз-лейн. Улица была пуста.

Хозяин отеля, господин Рейд, разговаривал в холле с одним из своих постояльцев. Он сразу же

ее узнал и направился к ней, радостно улыбаясь. Слава богу, он не связывает ее с делом герцога, которое обсуждается на каждом углу: она слышала, что в разговоре промелькнули слова «герцог» и «лживая шлюха». Господину Рейду она была известна как «дама господина Даулера».

— Пришли к вашему джентльмену? — спросил он. — Он поднялся наверх — поужинал два часа назад. Он был так счастлив отведать настоящих английских блюд. Он прекрасно выглядит. Сэм, проводи мадам в номер пять.

Посыльный проводил ее на второй этаж и остановился возле двери. Она вошла.

Билл, в рубашке с закатанными рукавами, стоял на коленях возле сундука. При виде него, такого знакомого, родного, надежного, беспокойство исчезло. Она закрыла за собой дверь и позвала его.

— Билл…

— Как… Мэри-Энн!

Ей нужно так много рассказать ему, объяснить — все, что произошло в последние девять месяцев. Ему было известно о приговоре военного трибунала, но он ничего не знал о том, что последовало за этим: письма господину Эдаму, арест, полное отсутствие денег, знакомство в ноябре

с Уордлом и майором Доддом и окончательное решение связать свою судьбу с ними.

— Ты была не права, ужасно не права.

Но она перебила его:

— А что мне оставалось делать? Тебя здесь не было. Мне никогда еще не было так одиноко.

— Я предупреждал тебя четыре года назад…

— Я знаю… знаю… Какой смысл вспоминать об этом? Дело сделано. Если бы герцог пошел на то, чтобы договориться со мной, ничего бы не случилось. Но он отказался, и мне больше ничего не оставалось, как сделать то, что я сделала сегодня: выступить свидетельницей по выдвинутым против него обвинениям. Это страшная мука, это кошмар, но у меня нет другого выхода.

— Ты ждешь, что я помогу тебе?

— Ты должен мне помочь. Без тебя я пропаду. Мы не можем положиться на других свидетелей. Сегодня вечером, после заседания, Уордл сказал мне, что большинство участников дела будут все отрицать: они слишком сильно боятся неприятностей. Ты помнишь Сандона, друга полковника Френча? Мы думали, что он выступит в качестве свидетеля от обвинения, но, по всей видимости, он откажется. И еще агент по имени Донован, на которого, как я считала, можно было положиться,

учитывая, что в прошлом он получал от меня довольно хорошие деньги. Билл, дорогой, прошу тебя… ты должен поддержать меня.

В ее голосе было столько муки, столько страданий, глаза наполнились слезами. Он обнял ее и прижал к себе:

— Мы поговорим об этом завтра.

— Нет, сегодня.

— Уже поздно. Я вызову экипаж, чтобы отвезти тебя домой.

— Я не поеду домой. Я останусь у тебя.

— Это не очень мудрое решение…

— О господи, не говори о мудрости… Разве ты не хочешь меня?

Швейцар получил записку и передал ее Самюэлю Уэллсу, официанту: «Ни в коем случае не беспокоить до утра номер 5. Завтрак к восьми».

На следующий день полковника Уордла уведомили о том, что господин Вильям Даулер, прибывший из Лисабона, готов выступать в качестве свидетеля от обвинения и встретиться с ним в воскресенье на Вестбурн-Плейс.

«Что они скажут Биллу? — спрашивала себя Мэри-Энн. — Почему отвечать на вопросы так мучительно, почему надо все время изворачиваться?» Ей нечего бояться своих показаний. Она

брала взятки — это всем было известно, она признавала свою вину. Ее не волновало, что ее будут об этом расспрашивать, но, когда министр юстиции коснулся ее прошлого, ее охватило чувство, будто ее заманили в ловушку, из которой нет выхода. Она боялась, что ее заставят признаться в чем-то таком, что касалось ее прошлой жизни, ее любовников, и это потом попадет в газеты и дойдет до детей.

Бедный Билл, возможно, он тоже чувствует свою вину, думая о своем отце в Аксбридже, который всегда считал взяточничество постыдным делом. А теперь Биллу придется обо всем рассказать, чтобы поддержать обвинение. Внезапно она с ужасом поняла, что не сможет выдержать этого, и, когда в понедельник вечером к ней заехал Вилл Огилви, она попросила его увезти ее из города.

— Я сорвалась. Я не смогу пройти через это.

Секунду он не отвечал. Потом он пересек комнату и остановился перед ней.

— Вы жалкая трусиха, — сказал он и дал ей пощечину.

Ее мгновенно охватило бешенство. Она дала ему сдачи. Он расхохотался и сложил на груди руки. Она расплакалась.

— Ну ладно, похнычьте, — сказал он, — и воз-

вращайтесь в канаву. Ползите, как крыса, и спрячьтесь там. Я-то думал, что вы — настоящая кокни, что у вас есть гордость.

— Как вы смеете называть меня трусихой!

— Потому что вы на самом деле трусиха. Вы родились в грязном переулке и получили воспитание на улицах Лондона, но у вас не хватает духу отстаивать интересы вашего класса. Вы боитесь, потому что королевский министр юстиции, чья работа заключается в том, чтобы быть отталкивающим, задает вам вопросы. Вы боитесь, потому что тори называют вас шлюхой. Вы боитесь потому, что гораздо спокойнее рыдать, чем бороться, и потому, что вся палата состоит из мужчин, а вы — женщина. Уходите, если хотите, поступайте, как вам заблагорассудится. Может, вам будет интересно узнать, что вы окажетесь в хорошей компании. Герцог Кентский только что произнес речь в палате лордов. Предлагаю вам присоединиться к нему и поехать с ним в Илинг.

Он швырнул на пол какой-то листок и вышел. Она услышала, как хлопнула входная дверь. Она подобрала листок и прочитала то, что было подготовлено для прессы на следующее утро: «Палата лордов, шестое февраля 1809 года. Герцог Кентский счел необходимым заметить, что

у многих сложилось мнение, будто именно он санкционировал обвинения против главнокомандующего из-за конфликта, возникшего между ним и его братом. Какими бы ни были у них разногласия, они касаются только профессиональной сферы. Герцог Кентский питает к своему брату безграничное уважение и считает, что он был неспособен совершить приписываемые ему преступления. Напротив, герцог Кентский сделал все возможное, чтобы опровергнуть выдвинутые обвинения. Все члены королевской семьи сошлись в едином мнении по этому вопросу».

Она отбросила листок и подошла к окну, но Вилл Огилви уже ушел. Она позвала Марту.

— Если приедет полковник Уордл, скажи ему, что я сплю. Но передай ему, что завтра в то время, какое он укажет, я буду в палате общин.

Непорочный Саймон может отказываться от своих взглядов. Но не Мэри-Энн.

Глава 2

В следующий четверг, когда возобновилось слушание дела, полковник Уордл заявил, что он переходит ко второму обвинению, касающемуся рекрутов полковника Френча, и вызвал капитана Сандона. Из страха свидетель стал отрицать, что когда-либо говорил на эту тему с госпожой Кларк. Вопрос, заявил он, был решен между этой дамой и полковником Френчем, и он сам ни во что не вмешивался. Однако, под нажимом полковника Уордла, он признал, что несколько раз он заплатил ей в общей сложности восемьсот или восемьсот пятьдесят фунтов вдобавок к тому, что полковник Френч заплатил ей и ее агенту, господину Корри.

Он не считал, продолжал свидетель, что госпожа Кларк обладает таким уж большим влиянием на главнокомандующего, и никогда не предполагал, что в ответ на свое прошение о разрешении проводить набор рекрутов, поданное по обычной процедуре, он получит отказ. Но полковник Френч решил ускорить дело, дав деньги госпоже Кларк. Госпожа Кларк держала все в большой тайне и каждый раз при встрече просила его

соблюдать максимальную осторожность, опасаясь, что известие о передаче денег дойдет до официальных инстанций, а главным образом — до герцога Йоркского.

Капитану Сандону разрешили удалиться и вызвали господина Доменго Корри. Учитель музыки, улыбающийся и полный сознания собственной значимости, завивший по такому важному случаю волосы, огляделся по сторонам в надежде увидеть знакомые лица. Однако его попросили быть повнимательнее, и полковник Уордл начал допрос:

— Вы можете вспомнить, как представили капитана Сандона госпоже Кларк?

— Я никогда не представлял его, он представился сам.

— Вам что-либо известно о заключенной между ними сделке?

— Они договорились обо всем, и в июне мне был отослан чек на двести фунтов.

— Вам что-либо еще известно?

— Несколько человек обращались ко мне с просьбой устроить их на хорошее место, и я говорил об этом госпоже Кларк, но больше я ничего не слышал.

— Вы уничтожали какие-либо бумаги до того,

как дело стало слушаться в палате?

— Я уничтожил некоторые бумаги в июле того же года, после дела с капитаном Сандоном. Однажды я пришел в дом к госпоже Кларк, и она сказала мне, что произошел ужасный скандал, что герцог в гневе и она просит, чтобы я сжег все бумаги и письма.

— Она объяснила, почему герцог рассержен?

— Да. Она сказала мне, что за герцогом очень пристально наблюдает полковник Гордон, а господин Гринвуд следит за ее действиями. Она оказалась в таком положении, что ничего не могла предпринять. В тот момент она собиралась поехать в Кенсингтон-Гарден. Экипаж ждал у дверей, и она сказала: «Ради бога, идите домой и сожгите бумаги».

Поднялся господин Шеридан, член парламента от Ирландии:

— С тех пор вы получали письма от госпожи Кларк?

— Да, в этом году я получил приглашение приехать к ней. Она пригласила меня отобедать, и я согласился.

— Состоялся ли между вами какой-либо разговор, касающийся событий тысяча восемьсот четвертого года?

— Да, и я был в некоторой степени удивлен, так как вскоре после обеда приехали какие-то джентльмены, и, как только они вошли, сразу начался разговор о том случае с капитаном Сандоном, и я рассказал то же, что и сейчас.

— А госпожа Кларк упоминала о других сделках подобного характера?

— Нет, оставшуюся часть вечера мы провели очень весело, шел общий разговор, я уехал чуть позже двенадцати, а джентльмены еще остались.

— Вы знаете, кто эти джентльмены?

— Я не могу с полной уверенностью утверждать. Был один длинноносый джентльмен, друг госпожи Кларк; еще писатель из газеты — мне говорили, в какую газету он пишет, но я забыл; еще один джентльмен, похожий на адвоката, он очень долго смеялся, когда я ему об этом сказал.

— А кто этот джентльмен, которого вы назвали другом госпожи Кларк?

— Я должен отвечать и в том случае, если она сообщила мне об этом по секрету?

Свидетелю было велено отвечать на вопросы, однако от внимания палаты общин ускользнул тот факт, что полковник Уордл, у которого после допроса свидетеля случился такой сильный при-

ступ зубной боли, что ему пришлось прижать к лицу носовой платок, сейчас сидел, согнувшись в три погибели, по всей видимости измученный болью.

Господин Корри ответил:

— Ну, она сказала мне, что это господин Меллиш, член парламента от Миддлсекса, который, как я полагаю, присутствует здесь.

По залу прошел изумленный шепот, за которым последовали громкий хохот и язвительные замечания со стороны представителей оппозиции. Все увидели, как тучный мужчина, сидевший на правительственной скамье, внезапно побагровел и неистово замотал головой. Свидетелю велели покинуть свидетельское место. Господин Меллиш, тот самый тучный джентльмен, поднялся и попросил, чтобы его допросили, несмотря на то что это может противоречить процедуре.

Его спросили, был ли он в гостях у госпожи Кларк в январе. Он ответил:

— Я никогда в жизни не был у госпожи Кларк, я даже никогда раньше ее не видел.

По просьбе господина Меллиша вновь вызвали господина Корри, и достопочтенный член парламента подошел вплотную к барьеру, чтобы дать свидетелю возможность повнимательнее

рассмотреть его.

— Видели ли вы меня у госпожи Кларк? — обратился Меллиш к свидетелю.

— Нет, — ответил господин Корри, — то были не вы. Но ведь я только повторил то, что она мне сказала. Джентльмен, которого я видел, был смуглее вас. Я ничего не могу поделать, если она тогда солгала мне.

Раздался хохот, и достопочтенный член парламента, чье доброе имя было восстановлено, направился к своему месту в сопровождении бурных аплодисментов.

Полковник Уордл, оправившийся от зубной боли, вызвал господина Вильяма Даулера. Свидетель подошел к барьеру. Его лицо было хмурым, но спокойным. Он сообщил, что недавно вернулся из Лисабона, что он знает госпожу Кларк много лет и что он видел и полковника Френча, и капитана Сандона на Глостер-Плейс как раз в тот период, когда госпожа Кларк находилась под покровительством герцога Йоркского.

На вопрос, был ли у него с полковником Френчем какой-либо разговор по поводу набора рекрутов, он ответил:

— Однажды я увидел его в доме госпожи Кларк. Он сообщил мне, что приехал по поводу служеб-

ного письма. Я начал расспрашивать госпожу Кларк о характере ее деятельности, и я отлично помню, что высказал ей свое неодобрение. Это было после ухода полковника Френча. Он заплатил госпоже Кларк пятьсот гиней от обещанной суммы.

— Что вам ответила госпожа Кларк?

— Она ответила, что у герцога большие денежные затруднения и она не может просить у него денег, что это единственный способ добыть средства на хозяйственные нужды. Она обиделась на меня, и мы некоторое время не общались.

— Где вы сейчас работаете?

— В последнее время я служил при расчетном отделе комиссариата в Лисабоне.

— Как вы получили эту должность?

— Я купил ее у госпожи Кларк.

Раздался свист. Господин Даулер покраснел.

— Вы платили госпоже Кларк за это назначение?

— Я дал ей тысячу фунтов.

— Обращались ли вы к кому-либо еще, кроме госпожи Кларк, с просьбой найти вам место?

— Нет.

— Вы понимали, что госпожа Кларк добилась вашего назначения через герцога Йоркского?

— Конечно.

При перекрестном допросе, проведенном министром юстиции, господин Даулер сказал, что госпожа Кларк сама предложила найти ему место и что его отец сначала не хотел давать своего согласия, но позже согласился, так как его сын был полностью уверен, что сделка не приобретет огласки. Он настойчиво отрицал, что, возможно, именно его отец похлопотал за него через своих друзей: нет, он совершенно уверен, что госпожа Кларк нашла ему место через самого герцога Йоркского.

Последним вопросы задавал господин Шеридан, член парламента от Ирландии.

— Если вы выражали госпоже Кларк свое неодобрение по поводу ее сделки с полковником Френчем в тысяча восемьсот четвертом году, почему вы сами в тысяча восемьсот пятом году дали ей взятку в размере тысячи фунтов за то, что она подыскала вам место?

— Потому что в тот момент у нее были денежные затруднения, потому что никто никогда не узнал бы об этом, если бы не проводимое расследование. Репутация герцога Йоркского и госпожи Кларк не пострадала бы, не будь я вынужден, к своему огромному сожалению, предстать перед

парламентским судом.

— Значит, вы осуждали госпожу Кларк не из-за того, что считали ее действия нарушением общепринятых понятий о чести и нравственности, а только из-за того, что она подвергала себя риску быть разоблаченной?

— Нет. Я говорил, что сделка не принесет ей ничего, кроме волнений и беспокойства, и посоветовал попросить герцога Йоркского увеличить ей месячное пособие, вместо того чтобы ввязываться в подобные дела. Она ответила мне, что у герцога нет денег.

— Вы помните, когда вы впервые дали деньги госпоже Кларк?

— Я давал ей в долг различные суммы.

— Вы отдавали деньги под залог?

— Нет.

— Вы давали ей в долг?

— Да.

— Вы не получали никакой расписки?

— Нет.

— Вы виделись с госпожой Кларк после возвращения из Португалии?

— Да.

— Когда вы с ней виделись?

— В воскресенье.

— А после воскресенья?

— Мы только что виделись в комнате для свидетелей.

— С ней кто-нибудь был?

— Одна или две молодые дамы.

— Что произошло между вами, когда вы заехали к ней в воскресенье?

— Я был очень расстроен, когда узнал, в каком положении она оказалась. Она сказала, что до этого ее довел герцог Йоркский, отказавшись платить ей назначенное им ежегодное пособие.

— Вы виделись с госпожой Кларк до вашего отъезда в Португалию, в прошлом году?

— Да.

— Часто?

— Не могу точно сказать, насколько часто.

— Вы можете вспомнить, когда в последний раз давали ей деньги?

— Нет, не могу.

— Вы давали ей деньги после того, как получили место?

— Даю вам слово, я не помню. Если и давал, то, должно быть, какую-то очень незначительную сумму.

Наконец, после почти часового перекрестного допроса, Вильяму Даулеру разрешили удалиться.

Господин Хаскиссон, который в 1805 году являлся секретарем государственного казначейства, заявил, что он не помнит, при каких обстоятельствах господин Даулер получил эту должность, и считает, что даже самое тщательное исследование архивов казначейства не сможет выяснить, через кого он был назначен. Сопровождаемый свистом и выкриками, раздававшимися со стороны оппозиции, он добрался до своего места и сел.

Господин Персиваль, лидер палаты, заявил, что госпожу Кларк необходимо допросить сегодня же и что к допросу следует приступить немедленно. Ее вызвали к барьеру. После паузы председатель заявил, что получил от госпожи Кларк заявление: она была так измотана и издергана ожиданием, сообщала она, что не выдержала и уехала. Она просит прощения за свое отсутствие. Раздались возгласы: «Вызовите ее, прикажите принести ей стул!» Прошло еще некоторое время, пока наконец госпожа Кларк не встала перед барьером.

— Я настолько устала от восьмичасового ожидания, — сказала она, — что не в состоянии отвечать на вопросы.

Со стороны правительства послышались крики: «Продолжать… продолжать…»

— Для вас приготовлен стул, госпожа Кларк, —

ответил ей председатель.

— Стул не поможет мне избавиться от страшной усталости, — сказала она.

Ей разрешили уйти, несмотря на протест правительства, требовавшего немедленного продолжения допроса. Оппозиция заявила, что гораздо гуманнее отложить допрос. Господин Каннинг закончил дискуссию предложением допросить господина Даулера и выяснить у него, общался ли он с госпожой Кларк после допроса. И вновь был вызван господин Даулер.

— Общались ли вы с госпожой Кларк после того, как вы покинули свидетельское место?

— Я только предложил ей выпить чего-нибудь прохладительного — она неважно себя чувствовала. Я принес ей вина и стакан воды и поставил все это рядом с ней.

— Вы рассказывали ей, о чем вас спрашивали на допросе?

— Нет.

— Как долго вы находились в комнате с госпожой Кларк?

— Пять-десять минут. К тому же вокруг нее собрались какие-то джентльмены и спрашивали ее, не нужно ли ей что-либо.

— Вас предупреждали, что вы не имеете права

общаться с госпожой Кларк?

— Нет. Но я об этом догадывался.

— И действовали на основе догадок?

— Да.

Заседание закончилось, и был объявлен перерыв до четверга.

Сегодня вечером госпожа Кларк не поедет в отель «Рейд», не будет трястись в наемном экипаже до Сент-Мартинз-лейн, она поедет домой на Вестбурн-Плейс и ляжет спать. Еще в три часа она была преисполнена готовности выступать перед судом и давать показания, но время шло, ее не вызывали. Ей даже не удалось встретиться с Фью, аукционистом, который жил в Блумсбери, и с Биллом. Билла держали целую вечность, и когда она попросила чиновника, сидевшего в комнате для свидетелей, узнать, что происходит, он ответил:

— Они роются в грязи. С кем вы были, когда он впервые встретился с вами, и где, и в какое время.

Казалось, о Френче и о наборе рекрутов давно позабыли. Единственное, что их интересовало, — это ее прошлое, все ее тайны, а Билл, который купил у нее должность только ради нее и который так ненавидел и стыдился подобных сделок,

сейчас, опять же ради нее, вынужден проходить через этот кошмар.

Когда он вышел из зала, у него был ужасно изможденный вид, казалось, он постарел на много лет.

— Я отдал бы все свои деньги, лишь бы не участвовать во всем этом.

Перед отъездом из палаты ее предупредили, что до окончания слушания она не должна разговаривать с другими свидетелями. Билл не должен приходить к ней, она не может видеться с ним, им запрещено любое общение. Слава богу, ей дали передышку до четверга, слава богу, она сможет спокойно лежать с закрытыми глазами в комнате, погруженной в полумрак. Ни Додда, ни полковника Уордла, никого, кто может потревожить ее. Даже у Чарли хватило ума оставить ее в покое.

Господи! Как же она ненавидит этот мир, который внезапно ополчился против нее. Ее имя не сходит с газетных полос, на нее показывают пальцем. Даже уличные мальчишки пишут на ее дверях всякие гадости, а на днях кто-то запустил ей камнем в окно.

— Это все от невежества, мэм, — сказала Марта. — Вряд ли им известно, что своими действия-

ми вы помогаете им сохранить их хлеб с маслом и не остаться голодными. Они не понимают, что вы пытаетесь спасти страну от надвигающейся тирании.

Что это Марта там читает? «Пиплз глоуб»? Она закрыла глаза и уткнулась в подушку.

Ей никуда не деться. В четверг, в три часа, все начнется опять.

Глава 3

В четверг, после предварительного заседания, полковник Уордл заявил суду, что необходимо вызвать для дачи свидетельских показаний госпожу Мэри-Энн Кларк.

Парламентскому приставу приказали вызвать ее, но, прежде чем она появилась в зале, прошло некоторое время; когда же она заняла место для свидетелей, все увидели, что она чем-то расстроена, и отовсюду раздались крики: «Стул, стул», так как члены парламента решили, что она плохо себя чувствует. Однако она осталась стоять и, повернувшись к скамьям, где сидели представители правительства, сказала:

— Я считаю, что мне нанесли оскорбление, заставив прийти сюда. Мне с огромным трудом удалось выбраться из экипажа, который обступила толпа, а посыльный не смог защитить меня. Я послала за парламентским приставом, чтобы он проводил меня в вестибюль. Поэтому я и задержалась.

Ей дали несколько минут, чтобы прийти в себя, и полковник Уордл начал допрос по поводу ее сделки с полковником Френчем. Она ответила,

что и полковник, и капитан Сандон постоянно приставали к ней с просьбами и что она всегда передавала прошения полковника Френча герцогу, не читая их, — она считала, что его королевское высочество сам способен разобраться. Увидев, что она еще не оправилась после происшествия на улице, полковник Уордл собрался было прекратить допрос и отпустить ее, но господин Крокер, от правительства, встал и спросил ее:

— Сколько лет вы знакомы с господином Даулером?

— Девять или десять лет. Я точно не помню.

— Вы были должны ему какие-то деньги?

— Я не помню, чтобы когда-либо была должна джентльмену.

— Назовите имена всех джентльменов, с которыми встретился господин Корри в вашем доме в январе?

— Если я это сделаю, ни один приличный мужчина больше никогда не появится в моем доме.

Казалось, раздавшийся в зале хохот только поддержал свидетельницу: она подняла голову и пристально взглянула на господина Крокера.

Члены парламента по очереди поднимались и расспрашивали ее о доме на Глостер-Плейс, о том, кто платил за дом, когда она впервые обратилась

к герцогу с просьбой о повышении, запоминала ли она обстоятельства сделок или записывала в блокнот.

— Если ко мне обращался один человек, я полагалась на свою память или на память его королевского высочества, но если мне приносили список, я отдавала его герцогу. Списки писала не я. Однажды принесли очень длинный список.

— Этот список существует?

— Нет. Я приколола его на полог нашей кровати, и наутро его королевское высочество забрал его. Позже я видела его в бумажнике герцога.

Раздался громкий смех со стороны оппозиции.

— Вы помните, от кого конкретно вы получили этот список?

— Думаю, или от капитана Сандона, или от господина Донована, но оба будут отрицать это.

— Вы получали много писем с прошениями?

— Сотни.

— А вы показывали эти письма, в которых содержались обещания заплатить вам деньги, его королевскому высочеству?

— Он был осведомлен обо всех моих действиях.

Так как ее ответ привел представителей правительства в замешательство, полковник Уордл

вызвал своего следующего свидетеля, мисс Тейлор, которая, покраснев и чувствуя себя очень неловко, сменила у барьера госпожу Кларк.

— Часто ли вы, — спросил ее полковник Уордл, — заезжали на Глостер-Плейс в тот период, когда госпожа Кларк находилась под покровительством герцога?

— Очень часто.

— Вы когда-либо слышали, чтобы герцог Йоркский разговаривал с госпожой Кларк о наборе рекрутов полковником Френчем?

— Только один раз.

— Расскажите, пожалуйста, что тогда произошло.

— Насколько я помню, герцог сказал: «Меня постоянно беспокоит полковник Френч. Он требует от меня все больше и больше». А потом, повернувшись к госпоже Кларк, он сказал: «А как он ведет себя по отношению к тебе, дорогая?» — может, он назвал ее другим ласковым словом. А госпожа Кларк ответила: «Сносно. Не могу сказать, что прекрасно». Вот и все.

— Это был весь разговор?

— Потом герцог сказал: «Френч должен решить наконец, что ему надо, иначе я положу всему этому конец, это касается и его самого, и набора

рекрутов». Герцог использовал именно это выражение.

Полковник Уордл заявил, что у него нет больше вопросов к свидетельнице. Она повернулась, собираясь уйти, но тут поднялся министр юстиции. Со стороны представителей оппозиции раздался сочувственный шепот.

Голос, зазвучавший так мягко и вкрадчиво, когда допрашивали госпожу Кларк, теперь стал резким и жестким.

— Как давно вы знакомы с госпожой Кларк?

— Около десяти лет. Может, дольше.

— Где вы познакомились с ней?

— В доме в Бейсуотере.

— С кем вы жили в Бейсуотере?

— С родителями.

— Кто ваши родители?

— Мой отец — дворянин.

— С кем вы живете сейчас?

— С сестрой.

— Где вы живете?

— В Челси.

— В меблированных комнатах или у вас есть дом?

— В собственном доме.

— У вас есть профессия?

— Если содержание пансиона можно назвать профессией.

— Кто жил с госпожой Кларк на Крейвен-Плейс?

— Когда мы с ней познакомились, с ней жил ее муж.

— А кто жил с ней после?

— Его королевское высочество герцог Йоркский.

— А не жила ли она с каким-либо другим мужчиной?

— Мне об этом ничего не известно.

— Вы состоите с ней в родственных отношениях?

— Мой брат женат на ее сестре.

— Чем занимался ее муж?

— Я всегда считала его состоятельным человеком.

— Вы жили с ней на Тэвесток-Плейс?

— Я вообще никогда не жила с ней.

— Вы когда-либо ночевали в ее доме?

— Да, изредка.

— Вы считали ее скромной, порядочной женщиной, когда она жила на Тэвесток-Плейс?

— Она жила со своей матерью. Больше мне ничего не известно.

Свидетельница была вся в слезах. Со стороны представителей оппозиции раздался негодующий ропот. Министр юстиции не обратил на это внимания.

— По чьей просьбе вы согласились давать показания?

— По просьбе госпожи Кларк.

— Вы знакомы с господином Даулером?

— Да.

— Говорила ли вам госпожа Кларк, что она представила герцогу Йоркскому господина Даулера как своего брата?

— Нет, никогда.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы слышали разговор его королевского высочества и госпожи Кларк, касающийся полковника Френча?

— Не могу точно сказать. Разговор происходил на Глостер-Плейс.

— Вы когда-либо встречали полковника Френча в доме на Глостер-Плейс?

— Я слышала, как дворецкий объявлял о его приходе. Но мне трудно сказать, представляли нас друг другу или нет.

— И через пять лет вы дословно помните использованные в разговоре выражения?

— Я много думала о том разговоре.

— Что заставило вас думать о нем?

— Мне стало любопытно, о ком они говорят.

— В какое время года происходил разговор?

— Я не помню.

— Зимой или летом?

— Я не помню.

— Однако вы уверены в точности высказываний?

— Да.

— Вам не кажется это странным?

— Нет.

— Действительно ли дела вашего отца находятся в плачевном состоянии?

Возникла минутная пауза, а потом свидетельница тихо ответила:

— Да.

— Сколько у вас учениц?

— Двенадцать.

— Сколько лет вашей младшей ученице?

— Семь.

В зале раздались громкие крики: «Нет, нет...», так как все увидели, что мисс Тейлор крайне утомлена. Министр юстиции пожал плечами и сел. Мисс Тейлор сказали, что она может идти.

Господин Крокер вызвал госпожу Мэри-Энн

Кларк для дальнейшего допроса. В течение часа он расспрашивал ее о доме на Глостер-Плейс, о количестве слуг, о том, где спали слуги, кто платил им, сколько у нее было экипажей, сколько лошадей, какие драгоценности она носила, закладывала ли она свои бриллианты. Потом, бросив взгляд на переданную ему министром юстиции бумагу, господин Крокер спросил:

— Вы когда-либо жили в Хэмпстеде?

После небольшой паузы свидетельница ответила:

— Жила.

— В каком году?

— С конца тысяча восемьсот седьмого до середины тысяча восемьсот восьмого года.

— В чьем доме вы жили?

— В доме господина Николса.

— В этот период вы пользовались своим именем?

— Да.

— Вы когда-нибудь называли себя госпожой Даулер?

— Нет, никогда.

— Сколько раз вы виделись с господином Даулером после его возвращения из Португалии?

— Я виделась с ним в прошлое воскресенье в

моем доме и сегодня, в комнате для свидетелей.

— Значит, вы больше не встречались с ним после его возвращения в Англию?

— Полагаю, достопочтенный джентльмен сам может ответить на этот вопрос, так как чердачное окно в его доме выходит на окна моего дома.

Со стороны оппозиции раздался свист и громкие аплодисменты.

— Вы уверены, что больше не встречались с господином Даулером?

— Если достопочтенному джентльмену так хочется и если это приведет к чему-нибудь, я могу ответить, что виделась с ним чаще. Я не собираюсь скрывать, что господин Даулер мой близкий друг.

— Где еще вы виделись с господином Даулером после его возвращения?

— В его отеле.

— Когда?

— В первый же вечер после его возвращения. Но я держала это в секрете, так как не хотела, чтобы члены моей семьи или чужие люди знали о нашей встрече в тот вечер.

— И долго вы находились с господином Даулером?

— Я сообщила, что находилась в обществе гос-

подина Даулера. Я хочу спросить у председателя, считает ли он этот вопрос пристойным, пристало ли палате общин задавать подобные вопросы?

Поднялся господин Вилберфорс и заявил, что это совершенно некорректный и аморальный вопрос, что комитет не имеет права вмешиваться в личную жизнь свидетельницы. Но его слова затонули в гневных выкриках, и господин Крокер повторил свой вопрос:

— Ваше пребывание в четверг у господина Даулера закончилось после полуночи?

— Мой визит закончился в пятницу утром.

К сильнейшему разочарованию представителей всех парламентских партий, господин Крокер прекратил дальнейшие расспросы, и заседание объявили на сегодня закрытым.

Когда госпожа Мэри-Энн Кларк шла к своему экипажу, к ней подбежал посыльный и протянул записку. Она прочла ее и обратилась к посыльному:

— Ответа не будет.

Приехав домой на Вестбурн-Плейс, она засунула записку за раму зеркала, рядом с открытками, полученными на День святого Валентина. Записка была подписана инициалами всем известного члена парламента от тори: «Как насчет трехсот

гиней и ужина сегодня?»

Глава 4

Расследование палаты общин стало предметом всеобщего интереса. О войне на полуострове позабыли, ежедневно ведущие газеты публиковали подробную запись всех выступлений. Наполеон и Испания имели второстепенную важность. Памфлетисты строчили без устали, карикатуристы и сочинители стишков в поте лица трудились над описанием Великой дискуссии. Торговля оживилась. Как по волшебству, появился фарфор: стаффордширские кувшины с изображением госпожи Кларк во вдовьих одеждах и со списком офицеров в руке; огромные цветные портреты герцога Йоркского в ночной сорочке, вылезающего из кровати; карикатура на Даулера и других свидетелей. На всех углах продавались дешевые издания с описанием жизни всех свидетелей. Десятки шутливых куплетов выплеснулись на улицы, их распевали даже в театрах. Последним криком моды явилось при решении спорных вопросов с помощью монеты вместо «орла или решки» загадывать «герцог или Кларк».

В лондонских салонах не было другой темы разговора. Во всех кофейнях и пивных обсужда-

ли одно и то же событие. Госпожа Кларк брала взятки, но знал ли об этом герцог? Мнения разделились. Помимо двух крупных партий, одна из которых считала, что герцог сам прикарманивал деньги, а другая — что герцог чист и непорочен, существовала небольшая группа людей, которые качали головами и говорили, что главное — это связь герцога с госпожой Кларк. Принц крови, женатый человек, содержал любовницу, дарил ей лошадей и бриллианты, а в это время люди голодали. Мужчины и женщины надрывались на фабриках, солдаты погибали в сражениях, большинство англичан с трудом сводили концы с концами, а главнокомандующий, сын самого короля, развлекался со шлюхой. Этот вопрос терзал сердца многих. Это был камень преткновения.

Напыщенные проповедники и уличные ораторы дали себе волю. Обыватели высказывались у себя дома: «Считается, что мы должны уважать Ганноверов. Якобы они должны быть для нас примером. Если Бурбоны вели себя во Франции точно так же, неудивительно, что у лягушатников полетели головы с плеч…» Атмосфера в обществе была накаленной, страсти разжигались теми, кому это было выгодно: самими виновниками случившегося.

Вилл Огилви сидел в одиночестве за столом в своей конторе и улыбался, наблюдая, как от искорки загорелась солома, как пламя постепенно поднимается все выше и выше, охватывая огромного монстра — общественное мнение. Именно этого он и добивался с самого начала, и солома, горевшая в этом огне, уже сыграла свою роль. Мей Тейлор была одной из соломинок. Родители забрали из ее школы всех учениц, домовладелец на Чейн-роу попросил ее съехать. Он дал ей три дня. Полчаса в палате общин разрушили ее жизнь. У нее не пансион, глумились правительственные памфлетисты, а дом терпимости, где уличных потаскух обучают их ремеслу.

Мы выиграли? Мы проиграли? Каждый день Мэри-Энн задавала себе один и тот же вопрос. Она не знала, что лидер палаты, который, в отличие от нее, чувствовал настроение парламента, переправил в Виндзор протоколы заседаний. Он знал, что даже его союзников одолевают сомнения, он чувствовал, как с каждым днем растет неприязнь к герцогу. Итак, из палаты общин в Виндзорский замок: «Я считаю необходимым предупредить Ваше Величество о том, что ситуация осложняется…» «Герцогу было известно, что она собирается предпринять, и он закрыл на это глаза» — именно

такое мнение царило в здании парламента. Представители правительства производили жалкое впечатление. Эдам, Гринвуд из конторы «Гринвуд и Кокс», армейские агенты — полковник Гордон, начальник секретариата, и его помощник представили массу документов, которые ничего не доказывали, а только подтверждали факт, что повышения по службе действительно имели место и впоследствии информация об этом публиковалась в официальном бюллетене. Единственное оружие, которое еще оставалось в руках правительства, была дискредитация основной свидетельницы, госпожи Кларк. Нужно было опорочить ее репутацию и тем самым заставить всех усомниться в правдивости ее показаний. Одними из свидетелей, набранных специально для этой цели, были господин Рейд, владелец отеля на Сент-Мартинз-лейн, и Самюэль Уэллс, официант. Оба утверждали, что дама, которая была с господином Даулером в прошлую пятницу, часто называла себя госпожой Даулер, но до настоящего момента — они могут поклясться в этом — они и понятия не имели, что у нее нет права носить это имя. Следующим шел господин Николс, булочник, который подтвердил показания предыдущих свидетелей. Господин Даулер часто

бывал в этом доме в тот период, когда там жила госпожа Кларк. В первый раз она представилась вдовой, но позже сказала ему, что вышла замуж за господина Даулера. Она никогда не платила ему за жилье, но она отдала ему в качестве платы свои музыкальные инструменты, а еще у него есть принадлежащие ей письма, которые когда-то собирались сжечь, но потом забыли и так и оставили в комоде. Но письма он представит только по требованию палаты.

Ему было велено удалиться, а палата стала решать, следует читать эти письма или нет. Лидеру палаты пришлось срочно принимать решение. Если письма дискредитируют госпожу Кларк, справедливость восторжествует и все закончится хорошо. Если же письма затрагивают герцога, тогда другое дело. В них могут содержаться сведения, которые только навредят ему. После некоторого размышления господин Персиваль пришел к выводу, что риск слишком велик, и объявил, что принадлежность писем госпоже Кларк не является веской причиной для их приобщения к делу. Полковник Уордл смекнул, что в этих письмах могут содержаться очень ценные для оппозиции сведения, и оспорил решение лидера. После долгих пререканий письма были

представлены и зачитаны председателем.

Первое письмо было от Самюэля Картера. Бедный Сэмми, служивший в Западной Индии, никогда не предполагал, что его письмо, написанное в 1804 году в Портсмуте и содержащее просьбу предоставить ему отпуск для покупки мундира, будет зачитано в палате общин. Второе письмо тоже было от Сэмми, и третье. Палата была шокирована случайно раскрывшимся фактом, что лакей госпожи Кларк был назначен прапорщиком.

Два письма от баронессы Ноллкенс — имя, хорошо известное в дипломатических кругах, — в которых она благодарила госпожу Кларк за оказанную ей услугу и просила передать его королевскому высочеству, что она крайне признательна ему.

Три письма от генерала Клаверинга с просьбой о встрече и мольбой о том, чтобы госпожа Кларк походатайствовала перед главнокомандующим о разрешении сформировать несколько новых батальонов. Представители правительства сидели мрачные, оппозиция сияла от восторга. Уцелевшие по чистой случайности письма не содержали прямых доказательств обвинения, однако они помогли установить, что герцог действительно

многим оказывал одолжение. Когда зачитывали письма, в зале стояла мертвая тишина. Потом полковник Уордл вызвал госпожу Кларк, чтобы она опознала почерки. Она так и сделала, хотя совершенно не помнила содержания писем, которые считала уничтоженными.

Полковник Уорлд ухватился за выпавшую ему возможность расспросить ее о событиях, описанных в письмах. Это она достала Самюэлю Картеру патент на должность? Обращалась ли она к герцогу? Знал ли его королевское высочество, что речь идет о том самом человеке, который прислуживал ему на Глостер-Плейс? Обращалась ли она к герцогу по делу баронессы Ноллкенс? Ее ответы очень удовлетворили его.

— Вы узнаете, — продолжал он, — почерк генерала Клаверинга?

— Да. А в этом найденном сегодня письме от герцога я прочла упоминание о полковнике Клаверинге и его батальонах.

Письмо зачитали, однако эта процедура постоянно нарушалась взрывами хохота.

О мой ангел, будь справедлива ко мне и знай, что ни одну женщину на свете не любили так, как я тебя. Каждый день,

каждый час убеждают меня, что счастье моей жизни зависит только от тебя. Я с нетерпением жду послезавтра. Я сожму мою любимую в объятьях. Клаверинг ошибается, мой ангел, если считает, что будут формироваться новые подразделения: у нас нет таких намерений. Мы собираемся добавить по второму батальону к уже сформированным корпусам. Тебе следует сказать ему об этом и убедить его, что обращаться с прошениями бесполезно.

Тысяча благодарностей, любовь моя, за носовые платки – думаю, мне не надо говорить, какое удовольствие они мне доставляют, когда я беру их и вспоминаю о нежных ручках, которые сшили их.

Моя поездка оказалась очень удачной, все находится в отличном состоянии. Весь вчерашний день ушел на инспекцию дуврских заводов, смотр войск и исследование побережья до самого Сэндгейта. А сейчас я отправляюсь по побережью в сторону Хастингса. По дороге я буду проводить смотры во всех частях. Прощай, счастье мое, моя единственная любовь.

Письмо было адресовано, как ни странно, Джорджу Фаркуару, эсквайру, а не госпоже Кларк. Однако эта деталь ускользнула от внимания членов парламента.

Откровения, содержащиеся в письмах, которые хранились в Хэмпстеде, в значительной степени подорвали уверенность тех, кто поддерживал правительство, поэтому шестнадцатого февраля лидер палаты, в надежде восстановить веру в герцога Йоркского, сделал важное заявление, касающееся назначения майора Тоунина. Несколько дней назад госпожа Кларк сообщила, что агентом, который назвал ей имя Тоунина, был капитан Сандон. Капитан Сандон признал это, однако он умолчал об одном очень важном факте, который обнаружил господин Эдам: в багаже капитана Сандона имелись письма от госпожи Кларк. Одно письмо касалось майора Тоунина и его назначения и было написано самим герцогом. Господин Эдам разговаривал об этом с его королевским высочеством, который сразу же заявил, что письмо поддельное.

— Я веду к следующему, — продолжал лидер палаты. — Если письмо действительно окажется поддельным, мы увидим, что госпожа Кларк использовала для достижения своих целей не

только ложь, но и фальсификацию. Если же письмо окажется подлинным, я сам поддержу обвинения. Но я настолько уверен в первом, что без колебаний ставлю этот вопрос перед палатой и предлагаю вызвать капитана Сандона для дачи свидетельских показаний.

Полковник Уордл согласился. Он никогда не слышал ни об этом, ни о каких других письмах, принадлежащих капитану Сандону. Но пусть их представляют — он был уверен, что они поддержат обвинение и не принесут никакого вреда госпоже Кларк.

Появился капитан Сандон и, к полному изумлению лидера палаты и всего комитета, заявил, что ему ничего не известно об этом письме. Возможно, и было такое письмо. Он не помнит. Сейчас оно не существует. Оно уничтожено. Он помнит об этом письме, но оно куда-то делось. Он не может вспомнить содержания письма. Письмо пропало. Его низкая ложь была столь очевидна, причем не только господину Перси-валю, но и всей палате, что после получасового пристрастного допроса его взяли под стражу и палата единогласно решила отправить его домой в сопровождении пристава и произвести в доме обыск с целью поиска пропавшего письма. А пока

решили вызвать госпожу Кларк. Ее допрашивал господин Персиваль.

— Вы помните, что в тысяча восемьсот четвертом году к вам обращался капитан Сандон по поводу дела, связанного с майором Тоунином?

— Я помню, что капитан Сандон работал на майора Тоунина.

— Не могли бы вы вспомнить, пересылали ли вы какие-либо записки майору Тоунину через капитана Сандона?

— Я ничего подобного не помню. Возможно, что-то такое и было, но с тех пор прошло много времени.

— Пересылали ли вы какие-либо бумаги майору Тоунину через капитана Сандона?

— Что за бумаги?

— Любая записка, написанная вами или кем-то другим.

— Не думаю, что я это делала. Я всегда соблюдала особую осторожность, отдавая кому-либо записки, написанные моей рукой.

— А могли вы забыть, что послали такую бумагу майору Тоунину через капитана Сандона?

— Нет, я помню все, что касалось герцога Йоркского.

— Получил ли капитан Сандон какие-то про-

центы от майора Тоунина за посредничество?

— Думаю, да. Майор Тоунин показался мне щедрым человеком, к тому же капитан Сандон вряд ли проявлял бы такую заинтересованность в деле, если бы не ожидал вознаграждения.

— Вам известно, о чем допрашивали капитана Сандона сегодня?

— Нет.

В течение всего допроса свидетельница давала четкие и полные ответы на вопросы. Всем стало ясно, что, если и было в действительности такое письмо, она забыла о нем. Палата терпеливо ждала возвращения капитана Сандона и пристава. Прошло более часа, прежде чем он опять предстал перед барьером, и лидер палаты тут же принялся его допрашивать:

— Вы нашли бумагу?

— Нашел.

— Вы принесли ее с собой?

— Она у посыльного. У него есть и другие письма, связанные с этим делом.

Посыльный передал суду стопку писем. Верхним было интересующее всех письмо. В полной тишине господин Персиваль протянул его председателю, который начал громко читать:

— «Я только что получил ваше письмо. Дело То-

унина останется без изменения. Да благословит вас Господь».

Подпись отсутствовала. Письмо было адресовано Джорджу Фаркуару, эсквайру, Глостер-Плейс, 18.

На скамьях поднялся шум. Неужели письмо настолько важно? Его действительно написал герцог? Но кто такой Джордж Фаркуар?

Господин Персиваль продолжил допрос капитана Сандона:

— Зачем вы скрывали письмо?

— У меня не было причин скрывать письмо. Мне просто стыдно.

— Вам кто-нибудь советовал не упоминать об этом письме?

— Нет.

— Когда госпожа Кларк передавала вам это письмо, она говорила, что оно написано герцогом?

— Я не помню, что конкретно она сказала, но смысл был таков, что письмо пришло от герцога.

— Вам известен почерк герцога Йоркского?

— Я никогда в жизни его не видел.

— Вам не показалось, что письмо написано почерком госпожи Кларк?

— Нет, не показалось.

— Кто такой Джордж Фаркуар, эсквайр, которому адресовано письмо?

— Не имею ни малейшего представления.

Капитану Сандону разрешили удалиться. Для дачи свидетельских показаний вызвали госпожу Кларк. Ее допрашивал министр юстиции.

— Вы когда-либо видели это письмо?

— Полагаю, что видела, так как оно написано герцогом. Но я не представляю, как оно могло оказаться у этого человека, если только не через меня.

— Посмотрите на печать. Она вам знакома?

— Это личная печать герцога Йоркского. Надпись гласит: «Всегда на месте».

— Кто такой Джордж Фаркуар?

— Сейчас такого человека уже нет на свете. У меня было два брата, которые служили на флоте. Они погибли, и Джордж был одним из них. Герцог всегда отправлял письма, адресованные мне, на его имя.

— Вы когда-нибудь подделывали чей-либо почерк?

— Нет, у меня не было в этом нужды. Может, когда-нибудь я в шутку и делала такое. Есть такая игра — я понимаю, смешно рассказывать о ней здесь, — один человек записывает имя мужчины,

потом имя женщины, потом пишет, где они и чем занимаются, потом скатывает бумажку в трубочку и говорит: «Разве это не почерк такого-то?» И если почерк совпадает, то те, кого указали в бумажке, становятся друзьями.

— Вы можете подделать почерк герцога Йоркского?

— Я не знаю. Ему лучше судить. Несколько раз, когда он был рядом, я пыталась писать его почерком. Он смеялся, что мне удавалось изобразить его подпись «Фредерик», но я никогда не пользовалась этим. Если бы такое случилось, меня уже давно привлекли бы за это к суду.

— Вы всегда пишете одним и тем же почерком?

— Мне трудно сказать, как я пишу. Обычно я очень тороплюсь, когда что-либо пишу.

— Вы водили рукой вашей матери, когда она подписывала векселя, которые были представлены военному трибуналу в связи с обвинениями, предъявленными вашему брату. Разве это нельзя назвать другим почерком?

— Когда я вожу рукой своей матери, я не тороплюсь. Думаю, это фактически мой почерк, а не ее, так как она почти не в состоянии пользоваться своей рукой.

— Получается, что вы можете писать двумя различными почерками?

— Не вижу, чтобы они сильно различались.

— Вы не видите разницы между вашим собственным почерком и почерком, которым подписаны векселя, представленные военному трибуналу?

— Мне кажется, они не сильно отличаются друг от друга… Вы намекаете, что подпись на векселях была поддельной?

— Я ни на что подобное не намекаю. Вы направляете руку матери?

— Она держит перо, я держу его чуть пониже и таким образом направляю ее руку. Вы можете посмотреть, как мы пишем, когда вам угодно.

— Значит, на обоих векселях стоит фактически ваша подпись?

— Если вам хочется рассматривать все именно так, ради бога. Я просто использовала руку своей матери, а почерк был моим.

Заседание закончилось. Было решено назначить специальный комитет, который исследует остальные письма, написанные госпожой Кларк и найденные у капитана Сандона. Комитет должен будет представить отчет к следующему дню. Таким образом, семнадцатого февраля было

зачитано несколько писем из тех, которые, по утверждению госпожи Кларк, были написаны ее почерком, хотя ей разрешили только прочитать адреса на конвертах, а не сами письма. Большинство из писем были датированы летом 1804 года.

В каждом письме имя герцога Йоркского прямо или косвенно связывалось с назначением различных офицеров, в том числе и майора Тоунина: «Скажите Спеддингу, чтобы он написал, что ему нужно. Г. говорит, так будет лучше… Не могли бы вы еще раз спросить о звании лейтенанта в наших войсках в Индии? Г. уверил меня, что продаются два патента… Я разговаривала с Г. о патенте майора. Он отнесся к этому вполне благосклонно. Думаете, вы в состоянии заплатить мне за это сто фунтов?.. Очень сожалею, но эту вакансию уже забрал лорд Бриджуотер. Его королевское высочество обещал предупредить меня, как только что-нибудь появится… Мне очень неприятно поднимать этот вопрос, но вы можете передать Бэкону и Спеддингу, что каждый из них должен заплатить мне по двести фунтов. Сообщите мне их решение, так как мне надо говорить с ним об этом… Я сообщила, что вы имеете отношение к этому делу… Герцог издал приказ сообщить о назначении Тоунина в официальном

бюллетене…»

Письма произвели неизгладимое впечатление на членов палаты. Все поняли, что письма были обнаружены по чистой случайности: ни госпожа Кларк, ни полковник Уордл не знали, что они находятся у капитана Сандона. Если бы это было им известно, они уже давно представили бы их в качестве вещественных доказательств.

Господин Персиваль спросил полковника Гордона, начальника секретариата, действительно ли, по его мнению, письмо, которое послужило началом сегодняшнего расследования: «Я только что получил ваше письмо. Дело Тоунина останется без изменений. Да благословит вас Господь», — написано почерком герцога.

— Самое большее, что я могу сказать, — почерк очень похож. Но я не могу утверждать, что письмо написано самим его королевским высочеством.

— Вы когда-либо обсуждали этот вопрос с герцогом Йоркским?

— Да, обсуждал.

— О чем был разговор?

— Последний разговор состоялся в половине одиннадцатого сегодня утром, когда я, как обычно, пришел к герцогу для обсуждения дел. Первое, что он сказал мне: «Так как вас обязательно вы-

зовут в парламент и будут задавать вопросы, я ничего не буду обсуждать с вами. Однако я хотел бы повторить вам то, что говорил не раз: мне ничего не известно, и я считаю письмо подделкой».

Потом были допрошены другие свидетели, но никто из них не мог с полной уверенностью утверждать, что письмо было написано самим герцогом. Одним из свидетелей был клерк из банка Коуттов. Он заявил, что почерк идентичен почерку герцога, однако без подписи он не может присягнуть в этом.

Лидер палаты предпринял последнюю попытку обвинить госпожу Кларк в фальсификации, вызвав господина Бенджамина Тауэна.

— Чем вы занимаетесь?

— Я художник по бархату.

— Вы были знакомы с госпожой Кларк, когда она жила на Глостер-Плейс?

— Да.

— Вспомните, говорила ли она что-либо, касающееся почерков?

— Да. Во время разговора она заметила, что могла бы подделать подпись герцога, и показала мне, как она это делает. Я тогда не смог определить, где ее подпись, а где — герцога.

— Вы хотите сказать, что она сама завела раз-

говор на эту тему и тут же показала вам, как она подделывает почерк?

— Да.

— Она показала, как подделывает подпись герцога?

— Да. На листке бумаги. Она написала то ли «Фредерик», то ли «Йорк», то ли «Олбани» — я не помню.

— Вы что-нибудь сказали по этому поводу?

— Я сказал, что это очень серьезно.

— А что она ответила?

— Она рассмеялась.

Следующим свидетеля допрашивал Фолкстоун.

— Какую область рисования вы преподаете?

— Изображение цветов, ландшафтов, фигур и фруктов.

— Вы учите своих учеников писать буквы каким-нибудь особенным образом? С завитушками и так далее?

— Да.

— Скажите, а госпожа Кларк говорила только о подделывании подписи? Или она утверждала, что ей удается имитировать и его почерк?

— Она говорила только о подписи.

— Вы были доверенным лицом госпожи Кларк?

— Нет.

— Когда вы дали ей последний урок?

— Я не помню, мне надо посмотреть в своих записях.

— Когда вы расстались с ней, вопрос с оплатой был улажен?

— Она была должна мне.

— Она уплатила свой долг?

— Нет.

Свидетель в некотором замешательстве покинул зал, и заседание объявили законченным. Было решено отдать спорное письмо на исследование человеку, который сможет определить, кем оно написано. Его мнение помогло бы парламенту вынести свое решение по этому вопросу на следующем заседании.

Глава 5

Как только Мэри-Энн закрыла глаза, перед ее внутренним взором предстали два векселя, и ей послышался голос матери: «Зачем я подписываюсь, что это значит?», а потом ее собственный голос, когда она, потеряв терпение, раздраженно ответила: «Ради всего святого, делай, как я тебе говорю. Чарли нужны деньги, он может по этим чекам получить наличные. Будет выглядеть гораздо лучше, если векселя подпишешь ты, а не я». Потом, схватив руку матери, она принялась водить ею.

— Значит, если встанет вопрос о деньгах, они придут ко мне? У меня нет денег, чтобы послать Чарли.

— Конечно нет. Не будь такой глупой.

Эти векселя были отосланы Чарли, он по ним получил наличные, потом векселя вернулись. Их опять вытащили на свет, и они стали предметом тщательного изучения на военном трибунале. О них позабыли, так как Чарли оправдали. Потом опять о них вспомнили, теперь уже в палате общин. На эти векселя наложено какое-то дьявольское проклятье. Неужели она тогда по-

ступила неправильно? Может, ее поступок был противозаконным? Может, это и есть фальсификация, когда водишь чьей-либо рукой? Она не может поклясться на Библии, что ее мать на самом деле знала, что подписывает. Она очень плохо себя чувствовала и была слишком слаба, чтобы понять все, что касалось векселей, чеков, денег. Она не знала, чем ее дочь занимается с Расселлом Маннерсом на Олд-Берлингтон-стрит, 9.

А что, если они привезут ее мать в палату, поставят ее перед барьером и начнут расспрашивать? От этой мысли ей становилось плохо… Она почти теряла сознание: на стуле сидит ее мать, дрожащая, запуганная и затравленная министром юстиции. Мэри-Энн начинала метаться, прижимая руки к глазам. Сколько еще будет продолжаться эта мука? Когда настанет конец?

Ничего хорошего из этого не выйдет, только ее имя изваляют в грязи. Позор, бесчестье, ложь и грязные разоблачения. Она выпила предписанный доктором порошок и содрогнулась. Два дня постельного режима. Никаких визитов друзей или родственников. Так велел доктор, и она подчинилась его приказу. Но ей не было покоя: над ней висело новое обвинение — фальсификация.

Стук в дверь. Опять Марта, решила она, пришла

поправить подушки.

— В чем дело, Марта? Можешь ты дать мне поспать?

— Лорд Фолкстоун принес вам цветы.

— Тогда поставь их в воду.

— Он надеется, что вам лучше, мэм, и желает вам всех благ.

— Он говорил, что хочет видеть меня?

— Он не осмелился.

Она зевнула и бросила взгляд на часы. Только половина десятого. Время тянется так медленно. Может, разговор с Фолкстоуном отвлечет ее, и тогда ей удастся заснуть. Он такой привлекательный, даже очень привлекательный и, очевидно, влюблен в нее как теленок: он потерял жену и, кажется, еще не оправился, но тяжелая утрата придает чувствам законченность, она сама познала эту истину. Она села и потянулась за шалью, потом немного подкрасилась и капнула пару капель духов на подушку.

— Скажи его светлости, чтобы он поднялся.

Марта ушла.

Бледная и томная, она откинулась на подушки. Лампа рядом с кроватью едва освещала ее лицо, и этот полумрак очень шел ей. Стук в дверь показался ей самоуверенным, и ей стало даже

интересно: слишком давно мужчина не стучался в ее дверь.

— Войдите, — сказала она, и ее голос звучал не вяло, а нежно, мягко, чувственно, обещающе. — Как хорошо, что вы приехали. Мне было так одиноко.

— Я на минутку. Готов поклясться, вам лучше.

— Конечно лучше. Но почему вас это так беспокоит?

— Когда в палату приехал доктор Меткалф и сообщил, что вы больны и не сможете сегодня выступать, я едва досидел до конца заседания. Я вызвал доктора к барьеру и допросил его. Он удовлетворил любопытство суда, заявив, что вы действительно больны, но от этого мне еще больше захотелось увидеть вас. Вам что-нибудь нужно? Что вам принести? Вы уверены, что доктору можно верить, — я могу послать за своим?

— Со мной все в порядке, просто я очень устала. Я надеялась, что за выходные смогу отдохнуть, но ошиблась. Итак, расскажите мне, как идут дела.

— Великолепно. Весь день допрашивали специалистов по почеркам. Двое с почтамта, контролеры франков, они принесли микроскопы. Еще один — из банка Коуттов, и трое — из Английского банка. Все дали один и тот же ответ, хотя

Персиваль изо всех сил пытался все исказить.

— И что же они ответили?

— Сходство сильное, но они не могут под присягой утверждать, что почерки идентичны. Они думают, что почерк один и тот же, и все. У них был ужасно глупый вид, когда я спросил, читали ли они в газетах протокол заседания, на котором обсуждалась подлинность письма. Естественно, они все ответили, что читали, а это значило, что фактически они давали пристрастную оценку, заранее зная о сомнениях относительно подлинности письма.

— Итак, правительственная партия никуда не продвинулась?

— Абсолютно. Расследование стоит на месте, и вопрос можно решить только голосованием. После экспертов мы допрашивали старого Клаверинга, который решил отрицать знакомство с вами. И отрицал, пока не увидел ваши письма. Он нас здорово развлек. Его допрашивал Сэм Уитбред, и он так его уделал, что старик был рад убраться от него подальше. Его свидетельские показания никак не повлияли на обвинения, но, увидев, как он отвечает на вопросы, как мямлит и ходит вокруг да около, все пришли к выводу, что и он обращался к вам за назначением. Потом

вызвали Гринвуда и Гордона. Ничего существенного. Они представили целую груду совершенно ничего не значащих бумаг. Все заскучали. Вообще-то, интерес пропал, как только стало известно, что вы не придете.

— Как жестоко с их стороны развлекаться, глядя на мои мучения. Жертва, брошенная на растерзание львам.

— Вовсе нет. Вы никогда не выглядели как жертва. Такое впечатление, что вы в любой момент превратите заседание в веселый спектакль. Министр юстиции — медведь, а вы — охотник, который травит его. Все члены парламента просто в восторге от вас, в том числе и члены правительства. Даже Вилберфорс забыл о рабах-неграх и говорит только о вас. Я слышал, как он во время разговора с одним из своих друзей со вздохом сказал: «Она хорошая — в глубине».

— В глубине чего?

— В глубине души. Он сказал, будто вы попали под влияние злого человека.

— Возможно, он прав. Если верить памфлетам, на меня оказывало влияние столько людей, что от меня почти ничего не осталось. Вы читали их?

— Я не унижаюсь до того, чтобы читать всякую мерзость. Мне кажется, я утомляю вас?

— Ни капельки. Ваше присутствие успокаивает меня.

— Дело с письмом выглядит очень странно. Послушайте только, что говорят в кулуарах: Сандон понял, что, раз письмо написано герцогом, оно сыграет на руку обвинению, поэтому он сделал вид, будто потерял его. Ему даже в голову не приходило, что Эдам представил его суду.

— А почему Эдам представил его? Ведь оно только вредило им.

— Как вы не видите — потому что он сам не верил, что письмо подлинное. А сейчас, из-за того что Сандон все так безнадежно запутал, это письмо, а потом и другие письма приобщили к вещественным доказательствам — и получилось, что они сами все устроили! Именно поэтому письмо и принесет победу нашему делу. Персиваль сам себя высек. Готов поспорить, что завтра же его королевское высочество выкинет Эдама.

— Он побоится выгнать его. Эдам держит его в клещах. Я всегда это говорила.

— Вы действительно ни о чем не сожалеете? Это замечательно.

— Какой смысл сожалеть сейчас? Слишком поздно.

— Ходят слухи — хотя им никто не верит, —

что за всем стоит Кент. Я знаю, как зародилось подобное подозрение: однажды вы в своих свидетельских показаниях заявили, что были знакомы с Доддом, личным секретарем Кента. Но ведь все знакомы с Доддом.

Она не ответила. Она помнила, что надо быть осторожной. Идеалист Фолкстоун даже не догадывается, что за всем стоит заговор.

— Вы хорошо его знаете? — спросил лорд Фолкстоун.

— Кого, Додда? О боже, нет. Он такой зануда. Живет по соседству, на Слоан-стрит, и любит иногда заглядывать на огонек.

— На вашем месте я держался бы от него подальше. Придворные сплетничают вовсю, это часть их работы. Именно это сильно удивляло меня, когда я жил во Франции — еще до Террора, естественно, когда была сильна власть идеалов. А когда тирания была свергнута и появилось будущее, ради которого стоило жить, они, эти ребята, словно возродились.

Слава богу, он углубился в свою любимую тему. Опасность миновала, сейчас по крайней мере. Через десять минут надо налить ему бренди, чтобы отвлечь внимание, потом можно разрешить сесть на кровать.

Его внимание было отвлечено, но не с помощью бренди.

Опять появилась Марта, которая сообщила, что звонят в дверь.

— Вас хотят видеть полковник Уордл и майор Додд.

Молчание. Изобразить ужас. Потом изумление.

— Как странно! Они пришли вместе? Интересно зачем?

— Полковник Уордл надеется, что вы примете его.

— Зря надеется.

Лорд Фолкстоун поднялся со стула:

— А ему не покажется странным, что меня вы согласились принять, а ему даже слова не хотите сказать?

— Пусть кажется. Я могу встречаться с теми, чье общество доставляет мне удовольствие.

— Я в замешательстве. Прошу вас, примите его. Если он узнает, что я здесь, могут пойти всякие глупые сплетни.

Его светлость боится быть скомпрометированным. Он упал в ее глазах. Он уже не казался таким привлекательным.

— Хорошо. Пусть поднимается.

Его светлость успокоился. В спальню вошел

полковник Уордл.

Вместо ожидаемой самодовольной ухмылки, тычка под ребра, замечания: «А вы, кажется, меня обставили?» — с намеком на общество, в котором она пребывает, она увидела тревогу: член парламента от Оукхэмптона был чем-то обеспокоен. Он пробормотал пару ничего не значащих фраз и замолчал. Что-то было не так. Она почувствовала, как изменилась атмосфера.

— Лорд Фолкстоун рассказал мне о сегодняшних событиях, — проговорила она. — Как я поняла, решение не вынесено, но для нас все складывается удачно.

— Да. Палата настроена хорошо по отношению к нам. В этом заключается одна из причин, почему мы приехали к вам. Думаю, будет лучше, если вы воспользуетесь своей болезнью и попросите разрешения не присутствовать больше ни на каких заседаниях.

— Ничто на свете не принесло бы мне такого облегчения.

Лорд Фолкстоун с недоверием уставился на Уордла:

— Вы, должно быть, сошли с ума! Ведь госпожа Кларк — наш главный козырь. Одного ее присутствия достаточно, чтобы выиграть.

— Я не согласен.

— Вы хотите сказать, что ее свидетельские показания не представляют никакой ценности, что они нанесли вред нашему общему делу? Это чудовищно. Без нее у нас не было никакого шанса.

— Вы меня неправильно поняли, Фолкстоун. Конечно, госпожа Кларк оказала нам огромную услугу. Я имею в виду, что она уже сказала все, что должна была сказать. Если она еще раз появится в палате, то будет подвергнута перекрестному допросу, и тогда может всплыть информация, которая только навредит нам.

Итак, до Уордла тоже дошли слухи о том, что Кент замешан в этом деле. Поэтому-то они с Доддом и заехали. Она пожала плечами. Пусть они в одиночестве доведут борьбу до конца, ее это не волнует.

— Послушайте, — сказал Фолкстоун, — что за всем этим стоит? Вы что-то недоговариваете, объясните. Неужели в слухах, связанных с Кентом, действительно есть доля правды?

— Нет, уверяю вас.

— Тогда в чем же дело?

— Мне бы очень не хотелось, чтобы беспокоили госпожу Кларк.

— Они не могут навредить ей больше, чем они

уже сделали, вы сами это прекрасно понимаете. К тому же она с легкостью с ними справилась. Что это за информация, которая может навредить?

Полковник Уордл обратил на Свидетеля Номер Один полный мольбы взгляд в надежде на ее помощь. Но она не обратила на него внимания, закрыла глаза и зевнула. Он в отчаянии повернулся к лорду Фолкстоуну:

— Хорошо, буду откровенен. Это личное дело, связанное со мной и госпожой Кларк. Я буду премного благодарен, если вы оставите нас вдвоем на пять минут.

Лорд Фолкстоун поднялся:

— Конечно, если вы так ставите вопрос, у меня нет выбора.

Он вышел из комнаты и оставил их вдвоем. Взволнованный полковник Уордл тут же перешел к делу:

— Вы ничего не рассказывали Фолкстоуну о герцоге Кенте?

— Естественно, нет.

— Он очень подозрителен. Ведь поэтому он и заехал к вам.

— Глупости, он привез мне цветы.

— Это просто предлог. Предупреждаю вас, будьте осторожны. Ходит много слухов. Если

правительственная партия что-то пронюхает, все наши обвинения рухнут.

— Фолкстоун не принадлежит к правительственной партии.

— Это не имеет значения. Если он узнает, он тут же сдастся.

— Итак, вы устыдились и вашего заговора, и выдвинутых вами обвинений?

— Дело не в стыде и не в заговоре. Дело в политике, все очень запутанно.

— «Запутанно» — всего лишь слово. И вы сами втянули меня в эту неразбериху. Мне надо остерегаться не только представителей правительственной партии, но и Фолкстоуна, человека, который изо всех сил старался помочь мне.

— Мне очень жаль. Все сложилось очень неудачно. Но в политике нашими друзьями часто становятся те, кто раньше нас предавал, хотя и без всякого злого умысла.

— Так что вам требуется от меня?

— Заверить Фолкстоуна, что Кент за нами не стоял. Скажите, если вам нравится, что вы и я были в интимных отношениях и что я боюсь скандала, который может привести к разводу.

— Большое спасибо!

— Это может испугать его и удержать от даль-

нейших расспросов.

— А зачем я должна пугать его? Я нахожу его довольно приятным.

— Тогда придумайте что-нибудь другое, только не говорите правды.

Она села в постели, взбила подушки, бросила взгляд в зеркало и поправила шаль.

— Для патриота, полковник Уордл, вы очень впечатлительны. Как жаль, что министр юстиции не слышит вас.

— Моя дорогая, в политике все средства…

— Это политическое словоблудие. Не говорите мне о политике, от нее дурно пахнет. Хорошо, я заморочу голову его светлости, вам нечего беспокоиться. Но я являюсь в палату. Если меня вызовут. Я не намерена заниматься доносительством, так что сохраняйте спокойствие. А теперь будьте добры, пойдите, найдите его светлость и скажите ему, что наш тет-а-тет закончился.

Уордл с облегчением вздохнул и выпрямился. Измученный взгляд, складка между бровями — все исчезло. Он вышел, и она услышала, как они разговаривают в кабинете. Она представила себе картину: Фолкстоун настойчиво расспрашивает, Уордл и Додд всячески уклоняются от прямых ответов. Только Бог знает, какие слухи ходят о

ней самой. Послышался стук захлопнувшейся двери и звук шагов по улице. Они ушли, и она может расслабиться и поспать. Она собралась было скинуть шаль и погасить лампу, когда опять раздался стук в дверь.

— Войдите!

Ну что еще нужно этой Марте? Но это была не Марта — это был его светлость собственной персоной. Он был страшно возбужден, у него был вид заговорщика.

— Они ушли. Я отделался от них обоих, — сказал он, прошел на цыпочках к ее кровати и взял ее за руку.

О господи… Ее сердце упало. Неужели ей предстоит и это? Настроение, в котором она пребывала всего полчаса назад, улетучилось. Момент был упущен, сейчас ей хотелось только спать. Она подавила зевок и попыталась улыбнуться:

— Я думала, вы тоже ушли.

— Я вернулся, чтобы пожелать вам спокойной ночи.

Она знала, что это значит, — она много раз проходила через это. Не с его светлостью Радикалом, а со многими другими. Первые пять минут все вели себя открыто, гладили руки, нашептывали приятные слова; а потом настойчивая просьба,

произнесенная скороговоркой. Лучше смириться с неизбежным, а после отправить его домой. Притвориться, что он привел тебя в полный экстаз, — это обычно помогает. И он сползет с кровати в полной уверенности, что покорил мир.

— Погасить свет? — прошептал он.

— Как хочешь.

Она взглянула на часы. Без четверти одиннадцать. Если он уйдет в четверть двенадцатого, хотя глупо на это надеяться, у нее останется еще восемь часов до чая, который подадут в семь… Но если, как подсказывал ей внутренний голос и что было наиболее вероятно, его светлость франкофил проявит свою полную несостоятельность — одни обещания и никакого результата, — у нее совсем не останется времени. Как раз тот случай: «делайте ваши ставки» и «вперед».

Глава 6

Среда, двадцать второе февраля была последним днем для дачи свидетельских показаний, и полковник Уордл, заявив, что он больше не собирается вызывать свидетелей в пользу обвинения — письма, обнаруженные у капитана Сандона, полностью доказывали участие герцога Йоркского в махинациях с назначениями на должность, — уступил место лидеру палаты.

Господин Персиваль начал с того, что заявил о своем желании успокоить всех присутствующих в связи с задержкой обсуждения свидетельских показаний капитана Сандона и письма о майоре Тоунине. У многих членов палаты возникли подозрения, будто сторонники герцога Йоркского приказали капитану Сандону уничтожить письмо. Это все ложь.

Оппозиция выслушала это заявление в гробовом молчании. Многие обратили внимание на то, что господин Персиваль даже не заикнулся о том, что письмо было подделкой.

Лидер палаты сделал последнее отчаянное усилие скомпрометировать госпожу Кларк, вызвав для дачи свидетельских показаний госпожу

Фавори, экономку, считая, что она будет свидетельствовать против своей хозяйки. И Марта, с округлившимися от удивления глазами, предстала перед министром юстиции.

— Вы служили экономкой у госпожи Кларк в доме на Глостер-Плейс?

— Да.

— Содержание дома стоило дорого?

— Конечно. Иногда обед готовили трое поваров, а если его королевскому высочеству что-то не нравилось, госпожа Кларк нанимала еще одного повара.

— Часто ли госпожа Кларк принимала других джентльменов?

— Да, джентльмены ходили к ней толпами.

— До того как Самюэль Картер стал работать у госпожи Кларк лакеем, он появлялся у вас в доме в обществе капитана Саттона?

— Его привел капитан Саттон, но дальше передней он его не пустил.

— Скажите, жила ли госпожа Кларк с джентльменом по имени Огилви?

— Я видела господина Огилви, но она никогда не жила с ним. Этот здоровяк довольно часто захаживал на Тэвесток-Плейс.

— Вам знаком человек по имени Уолмсли?

— Зачем вам это понадобилось?

Вспыхнув от негодования и возмущения, Марта с упреком взглянула на министра юстиции. Сэр Вайкари Джиббс наклонился вперед. Ага… значит, к списку побед госпожи Кларк добавился еще один любовник?

Имя Уолмсли эхом пронеслось по залу. Уолмсли от Шропшира покачал головой и покраснел. Министр юстиции поднял руку, требуя тишины.

— Если, — обратился он к Марте, — вы можете что-то рассказать о некоем господине Уолмсли, я с радостью вас выслушаю.

Марта полезла за носовым платком. А вдруг, если она не скажет правду, министр юстиции посадит ее в тюрьму?

— Госпожа Кларк знает об этом, — ответила она. — Я была замужем за человеком, а оказалось, что он уже давно женат. Он обманул меня, но я ничего не знала — я ушла от него, как только узнала обо всем. И больше с ним не встречалась. Мы обвенчались в церкви в Вулвиче. Он — угольщик, и госпожа Кларк говорила мне не связываться с ним, а я не послушала.

Внезапный взрыв хохота потряс зал, и министр юстиции, бросив взгляд на господина Персиваля, разрешил своей незадачливой свидетельнице

удалиться и вызвал для окончательного допроса госпожу Мэри-Энн Кларк.

— Вы что-нибудь знали об Уолмсли?

— Да. Я много раз слышала о нем. Говорили, что он вор, а у меня, кстати, пропало несколько суповых тарелок, и мои слуги решили, что это его рук дело. У него был отвратительный характер, и герцог решил, что Марта должна уйти от нас.

— А через какое время вы взяли ее назад?

— Я не брала ее до тех пор, пока она мне не понадобилась. Госпожа Фавори очень помогает мне, она в курсе всех моих дел, и я уверена, что она не выдаст моих секретов. Я никогда не уличала ее во лжи.

— На предыдущем допросе вы утверждали, что однажды получили длинный список с именами офицеров, которые просили повышения в должности. Вы утверждаете, что передали этот список его королевскому высочеству?

— Да. Он положил этот список в свой бумажник, а позже я видела, что некоторые имена в этом списке вычеркнуты. Я рассказала об этом только потому, что слышала, как джентльмен справа от меня сказал, будто я рылась в карманах герцога.

Она с упреком взглянула на обвинителя от тори, со стороны оппозиции раздались выкрики:

«Позор!» Министр юстиции сверился со своими записями.

— В своих свидетельских показаниях вы утверждали, что знакомы с майором Доддом. Когда вы видели его в последний раз?

— Не помню. Я не стыжусь своего знакомства с майором Доддом, и он, как мне кажется, также не испытывает подобного чувства по отношению ко мне. За исключением, возможно, настоящего момента.

— Вы знакомы с неким господином Огилви?

— Да.

— Как давно вы его знаете?

— Не помню. Несколько лет.

— Четыре года?

— Может быть.

— Шесть лет?

— Вряд ли.

— Сколько лет вы были знакомы с господином Огилви до того, как стали жить с герцогом Йоркским?

— Несколько месяцев. Его бизнес потерпел крах и он как раз проходил через процедуру банкротства, когда мы с ним познакомились.

— Вы жили с ним?

— Я не жила ни с одним мужчиной, за исклю-

чением герцога Йоркского.

Одобрительные возгласы и свист наполнили зал. Свидетельница восприняла их с полным спокойствием. Министр юстиции пожал плечами. Лорд Фолкстоун уставился на свои ботинки. Полковник Уордл вздернул бровь. А потом, ко всеобщему разочарованию, министр юстиции заявил, что у него больше нет вопросов к свидетельнице.

Осталось совсем немного. Слушания закончились допросом двух военных представителей от правительства — военного министра и достопочтенного сэра Артура Уэллсли.

— На основе своего собственного богатого опыта, — сказал сэр Артур Уэллсли, — я могу утверждать, что с момента назначения его королевского высочества герцога Йоркского главнокомандующим сухопутными силами ситуация в армии значительно изменилась к лучшему: повысилось качество обучения офицеров, в штабы вошли более компетентные офицеры, повысилась квалификация офицеров кавалерийских подразделений, значительные изменения в лучшую сторону претерпела вся система материального снабжения армии, система управления. Особое внимание было уделено дисциплине и

военной подготовке.

После выступления сэра Артура Уэллсли господин Персиваль предложил обсудить его речь в ближайший вторник, учитывая, что через неделю, в понедельник, будут опубликованы полные протоколы заседаний. Полковник Уордл согласился.

Расследование действий герцога Йоркского закончилось. Однако впереди всех ждали дебаты, которые должны были начаться с четверга, двадцать третьего февраля, и продлиться до пятницы, семнадцатого марта.

Глава 7

Опустошенная, обессиленная, она сидела в кабинете на Вестбурн-Плейс. Расследование, столь ненавистное ей, было своего рода вызовом с ее стороны. Теперь же ей больше ничего не оставалось, как ждать вердикта. Но ее уже не волновало, каким он будет.

Она ни о чем не сожалела, весь гнев прошел. Даже военный трибунал был забыт. Во всем виноват Эдам — Эдам и Гринвуд.

Она взяла утреннюю газету и прочла письмо, которое герцог Йоркский направил в адрес палаты общин:

> *Сэр, я с огромным волнением ждал, когда комитет, назначенный палатой общин для расследования моей деятельности на посту главнокомандующего сухопутными силами Его Величества, закончит свою работу, и сейчас надеюсь, что мое обращение через вас к палате общин будет истолковано верно.*
>
> *С глубокой тревогой я наблюдал, как во время расследования мое имя называлось*

в связи с преступными и позорными сделками. Я безмерно сожалею, что мое имя употреблялось в подобном контексте, так как в результате моя репутация и честь были выставлены на общественное порицание…

«Отлично, – подумала она, – сожалей. Раньше ты ни о чем не сожалел. Ты не сожалел об этом, когда клялся мне в любви. Ты не сожалел об этом, когда положил глаз на госпожу Кари, превратив меня в помеху. Сдержи ты свои обещания, я пощадила бы тебя». Она взяла газету и дочитала письмо до конца:

Учитывая, что мне приписываются преступления, связанные с нарушением моих должностных обязанностей, я с полной ответственностью заявляю о своей невиновности. Я утверждаю, что не только не участвовал в любых позорных сделках, о которых упоминалось в свидетельских показаниях, но и не подозревал, что подобное явление существовало…

«О, Бог простит тебя. А как же те сережки, которые я купила у Паркера, и лошади, и экипажи,

и мои туалеты, и гербы, выгравированные на серебре? Неужели ты считаешь, что за все я платила из тех восьмидесяти фунтов, что ты выдавал мне ежемесячно?»

Сознание своей невиновности вселяет в меня надежду, что палата общин, учитывая выслушанные свидетельские показания, признает состоявшиеся слушания пристрастными. Но если же палата общин, признав выдвинутые против меня обвинения обоснованными, подвергнет мою невиновность сомнению, я буду требовать, чтобы приговор был вынесен только в результате судебного разбирательства и чтобы я имел возможность воспользоваться всеми преимуществами и защитой, которые предоставляются любому англичанину, подвергшемуся подобным санкциям, и которые являются обязательными условиями при обычном отправлении правосудия.

Искренне Ваш, Фредерик.

Сам написал? Вполне вероятно. Или с помощью своего личного секретаря Герберта Тейлора. А Эдам, наверное, маячил где-то на заднем

плане.

Если верить Фолкстоуну, письмо не произвело особого впечатления. Все заговорили о том, что предпринимаются атаки на привилегии палаты общин, — она не совсем поняла, о чем речь, но ее это не волновало.

— И что дальше?

Она задала этот вопрос заговорщикам, которые заехали к ней. А заговорщиками были Додд, Уордл и Гленни, та самая компания, которая заварила всю кашу.

— Мы не можем загадывать на будущее, — твердил Уордл, став внезапно страшно важным. — Ваше будущее, так же как и наше, зависит от решения палаты. В течение следующих нескольких недель я буду очень занят. Вся тяжесть дебатов ляжет на мои плечи.

— А разве остальные представители оппозиции не будут вас поддерживать?

— Будут, конечно. Но как главный обвинитель, я несу всю ответственность. Я нахожусь на передовой, а все остальные поддерживают меня.

— Именно это вам больше всего по душе, мой незапятнанный и безукоризненный патриот.

— Дорогая мадам, жало не красит вас.

— А в парламенте вы восхищались моей язви-

тельностью.

— Тогда все было по-другому. Вы использовали свой яд против правительства. Сейчас же перед вами друзья.

— Кстати, о правительстве… — вмешался Додд, и она заметила, как мужчины обменялись понимающими взглядами. — Вчера вечером мы разговаривали о вас с сэром Ричардом Филлипсом.

— Издателем с Бридж-стрит?

— С ним. Ваш поклонник, во всяком случае, он нам так сказал.

— Да? Что же он хочет?

— Почему обязательно хочет? Он восхищался вашим обаянием.

— Опыт, господин Додд, дает мне основание считать, что мужчина восхищается женщиной только в том случае, когда он что-то хочет получить от предмета своего поклонения.

— Очень циничный взгляд на вещи.

— Я циник.

— Предмет обсуждения, — вмешался полковник Уордл, — был на самом деле связан с бизнесом Филлипса. К вам приковано общественное внимание — весь Лондон только о вас и говорит, — поэтому он надеется, что вы сядете

и начнете писать мемуары. По его мнению, на вашу книгу будет огромный спрос.

— Мои мемуары?.. О чем?

— О вашей жизни с герцогом, о людях, которых вы встречали, обо всех сплетнях и скандалах. Вы сделаете на этом состояние. Вы обеспечите себя на всю жизнь.

— Но я считала, что вопрос с моим обеспечением уже решен. Что герцог Кентский держит наготове мою пенсию.

Повисло странное молчание, возникла неловкая пауза. Потом опять заговорил Додд:

— Конечно, это обсуждается, но до окончания дебатов вопрос будет висеть в воздухе. А пока выпустите как можно скорее книгу. Вы ничего не теряете, только приобретаете.

— С вашим талантом, — проговорил Уордл, — с вашим остроумием, шармом, с вашей легкостью в выражении мыслей вам понадобится всего неделя. У Филлипса есть один литературный поденщик, который придаст вашим мемуарам форму. Некто по имени Джиллингам.

— Я сам с радостью помогу вам, — добавил Додд. — Я довольно хорошо владею пером. Моя жена говорит, что, если бы у меня было время, я смог бы написать роман. Его королевское высо-

чество герцог Кентский сказал то же самое.

— Тогда почему бы вам не записать его воспоминания? Они имели бы гораздо больший успех, чем мои. Как он познакомился с мадам де Лоран, и описать их встречу во всех деталях. И как в Гибралтаре войска поджарили его, как Гая Фокса.

— Книга ваших воспоминаний, если вы ее напишете, — стараясь перевести разговор на другую тему, вмешался полковник Уордл, — будет направлена главным образом на то, чтобы запятнать грязью Йорка и скомпрометировать нынешнее правительство. Сгребите все сплетни и пойдите в наступление за свободу и за всех нас.

— Отстирать грязное белье правительства и расчистить вам дорогу?

— Я занятой человек. У меня нет времени писать книги.

Великий Боже! Как же она их всех презирает. Они используют ее в качестве орудия для достижения своих целей. Их не волнует, что ее обольют грязью, — главное, чтобы их руки остались чистыми.

— Вот что я вам скажу, — проговорила она. — Я могу написать книгу, но в ней я опишу жизнь всех мужчин, с которыми была знакома. В том

числе и вашу, и майора Додда.

— Дорогая мадам, тогда наши жизни будут подвергнуты тщательному разбору. Спросите наших жен.

— Хорошо. А как насчет псевдонима «господин Браун»? И кофейни на конце Кадоган-сквер?

Полковник Уордл покраснел как рак и сверкнул глазами:

— Что конкретно вы имеете в виду?

— Спросите вашу совесть, если она у вас есть. Я не знаю. Девушка из этой кофейни часто пьет чай на кухне вместе с Мартой. А майору Додду я могу предложить дешевый ресторанчик на Друри-лейн с рыжеволосой девчонкой за стойкой. Мой брат иногда там обедает — он очень любит театр.

Майор Гленни хихикнул:

— А что вам известно обо мне?

— Очень интересно, каким обманом вам удалось добыть себе столь тепленькое местечко учителя математики в Вулвиче. А мне казалось, что специалисты по артиллерии очень нужны в Испании?

Молчание. Потом вымученный смех и косые взгляды на часы — пора уходить.

— Если вы надумаете писать книгу, госпожа

Кларк, к вашим услугам будет сэр Ричард. Он очень энергичный человек.

Настолько энергичный, что со следующей же почтой прислал ей письмо с мольбой о встрече. Она приехала к нему в его контору и, оглядевшись, вспомнила, как десять лет назад в точно таких же конторах торговала своими памфлетами, написанными на основе собранных ею сплетен.

Тогда колонка стоила десять шиллингов, которые тут же в соседней пивной пропивал Джозеф. Господин Джонс из издательства на Патерностер-роу: «Грязи маловато. Публике требуется что-то поострее, чтобы действовало как приправа к обеду». Теперь же перед ней был расстелен красный ковер, и ее ожидали тысячи шиллингов.

— Моя дорогая госпожа Кларк, вся палата была у ваших ног!

— За исключением министра юстиции. Да и лидер палаты никогда не преклонял колена. К тому же я не заметила никакого движения на скамьях, где сидели представители правительственной партии.

— Но вы все равно произвели на них огромное впечатление, уверяю вас. Вы скромничаете. Итак, что вы можете сказать о мемуарах?

— А что можно сказать?

— Вы хоть что-то написали?

— Ни единой строчки.

— Как я понял, еще до начала расследования, летом прошлого года, вы сделали кое-какие записи, касающиеся вашей жизни на Глостер-Плейс, ваших разговоров с герцогом, событий, происходивших в королевской семье, и так далее. Именно этот материал мне и нужен. Могу я посмотреть его?

— Это зависит от того, что вы собираетесь с ним делать.

— Как! Опубликовать, естественно. С некоторой доработкой. Вы предоставите материал и все письма, а «вьючная лошадка» обработает их. Не сомневаюсь, книга получится очень острой. Знаю я этих принцев: германская кровь, они не знают никаких ограничений. Я хорошо заплачу вам за авторское право, госпожа Кларк.

— Я не продаю свое авторское право, сэр Ричард.

— Не продаете… но зачем же вы пришли?

— Вы можете издать и продать книгу, но вы останетесь только продавцом. Авторское право будет принадлежать только мне.

— В таком случае, госпожа Кларк, мы с вами не

сговоримся.

Она поднялась и собралась было уйти, но он попросил ее задержаться на минутку.

— Раз я не буду заниматься книгой сам, я могу свести вас с одним человеком, который собирается заняться книгоизданием, неким господином Джиллетом. Между прочим, он здесь. Я представлю его. — Она сразу же распознала обман. Несложный механизм: появляется еще одно лицо, которое «заехало совершенно случайно», а на самом деле с нетерпением ждало, когда звякнет колокольчик и будет объявлен его выход. — Так получилось, что здесь оказался и книготорговец из Кента. У него процветающее дело в Мейдстоуне. Его зовут Салливан. Стоит ему взглянуть на вас, госпожа Кларк, и он тут же возьмется за работу. Мой любимый лозунг: «Куй железо, пока горячо».

Вошли господин Джиллет и господин Салливан. Опять начались льстивые речи и восхваление ее самообладания на суде, и только после этого принялись за расчеты.

— Первое издание мы выпустим тиражом в двенадцать тысяч. Уверен, что подписка займет всего пару недель.

— Даем портрет автора на фронтисписе? Тот,

нарисованный господином Ваком? И обязательно подпись — она сделает книгу бесценной.

— Что насчет Ирландии? Какова ситуация на дублинском рынке?

— «Рыжие» много не заплатят, но книгу захотят. Думаю, госпожа Кларк, вы получите две тысячи гиней.

Она молча слушала их, потом спросила:

— Могу я получить какой-нибудь аванс до начала работы над книгой?

Никакого ответа. Гробовая тишина. Наконец заговорил господин Джиллет:

— Обычно сначала предоставляют рукопись. — Его поддержали и лоточник из Мейдстоуна, и сэр Ричард.

— Понятно. Тогда я лучше пойду домой и сяду писать.

Ее слова принесли им огромное облегчение. Встреча закончилась, однако ее результат не был записан на бумаге: ни одна из сторон не поставила свою подпись под договором, никаких обязательств, только обещание успеха на литературном поприще и огромного состояния. Она скорее поверила бы им, получи она от них хоть какие-то деньги, а так их прелестные речи не имеют смысла. Итак, домой на Вестбурн-Плейс и за

стол. А потом?.. «Мемуары М.-Э. Кларк» — звучит сухо, как осенний лист, как название учебника. Больше подошло бы «Мой взлет и падение», но описание ее взлета произведет сенсацию, и на нее обрушится поток грязи. Не будем зря дразнить зверя и приоткроем завесу только после того, как девочки выйдут замуж, а Джордж станет генералом. «Моя жизнь с герцогом»? Все это уже есть в протоколах, не раз обсуждалось в палате. Много, конечно, они там не обнаружат. Что он носил (или не носил), его вкусы, его настроение за завтраком, как он пел во время купания в лохани, как терпеть не мог грелок, как в полночь у него начиналась зевота. Несомненно, они скажут, что она лжет, и привлекут ее к суду за искажение фактов. Чтобы книга получилась убедительной, надо включить в нее его письма: от них нельзя будет отказаться. Все его письма, перевязанные ленточкой, лежат у нее в шкатулке. Не хватает только тех, которые она представила в палату. Письма — именно это требуется публике. Не любовные записочки, которые зачитывались в палате, а письма, в которых он раскрывал все секреты своей семьи.

Что король, в халате, играет в вист (у него прозвище — Ворчун), а премьер, господин Питт, в это

время ждет аудиенции… Что королева настаивает на соблюдении протокола, поэтому домочадцы встречают ее бесстрастными лицами… Что после родов у принцессы Уэльской были странные осложнения… Какие привычки и вкусы у его братьев, особенно у Камберленда, который окружил себя зеркалами и странного вида лакеями…

Да, эти письма стоили того, чтобы над ними поработать, чтобы их издали книгой в кожаном переплете с золотым тиснением. Но вопрос, согласится ли сэр Ричард, Джиллет или этот лоточник из Мейдстоуна хорошо заплатить ей за обладание письмами, написанными венценосной рукой, оставался открытым, и ей предстояло еще много выяснить.

Как приятно видеть, что все ее друзья забеспокоились. Джеймс Фитцджеральд из Ирландии волновался больше всех — у него были причины, она это знала. Он был не единственным, кто молил ее, если она когда-либо решится писать мемуары — слухи уже добрались до Дублина, — не упоминать о нем в память об их давней дружбе. Если она не сожгла его письма, не могла бы она вернуть их ему. Она не могла ни вернуть их, ни сжечь. Они были в той стопке, которую Николс обнаружил в Хэмпстеде, и сейчас находились в

палате общин.

Новость о том, что она собирается писать мемуары, привела к тому, что однажды утром перед ней предстал сын Фитцджеральда, Вилли.

— Что случилось? Твой отец умер?

Подняли шторы, разожгли камин, перед ним поставили поднос с кофе и яйцами.

— Мэри-Энн, — со слезами на глазах взмолился он, — мы на грани краха. Только ты можешь помочь нам.

— Да у меня едва наберется пять гиней. Я пошлю к своему обивщику, он мне кое-что должен.

— Дело не в деньгах…

— Так в чем же дело, черт возьми?

Он был похож на сумасшедшего. В его волосах застряла солома (из Дублина он плыл в лодке), щеки заросли щетиной, под ногтями скопилась грязь.

— Пять дней назад мой отец получил твое письмо. И я сразу же выехал… ты должна вернуть эти письма.

— Как? Они опечатаны и лежат в палате общин.

— Ты должна немедленно обратиться к Персивалю.

— Он не будет слушать. Может, он уже давно

взломал печать и прочитал их.

— Как ты не понимаешь, в каком положении мы окажемся, если будет опорочено наше имя? Мой отец больше никогда не посмеет смотреть людям в глаза, сестре придется разорвать помолвку, а мне…

— Я очень сожалею. Там есть одно письмо, в котором Джеймс предлагает свои услуги в качестве моего агента в Ирландии. Оно написано, если мне не изменяет память, в тысяча восемьсот пятом году. Он пишет, что мог бы увеличить расценки. Будет плохо, если его прочтут всему комитету.

— А ты сидишь здесь и улыбаешься…

— Я ничего не могу поделать. Писем у меня нет. Идите и разговаривайте с Персивалем сами, но вряд ли он выслушает вас до окончания дебатов.

— А пока ты можешь обещать, что не опишешь нас в своих мемуарах?

— А пока я не могу ничего обещать. Завтракай.

Как она могла считать его привлекательным? Должно быть, когда она виделась с ним в Уортинге, на нее подействовала скука и июльская жара.

— Вот что я могу сделать, — вдруг осенило ее. — Ты говорил мне, что знаком с графом Мориа и с графом Чичестером. Я видела тебя с ними. Сейчас для них мое имя ничего не значит, но это не

важно. Они много лет были близкими друзьями герцога Йоркского. Пусти слух, будто я собираюсь опубликовать свои мемуары, в том числе и письма герцога, но могу передумать, если кто-нибудь переубедит меня.

Это, во всяком случае, честно, им предоставляется возможность действовать.

В течение марта, пока продолжались дебаты, день за днем, с бесконечными и многочисленными выступлениями — за, против, восхваляющие и клевещущие, возносящие на небеса и обливающие грязью, — главная свидетельница по обвинениям, выдвинутым Уордлом, писала: о признаниях, о впечатлениях и о многом другом. У нее ни на что не оставалось времени, даже на детей (которые спокойно жили за городом с ее матерью) и на Билла, жившего в Аксбридже и ухаживавшего за отцом, у которого случился удар.

Она прервалась только однажды — когда его светлость Радикал, еще разгоряченный дебатами, тайно заехал к ней. Она узнала все новости. Как идут боевые действия в войне идеалов, как один член парламента назвал ее ведьмой, другой — распутницей, а третий — бедной женщиной, с которой поступили несправедливо и которая нуждается в сострадании.

— Кто выигрывает?

— Дело закончилось.

— К финишу пришли голова в голову?

— Нет, правительство впереди, да с таким отрывом, что они даже не утруждают себя оглядываться.

— И что это значит?

— Отставка.

— Для кого?

— Для вашего доблестного главнокомандующего.

Она не ощутила ни радости победы, ни восторга — только боль в сердце и стыд. Я воздам, говорил Господь, — так было написано в потрепанной Библии ее матери, — но свершившаяся месть оставила неприятный осадок.

— Могу я остаться?

— Если хотите.

И даже это ей было безразлично, она не нуждалась в его преклонении. Его ласки не вызвали у нее ответного чувства, их близость была лишена пыла и страсти.

Палата заседала до вечера семнадцатого марта, когда наконец состоялось голосование. Дебаты, длившиеся три недели, закончились, и заключительные выступления показали, как могут

разделиться голоса.

Сначала выступили лидер палаты и министр юстиции, которые заявили, что не считают отставку главнокомандующего необходимой, что, пребывая на этом посту, он проявил себя как знающий специалист. Если бы госпоже Кларк можно было доверять, обвинения считались бы доказанными, однако ее свидетельские показания оказались сплошной выдумкой. Долг членов палаты — оправдать герцога и очистить его доброе имя от сфабрикованных против него обвинений.

Сэр Фрэнсис Бердетт, представитель оппозиции, выразил крайнее изумление по поводу того факта, что лидер палаты, господин Персиваль, который также занимал пост канцлера казначейства, сэр Вайкари Джиббс, министр юстиции, и все государственные законоведы, чьей обязанностью является наказывать за антиобщественные преступления, на этот раз оказались на стороне обвиняемых в противоправных действиях.

Основной задачей представителей правительства во время слушаний было в пух и прах разбить свидетельские показания госпожи Кларк, однако ее логичная и уверенная манера отвечать на вопросы произвела на всех неизгладимое впечатление. Те, кто расставлял ей ловушки и

стремился дискредитировать ее, оказались в тупике. Министр юстиции его величества был разбит наголову.

Что касается высоких принципов герцога Йоркского, он не испытывал никаких угрызений совести из-за того, что бросил свою любовницу, оставив ее в нищете и опозоренной. Он отказался выплачивать ей обещанное им ежегодное содержание, что свидетельствует о характере королевских обещаний. Высокий ранг принца не имеет никакого значения. В данном случае действует английское правосудие, и народ Англии надеется, что палата примет справедливое решение. Он считает недопустимым, чтобы после всего услышанного в палате общин герцог Йоркский остался во главе армии.

Палата разделилась, и результат оказался именно таким, как предсказывал лорд Фолкстоун. С преимуществом в восемьдесят два голоса с герцога Йоркского были сняты обвинения как в коррупции, так и в попустительстве.

Если судить по результатам голосования и официальным отчетам, герцог был оправдан, но в глазах общественности герцог Йоркский остался преступником, что свидетельствовало о триумфе оппозиции.

Как только в пятницу вечером новость стала всеобщим достоянием, улицы Лондона запрудила радостная толпа. Полковник Уордл стал национальным героем, госпожа Кларк — пожертвовавшей собой заступницей англичан. И вместо мальчишек, кидавших камни в окна ее кабинета, около дома собралась толпа, которая с благоговейным терпением ждала, когда она выйдет на ступеньки и улыбнется ей.

В тот вечер она отправилась на премьеру в оперу, где устраивалось благотворительное представление в пользу актеров из «Друри-Лейн». С ней были Чарли, Мей Тейлор и лорд Фолкстоун. Когда они вошли в ложу, публика приветствовала их громкими криками и бурными аплодисментами.

— Этим искупается все то, что ты вытерпела от министра юстиции, правда? — прошептал Чарли.

Его сестра улыбнулась, поклонилась и приветственно помахала рукой.

— Нет, — ответила она и еще раз улыбнулась и поприветствовала публику.

— Что будет твоим следующим шагом? Потребуешь публичного извинения?

Она рассмеялась.

— Я буду выжидать, — сказала она. — Вот увидишь. В ближайшие дни я расквитаюсь с Вайкари Джиббсом.

— Если сейчас они так вас превозносят, — пробормотал лорд Фолкстоун, когда аплодисменты стихли и публика расселась по местам, — что будет, когда вы опубликуете свои мемуары?

— Автора читают, а не смотрят на него, — прошептала Мэри-Энн. — Кроме того, вполне возможно, что я не буду публиковать их.

— Но вы должны… — Он был изумлен. — Я слышал от сэра Ричарда Филлипса, что вы обо всем договорились. Книга станет еще одной палкой в колеса правительства и принесет огромную популярность оппозиции.

Мэри-Энн пожала плечами. Свет погас.

— Если вы думаете, что меня хоть в малейшей степени волнует успех одной из воюющих сторон, — сказала она, — вы очень ошибаетесь. Сводите счеты с вашими врагами без меня.

— Тогда ради чего вы ввязались в эту битву?

— Ради будущего своих детей.

Поднялся занавес, и воцарилась тишина. Пьеса называлась «Медовый месяц». Когда один из главных героев начал произносить свой монолог, заканчивающийся словами: «Глупо, конечно, ухо-

дить в отставку в конце месяца, но, как и другим видным людям нашего ведомства, мне приходится подгадывать так, чтобы уйти по-хорошему, а не быть выставленным за дверь», — зал встал и разразился бурными аплодисментами.

И опять все головы повернулись направо, к ложе, раздались приветствия, люди махали ей руками. Триумф был полным.

В субботу утром его королевское высочество герцог Йоркский подал прошение об освобождении его от должности главнокомандующего. Его величество принял отставку благосклонно. Это известие вызвало бурное ликование в обществе, продлившееся до Пасхи, выступления оппозиции в Вестминстер-Холле вызвали широкий отклик по всей стране. Первого апреля полковник Уордл был избран почетным гражданином города Лондона, а экипаж лорд-мэра, выступавшего против этого предложения, толпа закидала грязью.

В тот же день главный свидетель со стороны обвинения имела встречу с тремя джентльменами: графом Мориа, графом Чичестером и сэром Гербертом Тейлором, личным секретарем его королевского высочества герцога Йоркского.

Результатом этой встречи было согласие госпожи Кларк, сопровождаемой ее поверенным,

господином Комри, господином Вильямом Даулером, ее братом капитаном Томпсоном и господином Коксхед-Маршем, приостановить публикацию своих мемуаров, часть которых уже была отпечатана тиражом несколько тысяч экземпляров и находилась у издателя господина Джиллета. Ему было обещано полторы тысячи фунтов за каждый уничтоженный экземпляр тиража.

Было решено, что за прекращение публикации своих мемуаров и за передачу графу Чичестеру всех имеющихся у нее писем герцога Йоркского она получит десять тысяч фунтов единовременно, ежегодное пособие в четыреста фунтов, а также двести фунтов на каждую из своих дочерей. Предполагалось, что ее дочери унаследуют после ее смерти назначенное ей ежегодное пособие. Ответственность за соблюдение условий договора будут нести трое посетивших ее джентльменов, а граф Чичестер и господин Кокс из фирмы «Кокс и Гринвуд» станут гарантами выплаты пособия.

Госпожа Мэри-Энн Кларк подписала следующий договор:

> В соответствии с предложенными и согласованными условиями, я, Мэри-Энн

Кларк, проживающая в Лондоне на Вестбурн-Плейс, 2, обязуюсь возвратить все имеющиеся у меня письма, бумаги, документы и прочие записи, касающиеся герцога Йоркского или членов королевской семьи, а также все письма, записи и другие документы, написанные или подписанные герцогом. Я также обязуюсь предоставить друзьям герцога те письма, которые находятся у третьих лиц.

Я обязуюсь по первому требованию клятвенно подтвердить, что я предоставила все написанные мне герцогом письма и другие бумаги и что мне неизвестно о существовании лиц, которые могли бы владеть подобными документами. Я также обязуюсь забрать у издателя рукопись моих мемуаров и все переданные ему документы, а также рукописи уже изданных работ.

Я обязуюсь в дальнейшем не писать и не публиковать никаких статей, касающихся нашей связи с герцогом или основанных на рассказах герцога.

В случае несоблюдения мною вышеназванных условий договора выплата

оговоренного пожизненного ежегодного пособия, которое после моей смерти перейдет к моим дочерям, будет прекращена.

Отпечатанный тираж и другие опубликованные материалы будут сожжены. Я обязуюсь не оставлять себе ни одного экземпляра опубликованных мемуаров, а также не снимать копий с писем герцога Йоркского или с других документов.

Датировано: первое апреля, 1809.
Подпись: Мэри-Энн Кларк.

Ее поверенный, господин Джеймс Комри, заверил документ.

После встречи она вернулась домой на Вестбурн-Плейс и устроила вечеринку… но мысли о пустом кресле в главном штабе армии не покидали ее.

После ухода гостей она долго стояла у окна в кабинете. Остались только Билл, Чарли и Мей Тейлор. Билл подошел к ней и встал рядом, взяв ее за руку.

— Конец эпохи, — сказал он. — Забудь об этом. Закончилась неудачная полоса в твоей жизни.

— Не закончилась. Что меня ждет?

— Ты получила все, что хотела. Дети обеспечены.

— Я не об этом. Я думаю об обещаниях Уордла.

— А что он тебе обещал?

— Замки и экипажи, запряженные четверкой и с герцогом Кентом в качестве возницы.

Она улыбнулась и больше ничего не сказала. Они допили вино — последнее из подарка господина Айллингворта.

— Ты обратил внимание, — сказала она, — что они допустили одну оплошность, составляя этот помпезный документ, который я подписала сегодня? Я обещала, что не буду ничего публиковать о себе, и о герцоге, и о нашей совместной жизни. Но это обещание связывает только меня, а не моих наследников.

— Ты думаешь, что дети… — начал Билл.

Она пожала плечами.

— Просто мне это упущение показалось забавным, — ответила она, — вот и все.

Она подняла тост за будущее и осушила бокал.

Часть четвертая

Глава 1

Уордл, Додд, Фолкстоун и, естественно, Вилл Огилви — все они по очереди заезжали к ней и задавали один и тот же вопрос:

— Почему? Для чего?

И всем им она отвечала:

— Ради безопасности. Ради детей.

— Но у нас были все козыри, — настаивал Уордл. — Наша победа была полной, и публикация ваших мемуаров и писем герцога дала бы нам огромные преимущества в борьбе за наше дело.

Она пожала плечами.

— Ваше дело меня не интересует, — сказала она. — Я сражалась на вашей стороне — и хватит.

— Письма, — стонал Додд, — бесценные письма! Судя по вашим намекам, эти письма могли бы полностью дискредитировать герцога в глазах общественности, не говоря уже о его семье. Его место занял бы герцог Кентский, известный своей прямотой, здравомыслием и рассудительностью, который всего за ночь превратился бы в одну из самых почитаемых в стране фигур, а тем временем…

— А тем временем, — перебила она, — он сидит в своем Илинге, а обязанности главнокомандующего исполняет сэр Дэвид Дандас.

Его светлость Радикал, нежный и заботливый, склонился над ней и покачал головой.

— Вы обещали всегда спрашивать моего совета, — с упреком проговорил он. — Я понимаю, вы хотите обеспечить свою безопасность, но бросаться такими картами — настоящее сумасшествие. Публикация мемуаров и писем оказала бы огромное влияние на политическую жизнь и не только бы расколола партию тори, но и вдохнула бы новые силы в республиканцев, которые получили бы большинство в парламенте, где…

— О боже, где нужно открыть все окна и проветрить, — закончила она. — Вычищайте грязь из вашего парламента, но без меня. Я никогда не вмешивалась и не буду вмешиваться в политику. Идите домой. Вы все утомили меня.

Они ушли и оставили ее одну. Как часто случалось, одиночество заставило ее переосмыслить события. Без сомнения, она вела себя как дура — только время покажет, так это или нет, — но, по крайней мере, на счету есть деньги для Мэри и Эллен и небольшая сумма для нее самой. Она больше не зависит от мужского великодушия.

Навсегда исчез вечный страх. Но что осталось? Чем можно заняться в тридцать три года? Ее обуревали сомнения, подогреваемые Виллом Огилви. Однажды он без обиняков заявил ей:

— Вы подвели меня.

— Я давно говорила вам, — ответила она, — все, что я делаю в жизни, только ради детей.

— Вздор! Вы довольно неплохо заработали бы на своих мемуарах — было бы что оставить в наследство вашим девочкам. А теперь они будут получать нищенское пособие в двести фунтов. Что касается ваших десяти тысяч — зная, как вы привыкли жить и вашу любовь к дорогим безделушкам, — этих денег вам хватит всего на пару лет. Если говорить об основной цели…

— Вы имеете в виду — освободить место в штабе и сокрушить Ганноверов?

— Можете ставить вопрос именно так, если вам угодно.

— Скажу вам честно, Вилл, мне нравилось жить в роскоши. Красные мундиры, сверкающие кирасы, начищенные пуговицы, облеченный властью король — пусть он нетвердо держится на ногах и у него с головой не все в порядке. Я всегда трепетно относилась к голубой крови и помазанникам Божиим.

— О нет. Это только предлог. В глубине души вы хотите, чтобы он вернулся к вам.

— Кто?

— Ваш герцог Йоркский. Поэтому-то вы и отдали письма и сожгли мемуары. Вы, по своей женской логике, рассудили, что этим вы тронете его сердце, заставите его пожалеть о вашем разрыве. Вы надеетесь, что в один прекрасный день его карета остановится у вашего дома и он позвонит в дверь.

— Это неправда.

— Не лгите. Я вижу вас насквозь. Ладно, давайте говорить начистоту. Он не вернется, его тошнит от одного упоминания о вас. Он дискредитирован в глазах всего света — и вы этому поспособствовали.

Его слова привели ее в бешенство.

— По совету обанкротившегося, не гнушающегося шантажа армейского агента… Господи, вы все время вмешиваетесь в мои дела. Я страшно сожалею, что когда-то встретила вас.

— И где бы вы были сейчас? В каких-нибудь жалких меблированных комнатах в Брайтоне, лежа на спине, зарабатывали бы себе на хлеб? За ночь — тройную цену, а для подвыпивших гуляк, сбежавших из семьи на субботу и воскресенье, —

пять шиллингов за один раз? Или, за неимением лучшего, позволили бы преданному Даулеру поселить вас в каком-нибудь тайном убежище рядом с его домом? Сами готовили бы себе еду, располнели бы и через силу выполняли бы свои обязательства по субботам?

— Наоборот, я вытеснила бы госпожу Фитц и воцарилась бы в Карлтон-Хаусе или начала какое-нибудь дело. О небеса, как же я ненавижу вас, Вилл, вы, как дьявол, преследуете меня всю жизнь.

— Я ваш спаситель, но вы не хотите признать этого. Вопрос в следующем: что дальше?

— Почить на лаврах. Учить моих дочерей хорошим манерам.

— И выдать их замуж за приходских священников с двумя пенсами годового дохода. Вам надоест столь безупречное существование… А любовники?

— Я в них не нуждаюсь, раз у меня есть десять тысяч на счету и четыреста фунтов ежегодного пособия. Кроме того, меня тошнит от мужчин: они слишком требовательны.

— Вы имеете в виду его светлость Радикала?

— Я не имею в виду кого-то конкретного, я говорю об этой половине рода человеческого. Я

обеспечила себе безопасность только с помощью своей женственности и очарования — ни вы, ни Уордл здесь ни при чем. Кстати, где обещанное вознаграждение? Домик с башенками и экипаж четверкой?

— Лучше вам обратиться к члену парламента от Оукхэмптона. Как и я, он вам скажет, что вы подвели его, что, приостановив публикацию мемуаров в столь острый момент, вы выбили у него из рук оружие. Другими словами, вы ему больше не нужны.

— А Кенту?

— О, Кент в ужасе, что с него сорвут маску. Приходится признать, что я ошибся в оценке. Я считал его достойным человеком, но он струсил — истинно германская манера. Он никогда не получит должность своего брата.

— Итак, мы не сдвинулись с места?

— Точно. Хотя Уордл стал национальным героем, а вы приобрели всеобщую известность… По крайней мере, вашим портретом украшают стаффордширский фарфор. Все типографии печатают ваши портреты — что еще вам нужно?

— Благодарность за полный зал во время слушаний. Во всяком случае, мне удалось отвлечь народ от войны в Испании.

— Да, вы сделали это мастерски. Честь вам и хвала. Ваше имя звучит в самых отдаленных уголках Англии. Жаль, что это будет длиться недолго. Как только вы сожгли мемуары, вы сразу же вышли из моды. Нет ничего скучнее уединенной жизни.

Она смотрела в его спокойные глаза. Сколько он потратил сил, чтобы привлечь ее, чтобы подбить ее на эту авантюру, — каким же надо быть гением, чтобы задумать все?

— Я ненавижу неблагодарность, — сказала она, — и несдержанные обещания.

— Которые дают дураки, — заметил он, — пустоголовые дураки.

Значит, он не любит Уордла? Она поняла. Его игра не принесла успеха, его план потерпел неудачу. Где-то Уордл совершил грубую ошибку, и Огилви, в тайне от всех ткущий паутину, увидел, что жертве удалось спастись… Паутина разорвалась.

— Если бы, — сказала она, — вы действовали самостоятельно, а не использовали пешек, вы могли бы преуспеть.

— Меня утомляет активная деятельность — такой уж у меня характер.

— Разве? Я часто спрашивала себя…

Но никаких откровений не последовало. Где он развлекается? Во всяком случае, обиженно подумала она, не здесь. Что сразу же объединило их и в то же время создало барьер между ними. Возможно, он, как обычно, прочитал ее мысли, так как засмеялся, поцеловал ей руку и пожелал спокойной ночи.

— Ну ладно, — сказал он, — я прощаю вас за то, что вы сожгли мемуары. Но десять тысяч могут растаять. Постарайтесь удвоить их, пока у вас есть возможность. Между прочим, вы обеспечили только дочерей. Но ваша щедрость понадобится и остальным представителям клана Маккензи, не так ли?

И с этими словами он ушел. Однако его визит взбодрил ее, она уже не была так подавлена. Он изменил ее настроение так, как ему было выгодно в данный момент. И она знала это.

Оставленная после его ухода наедине с тревожными мыслями, которые он внушил ей, она промучилась всю ночь без сна, а утро началось с нюхательной соли и недовольства Мартой.

— Не белое, а голубое платье.

— Голубое порвано.

— Так почему же, черт побери, ты не удосужилась зашить его?

— Не было времени, мэм: ведь вы вчера его надевали.

— Голубое шелковое, а не атласное… Не забирай поднос, я еще не закончила. Почту принесли? Кто заезжал? Где мои письма?

— Все здесь, мэм. На подносе. Вы сдвинули их в сторону.

— А я думала, что это счета. Так и есть. Убери их. Откуда, позволь узнать, этот засохший букет маргариток?

— Цветы от господина Фитцджеральда, принесли сегодня утром.

— От отца или сына?

— От господина Вильяма, мэм.

— В двадцать шесть лет стоит быть более галантным. Его отец обычно присылал розы. То ли они вырождаются, то ли кровь у них замерзла — одно из двух. Кто-нибудь заезжал?

— Внизу ждет господин Райт, мэм.

— Райт, обивщик?

— Да, мэм. Сидит с семи.

— Интересно, кого он собирался отловить в столь ранний час, когда еще ни один охотник не охотится?

— Он не сказал… Он говорил что-то о полковнике Уордле.

— Бог простил бы меня, если бы я задержала его до семи вечера. Ты когда-либо видела голову полковника Уордла на моей подушке?

— Никогда, мэм… Какой ужас…

— Вот именно — ужас. Я упала бы в обморок, если бы он хоть раз прикоснулся ко мне. Можешь так и сказать Райту и передай ему мои наилучшие пожелания. Иди и наполни мне ванну, и хватит сплетничать.

Фрэнсис Райт, подобно всем жителям Англии, читал газеты. Госпоже Кларк выплачено десять тысяч фунтов. Все деньги целехоньки и находятся в безопасном месте, писала «Морнинг пост». Значит, их деловые взаимоотношения оживут, во всяком случае, он надеялся на это — ведь ему так и не заплатили за мебель.

Она вплыла в кабинет:

— Дорогой господин Райт, чем могу служить вам?

— Ну, госпожа Кларк, я насчет дома.

— Насчет дома?

— Вы живете здесь уже пять месяцев.

— Я знаю. Он меня вполне устраивает.

— Я думал, что, возможно, при изменившихся условиях вам захочется переехать в более просторный дом?

— О нет… Как вам известно, у меня скромные запросы. К тому же ничто не изменилось. Только крохотная сумма для обеспечения будущего моих дочерей.

— Понимаю. Ну, если так обстоит дело… — Он протянул счет. Много страниц. Внесена каждая мелочь. — Этот счет выписан по состоянию на октябрь прошлого года — я не внес сюда, естественно, плату за хранение вещей. Может, вы хотите, чтобы я зачитал вам?

— Мне очень не хотелось бы, чтобы вы сорвали голос, — вы и так хрипите. А все из-за того, что вы слишком рано по утрам выходите на улицу, это очень опасно, когда у человека слабое горло. Вам нужно выпить вина.

Господин Райт не привык пить вино без четверти десять. К половине одиннадцатого он уже раскис, отек и чувствовал себя не в своей тарелке. Он принялся рассказывать о своем детстве, проведенном в Гринвиче. Счет вернулся в карман его жилета. Но ведь он приехал по делу. По какому делу? Он в замешательстве уставился на свою клиентку, стараясь выразить свою мысль словами:

— Мой брат и я решили: мы должны получить то, что нам причитается.

— Ваш брат совершенно прав. Я полностью поддерживаю вас. Обратитесь к полковнику Уордлу: он обещал заплатить вам. Ведь был же договор, заключенный между ним и виноторговцем по имени Айллингворт, не так ли?

— Был. Но срок уплаты прошел.

— Какая досада… Я скажу вам — но это должно быть строго между нами, — что полковник Уордл совершил много неблаговидных поступков, и не только по отношению к вам. Он не выполнил ни одного обещания, данного мне. Вы помните, что он говорил в ноябре прошлого года?

— Помню. Но не все.

— О, вы вспомните. О влиятельных друзьях, о светлой дороге в будущее, открывающейся перед Англией, — помните?

— Мне кажется, он восхищался мебелью, которая была на моем складе, но сказал, что она слишком дорогая. Это я помню.

— Может, и дорогая, но она слишком важна для той роли, которую я должна была играть под его руководством. Именно поэтому он и обещал заплатить и дал вам слово.

Райт покачал головой. Его голова начала проясняться.

— Сомневаюсь, что нам удастся вытащить из

него хоть один пенс.

— Разве вы не собираетесь обратиться за помощью к закону?

— Собираюсь, если дело чисто.

— Конечно чисто. Все честно и открыто. Напишите ему и потребуйте денег, а если он откажется, тогда я за это возьмусь. Я прослежу, чтобы ему не удалось вывернуться. Народному герою, господин Райт, не избежать падения.

Отказавшись от еще одной рюмки хереса, господин Райт удалился. Следующим приехал доктор Меткалф. Он периодически обследовал ее в течение последних десяти месяцев и внимательно следил за ее состоянием во время расследования.

— Госпожа Кларк, я к вашим услугам. Примите мои поздравления.

— С чем?

— С тем, что я услышал сегодня утром. Как я понял, друзья герцога заплатили вам десять тысяч, вам и вашим дочерям обеспечено ежегодное пособие.

— А, вы об этом… Жалкие крохи, только чтобы не умереть с голоду.

— Понимаю. Вы рассчитывали на большее. Жаль. Дело в том…

— Да?

— Я сам слепо полагался на вас. Несколько месяцев назад вы сказали мне, что у вас есть некоторые виды на будущее или, скажем, надежды и что я смогу получить свою долю, как только поступят деньги.

О небеса, заберите всех докторов с их умением вытянуть из человека все, что угодно. Легкий приступ мигрени — и комната, где лежит больной, мгновенно превращается в исповедальню. Она вспомнила, как бывала неосторожна в своих высказываниях, слушая ласковый, полный сочувствия голос, как едва слышно рассказывала о Додде и Уордле, о герцоге Кентском, рисуя картины великого будущего своих близких друзей. А однажды вечером в январе она даже пригласила доктора с женой на обед, и они встретились с Доддом и Уордлом. Зашел разговор о богатстве — вино текло рекой, о патронаже, свершившем переворот в мире медицины. И доктор Меткалф увидел себя не простым врачом, принимающим роды, а консультантом в Виндзоре, прослушивающим стетоскопом легкие благодарных принцесс.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Дело в том, что нас одурачили. Не только вас и меня, но и других. Обещания, данные перед началом расследования, были сделаны только для того, чтобы

заставить меня прийти в палату общин: они прекрасно знали, что без меня им там нечего делать. А теперь, когда все закончилось, они посчитали, что гораздо удобнее позабыть о своих обещаниях. Ни я, ни мои друзья им больше не нужны.

— Но, моя дорогая госпожа Кларк, майор Додд сам обещал мне.

— И мне он пообещал золотые горы, но только не на бумаге. Человеческий голос, доктор Меткалф, — это пустой звук, вам ничего не удастся доказать. Только изложенное на бумаге имеет значение. Я рада, что у меня остались кое-какие бумаги. Они заставят его трястись как осиновый лист.

— А полковник Уордл?

— Он всеобщий любимец, герой. Но только на время — этот период пройдет. То, что лежит в крохотном ридикюле, способно повергнуть национального героя на колени и заставить толпу отвернуться от него. Предоставьте это мне.

— Но мои перспективы, госпожа Кларк, ведь число моих пациентов уменьшается. За последние месяцы, окрыленный надеждами на будущее, я очень сильно запустил дела. К тому же, как вам известно, у моей жены слабое здоровье, что требует больших расходов…

Старая история. Подслащенная пилюля. Слетелись, как стервятники. Она быстро выписала чек, проводила его до двери и похлопала по плечу. Вилл Огилви опять оказался прав. Десять тысяч — мелочь, надо было требовать двадцать.

Следующим посетителем был Чарли. Он хмурился и пинал мебель, за которую еще не было заплачено.

— Итак, все закончилось. Что же будет со мной?

— Я позабочусь, чтобы ты получил работу.

— Но какую работу? Я не буду чистить чьи-то башмаки, я не хочу от кого-то зависеть. Ведь ты говорила о восстановлении в должности, об отмене приговора трибунала, о новом назначении, так?

— Дорогой мой, придется смириться. Эти скоты блефовали.

— А ты не можешь разоблачить их, разделаться как-нибудь с ними?

— У меня не было времени подумать… Ради бога, оставь меня. Мне казалось, что Коксхед-Марш предложил тебе работу в Локтоне?

— Он говорил о должности инспектора поместья, под началом бейлифа — работа для слуги. А я солдат. Будь я проклят, если соглашусь стать лакеем: с моим опытом мне следовало быть

командиром. Наверняка у тебя есть знакомые, которые могут нажать на нужные пружины? Между прочим, у меня нет денег.

Слава богу, с Мей Тейлор все улажено: Самюэль Уитбред объявил в парламенте подписку в пользу Мей и ее сестры Сары. Подписались почти все представители оппозиции.

И последний — Джордж. Он больше не учится в Челси, его форма, такая элегантная, упакована и убрана в сундук, а его голубые глаза, большие и полные доверия, пристально смотрят на мать.

— Я не вполне понимаю, из-за чего шум. Почему я должен перейти в другую школу?

— Потому что, мой ангел, произошел ужасный скандал. Его королевское высочество больше не главнокомандующий и, следовательно, не начальник в Челси. Всем известно о том, что он покровительствовал тебе. Я вынуждена перевести тебя в другую школу, чтобы не вызывать пересудов.

Она увидела, что Джордж нахмурился, его взгляд стал упрямым: все мечты клана Маккензи превратились в пыль.

— Уверен, что ты сама все испортила, все из-за вашей дурацкой ссоры. Наша жизнь стала намного хуже после переезда с Глостер-Плейс.

— Я знаю, мой котенок. Но мама не может объяснить. Однажды, возможно, когда ты станешь старше, ты узнаешь, что произошло.

Ответом ей были поджатые губы и мрачный взгляд, внезапно ставший недоверчивым и полным тревоги.

— Я все еще могу пойти в армию? Ты обещала мне. В день моего рождения, когда мне исполнилось пять, ты села на кровать и поклялась.

— Я не отказываюсь. Я никогда не нарушаю данное мною обещание.

Тюрьма, дыба, позорный столб — ради Джорджа, ради исполнения его заветных желаний она вытерпит все на свете.

А пока к делу: надо получить причитающееся от Уордла, Додда и Компании. Она пригласила их на обед. Оба джентльмена, проявив великолепную способность ускользать от всех вопросов, пробыли час и быстро сбежали. От повторного настоятельного приглашения они уклонились. Она дала им три недели на размышления, а потом написала полковнику Уордлу письмо, которое было отправлено четырнадцатого мая.

Дорогой сэр,
я послала за Вами и майором Доддом

для того, чтобы выяснить, каковы Ваши намерения выполнить данные Вами обещания. У меня возникло впечатление, будто Вы отказываетесь признать, что данные мне обещания не были ограничены какими-либо условиями. Так вот: никакие условия оговорены не были.

Единственным объяснением этому может быть тот факт, что Вы, чувствуя себя глубоко обязанным мне, решили вместе с майором Доддом избавиться от этой тяжелой ноши, ограничившись уклончивыми и ничем не подкрепленными авансами на будущее.

Я еще раз требую выполнения данных Вами обещаний, которые, если Вы оба считаете себя честными людьми, Вы обязаны выполнить. Я не требую ничего, кроме того, что было оговорено: не менее пятисот фунтов в год. В связи с тем, что мои дети, в частности мои дочери, так же как и я, стали жертвами проводившегося расследования, пятисот фунтов ежегодного пособия будет для них недостаточно. Поэтому я считаю, нужно десять тысяч фунтов ради того, чтобы

покончить с этим делом, – даже менее половины обещанного вами. Я надеюсь, что Вы решите этот вопрос совместно с майором Доддом, точно так же, как Вы давали совместные обещания, и выплатите десять тысяч фунтов в течение двух лет; начиная с марта Вы начнете платить мне ежегодное пособие в размере пятисот фунтов, а также погасите свой долг Райту.

Все это – лишь малая часть данных мне обещаний! Как Вам известно, мой сын находился под покровительством герцога Йоркского. И так как я приложила руку к отставке герцога, мой сын, естественно, лишился его покровительства. Вы дали мне слово, что ему будет обеспечена равноценная поддержка со стороны герцога Кентского. Мне пришлось забрать сына из школы, и я отвечаю за его судьбу.

Следующее Ваше обещание касалось капитана Томпсона: или выплатить ему пособие, или, в том случае, если герцог Кентский займет пост главнокомандующего, восстановить его на прежней должности. Однако дело стоит на ме-

сте! Следующее обязательство: платить мне обещанное герцогом Йоркским ежегодное пособие в размере четырехсот фунтов, а также выплатить мне задолженность герцога Йоркского; погасить все мои долги, в том числе и те, которые я сделала за время совместной жизни с герцогом Йоркским.

Вы обещали выплатить долг господину Комри, моему поверенному, в размере тысячи двухсот фунтов, в погашение которого он удержал мои драгоценности; заплатить оставшуюся сумму за мой дом и мебель. А теперь позвольте спросить: неужели десять тысяч фунтов равноценны тому, что Вы, торжественно дав слово приложить все усилия, обещали? Мне осталось добавить лишь одно: даже если бы Вы вынули эту небольшую сумму из собственного кармана, она не может идти ни в какое сравнение с тем, сколько Вы должны мне, принимая во внимание то, какое положение Вы стали занимать благодаря мне. У вас есть две недели. После этого срока можете не рассчитывать на мое умение держать все в тайне. Я буду считать себя свободной предпринимать любые шаги и использовать по своему усмотрению копию этого письма.

Искренне Ваша, Мэри-Энн Кларк.

«Итак, господин почетный гражданин Лондона, — подумала она, — можете положить это

письмо в вашу золотую шкатулку или куда вам заблагорассудится, но вам будет очень не по себе, когда вы увидите его в „Таймсе“».

Глава 2

— Что вы сделали с Уордлом?

— А почему вы спрашиваете?

— Я только что видел его в палате. Стоило мне упомянуть ваше имя, как он тут же побелел как мел, процедил сквозь зубы одно слово, которое я не могу повторить, и исчез.

— Слово, которое начинается на «с» и заканчивается на «а»?

— Ну, в общем, да, если вы так настаиваете. Я накинулся на него. После всего того, что вы для него сделали, я не могу понять его отношения к вам. Он стал популярным только благодаря вам, и самое меньшее, что он может для вас сделать, — научиться управлять своими эмоциями.

— В том-то и проблема. У него слишком много эмоций. Меня не удивляет, что он побелел.

— Вы хотите сказать, что он домогался вас, а вы выгнали его?

Лорд Фолкстоун отодвинулся. Он принадлежал к той категории мужчин, которые гораздо привлекательней выглядят в одежде. Подштанники только подчеркивали угловатость его фигуры. Но в половине одиннадцатого вечера, когда он

вошел в ее кабинет, одетый в бархатный фрак с высоко подложенными плечами… ее воображение рисовало более романтические картины.

— Нет. Ничего подобного. Он должен мне деньги.

Она повернулась, зевнула и потянулась за стаканом воды. Его светлость Радикал, к своему огромному сожалению, понял, что ночь закончилась. Продолжение в следующем номере…

— Значит, вы на самом деле были его любовницей?

— Никогда. Он знал, что ему без меня не выиграть. Это касается и оппозиции его величества, представители которой, в том числе Вильям Плейделл-Бувери, говорили мне те же самые слова всего два месяца назад.

Так вот как обстоят дела. Печально.

— Если бы вы решились опубликовать ваши мемуары… — начал он.

— Мои мемуары не имеют никакого отношения к его обещаниям.

— А Уордл действительно давал вам какие-то гарантии?

Она приподнялась на локте и прибавила свету.

— А теперь послушайте, мой герой, полный юношеского пыла. Неужели вы на самом деле

считаете, что я позволила бы облить себя с ног до головы помоями, втоптать в грязь свое доброе имя, стать предметом обсуждения в вонючих пивных, если бы меня не ждало вознаграждение после окончания всего процесса?

На его узком длинном лице отразилось удивление.

— Да, но… Но я думал, что вами движет желание отомстить за то, как герцог обошелся с вами, и что вы радеете за общее дело…

— Какое дело, черт побери?

— Благоденствие английской нации, будущее Англии…

— Будущее Англии! Чепуха! Вы хотели сказать, мое будущее. Фунты стерлингов, шиллинги, пенсы плюс премия для Мэри-Энн Кларк. Слава богу, я не лицемерю, как большинство из вас. Я всегда знала, что мне нужно, и старалась это получить. Иногда мне удавалось, проявив себя, достичь цели, потом я терпела поражение. Я поддержала вашего приятеля полковника Уордла, надеясь, что он заплатит мне. А он предал меня, как и его хозяин, герцог Кентский.

Его глаза загорелись гневом. В мгновение ока он привел в порядок свои волосы и застегнул на своей тощей груди жилет. Он опять превращался

в привлекательного мужчину — но слишком поздно.

— О боже! Значит, все это правда!

— Конечно правда. Только идеалисты вроде вас и Фрэнсиса Бердетта проглотили эти россказни о благополучии Англии. Все было заранее спланировано. Кент надеялся воцариться в главном штабе в качестве главнокомандующего и сделать своего дорогого Уордла военным министром. Вот что было обещано Додду, этого я не знаю. Какой-нибудь приработок или пенсия. А мне обещали дома, экипажи, тысячи фунтов в банке.

Он уже был одет. Он собрался уходить. Очарование улетучилось, мир идеалов рушился на глазах. Хорошо, что вскоре парламент уйдет на летние каникулы. Разговоры затихнут, обо всем забудут, а у него самого будет время, чтобы осмыслить свое положение. Ему нельзя быть замешанным в каком-нибудь скандале.

— Вы собираетесь что-либо предпринимать? — Он надел фрак.

— Спросите полковника Уордла. Вы сказали, что он сильно побледнел.

— Значит, вы будете действовать. Вы собираетесь опубликовать это в газетах?

Она улыбнулась и закинула руки за голову:

— Я не уверена. Он еще не ответил на мое письмо.

— Клянусь, я невиновен. Моей единственной целью было бороться за благоденствие нашего народа.

Полностью одетый и охваченный возрастающим беспокойством, он стоял возле двери.

— Единственной вашей целью? А как же сострадание? Наверняка вами руководила вера в падшую женщину.

Она взглянула на него и засмеялась. Он открыл дверь, но его величавый вид портили ноги в чулках. В целях предосторожности он оставил свои башмаки в холле…

— Когда я снова вас увижу? — Казалось, он в замешательстве. — Очень скоро я уеду из города.

— Не сомневаюсь в этом. Июнь — замечательный месяц. Сады утопают в цветущих розах, много клубники — я так люблю ее.

— Я обязательно напишу вам.

— Но разве это не рискованно? Мне может взбрести в голову опубликовать ваше письмо.

Он ушел. Она услышала, как он спустился по лестнице, обулся и выскользнул из дома.

Итак, приехали. Еще один пэр вычеркнут из списка и выброшен в мусорную корзину. Нельзя

сказать, что ее это сильно задело, — их связь наскучила ей, но виконты не растут на деревьях, он был очень полезен, создавая определенный антураж вокруг нее. Более того, будущий граф Рэндор вдовец. Однако не будем подсчитывать убытки.

Полковник Уордл молчал. Фрэнсис Райт сообщил, что, когда он заехал к Уордлу и через слугу передал знаменитому члену парламента свою нижайшую просьбу уделить ему немного своего драгоценного времени, слуга захлопнул дверь у него перед самым носом, сказав, что его хозяину незнаком обивщик по имени Райт и что он очень занят.

— Что мне теперь делать? — спросил обеспокоенный торговец.

— Отправьте счет, господин Райт. И приложите к нему вот это письмо.

В адрес полковника Уордла отправилось письмо следующего содержания:

> *Выражая свое глубочайшее почтение к полковнику, Фрэнсис Райт взял на себя смелость представить свой счет. В связи с тем, что по договоренности за все наименования должно быть уплачено наличными, господин Райт будет пре-*

много обязан, если полковник заплатит указанную сумму. Господин Райт зайдет к полковнику завтра в одиннадцать утра для окончательного расчета.

Никакого ответа, двери дома оказались закрытыми: член парламента от Оукхэмптона отсутствовал.

— А теперь что, мэм?

— Засучим рукава и вперед, к адвокату.

Господин Стоукс, владелец адвокатской конторы «Стоукс и Сын», в которой служил господин Комри, много лет знакомый с госпожой Кларк, был готов взяться за работу. Дело не представляло никакой сложности. Придется покопаться в грязном белье, на этот раз — Уордла.

Второго июня Фрэнсис Райт, обивщик, предъявил судебный иск Гвиллиму Ллойду Уордлу, проживающему на Сент-Джеймс-стрит, в связи с неуплатой последним суммы в две тысячи фунтов за мебель и за ее перевозку в дом госпожи Кларк, проживающей на Вестбурн-Плейс. Слушание было назначено на третье июля и должно было проводиться в Вестминстер-Холле.

На Сент-Джеймс-стрит началась паника. Газетчики как ястребы накинулись на это дело.

Национальный герой дрожал как осиновый лист, видя, как тает его популярность и общественность с удивлением трет глаза: как могло случиться, чтобы борец за справедливость, поборник нравственности, человек, победивший коррупцию, оказался колоссом на глиняных ногах? Чтобы всеобщий любимец, почетный гражданин Лондона так позорно увиливал от уплаты своего долга бедному торговцу? Забудьте о войне на полуострове — идет суд над тем, кому слава затмила разум и кого ввергла в бездну бесчестия. Услышав новость, из Аксбриджа прилетел разъяренный Даулер:

— Мэри-Энн… Ты, должно быть, сошла с ума.

— Почему? В чем дело?

— Не успел затихнуть шум от прошлого скандала, как ты опять выставляешь себя напоказ?

— Но я ничего от этого не потеряю, а бедные братья Райт получат деньги.

— Дело не в этом. Ты можешь заплатить им из своего кредита — мы с Коксхед-Маршем тут же уладили бы все формальности.

— Из моего кредита? О господи, как ты можешь предлагать мне такое, когда есть возможность вытащить деньги из кого-то другого. Я не должна Райту ни пенса. Именно Уордл заказывал всю эту

мебель, зеркала и ковры — я в этом участия не принимала.

— Моя дорогая, ты думаешь, я поверю твоим россказням?

— Но все было действительно так, и мой поверенный может доказать это.

— И ты выступишь как свидетель?

— Конечно, если меня вызовут. До сих пор мне это неплохо удавалось. Кроме того, вся прелесть шутки заключалась… нет, об этом я вряд ли расскажу тебе.

— В делах не может быть никаких шуток. Это позорный иск. Я тихо жил в Аксбридже — мой бедный отец при смерти, — и все мои мысли были заняты тобой и детьми: я радовался, что все неприятности закончились, ты обеспечена, и надеялся, что, возможно, осенью я подыщу дом, где вы все поселитесь. И тогда долгими зимними вечерами…

— Замолчи, или я закричу. Я не обеспечена, и я не собираюсь хоронить себя в деревне, а что касается долгих зимних вечеров — будь я проклята, если соглашусь проводить их в постоянных мечтаниях, которые вызывают такую зевоту, что болит челюсть.

— Прекрасно. Тогда, если опять попадешь в

какую-то неприятность, больше не зови меня.

— Я буду звать тебя тогда, когда сочту нужным. А теперь иди сюда и садись и прекрати дуться — ты похож на проповедника, заканчивающего свою проповедь. Скажи, кто-нибудь ерошит тебе волосы в Богом забытом Аксбридже?

Очевидно, никто. Это было тем самым наслаждением, от которого она отказалась, которое принадлежало прошлому, к более счастливым дням в Хэмпстеде. О судебном разбирательстве больше не было сказано ни слова. В Аксбридж Билл Даулер вернулся молчаливым, но умиротворенным. И всей прелестью шутки — обвинителем Уордла будет ее недавний противник, министр юстиции, которому придется выполнять свои должностные обязанности, — ей пришлось наслаждаться в одиночестве.

Прием, оказанный ей в конторе министра юстиции в Линкольнз-Инн — рядом с ней ее адвокат, господин Комри, чуть сзади — празднично разодетые Фрэнсис и Даниэль Райты, — компенсировал все страдания, которые она претерпела в палате общин. Сэр Вайкари Джиббс, в пенсне, был сама любезность. Закончилось обсуждение всех формальностей. На заданные вопросы были даны ответы. Все было записано. Юристы решили

юридические проблемы.

Господин Комри, у которого на пять часов была назначена встреча, уехал в четыре, почти сразу за ним последовал господин Стоукс, а потом — братья Райт. Главная свидетельница обвинения медлила. Министр юстиции закрыл дверь, улыбнулся и приосанился.

— Мастерский удар, — сказал он. — Примите мои поздравления. — Сняв пенсне, он открыл бутылку бренди. — Не рано?

— Нет, скорее поздно. Я с удовольствием выпила бы бренди еще первого февраля.

— Если бы я знал, я послал бы вам бутылку. Но я решил, что оппозиция хорошо вас снабжает.

— Дальше кофе и стакана воды не шло.

— В этом все виги: они не любят запускать руку в свой карман. Но уж Фолкстоун, надеюсь, не подвел?

— Он дарил цветы.

— От них нет никакой пользы, когда пуст желудок и измотаны нервы. Мне известно, что радикалы начисто лишены галантности, но вот Фолкстоун меня удивил: ведь он воспитывался во Франции. Мне всегда казалось, что в своих делах он проявляет гораздо больше тонкости. Издержки юности: с возрастом начинаешь иначе

смотреть на многие вещи.

— Если бы молодость могла…

— А она не может? Какая жалость. Я всегда думал, что это прерогатива молодых. Тори будут в восторге. Можно, я процитирую вас?

— Вам не кажется, что это нечестно? Со всеми случаются неудачи.

— Надо отдать вигам должное: они всегда славились своей силой. А мы оцениваем человека по уму — поэтому-то мы и правим страной. Скажите, как вы себя чувствуете после свалившегося на вас тяжелого испытания в палате?

— Я похудела более чем на три килограмма.

— Меня это не удивляет. Мы крепко взялись за вас. Я сам измотан — но вы прекрасно выглядите.

— Мне удалось быстро восстановить физические и душевные силы.

— Очевидно. Одно время я был знаком с Бэрримором — где он сейчас?

— Дорогой Крипплгейт? Где-то в Ирландии. Увяз в семейной жизни и всего себя отдает лошадям.

— Еще я знал Джеймса Фитцджеральда.

— У Джеймса плохое настроение. Он в постоянной панике — боится, что я опубликую его

письма. Он продолжает забрасывать меня новыми из Дублина.

— А они представляют интерес?

— Для правительства, но не для публики. Будущее протестантов с точки зрения члена парламента от Ирландии.

— Предложите их на аукцион «Кристи». Я дам хорошую цену.

— Я почти все вернула ему. Я не жадная по натуре, просто мне надо растить детей.

— Еще бренди?

— А почему бы нет?

В дверь конторы постучали. Сэр Вайкари Джиббс поправил парик и мантию.

— Кто там?

Из-за двери раздался голос:

— Лорд главный судья Элленборо, сэр, ждет вас внизу в экипаже. Он заехал за вами. Он спрашивает, не забыли ли вы, что сегодня обедаете с ним в палате лордов.

— Нет, нет… Скажите его светлости, чтобы он ехал один. Я приду пешком. — Он повернулся к посетительнице. — Вы могли бы подвезти меня в вашем экипаже? Надеюсь, вас не затруднит: ведь это по дороге в Челси.

— С удовольствием. Когда пожелаете.

— Вы очень любезны. Епископы дают обед в честь Элленборо. Мне нельзя опаздывать, но поскольку мне надо быть там к половине седьмого… Но я не каждый день обязан быть на подобных приемах.

Он бросил взгляд на каминные часы и допил бренди.

— А с делом обивщика, — спросил он, — все чисто?

— Уордл полностью в нашей власти, — ответила она, — ему не ускользнуть.

— Он обещал заплатить?

— В ноябре прошлого года он без всяких ограничений раздавал всем обещания.

— «Я раздам вам землю…» Да, здорово… Так что нам нужно?

— Я использовала всю свою ловкость, чтобы прижать его к стенке, так что он у нас в руках.

— Замечательно. Думаю, с ним не будет никаких сложностей. Приговор Уордлу — и известный патриот падает. Боюсь, что его дело не принесет вам ничего, кроме еще большей известности. И ради этого вы все затеяли?

— О боже, конечно нет. У меня есть все необходимое.

— Тогда ради чего?

Она поставила свой стакан, поправила платье и выглянула из окна.

— Мне хотелось встретиться с вами, — сказала она. — Другой возможности не было. Госпожа Кларк и сэр Вайкари Джиббс очень подходят друг другу.

В палату лордов министр юстиции опоздал на полчаса…

Весь июнь член парламента от Оукхэмптона пытался решить дело без суда. Но это ему не удалось: истец не хотел забирать свой иск. А свидетельнице со стороны истца все приготовления доставляли огромное удовольствие, ее визиты в Линкольнз-Инн оказались очень полезными. Как она предполагала, лето принесло массу развлечений: было очень романтично помогать судье. И менее утомительно, чем взбивать подушки для Фолкстоуна. Его светлость Радикал все еще вел себя как ее поклонник, но действовал издалека — быть другом по переписке гораздо безопаснее, ставит определенные рамки.

Он забыл, что очень опрометчиво писать письма после обеда: перо быстрее бежит по бумаге, мысли текут свободнее, ими трудно управлять. То, что было написано в полночь, очень отличалось от того, что писалось по утрам, и дама,

которая читала его письма, обратила на это внимание. А письмо, датированное двадцать седьмым июня, могло бы в два счета разрушить его жизнь. Ее проницательный взгляд быстро пробежал страницы письма, написанного одним скучным вечером в Коулшилл-Хаусе:

…Жаль, что не могу написать Вам такое же интересное письмо: у меня совсем нет новостей. Да и откуда им взяться: с первого дня своего пребывания здесь я только и делаю, что брожу в одиночестве по полям и ем клубнику. Все это очень полезное времяпрепровождение, но слишком неинтересное, чтобы рассказывать о нем. Ваше же письмо поведало мне много интересного, обеспечив меня, отшельника, обладающего созерцательным складом ума, пищей для размышлений на долгое время. Судя по Вашим словам, дело примет крутой оборот, когда начнется суд. Вся история вылезет наружу, и венценосный брат, Додд и Уордл будут разоблачены. Мне очень жаль, что они не предусмотрели этого и не предотвратили огласки. Я не знаю, на что надеялся

Уордл, думаю, он рассчитывал на свою популярность. Не прошло, и, хотя его роль в заговоре была менее значительной по сравнению с двумя другими, он все равно здорово увяз, позволив тем двум превратить себя в орудие.

Этот суд очень сильно повредит репутации королевской семьи, так как, несмотря на попытку друзей герцога скомпрометировать ваши показания, факты, рассказанные вами, будут служить бесспорным доказательством, к тому же слишком многие сталкивались с подобными ситуациями, поэтому никому не удастся восстановить против вас общественное мнение.

Думаю, газетчики попытаются приписать мне участие в заговоре этой троицы, но у них ничего не выйдет. Ни я, ни Уитбред, ни Бердетт ни в коем случае не можем быть замешаны в этом деле, – по крайней мере, наша невиновность не вызывает у меня ни малейшего сомнения.

Я с удовольствием предался бы приятным размышлениям и с философским безразличием наблюдал бы за развитием

событий, не будь я так обеспокоен предстоящим Вам трудным испытанием. Я с трепетом жду, когда уладятся Ваши дела, которые, как я понимаю, сейчас отошли на второй план.

Я боюсь, что Вы очень устали читать мои каракули. Умоляю Вас, сообщайте мне все новости, напишите мне сразу же, как только у Вас появится свободная минутка. Все Ваши письма, адресованные на Харлей-стрит, будут, как обычно, пересланы мне. Прощайте!

Всегда Ваш, Фолкстоун.

В шкатулку, ко всем остальным, под ленточку. Третьего июля в Вестминстер-Холле состоялось заседание суда по гражданским делам. Слушалось дело «Райт против Уордла», председательствовал лорд главный судья. Возбуждение так и витало в воздухе. Зал суда был забит до отказа. Ну прямотаки как во время премьеры в «Друри-Лейн».

При появлении госпожи Кларк в надетой набок изящной шляпке из тончайшей соломки зал взорвался аплодисментами. Публика, главным образом мужчины, так как дочери и жены все еще пробирались сквозь толпу, запрудившую

дворик перед зданием, подалась вперед. У них горели глаза, они сидели вплотную друг к другу (большинство из них были членами палаты общин и принадлежали к тори), но сильнее всего их поразил вид министра юстиции. Он помолодел на двадцать лет, не свойственный ему жизнерадостный вид вызывал непомерное удивление. Он мог бы справиться с драконом. Открывая заседание, он был подобен самому Ланселоту. Его голос, от которого мурашки бегали по спине, всегда такой жесткий и страшный, звучал плавно и мелодично. Он разливался, как соловей весной.

— Честный, работящий торговец был обманут. Женщине и матери был нанесен вред.

О небеса! Лорд главный судья Элленборо вытирал взмокший лоб. Неужели старый брюзга Джиббс ударился в религию? Или он замечтался? За окном июль, жарко, — может, он выпил? Но что он несет, какое предательство и при чем здесь женская непорочность? Змея, пригревшаяся на груди Клеопатры… яд… неблагодарность?.. Женщины, отдавшие себя? Дети в сточных канавах? Лорд главный судья содрогнулся — почему так резко изменились его взгляды? Он был совсем другим, когда выступал в феврале прошлого года в палате общин. Должно быть, его друг, министр

юстиции, нездоров. От риторики он перешел к добродушному подшучиванию, и его светлость вздохнул с облегчением. Так-то лучше, он стал похож на себя: старые, всем знакомые шутки, завуалированные намеки — он как бы прощупывает защиту. Теперь он, по своему обыкновению, снял пенсне и протер стекла. Ошарашенный ответчик съежился до размеров воробья, что только сыграло на руку обвинению — этот человек заслуживает, чтобы его высекли и выпроводили из страны, — но от внимания лорда главного судьи не укрылось, что речь министра юстиции изобилует чрезмерно пышными и витиеватыми выражениями, сопровождаемыми оживленной мимикой и жестами. Это было результатом одной или двух встреч со свидетельницей до начала слушаний. Судья очень неодобрительно относился к этим свиданиям. Ухмылки зрителей, подталкивание друг друга локтями создавали в зале какую-то легкомысленную атмосферу, что было очень некстати.

Его светлость призвал зал к порядку, громко стукнул молоточком и заставил себя собраться. Сердитый взгляд в сторону сэра Вайкари Джиббса — и речь подошла к концу. Позже, в конторе, он придумает какую-нибудь отговорку, чтобы снять

создавшуюся неловкость, а пока надо дать понять суду, что судья беспристрастен. Колкость в адрес свидетельницы покажет, какую позицию он занимает, и, возможно, заставит ее покраснеть, восстановив тем самым равновесие.

Ее продвижение к месту для свидетелей сопровождалось одобрительными улыбками и шепотом. Вдруг кто-то крикнул:

— Давай, уделай его!

Лорд главный судья замер, потом опять стукнул молоточком:

— Я требую тишины, в противном случае зал будет очищен от зрителей.

Шум затих. Свидетельницу привели к присяге, и она стояла в ожидании. Его светлость оглядел ее с ног до головы и с ударением произнес:

— И под чьим же покровительством, мадам, вы находитесь сейчас?

Свидетельница подняла глаза и медленно проговорила:

— Я полагала, милорд, что под вашим.

Именно это и сыграло основную роль в исходе дела. Смех, раздавшийся со стороны, где сидело жюри, задал тон всему заседанию, и рассмотрение дела, подобно полноводной реке, стремительно понеслось к развязке.

Министр юстиции всячески искушал свою свидетельницу, забрасывал ее фривольными намеками… Суд аплодировал. Лорд главный судья не мог помешать им. Игра этой пары абсолютно исключала чье-либо вмешательство, они полностью дополняли друг друга. Они жонглировали непонятными терминами, мастерски разбрасывали во все стороны двусмысленности, купались в океане своих шуток — и все за счет ответчика.

Госпожа Кларк, полковник Уордл ездил на склад? Тогда расскажите нам, какую мебель он выбрал. Полковнику Уордлу понравился буфет — а буфет был с зеркалом? А что вы можете сказать о бронзе и алом ковре, который, как настаивал полковник Уордл, очень хорошо смотрелся бы в спальне? Он был слишком велик для дома: пришлось отрезать конец, и полковник руководил всей операцией. У вас были какие-то проблемы с кроватью? А, ножки потерялись. Полковник Уордл предложил использовать вместо них перевернутые подставки для ламп. Вполне возможно, совсем безопасно, если, конечно, не раскачивать кровать. А как Фрэнсис Райт отнесся к этому предложению? Фрэнсис Райт не женат и живет со своим братом Даниэлем. Они спят раздельно, поэтому они ничего не могли сказать по поводу

предложения полковника. Но полковник Уордл знал, что подставки могут заменить ножки, ведь он часто ночевал в кофейне на Кадоган-сквер — желанный гость, — где подставки использовались именно в таком качестве. Если соблюдать обычные меры предосторожности, несчастья можно избежать. А полковнику Уордлу понравилась мраморная статуэтка? Да, Афродита, возникающая из пены, и бронзовая миниатюра «Леда и лебедь». Полковник Уордл сказал, что они очень подходят для камина. Госпожа Кларк не хотела покупать статуэтки из-за детей — они слишком сообразительны, — но полковник Уордл был так вдохновлен этой идеей, что принялся настаивать.

Значит, Вестбурн-Плейс был для него убежищем, куда он сбегал из дома? О, несомненно. Но не по просьбе свидетельницы. Полковник всегда являлся в неурочный час. Однажды в восемь утра горничная обнаружила его в кабинете: он с лупой исследовал «Леду и лебедя». И так далее, пока взбешенный главный судья не поднял руку и не очистил зал заседаний.

Допрос свидетельницы закончился. Следующим свидетельские показания давал Даниэль Райт, и когда настал черед выступить защитнику,

господину Парку, он уже знал, что дело для его подзащитного проиграно. Его разбили наголову еще до того, как приступили к его допросу. Полковник Уордл запинался, мямлил, сбивался, его многочисленные: «Я отрицаю это» — едва ли были услышаны.

Адвокаты пришли в отчаяние. Гленни и Додда решили не вызывать в качестве свидетелей, юристы боялись, что их свидетельские показания могут только навредить и без того безнадежному делу. Заключительные речи были краткими, надобность в красноречии отпала. Весы перевесили, и его светлость отказался от дальнейших усилий.

Жюри вынесло приговор в пользу Фрэнсиса Райта. Его светлость посчитал ответчика, Гвиллима Уордла, виновным в неуплате истцу двух тысяч фунтов и определил срок погашения долга в три месяца.

Патриот проиграл, и дворик перед зданием суда, где он совсем недавно праздновал свою победу, опустел. Толпы, которые встречали его радостными возгласами в апреле, разошлись по домам. Полковник Уордл ехал домой в закрытом экипаже.

Министр юстиции проводил свою свидетель-

ницу в контору.

— Он или подаст апелляцию, или вчинит вам иск.

— А потом?

— Я буду защищать вас.

— Как, вы, прокурор?

— Моя дорогая, я поступаю так, как мне хочется. Я могу сменить роль.

— Но разве это честно?

— Это вносит некоторое разнообразие.

— И министр юстиции превратится в адвоката?

— Да. Это улучшает настроение и помогает расширить кругозор. Если, конечно, вы не воспользуетесь услугами другого адвоката.

— О нет… в единении наша сила. А у нас будет тот же судья?

— Эдди Элленборо? Вполне возможно. Если так, нам придется следить за собой. Второй раз нам, может быть, так не повезет. Думаю, между нами возникнет некоторое отчуждение: только его приверженность тори удержала его сегодня от того, чтобы перетянуть жюри на сторону Уордла.

— Эти его ужасные брови… А каков он в кругу семьи?

— Очень раздражительный, высокомерный и

страшно нетерпимый.

— Может, это только фасад, а на самом деле он нуждается в понимании.

— Пробуйте на нем свои чары сколько угодно — он холоден как лед.

— Все судьи должны быть хладнокровны, в противном случае не было бы знаменитого английского правосудия. Думаю, они сразу же становятся монахами, стоит им только сесть в судейские кресла… когда мужчина становится королевским адвокатом…

— Зачем нам говорить об этом? Я отвезу вас домой?

— Но мне нравится обсуждать юридические темы…

— А мне не нравится. Я повторяю свой вопрос.

— Ваш вопрос не понят. Вы должны выразиться иначе.

— Позволит ли свидетельница своему адвокату дать ей некоторые указания?

— У вас или у меня?

— Где вам будет угодно.

— Тогда как вы относитесь к тому, чтобы пообедать на Вестбурн-Плейс и оценить статую Леды?

А на Сент-Джеймс-стрит Гвиллим Уордл, одинокий и озлобленный, сидел и сочинял письмо,

адресуя его народу Соединенного Королевства.

Глава 3

В связи с тем, что мои действия в парламенте были высоко оценены моими соотечественниками, я вынужден, принимая во внимание вчерашние события, немедленно обратиться к вам. Я намерен выступить в защиту своей репутации, которой был нанесен огромный ущерб свидетельскими показаниями госпожи Кларк и господина Райта, брата обвинщика. Основываясь на их показаниях, заслушанных во время рассмотрения в Верховном суде предъявленного мне иска, суд вынес мне, как ответчику, приговор, который может лечь темным пятном на мое доброе имя.

Свидетельские показания будут детально изложены в печати. Я заявляю: мои адвокаты, будучи полностью уверенными, что жюри не посчитает свидетельские показания брата истца и госпожи Кларк достаточными для вынесения мне обвинительного приговора, не вняли моим настоятельным просьбам, с

которыми я неоднократно обращался к ним во время заседания, а именно допросить майора Додда и господина Гленни, а также других уважаемых свидетелей. Мои требования основывались на уверенности, что их показания, которые будут полной противоположностью показаниям свидетелей истца, помогут жюри определить истину.

Таковы обстоятельства, при которых был вынесен приговор.

Единственное, что мне остается перед лицом Господа и моей страны, – это заявить, что приговор был вынесен на основании ложных свидетельских показаний, – а это можно расценить только как клятвопреступление. Я даю торжественное обещание доказать этот факт в кратчайшие сроки, определенные законом.

Я с нетерпением жду, когда наконец мне будет дана возможность представить свои доказательства. Я верю, что до рассмотрения моей кассационной жалобы общественность воздержится от каких-либо выводов, основанных на вынесенном мне приговоре. Испытывая глубокое уважение и благодарность, остаюсь вашим преданным слугой.

Г. Л. Уордл.

Пятого июля письмо было опубликовано во всех газетах. И тут же начались бурные обсуждения. Всех интересовал один вопрос: будет ли кто-нибудь отвечать на обращение?

Семнадцатого числа того же месяца госпожа Кларк обратилась в «Нэшнел реджистер» со следующим письмом:

К народу Соединенного Королевства.

В связи с тем, что мои свидетельские показания, данные мною перед лицом палаты общин, вызвали всеобщее доверие, а также в связи с тем, что жюри, которое состоит из моих соотечественников, приняло мои свидетельские показания за основу для вынесения приговора; учи-

тывая ситуацию, сложившуюся после рассмотрения дела, в котором господин Райт, обивщик, выступал в качестве истца, полковник Уордл – в качестве ответчика, а господин Даниэль Райт, брат истца, и я лично – в качестве свидетелей, я вынуждена (после долгих и мучительных размышлений) обратиться к вам.

Всем известно, что в результате рассмотрения дела полковник Уордл – к удовлетворению каждого честного торговца и всего суда – был присужден к уплате убытков.

Свидетельские показания будут детально изложены в печати. Что касается моих собственных показаний, в них могли закрасться некоторые неточности, однако они абсолютно достоверны и могут служить опорой для общественной оценки вынесенного приговора.

Полковник Уордл, возомнивший себя народным героем – удивляет сам факт, что человек, в наименьшей степени заслуживающий этого почетного звания, стал настолько популярен, – тщетно льстил себя надеждой, что эта популярность

защитит его от правосудия страны. Разочарованный вынесенным приговором, он, полностью потеряв контроль над собой и забыв об осторожности, не удосужившись хоть немного поразмыслить, обратился к народу Соединенного Королевства с необычным воззванием, в котором он выступает против решения жюри.

Он волен, если ему так угодно, перекладывать всю вину на своих адвокатов – меня это не касается, они способны сами защитить себя. Но меня поражает тот факт, что человек, которому лучше всех на свете известно, насколько противна всей моей сущности любая ложь, обвиняет меня в таком гнусном, в таком позорном и низком поступке – в клятвопреступлении.

Единственное, что мне остается перед лицом Господа и страны, – заявить, что все мои свидетельские показания были достоверны и что моя близость с полковником Уордлом ограничивалась моим участием в процессе в качестве свидетельницы, подтвердившей данные

им обещания.

Я с нетерпением жду, когда наконец тщетные попытки полковника Уордла доказать обратное ударят по нему самому и другим лицам.

Я верю, что до повторного рассмотрения дела общественность воздержится от каких-либо выводов по поводу чудовищных обвинений, выдвинутых против меня полковником Уордлом.

И хотя мне не свойственно в той же степени, как полковнику Уордлу, заверять всех в своем глубоком уважении и благодарности за общественную поддержку, я все же надеюсь, что мне не будет отказано в возможности сделать одно признание: ваше осуждение и неодобрение принесло бы мне страшные душевные страдания.

Имею честь быть вашей покорной слугой.

М.-Э. Кларк.

Вызывало сомнение, волнует ли общественность эта переписка. Однако она стала предметом светской болтовни за обеденными столами. Хо-

зяйки — во время рыбной перемены — с головой погружались в дискуссию. Еще лучше эта тема шла под бренди. «Интересно, кто же теперь ее содержит?» — так начиналась увлекательная беседа. Неудивительно, что все окна на Вестбурн-Плейс закрыты ставнями: парламент распущен на летние каникулы, все члены парламента разъехались кто куда. Она тоже уехала из города? Не знаю, говорят, она в Брайтоне. А это действительно так? Табби Клифтон заявил, что видел ее в Саутгемптоне. На берегу или в море? В проливе Соленте, рассчитывает выловить крупную рыбешку. А что это за слухи, будто ее видели на фрегате! Фу! Флот стоит в Гибралтаре — ну разве что на полубаркасе в Портсмуте…

На самом же деле госпожа Кларк жила с детьми в Каусе, на острове Уайт. Здоровый воздух, Спитхедская якорная стоянка вдали, яхты на рейде и в Медине, экскурсии в Вентнор и пикники в Вуттене сделали бы ее жизнь приятной и интересной, если бы не письма.

Джеймс Фитцджеральд продолжал писать ей из Ирландии.

Он надеется увидеться с ней в августе. Правда ли, что она сохранила кое-какие его письма, или она может поклясться, что все вернула его сыну?

Что до Вилли, отец очень за него беспокоится: мальчик попал в переделку — известно ли ей что-либо об этом?

Известно. Последний перед отъездом вечер она провела с Вилли в кабинете: он плакал и молил ее о помощи. Одна молодая дама попала в беду — ее состояние вызывает подозрения. Ее уже тошнит от принятых таблеток, которые так ничего и не сделали. А муж молодой дамы на днях возвращается из-за границы. Не может ли госпожа Кларк порекомендовать доктора? Сколько он возьмет за свои услуги?

Она немедленно вызвала чету Меткалф и взяла с них клятву молчать. Молодой даме предложили убежище. Вилли пришлось отказаться от мысли поселиться с ней, так как состояние молодой дамы требовало от нее воздержания. И все это сопровождалось сборами в Каус.

— Чего только я не делаю ради своих друзей! — сказала Мэри-Энн, когда молодую даму, закутанную в одеяла, усаживали в дилижанс. Ее сопровождала госпожа Меткалф. А через минуту девочки и Марта уже сидели в экипаже и, прилипнув к окну, радостно махали на прощание.

«Вы правильно подметили: Вилли попал в переделку, — писала она из Кауса Джеймсу Фитц-

джеральду. — Забудьте вы о письмах, которые писали мне в 1805 году, и обратите все свое внимание на Вилли, он заслуживает этого...» Если бы она преследовала цель выдать секреты беспомощных Фитцджеральдов, она могла бы составить из их писем целую книгу — но никто не захотел бы печатать ее.

Дискуссии по поводу дела «Райт против Уордла» продолжали заполнять страницы газет. Из Кауса ей казалось вполне вероятным, что осенью будет предпринята попытка отомстить ей: полковник Уордл зря времени не терял и собирал документы, чтобы возбудить встречный иск. Дело «Уордл против Райта и Кларк» по обвинению последних в тайном сговоре должно было слушаться в Суде королевской скамьи в начале декабря. Значит, важно иметь на руках козыри и суметь использовать их в нужный момент. Приятным подарком судьбы оказалась грыжа у лорда главного судьи Элленборо, который сразу же послал за доктором, а так как его личный врач отсутствовал, временно замещать его пришлось доктору Томасу Меткалфу.

Умение доктора найти подход к больному, его успешное лечение всего за неделю сотворили чудо, о чем было должным образом сообщено в

газетах. В Каусе это известие восприняли с ликованием. Надежда всегда жива… Еще многое предстояло сделать. Раз его светлость стал покровительствовать доктору, значит нити, с помощью которых можно управлять миром Закона, будут в ее руках.

Доктору Меткалфу пришло из Кауса письмо.

…Я придумала план, который, если Вы сочтете его удачным и расскажете вашему другу и патрону, может открыть Вам путь к процветанию и дать возможность проявить Ваши профессиональные способности. Тот факт, что я сообщаю Вам такую секретную информацию, – не имеет значения, претворим мы этот план в жизнь или нет, – может служить доказательством моего полного доверия Вам. Стоит Вам пару раз заговорить с ним обо мне – и успех нам обеспечен. Ведь мне нужно немногое: чтобы он проявил интерес к моему делу, а для этого у него должно сложиться хорошее мнение обо мне.

Если он Вам, как своему другу, подарит небольшой домик и обставит его, что

обойдется ему всего в пятьсот фунтов (это такой пустяк для него), я буду считаться или Вашим постояльцем, или пациенткой. За это я буду платить Вам столько же, сколько у госпожи М. уходило на ведение хозяйства, а Вы будете иметь возможность пользоваться моим экипажем, так необходимым любому доктору.

Все, что от него требуется, – заезжать ко мне раз или два раза в неделю – с Вашего разрешения, естественно, – и играть со мной в пикет или в другую какую-нибудь игру, и тогда я введу его милость в курс дела!

Подумайте хорошенько над этим, ладно? И не забудьте завтра же ответить мне.

Искренне Ваша, М.-Э. Кларк.

P. S. Вашему патрону не придется заниматься таким неинтересным делом ежедневно – Вы сами знаете, что он стар, – но ведь так приятно иметь парочку знаменитостей в числе своих поклонников.

А еще приятнее иметь своими союзниками судью и горящего желанием министра юстиции.

Одиннадцатого декабря, в понедельник, в Вестминстер-Холле началось слушание дела «Уордл против Райта и Кларк». Председательствовал лорд главный судья Элленборо. Игра в пикет принесла свои плоды.

Адвокатом со стороны защиты был министр юстиции, который привлек к себе всеобщее внимание тем, что внезапно предстал в новой ипостаси. Те, кто был в курсе дела, говорили, что в основе его перевоплощения лежат политические причины: ведь слушалось дело не просто «Уордл против Кларк», а «виг против тори», и министерство не могло допустить, чтобы выиграл Уордл. Но зрителей, собравшихся на галерее в надежде увидеть повторение июльского спектакля, больше всего разочаровал тот факт, что госпожу Кларк так и не вызвали давать свидетельские показания. Сидя рядом со своим адвокатом, она весь день занималась тем, что писала и передавала ему записки. Лицо ее было закрыто густой вуалью.

Господин Элли, открывший заседание от лица обвинения, начал с разглагольствований о Сцилле и Харибде, о зыбучих песках и опас-

ностях, поджидающих мореплавателя; потом заговорил о женщине, которая, как он утверждал, жила с англичанином, ирландцем, шотландцем, валлийцем, солдатами, моряками, агентами, лордами и простолюдинами, — все заметили, что госпожа Кларк при каждом перечислении загибала пальцы; после чего углубился в историю Англии со времен Завоевателя. Далее он завел разговор о коррупции, о разбойниках с Корсики и о мошенниках, которые обманом захватили высокие посты.

Как раз на этом месте его прервал лорд главный судья:

— Простите, господин Элли, вы действительно считаете, что это имеет какое-то отношение к рассматриваемому вопросу?

— Да, я так считаю, милорд. При всем своем уважении я пытаюсь показать, что это дело ведет начало от коррупции.

Лорд Элленборо вздохнул:

— Хорошо, господин Элли, если вы считаете, что история Бонапарта и нынешняя ситуация в Европе на самом деле имеет отношение к нашему вопросу, я выслушаю вас. Но мне кажется, что если и можно усмотреть тут какую-то взаимосвязь, то очень отдаленную.

Господин Элли продолжал вещать еще двадцать минут и закончил свое выступление следующими словами:

— В настоящий момент судьба Британской империи находится в руках двенадцати судей — членов жюри. Я не сомневаюсь, что они будут руководствоваться последними словами нашего бессмертного героя: «Англия ждет, чтобы каждый гражданин выполнил свой долг».

Он сел, с него градом тек пот. Никаких аплодисментов. Министр юстиции мгновенно вскочил на ноги.

— Прежде чем начать свое выступление, я бы попросил своего ученого коллегу господина Элли уточнить, кого он подразумевал под злостным мошенником, стремящимся занять высокое положение, на которое он ни по своему рождению, ни по образовательному уровню не имеет никакого права?

Послышался шепот госпожи Кларк:

— Не будьте таким обидчивым.

Лорд главный судья нахмурился и покачал головой.

— Сомневаюсь, — сказал он, — что на данном этапе разбирательства есть необходимость заслушать объяснения уважаемого адвоката.

Судебное следствие продолжилось. Зачитали протоколы июльских заседаний. Вызвали полковника Уордла, начали задавать те же самые вопросы: о посещении склада, о том, как он выбирал шторы и ковры, однако на этот раз все легкомысленные аспекты пребывания полковника на складе остались в стороне. Сэр Вайкари Джиббс стал проявлять большую настойчивость. Постоянно упоминалось имя герцога Кентского.

— Когда вы впервые навестили госпожу Кларк в ноябре прошлого года, вы говорили ей, что герцог Кентский ознакомился с протоколами заседаний по делу герцога Йоркского?

— Ни в первый, ни во второй свой визит я не говорил ей об этом.

— Вы можете поклясться, что имя его королевского высочества герцога Кентского никак не связано с тем, что вы выдвинули обвинения против его королевского высочества герцога Йоркского?

— Клянусь, что здесь нет никакой связи.

— Скажите, занимал ли майор Додд какую-либо должность при герцоге Кентском?

— Да.

— Какую?

— Он был его личным секретарем.

— Вам не кажется, что человек, занимающий подобный пост, пользовался доверием герцога?

— Естественно.

— Сопровождала ли госпожа Кларк вас, майора Додда и майора Гленни во время вашей поездки в Мартелло-Тауэрз?

— Да.

— Как я понимаю, целью вашей поездки было добыть сведения о деятельности герцога Йоркского?

— Да.

— А у вас были какие-либо другие цели?

— Нет.

— Госпожа Кларк упоминала имя герцога Кентского?

— Она часто упоминала имена всех членов королевской семьи, а не конкретно герцога Кентского.

— Использовалось ли вами имя герцога Кентского в связи с данными вами госпоже Кларк обещаниями?

— Никогда.

— Вы когда-либо давали госпоже Кларк деньги?

— Когда она сказала, что отдаст мне кое-какие документы, я дал ей сто фунтов для того, чтобы

она расплатилась с мясником и булочником.

— А кроме этого, вы давали ей какие-то обещания?

— Никаких, за исключением того, что останусь ее верным другом, если она согласится бороться за счастье английского народа.

— Вы хотите сказать, что, кроме всеобщей известности и славы борца за гражданские права, вы ничего ей не обещали?

— Я ничего никогда ей не обещал.

Полковнику Уордлу разрешили удалиться и на его место вызвали майора Додда. Он заявил, что ни он сам, ни полковник Уордл ничего не обещали госпоже Кларк и что, насколько ему известно, у полковника Уордла никогда не было намерений платить за мебель для особняка на Вестбурн-Плейс. Министр юстиции слушал его с закрытыми глазами и сложенными на груди руками: он решил не утруждать себя перекрестным допросом свидетеля, предоставив это своему помощнику.

— Как я понимаю, вы занимали высокий пост при герцоге Кентском?

— Я был личным секретарем его королевского высочества.

— Вы и сейчас занимаете этот пост?

— Нет.

— Когда вас уволили?

— Я не могу сказать, в какой день я сдал дела. Я не считаю возможным отвечать на этот вопрос.

— Когда вы познакомились с госпожой Кларк, вы имели прямой доступ к его королевскому высочеству? Разве вы не сновали туда-сюда к его королевскому высочеству и от его королевского высочества на Вестбурн-Плейс?

— Да, я много времени проводил и у его королевского высочества, и на Вестбурн-Плейс.

— Вы когда-либо сообщали его королевскому высочеству о том, что действуете заодно с полковником Уордлом?

— Нет, никогда.

— Разве у него не возникало никаких подозрений? Или вы ежедневно обсуждали этот вопрос?

— Нет, я думал, что нетактично обсуждать подобные вопросы с его королевским высочеством.

Адвокат повернулся к лорду главному судье:

— Если вы сочтете необходимым выяснить, какова была причина увольнения этого джентльмена, мы готовы провести расследование.

У лорда Элленборо был очень мрачный вид.

— Именно этого я не могу разрешить. Вряд ли это имеет какое-то отношение к делу.

Майора Додда отпустили и пригласили майора Гленни.

— Вы случайно оказались замешанным в это дело? — спросил адвокат.

— Как я понял, полковнику Уордлу нужно вытянуть из этой дамы какую-то информацию. Он хотел положить конец злоупотреблениям в армии.

— Значит, вам тоже захотелось сразиться с коррупцией. Вы критиковали систему обороны в Мартелло-Тауэрз?

— Я отправился туда для того, чтобы удостовериться в ее надежности, а не найти изъяны. Я опубликовал книгу о фортификационных сооружениях на судоремонтных заводах.

— Вы делали записи во время поездки?

— Да, делал.

— Об оборонительных сооружениях в Мартелло-Тауэрз?

— Нет, о другом.

— О чем?

— Ну, я записывал то, что госпожа Кларк рассказывала о членах королевской семьи.

— Вы записывали даже и то, что, по вашему мнению, могло бы оскорбить тех, кто связан с королевской семьей?

— Она рассказывала о том, как люди становились баронетами и пэрами, а также об инцидентах, случавшихся в королевской семье.

К удивлению и разочарованию майора Гленни — роль свидетеля воодушевила его, — ему было велено покинуть свидетельское место, и после допроса еще нескольких свидетелей, в том числе Айллингворта, виноторговца, и сэра Ричарда Филлипса, издателя, обвинение заявило, что больше вопросов не имеет.

От имени защиты выступил министр юстиции, который разыграл свой единственный козырь, пригласив единственного свидетеля: господина Стоукса, поверенного госпожи Кларк.

Господин Стоукс, известный защите, обвинению, суду и вообще всем законоведам своей безупречностью и честностью, заявил, что во время слушаний, состоявшихся в феврале прошлого года в палате общин, он беседовал с полковником Уордлом. Они решали, целесообразно или нет вызывать Фрэнсиса Райта в качестве свидетеля со стороны госпожи Кларк. Сам господин Стоукс был категорически против этого, так как перекрестный допрос свидетеля мог бы выявить тот факт, что полковник Уордл обставил мебелью дом госпожи Кларк. Представители правитель-

ства сразу бы расценили этот поступок как взятку и тем самым дискредитировали бы полковника Уордла. Господин Стоукс заявил, что у него лично не вызывал сомнения тот факт, что полковник Уордл действительно обставил дом на Вестбурн-Плейс и заплатил за мебель.

Показания поверенного произвели сенсацию, поставив в тупик обвинителя, господина Элли. Он в замешательстве поднялся:

— Ваша светлость, я смею утверждать, что свидетельские показания, только что представленные господином Стоуксом, оказались полной неожиданностью как для меня, так и, полагаю, для всего уважаемого суда. Прошу вашу светлость объявить перерыв на пять минут, чтобы дать мне возможность послать за полковником Уордлом.

Лорд главный судья удовлетворил его ходатайство, и через некоторое время полковник Уордл предстал перед судом. Он сообщил, что хорошо помнит состоявшийся во время проведения расследования разговор с господином Стоуксом и что причина, по которой было решено не вызывать Фрэнсиса Райта в качестве свидетеля, заключалась в том, что его показания могли бы повредить госпоже Кларк, а не ему, полковнику Уордлу.

Министр юстиции опять обратился к суду:

— Ваша светлость, уважаемые господа судьи. Они вызвали полковника Уордла для того, чтобы опровергнуть показания господина Стоукса. Сравните, как дают показания эти два свидетеля. Обратите внимание, как ясно и четко говорил господин Стоукс, как полно он воспроизводил названия всех документов, которые он представлял во время беседы. То, что полковнику Уордлу пришлось опровергать показания господина Стоукса, вполне естественно. Не будь он готов к этому, он уже давно уехал бы в Йоркшир.

Вы все слышали показания господина Стоукса, и теперь, как мне кажется, у вас нет оснований сомневаться в достоверности его показаний или показаний господина Райта, учитывая тот факт, что беседа состоялась задолго до спора между Фрэнсисом Райтом и полковником Уордлом.

Господин Элли со стороны обвинения пустился в долгие и страстные рассуждения, имевшие целью защитить своего клиента и закончившиеся следующими словами:

— В связи с крайне затянувшимся характером рассматриваемого дела я считаю себя не вправе занимать ваше внимание и приводить дополнительные доводы в поддержку обвинения. Учитывая это обстоятельство, а также то, что

час уже поздний, я задержу вас только для того, чтобы выразить благодарность его светлости и членам жюри за терпение, с которым они меня выслушали. Я хотел бы добавить одно: на вас смотрит все Соединенное Королевство.

Глаза лорда главного судьи были закрыты, но как только обвинитель закончил свою речь, они тут же открылись.

Его заключительную речь едва ли можно было назвать беспристрастной. Чаша весов склонилась не в пользу полковника Уордла. Его светлость отметил, что трудно понять, почему полковник Уордл вообще оказался на мебельном складе. Если мужчина, не имея никакого намерения быть лицом, которое покрывает издержки, сопровождает даму в подобное место, то он создает опасную ситуацию, из которой ему придется выбираться самому. Его светлость обратился к членам жюри и заявил, что они решают судьбу серьезного разногласия между политическими партиями и что у него нет сомнения в их объективности и справедливости.

После десятиминутного совещания жюри вынесло Фрэнсису Райту и госпоже Кларк приговор: «Не виновен».

Уже во второй раз за пять месяцев член пар-

ламента от Оукхэмптона потерпел поражение. Прилив народной любви сменился отливом. Такая непостоянная общественность показала ему нос и зевнула. Гвиллиму Ллойду Уордлу только и оставалось, что занять место в задних рядах оппозиции его величества, откуда он совсем недавно так стремительно вырвался на свет, возвысившись до национального героя.

— А вы? — обратился министр юстиции к своей клиентке. — Вы сыты судебными заседаниями или вам мало?

Она улыбнулась и пожала плечами:

— Все зависит от моих друзей и от того, как они будут обращаться со мной.

— Во всяком случае, приговор оказался приятным рождественским подарком.

— Только благодаря господину Стоуксу.

— А не вашему уважаемому адвокату?

— Вы насчет «злостного мошенника»? Да, возможно… и благодаря лорду главному судье. А также Сцилле и Харибде, и зыбучим пескам, и опасностям, поджидающим мореплавателя. Я рада, что бедный Фрэнсис Райт получит свои деньги. А вот мое материальное положение не претерпело никаких изменений, что очень огорчает меня.

— А я думал, что вы получили огромный гонорар за неопубликованные мемуары.

— Недостаточно огромный… Я иногда начинаю сожалеть, что заключила сделку. Кстати, мне в голову пришла одна идея — посоветуйте, как быть. Как правительство истолкует мои действия, если я опубликую то, что выплыло о Додде и Уордле во время сегодняшнего заседания? И напишу о том, как Уордл с помощью взяток пробился в палату общин?

— Удар по оппозиции — правительство будет в восторге. Но ваши друзья-виги придут в бешенство, имейте в виду.

— Для меня имеет значение только Фолкстоун. Он сильно охладел в последнее время, и нужно преподать ему урок.

— Тогда дерзайте. Министерство будет молчать.

В январе 1810 года на дверях дома на Вестбурн-Плейс появилось объявление: «Сдается». Попечители госпожи Кларк и ее две дочери решили, что она не может позволить себе жить в таком большом доме. Нужно сократить расходы. Она должна экономить.

Домик в Аксбридже? Нет, ее больше привлекает коттедж в Путни, недалеко от Фулем-Лоджа.

Герцог сохранил этот дом для своих любовниц, а лошадей он тренирует на пустоши в Путни. Ведь никто не сможет с уверенностью утверждать, что в один прекрасный день ностальгические воспоминания не заставят его совершить утреннюю прогулку. Нельзя сказать, что она очень надеялась на это, но подобные мысли отвлекали ее.

Она обосновалась в Путни — настороженно прислушиваясь, не раздастся ли стук копыт, — и, обложившись перьями и стопками бумаги, поставила перед собой шкатулку с письмами. А в конце весны господин Чэппл (Пэлл-Мэлл, 66) опубликовал плод ее трудов под названием: «Соперничающие принцы», автор Мэри-Энн Кларк.

Глава 4

Первое издание «Соперничающих принцев» разошлось за три недели. Потом было подготовлено второе издание, дополненное комментариями, несколькими письмами, а также предисловием, в котором автор благодарила представителей прессы, которые поняли, что мотивы, руководившие оскорбленной женщиной, не имели никакой политической подоплеки. Редакторы «Таймса», «Поста», «Сана», «Курьера» и «Пайлота» получали барыши; господин же Белл, редактор «Уикли Мессенджер», — вал критики после того, как заявил, что назначенный общественностью палач должен сжечь эту скандальную книгу на костре. Господин Белл, парировала автор, известен тем, что возвращает свои долги только после ареста; так что полковнику Уордлу еще повезло, ведь он расплатился до ареста. Автору известно несколько анекдотов, кстати очень любопытных, из частной жизни господина Белла; если он и дальше будет продолжать свои провокационные выпады, ей придется опубликовать их, — это был один из способов борьбы с теми, кто плохо отзывался о ее книге.

Ей доставляло огромное удовольствие писать эту книгу. Пощады не было никому. Господ Уордла, Додда и Гленни она изобразила в смехотворно нелепом виде; сэра Ричарда Филлипса с Бридж-стрит — мрачным и вечно раздраженным; Айллингворт, виноторговец, предстал в виде карикатуры на самого себя. Во всех подробностях были описаны поездки в Ромни-Марш и в Мартелло-Тауэрз, вечеринки на Вестбурн-Плейс. На заднем плане сцен расследования дела герцога Йоркского маячили фигуры пэров и содержался легкий намек на дружбу с его светлостью Радикалом. Книга начиналась первой встречей с Уордлом, а заканчивалась его поражением в Вестминстер-Холле.

В предисловии она намекнула на свои отношения с герцогом Йоркским, но так, чтобы не обидеть его и чтобы сохранить лежавшие в банке десять тысяч фунтов. Автор говорила, что ее венценосный друг всеми своими несчастьями и бедами обязан своему предку, которого еще в приснопамятные времена с помощью яблока ввела в заблуждение Ева. Она не будет называть никаких имен, члены королевской семьи могут думать все, что им угодно. Злые языки нашептали в королевское ухо всякие гадости, само по себе

венценосное сердце было просто не способно причинить кому-то боль. Автор была вынуждена защищать свои права, в противном случае ей оставалось только умереть у ног своих маленьких детей.

С его королевским высочеством герцогом Кентским обошлись не так бережно. В ответ на заявления Мэри-Энн он опубликовал «Декларацию», которая состояла из вопросов к майору Додду, бывшему у него в недавнем прошлом личным секретарем.

В «Декларации» майор Додд отрицал, что когда-либо упоминал имя своего патрона с целью поддержать нападки на его брата. Более того, личный секретарь, теперь уже уволенный, признал, что за десять лет службы он никогда не слышал от его королевского высочества ни единой жалобы. Герцог Кентский только содрогался и качал головой, когда видел памфлеты, превозносившие его самого и поливающие грязью его брата. Что касается содержащегося в недавно вышедшей книге «Соперничающие принцы» утверждения, будто он санкционировал нападки на честь и достоинство брата, он не может не обратить внимания на эту грязную клевету и должен, как всякий человек чести, дать ей надлежащий отпор.

В первом издании было опубликовано только одно письмо, написанное автору лордом Фолкстоуном, но этого было достаточно, чтобы напугать его светлость Радикала, который тут же отправил Уордлу полное раскаяния письмо, сообщив, что саму книгу он не читал, но, какими бы ни были его взгляды в прошлом году, он готов немедленно все опровергнуть. В том, что у него сложились именно такие взгляды, виновата госпожа Кларк, представлявшая все в неверном свете. Он надеется, что майор Додд все поймет, и хотя ему было бы очень неприятно видеть свое имя в газетах, оба джентльмена могут воспользоваться настоящим письмом. Оно было опубликовано на следующий же день, тринадцатого июня 1810 года, в «Морнинг кроникл».

Однако его светлость не опубликовал другого, более интимного письма, которое он написал в тот же день своему другу господину Криви. Вот отрывок из него.

> *Действительно ли опубликованное ею письмо настолько глупое? Действительно ли оно выставляет меня в смешном виде? Это то письмо, где я говорю: «Суд очень повредит репутации королевской*

семьи»? Неужели люди придают этому такое значение? И ты тоже? Прости за расспросы, но после того страшного нервного напряжения, которое ты сам испытал в декабре прошлого года, мое поведение не удивит тебя. Эта сука намекала на то, что я спал с нею? Что еще она говорит обо мне?

Его светлости Радикалу очень повезло, что это письмо не попалось автору на глаза, иначе бы он крупно пострадал. Однако она заметила другое, напечатанное в «Морнинг кроникл», и во втором издании своей книги опубликовала еще девять писем от лорда Фолкстоуна, сопроводив их некоторыми пояснениями и комментариями.

Второе издание «Соперничающих принцев» разлетелось еще быстрее, чем первое. Интерес вызывал не Уордл со своей историей, а те, кого разоблачали и раздирали на куски. Книги, истрепавшиеся в руках многих читателей, тайком проносили в парламент и читали на задних скамьях, обсуждали в курительных комнатах, хохотали над ними в туалетах, и, несмотря на то что весь огонь был направлен против оппозиции, членам правительства тоже досталось.

Ни слова не было сказано про сэра Вайкари Джиббса, но секретарь Адмиралтейства господин Крокер, который еще в 1809 году проявил свою враждебность по отношению к автору, получил послание на двенадцати страницах, в котором разоблачалось его простое происхождение и рассказывалось, как он опозорил имя, совершив гнуснейшие поступки на должности сборщика налогов в Ирландии.

Три или четыре месяца книгу очень увлеченно обсуждали, ею восхищались — хотя было и много тех, кто ругал ее, называя отвратительной, — но потом, как бывает со всеми недолговечными темами, интерес к описанным событиям стал ослабевать, и в конце концов о ней позабыли. Внимание привлекли совершенно другие проблемы: смерть любимой дочери короля принцессы Амелии и война. Сломалась последняя соломинка, за которую держался умирающий монарх. Его величество Георг III был признан невменяемым, и в 1811 году принц Уэльский стал регентом. Первым своим указом он восстановил герцога Йоркского в должности главнокомандующего.

Расследование, судебные процессы, «Соперничающие принцы» потеряли свою новизну и больше никого не волновали. Как прошлогодняя

шутка или летняя мода, скандал отжил свое, и теперь его можно было предать земле. Единственным человеком, проливавшим слезы на похоронах, была сама госпожа Кларк. Его смерть сделала ее жизнь тусклой.

Она сказала:

— В моей шкатулке лежат письма, из которых можно составить несколько томов и сколотить на этом огромное состояние. Так зачем им лежать мертвым грузом, почему бы им не поработать на меня?

Слова эти она произнесла до встречи с попечителями, среди которых были господа Даулер и Коксхед-Марш. Десять тысяч фунтов сократились до пяти. Через пару лет вообще ничего не останется.

— Веская причина для того, чтобы стать писательницей. Девочки будут жить на ежегодное пособие, а мне стоит потрясти королевских особ. Вы не согласны?

Чарли Томпсон кивнул. Он был третьим попечителем. Всему, что могло бы увеличить средства его сестры, будет обеспечена его братская поддержка: он получит от этого половину.

Господа Даулер и Коксхед-Марш придерживались другого мнения. Потрясенные до глубины

души и ошеломленные тем, что последовало за появлением «Соперничающих принцев», они боялись повторения. Один раз ей удалось выйти сухой из воды, вряд ли во второй раз ей так повезет. Нельзя дважды стрелять по одной и той же цели. Кроме того, ее перо не пощадило ни одного мужчину, и кто знает, какие еще их собственные глупые записки, перевязанные ленточкой, лежат в этой шкатулке?

— Думаю, — сказал Коксхед-Марш, — вам лучше затаиться и заняться воспитанием девочек.

— В Аксбридже есть великолепная школа, — согласился Билл Даулер, — всего пятнадцать фунтов за семестр, в том числе и за уроки французского.

— Вы можете тратить деньги на схоластические цели, но не на то, чтобы баламутить общество, — добавил Коксхед-Марш. — И Даулер, и я сходимся во взглядах на этот вопрос. Ведь вы хотите выдать девочек замуж, найти для них хорошую партию, а внимание, которое вы привлекаете к своей особе, уменьшает их шансы. Между прочим…

— Между прочим, — перебил его Даулер, — то, что произошло в тысяча восемьсот девятом году, может сильно навредить им. Я говорил тебе сотни раз, что спокойная жизнь в деревне — решение всех твоих проблем. Домик в Челфон-

Сент-Питер…

Она накинулась на него:

— А в школе в Аксбридже есть курс по подготовке к супружеской жизни? Лучше я самостоятельно подготовлю их и обучу французскому… Девочки должны жить в Лондоне, и я тоже, и у меня должен быть особняк в Брайтоне или, на худой конец, в Рамсгейте. А когда Джордж пойдет в армию, мы последуем за ним. Там мы найдем кучу корнетов для Мэри и Эллен и какого-нибудь лихого кавалериста для меня.

При упоминании имени Джорджа наступила тишина, но взгляд, которым обменялись попечители, насторожили ее.

— Что случилось? — спросила она. — В чем дело?

Билл промолчал. Чарли пожал плечами. Кокс-хед-Маршу пришлось нарушить неловкую паузу.

— Я попробую предпринять кое-что в Сити, — сказал он, — и подыскать какое-нибудь дело для Джорджа. У нас еще много времени.

— Джордж пойдет в армию, — ответила она. — Это его заветное желание, и я дала ему слово.

— Это будет не просто.

— Почему?

— Причина очевидна. Маловероятно, чтобы в каком-то полку были рады сыну женщины, которая скинула главнокомандующего. Все его прошения будут отклонены. Ему не на что надеяться.

— Я предупреждал тебя, — добавил Чарли. — Я уже потерпел неудачу, то же самое будет и с ним. Расследование свело наши шансы к нулю. Если Джордж решится взять другое имя, ему может повезти, но только не в армии его величества. В этом нет сомнений.

Внезапно ее охватила ярость. Бестолковые идиоты, все до единого.

— Если кто-нибудь встанет на моем пути, я знаю, как с ним справиться. У меня есть письмо, в котором герцог Йоркский пообещал выписать патент, когда Джорджу исполнится пятнадцать. Что, если я представлю письмо суду?

Попечители вздохнули. Назад, на место для свидетелей и в Вестминстер-Холл? И опять всеобщая известность — такая опасная, разрушительная, губительная для всех. Это будет полным крушением надежд Джорджа и девочек. Неужели никто на свете не может заставить ее молчать?

— Если вы станете кому-либо угрожать, — сказал Коксхед-Марш, — вы разрушите будущее

своих детей. Прекратится выплата ежегодного пособия на вас и на девочек, и вы останетесь без гроша.

— Вы забываете, что своим пером и своим ярким слогом я смогу заработать больше, чем все пособия, вместе взятые.

Она вылетела из дома, предоставив им самим решать все вопросы. Они могут как угодно поступать с тающим капиталом: заморозить его или пустить в дело под три процента годовых, но только ей по силам начать наступление.

Вернувшись домой и порывшись в шкатулке, она вспомнила, что письмо, в котором герцог пишет о Джордже, больше ей не принадлежит. Давным-давно она отправила его Джеймсу Фитцджеральду на сохранение.

Уже несколько месяцев она ничего не слышала о Фитцджеральдах. В этом году Джеймс ушел из большой политики, а Вилли очень резво продвигался по служебной лестнице, став канцлером Ирландского казначейства и членом Английского тайного совета. Она сразу же написала им. Они оба были в Ирландии, к тому же парламент был распущен на каникулы, и у нее не возникало сомнения в том, что для Вилли, занимающего такой высокий пост, не составит труда получить

патент для Джорджа.

Но ни от отца, ни от сына ответа не было. Она написала еще раз. Наконец от Джеймса пришла коротенькая записка: «Письмо, о котором вы говорите, уже давно уничтожено».

Уничтожено! Ее самая главная ценность! Неужели он считал, что этим обезопасит себя? Или он боялся хранить свидетельство его отношений со знаменитой госпожой Кларк?

Ее обращение к Вилли тоже ни к чему не привело. Из Ирландии пришло письмо, в котором сообщалось, что Вильям Фитцджеральд, казначей, требует, чтобы госпожа Кларк никогда не вспоминала о его существовании. Лучше забыть о том, что они в далеком прошлом были знакомы, и не возобновлять отношений. Кроме того, ирландский канцлер отказался предпринимать какие-либо шаги для того, чтобы обеспечить будущее сына госпожи Кларк.

Новость оглушила ее. Она не могла поверить. Неужели Фитцджеральды, близкие друзья, могли поступить так бесчеловечно? Как они могли отвернуться от нее после всего пережитого за десять лет? Вилли, который рассказывал ей о своих бедах со дня окончания Оксфорда, который, как Чарли, бежал к ней за помощью и поддержкой;

Джеймс, который сотни раз облегчал ей свою душу, рассказывал о политических тайнах. Не желают продолжать знакомство… конец главы… и ничего не сделано для Джорджа — Джордж покинут.

Но эмоции перешли в злость, злость — в ярость, а ярость — в ослепляющее желание отомстить. Как и в прошлый раз, она бросилась за советом к Огилви:

— Что мне делать? Как мне побольнее ударить их?

За последние четыре года Огилви преследовали неудачи. Его надежды разбивались одна за другой. Регентство разрушило все ожидания, что страна расколется надвое и начнется революция. Тори все еще находились у власти, и было мало вероятности, что ситуация в скором времени изменится, поэтому Огилви устраивало любое оружие, которое могло послужить в целях дискредитации министров. Например, подпитать враждебность, царившую в отношениях между Англией и Ирландией. Очень хорошо, что между ними всегда существовали разногласия, теперь у него есть возможность их углубить.

— Когда вы готовили к изданию «Соперничающих принцев», — сказал он, — я посоветовал

вам сделать книгу посильнее. Сейчас вам дается еще один шанс. Начните с серии памфлетов, критикующих правительство, и в первую очередь Вильяма Фитцджеральда. Разоблачите его. Это вызовет ужасный скандал — и ему придется подать в отставку. Помните, в каком дурацком виде вы выставили Крокера? Все были страшно разочарованы тем, что вы не пошли дальше и не взялись за остальных.

— Вы считаете, что мои слова действительно оказывают какое-то воздействие?

— Конечно. Когда вы написали «Соперничающих принцев», вы перетянули на свою сторону общественное мнение. Но вы упустили момент и потеряли отвоеванное. Вы не понимаете, какая сила таится в вашем пере и в вашем слове. Благодаря вам два человека впали в немилость: герцог Йоркский и Уордл. Попробуйте свои силы на третьем. Дайте этому ирландскому канцлеру коленом под зад — и общественное мнение опять будет на вашей стороне.

Его слова лились как бальзам на ее израненную душу. Вилл говорил ей именно то, что она так жаждала услышать. Его предложения волновали и возбуждали ее. Серия памфлетов, критикующих ее мир, мир, который она так хорошо знала.

Возможность доказать, что она все еще существует, что у нее еще хватит сил, чтобы сломать человеку жизнь.

И опять она ринулась в битву, руководимая одной навязчивой идеей: мужскую часть рода человеческого нужно держать в подчинении. Она заперлась в своей комнате и начала писать…

Письмо к достопочтенному Вильяму Фитцджеральду, написанное на двадцати страницах, было опубликовано в виде памфлета. Издал его господин Митчел. Господин Чэппл с Пэлл-Мэлл печатать письмо отказался. Он был категорически против, чувствуя, что в письме заключена опасность, но автор «Соперничающих принцев» ничего не желала слушать.

— Это опасно для Вильяма Фитцджеральда, а не для меня.

Господин Чэппл покачал головой. Письмо было страшно язвительным, в нем полностью отсутствовал юмор.

Охваченная тревогой, я спешу предостеречь ирландский народ против самого порочного и распутного человека, который, совершенно таинственным образом захватив пост канцлера казначейства,

в настоящее время осуществляет контроль над народными деньгами и который является представителем Ирландии в имперском парламенте.

Мною движет принцип, которым я руководствовалась всю свою жизнь: никогда не допускать неблагодарного отношения к себе, одного из самых низких преступлений, не оставлять неблагодарность безнаказанной и всегда разоблачать лицемерие. Вы, господин Фитцджеральд, имеете перед собой еще один пример того, что тот, кто воспользовался моими чувствами для достижения собственной выгоды, пусть даже этот человек занимает столь высокий государственный пост, не уйдет безнаказанным; и я хочу, чтобы Вы навсегда запомнили: если мне нанесут оскорбление, я потребую возмещения не только у сына короля, но и у самого короля. До сих пор я разоблачала перед общественностью только тех, кто этого заслуживал, никто безвинно не пострадал. Это единственный способ мести, который я жажду применить по отношению к тем, кто обманул меня.

Я приведу несколько примеров, которые позволяют нарисовать ужасную картину предательства Вашего отца, этого искусного интригана, которому я доверила письмо от герцога Йоркского, написанное вскоре после нашего разрыва. В своем письме герцог всеми святыми поклялся до конца своих дней покровительствовать моему сыну и защищать его.

Я написала Вашему отцу и попросила его вернуть мне письмо. На это он ответил: «Я уничтожил письмо».

Нет слов, чтобы выразить охватившее меня негодование, мое возмущение вероломным поступком по отношению к невинному ребенку, будущее которого полностью зависело от этого письма и который сейчас лишился единственной гарантии. Я уже не говорю о неблагодарности по отношению ко мне, спасшей его, Вас и всю Вашу семью от бесчестья и полного краха, скрыв от всех его письма, разоблачающие его продажную сущность.

Уделив немного времени характеристике Вашего отца, я переключаю все свое

внимание на Вас.

Ваш болезненный вид, который, как считает Ваш отец, проистекает из наследственной немощи, является на самом деле результатом ночной жизни, которую Вы проводите в азартных играх. Вам нет оправдания, так как вовсе не тяжелое материальное положение притягивает Вас к игорному столу. Но оставим эту сделавшую Вас своим рабом пагубную страсть – она ничто по сравнению с другими Вашими пороками. Что подумает народ о человеке, который, совратив жену своего близкого друга, взяточничеством и другими бесчестными приемами добился того, чтобы ее мужа отправили в страну с вредным климатом, надеясь, что болезни в скором времени сведут его в могилу; который предается разврату и потребляет наркотики, а потом, удовлетворив свои низменные инстинкты, накачивает наркотиками бессознательную жертву своей животной страсти, чтобы, пусть и с риском для ее жизни, обезопасить себя, уничтожив невинную свидетельницу своего преступления, и

не испытывает при этом ни малейшей жалости? Описанное мною событие произошло незадолго до рождения мертвого ребенка, которое представляло собой настолько жуткое зрелище, что даже врач пришел в ужас. Дрожащей рукой он заполнял медицинскую карту, назвав причиной смерти младенца отравление огромной дозой лекарства, которое чуть не свело в могилу саму несчастную мать.

Вы заявляли, что не можете жениться на женщине, покрывшей позором свое имя, но при этом забыли, что сами стали причиной ее бесчестия; что Вы не можете жениться на одной из дочерей лорда Диллона, так как союз с бастардом, как Вы называли девушек, испортит кровь Фитцджеральдов. Та же самая причина, по вашим словам, вынудила Вас отказаться от такого же предложения маркиза Уэллсли.

Но разве Ваше происхождение, Ваш ранг или Ваши способности дают Вам право с презрением отвергать дочерей знатнейших фамилий? Вам, ничего этого не имеющему; Вам, чей дед, жуликоватый

Вилли Фитцджеральд из Энниса, был бедным адвокатом, разбиравшим кляузы; чей отец добился успеха в жизни не благодаря своим заслугам, а с помощью мастерского владения искусством грязных интриг; чья тетка – самая обычная уличная шлюха и чей двоюродный брат был повешен за конокрадство; Вам, чья жизнь с первого дня появления на свет представляет собой сплошную цепь позорных и запутанных преступлений?

Я покажу, какими средствами Вы заполучили тот почет и уважение, о которых Вы так часто упоминаете и за которыми, как сообщают официальные источники, последует звание пэра. Возможно, Вы полагаете, что горностаевая мантия будет хорошо скрывать Ваше моральное уродство и что обладание пэрской короной компенсирует полное отсутствие нравственных устоев, но позвольте спросить, осмелитесь ли Вы когда-либо взглянуть на животное, которое украшает Ваш герб, не вспомнив о своем низком происхождении?

Я прилагаю письма от Вас и от Вашего

отца, которые все еще находятся у меня, и остается лишь посмотреть, сэр, допустят ли народы Великобритании и Ирландии, узнав о Вашей истинной сущности, чтобы такой распутный выскочка стал изображать из себя лорда. Остается лишь посмотреть, будут ли они аплодировать избранию нищенствующего политического авантюриста в высший и самый доходный орган страны или решат, что лучше доверить управление финансами значительной части империи более способному человеку с чистыми руками, а не тому, кто целыми ночами просиживает за игорным столом и кто должен быть признан виновным в преднамеренном убийстве своего нерожденного ребенка.

Таков был общий тон опубликованного письма, в примечании к которому она пообещала, что будет продолжение. Кто следующий на сшибание кокосовых орехов, три броска за пенс?

В ближайшее время я намереваюсь представить публике две или три книги, за которыми, если позволят обстоятель-

ства, могут последовать еще несколько.

Подобная перспектива заставила поежиться многих членов верной его величеству палаты общин. Несколько членов палаты лордов покрылись холодным потом. В Кабинете поднялся ропот. Слышали, как сам лорд Ливерпуль сказал: «Остановите эту женщину, пока она не натворила еще больших бед. Если ее не остановить, мы все вылетим отсюда».

Первая жертва посоветовалась со своими адвокатами и обратилась в суд.

В понедельник, семнадцатого февраля 1814 года, госпоже Мэри-Энн Кларк было предъявлено обвинение в клевете на канцлера Ирландского казначейства достопочтенного Вильяма Фитцджеральда, члена парламента от Энниса.

В третий, и последний раз она сидела перед Судом королевской скамьи, разглядывая океан лиц, обращенных в ее сторону. Но на этот раз рядом с ней не было сэра Вайкари Джиббса: два года назад его назначили судьей.

Лорд главный судья Элленборо также отсутствовал. Его место занял господин Жюстис Ле Бланк. Не было и пикетчиков от партий перед слушанием. Не было светской болтовни в Лин-

кольнз-Инн, не было «Леды и лебедя».

— Наймите Генри Бругхэма и не считайтесь с расходами, — посоветовал автору бывший министр юстиции. — Я питаю отвращение к его политическим убеждениям, но он единственный на всем белом свете способен вытащить вас. Я все-таки предупрежу его, что дело будет нелегким.

Приняв во внимание веские аргументы адвоката истца, судьи признали ответчицу виновной. На этот раз Мэри-Энн переиграла саму себя.

Глава 5

Заседание было недолгим. Свидетелей не вызывали. Зачитали письмо достопочтенного Вильяма Фитцджеральда.

Ответчица не выступала, она дала письменные показания под присягой, в которых оправдывала свое поведение предательством Фитцджеральдов, уничтоживших многие ее ценные бумаги, отданные им на хранение. Среди этих бумаг находилось письмо одного известного лица с обещанием оказывать покровительство и поддержку ее сыну. Она отдавала себя на милость суда, закончив свои показания следующими словами:

> *Принимая во внимание, что свидетельница, дающая показания под присягой, имеет двух дочерей, одна из которых почти достигла зрелости; принимая во внимание, что до настоящего времени, несмотря на неблагоприятные условия и несчастья, она дала им образование и воспитала их в благочестии и добродетели; а также учитывая тот факт, что, если*

уважаемый Суд примет решение лишить ее дочерей ее защиты, они останутся без средств к существованию, она выражает надежду, что уважаемый Суд учтет эти обстоятельства и состояние ее здоровья, а также то, что в основе ее действий лежали не политические мотивы, а только лишь оскорбление поведением, нанесенное истцом.

Министр юстиции — он уже в течение двух лет был обвинителем вместо сэра Вайкари Джиббса — охарактеризовал ее опубликованное в газете письмо как злостную клевету — самое ужасное преступление, когда-либо рассматривавшееся в суде.

Как он заявил, у него нет сомнений, что все было затеяно только с целью вымогательства, — хотя в памфлете основной причиной называется желание отомстить. Он надеется, что приговор суда послужит ответчице уроком и заставит ее воздержаться от литературной деятельности и отказаться от публикации других клеветнических измышлений.

Господин Генри Бругхэм (которому шесть лет спустя пришлось защищать королеву Каролину)

обратился к суду с просьбой смягчить наказание для ответчицы, хотя и понимал, что не в его силах помочь госпоже Кларк.

Это дело, горячо протестовал он, нельзя рассматривать как беспричинные и неспровоцированные нападки на честь личности, предпринятые ради удовлетворения страсти публики к злословию. Публикация этого письма явилась результатом давних отношений между сторонами, отношений, длившихся четырнадцать лет.

— Милорды, я не вправе требовать послаблений по той лишь причине, что лицом, давшим выход своим чувствам в ответ на провокацию, была женщина: не зря говорят, что, когда особенности пола больше не накладывают ограничений на действия, человек теряет свои защитные свойства. Но я умоляю ваши светлости учесть при решении вопроса о наказании тот факт, что моя подзащитная воспитала дочерей в благочестии и добродетели, дав им образование и привив навыки, в которых, возможно, сама испытывала недостаток. Если суд примет это во внимание, я надеюсь и верю, что ваши светлости смогут совместить справедливое отправление правосудия с состраданием, дабы не пострадали невиновные.

Господин Бругхэм сделал все возможное. Но

судьи были настроены враждебно. Их светлости почувствовали, и не без основания, что женщину, осмелившуюся написать такие обвинения в адрес лиц, занимающих высокие посты, нужно во что бы то ни стало заставить замолчать. Ни в коем случае нельзя оставлять ее на свободе. Пройдет несколько недель, и она опять возьмется за старое. Всего пять лет назад она исковеркала жизнь принцу крови. Женщины такого типа опасны.

Ответчица проявила свою обычную беспечность даже во время рассмотрения дела. Она смеялась над престарелым господином Митчелом, владельцем типографии и соответчиком. Она зашла еще дальше: когда министр юстиции закончил свою речь, она сделала клоунский реверанс, всем своим видом выразив насмешку. Господин Жюстис Ле Бланк был преисполнен решимости проявить строгость.

— Не вызывает сомнения, — сурово начал он, — клеветническая направленность публикации. Не вызывает сомнения и тот факт, что автор, сочинивший этот пасквиль и предупредивший о публикации еще трех книг, которые, как он утверждает, находятся еще в стадии осмысления, руководствовался только желанием добыть деньги, опубликовав упомянутые документы

или, если бы ей заплатили за это, попридержав их. Пусть рассматриваемое дело послужит предупреждением, пусть оно покажет, как опасно заводить поспешные и необдуманные связи. Я надеюсь, что одиночество и тюремное заключение, к которому суд, выполняя свой долг, обязан приговорить ее, заставит ее пересмотреть прошлое и раскаяться в тех ошибках, что привели ее к нынешней ситуации. Всегда мучительно видеть, как грехи родителей настигают детей, но в некоторых случаях разлука может пойти во благо последним. Будет ли так и в данном случае, решать не суду.

Принимая во внимание рассматриваемые обстоятельства, суд приговаривает ответчицу Мэри-Энн Кларк к заключению в тюрьме Суда королевской скамьи на срок девять календарных месяцев. По истечении этого срока она примет на себя обязательство соблюдать общественный порядок в течение трех лет и внесет залог в двести фунтов и два залога по сто фунтов каждый. Она будет содержаться под стражей до внесения полного залога.

Все взгляды обратились на ответчицу госпожу Кларк, которая стоя слушала приговор. Ее адвокат, Генри Бругхэм, намекал, что ей грозит

тюремное заключение, но она не поверила ему. Ну, присудят компенсацию убытков в несколько тысяч, придется продать ценные бумаги, чтобы собрать необходимую сумму, а потом она опубликует продолжение «Соперничающих принцев», проверенное на предмет наличия сведений, которые могут посчитать клеветой.

Но на девять месяцев в тюрьму! Оставить детей — ведь ровно через неделю Джорджу исполнится шестнадцать! Она обвела всех недоверчивым взглядом. Ни одного улыбающегося лица. Вон Чарли с Биллом, их глаза опущены. Значит, это правда. Спасения нет. Они не смягчили приговор. Шумное бряцание ключей, холодные стены и тюремная камера. Чтобы совладать с собой, она так сжала руки, что ногти впились в ладони. «Таймс» так описал этот момент: «Когда господин Жюстис Ле Бланк заговорил о тюремном заключении, всю ее веселость как рукой сняло и из ее глаз выкатились две слезинки».

Ее друзьям разрешили попрощаться с ней, перед тем как отправить ее в тюрьму Суда королевской скамьи. Она смахнула слезы и, улыбнувшись, вышла к ним навстречу:

— Я всегда собиралась сесть на диету. Вот мне и представилась возможность. В тридцать во-

семь воздержание пойдет только на пользу. Да и вода из Маршалси гораздо лучше, и квартира за полцены… Попросите Марту собрать на первые несколько дней самое необходимое, пока я не обследовала свое жилище. Подозреваю, что вечерние туалеты мне не понадобятся, только шерстяные вещи. Книги? Кто из вас будет снабжать меня книгами? Полагаюсь на всех вас. Мне очень помогли бы «Закат и падение» Гиббона и «Одиссея» Гомера… Какие еще есть предложения? Я буду принимать по вторникам и пятницам. Рада видеть вас всех, только приносите с собой стулья. Кокси, присмотрите за девочками и пригласите их в Локтон и, ради всего святого, подыщите Чарли работу. Билл, поцелуй меня, дорогой, быстрее и исчезай. Я могу наделать всяких глупостей и расстроить тебя. Ты знаешь, что надо делать с Джорджем, и постарайся как можно осторожнее сообщить ему новость. Скажи, что ему нечего беспокоиться, что я всем довольна — с нетерпением жду возможности исследовать внутреннее убранство тюрьмы. Господин Бругхэм здесь? Я хочу поблагодарить его.

Генри Бругхэм подошел к ней и взял за руку. Он понял, что за напускной веселостью скрывается нечеловеческое напряжение, и выпроводил по-

сторонних. Она сразу же расслабилась.

— Вам будет трудно, — сказал он. — Я должен предупредить вас.

— Да, — ответила она, — сразу говорите о самом худшем.

— Насколько вы сильны?

— Не знаю. У меня никогда не было возможности проверить. Я никогда не болела.

— Через некоторое время вам будут предоставлены определенные поблажки. Как я понял, за все будут платить ваши друзья. Но сначала вопрос об этом даже не встанет. В приговоре сказано: одиночное заключение.

— Что конкретно это значит?

— В тюрьме есть две маленькие камеры. Суд постановил, что вас поместят в одну из них.

— Там будет очень темно? Я смогу читать и писать?

— Насколько мне известно, под самым потолком есть крохотное окошко.

— А на чем лежать?

— Пока там нет ничего. Только солома. Вам разрешат послать за кроватью — я дам указания.

— А одеяла?

— Сегодня вы будете спать на пледах из моего экипажа. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы

вам завтра доставили из дома кровать и одеяла.

— Кто управляет тюрьмой?

— В настоящее время — господин Джонс, но, как я понял, его никто никогда не видел, и всеми делами заправляет писарь, некто по имени Брушуфт.

— Бруштифт или Бруштофф — какая мне разница. Мне следует любезничать с ним?

— Возможно, позже, не сейчас. Вы готовы? Экипаж ждет.

— Разве я еду не в крытой двуколке?

— В Англии вы избавлены от этого. Адвокату разрешено сопровождать заключенного.

Она села в экипаж, так и не разжав рук.

— Лучше бы мы поплыли по реке — это более романтично. А в тюрьме Верховного суда есть Ворота предателей?

— К сожалению, нет. Тюрьма стоит не у реки. Она на другой стороне, недалеко от Саутверка.

— Я плохо знаю те места… Ее часто посещают?

— Только старьевщики и нищие. За исключением, конечно, должников, которые там сидят.

— А я буду видеть Темзу? Я очень люблю реку.

— Боюсь, что нет. Тюрьма окружена высокой… Кстати, у вас есть свой доктор?

— Мой любимый доктор Меткалф уехал в Мид-

ландз. Но я уверена, что стоит мне свистнуть, и он сразу же примчится ко мне. А зачем?

— В тюрьме Верховного суда нет врача. Никакого. Нет здесь и лазарета.

— А что будет, если заключенный внезапно заболеет?

— Ничего. Если только кто-нибудь из тех, кто сидит с ним в одной камере, имеет кое-какие познания в медицине… Потому-то я и предупреждаю вас.

— Кто предупрежден, тот вооружен. Нужно, чтобы Марта прислала мне мои порошки… Кстати, вспомнила: как там насчет санитарных условий?

— Мне говорили, что там есть несколько уборщиков, которым платит начальник, но они приходят не каждый день. Все зависит от количества мусора. Им выгоднее, чтобы свалка достигала определенной высоты, тогда они приходят и выгребают мусор.

— В этом есть своя логика… А там есть сточные канавы?

— По всей видимости, нет. Отходы стекают в бадьи.

— Которые, естественно, всегда переполнены, и помои низвергаются с них, как Ниагарский

водопад? Чувствую, Марта получит длиннющий список… А питание, господин Бругхэм?

— В тюрьме есть столовая, в которой обычно питаются самые бедные из должников, не имеющие возможности посылать за более качественной пищей. Разрешено дважды в неделю покупать мясо у мясника, но, как мне говорили, это не рекомендуется.

— Значит, еду мне могут присылать из дома?

— Да, за особую плату. Все это организуют надзиратели. Мы выясним. Полагаю, в тюрьму проникает довольно много выпивки. Начальник смотрит на это сквозь пальцы. А теперь закрывайте уши, чтобы уберечь свой слух от грубостей.

— Мы прибыли? Вот эти большие ворота — тюрьма?

— Да, мы проедем во внутренний двор. Если кто-нибудь закричит или попробует оскорбить вас, не обращайте внимания. Обычно во дворе собираются самые бедные из должников. Вам лучше остаться в экипаже, пока я буду разговаривать с начальником.

Она перекинула через руку пледы. «На Баулинг-Инн-Элли, — подумала она, — одеяла были тоньше, но у меня, по крайней мере, была кровать, и Чарли согревал меня своим теплом. К тому

же это было тридцать лет назад, я тогда была покрепче…» Она высунулась в окно экипажа и позвала Бругхэма:

— Закажите комнату с огромной кроватью с пологом, обед на двоих и обязательно шампанское на льду…

Он помахал в ответ рукой.

Как только он исчез за дверью тюрьмы, должники столпились вокруг экипажа. Они просовывали в окно руки с зажатыми в них клочками бумаги.

— Купите билеты на места в камеры. Десять шиллингов за ночь. Кровать, всего четыре человека в камере… Восемь шиллингов, мадам, я могу вам продать за восемь шиллингов, и совсем новый матрац — на нем спали всего три месяца назад… Четыре шиллинга, мадам, только ради вас, четыре шиллинга за вашу половину кровати, ваш сосед — очень приятный молодой человек двадцати восьми лет… Отдельная камера стоит гинею за ночь, мадам, это лучшее, что можно найти в тюрьме Верховного суда, вы нигде ничего подобного не найдете: всего одна гинея, с дополнительной платой за ежедневную уборку мусора.

Как жаль, что она вынуждена сидеть за преступление, а не за неуплату долгов.

— Вы очень добры, — сказала она, — спасибо за беспокойство. Но все уже улажено. У меня будет собственная камера.

Они озадаченно уставились на нее:

— Это какая-то ошибка, мадам. В тюрьме нет свободных камер.

— О! Есть. Вы о них не знаете. У начальника есть кое-что про запас.

Вернулся Генри Бругхэм. Должники расступились, продолжая громко обсуждать услышанную новость.

— Мне очень жаль, — сказал Бругхэм. — Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал.

— Разве может быть хуже? Эти люди были чрезвычайно любезны.

— Я о вашем жилище. Камеры очень маленькие.

— Но я там буду одна?

— Да. — Он с состраданием взглянул на нее.

— Мне идти с вами?

— Прошу. — Он взял ее за руку и повел внутрь здания. — Я заплатил за передачу вас под стражу десять шиллингов и шесть пенсов. Обычным заключенным они предлагают так называемые «места в общаге».

— Я знаю, мне уже предлагали.

— Это не для вас: вас приговорили за клевету. Это предполагает только одиночку, как я вам уже говорил. Вот господин Брушуфт, писарь начальника.

К ней направился квадратный мужчина с выпяченным животом, в руках он сжимал шляпу. Она улыбнулась и сделала реверанс. Он не обратил на нее никакого внимания и повернулся к Бругхэму:

— Она привезла с собой кровать?

— Кровать пришлют утром. И одеяла, конечно, стол, и стул, и массу других необходимых вещей.

— Места хватит только для кровати. Размер камеры всего девять футов. У нее есть с собой свечи?

— А разве ей не полагаются свечи?

— У нас ничего не полагается. Только солома, ее как раз сегодня утром поменяли.

— Где можно купить свечи?

— Возможно, они есть у хозяина кофейни. Это не моя сфера деятельности. И не забывайте, что она помещена сюда по обвинению в преступлении. Мне были даны инструкции не предоставлять никаких привилегий. Только казенная пища из тюремной столовой.

— А что это такое?

Писарь пожал плечами:

— Жидкая овсянка на завтрак, суп на обед. День на день не приходится, меню составляет повар. Должники могут покупать все, что им хочется, в кофейне… У нее другой случай.

Генри Бругхэм повернулся к своей клиентке. Она махнула рукой:

— Что я говорила? Диета для полных. Когда я выйду отсюда, я буду тонка как тростинка и введу новую моду.

Писарь повернулся к надзирателю:

— Проведи заключенную в камеру номер два. Завтра ей пришлют кровать, больше никаких привилегий.

— Ей можно посылать за продуктами в кофейню?

— Ни в коем случае.

Писарь снизошел до того, чтобы окинуть заключенную равнодушным взглядом своих выпученных глаз.

— Если заболеете, — сказал он, — можете сообщить об этом. Отправите записку на имя начальника, ее подошьют к делу, и когда будет проводиться осмотр, вас вызовут.

— А как часто проводится осмотр?

— Дважды в год, ведомством по уголовным де-

лам. Следующая инспекция назначена на июнь. В том случае, если заключенный умирает, в моей власти отдать его тело родственникам, но они должны заплатить. В вашем случае я пошел на уступку — вы женщина, и вам больше тридцати — и выделил камеру номер два с деревянным полом. В номере один пол каменный и нет стекла в окне.

Заключенная улыбнулась и взяла пледы.

— Вы очень добры и заботливы. Сколько я вам должна?

— Это решат ваши друзья, я не беру денег с заключенных. Это против правил и считается оскорблением. Будьте любезны, следуйте за надзирателем. Расхаживать по зданию тюрьмы разрешено только должникам или тем, кто осужден на три месяца. До свидания.

Он кивнул Генри Бругхэму и удалился. Адвокат забрал у нее пледы, и они вместе последовали за надзирателем по длинному коридору.

— Как жаль, — сказала она, — что мы не в Брайтоне, где нас ждала бы квартира и веселая вечеринка.

Генри Бругхэм сжал ее руку и не ответил. Надзиратель вел их по лабиринту коридоров. В углах были расположены лестничные площадки, на

которых сидели заключенные. Это были места встреч должников. Мужчины, женщины и дети располагались на ступеньках, взрослые пили или ели, дети играли. На одной из лестничных площадок была в самом разгаре игра в кости, на другой — в кегли, роль которых выполняли бутылки. По всему зданию тюрьмы эхом разносились смех, крики и пение.

— Во всяком случае, я не буду жаловаться на тишину. Но у меня такое впечатление, что давно не вызывали уборщиков. Мне противно смотреть на эти бадьи без крышек…

На Баулинг-Инн-Элли никогда не было такого зловония, как в коридорах. Может, она уже позабыла? Неужели она почувствовала знакомые запахи? Застоявшиеся у соседей помои… дырявые полы… мокрые стены с пятнами от пальцев… неприличные надписи… даже раздававшиеся из-за угла пронзительные визги детей очень напоминали вопли играющих в шарики Чарли и Эдди.

— Вы помните Марию Стюарт?

— При чем тут Мария Стюарт?

— «В моем конце, — объяснила она, — мое начало». Думаю, то же самое можно сказать про всех нас… Кажется, мы пришли.

Надзиратель остановился в самом дальнем конце коридора и принялся отпирать двойной замок. Он открыл тяжелую дверь.

Писарь не преувеличивал: камера действительно была всего девять футов, не больше и не меньше. Окошко, расположенное под самым потолком, было забрано железной решеткой и затянуто паутиной. Через него на пол падало пятно света величиной всего три фута. Пол был деревянный, и в углу, возле стены, была навалена солома. Маленькая бочка, похожая на те, что в коридорах, стояла возле двери. Крышки на ней не было.

Заключенная развела руки, чтобы измерить камеру.

— Дело в том, — сказала она, — что, когда мне пришлют кровать, здесь действительно ни для чего не хватит места. Мне придется мыться, одеваться и есть, стоя на одной ноге, — новое упражнение под названием «фламинго».

Приподняв платье, она показала, как делать это упражнение. Надзиратель ошеломленно уставился на нее. Она одарила его сияющей улыбкой.

— Так как нам суждено часто видеть друг друга, — сказала она, — давайте знакомиться. Надеюсь, мы будем друзьями.

Она пожала ему руку и дала пару гиней.

— Так, а как насчет свечей, господин Бругхэм? Через полчаса в камере будет темно, как в могиле. И довольно холодно: я вижу, здесь нет камина. А свечи создадут атмосферу праздника. С вашими пледами и на этой соломе мне будет довольно уютно, и из столовой принесут горячий суп. Какой сегодня суп: томатный или черепаший?

Озадаченный надзиратель взглянул на свою подопечную.

— Здесь всегда одно и то же, — ответил он, — что-то вроде соуса с плавающей наверху картошкой и кусок хлеба.

— Суп «пармантье», я ела его в Олмаке… А теперь, господин Бругхэм, настала пора прощаться.

Адвокат, склонившись, поцеловал ей руку.

— Я сделаю все возможное, чтобы вытащить вас из этой дыры и перевести в обычную камеру, обещаю вам.

— Большое спасибо. Вы будете приходить ко мне?

— Как только это разрешат. Кстати, дайте мне адрес вашего доктора…

— Он у Билла Даулера.

— Что вам еще нужно? Я имею в виду прямо сейчас?

— Свечи из кофейни и, если у них есть, бумагу и чернила.

— Надеюсь, вы не собираетесь писать еще одно письмо господину Фитцджеральду?

— Нет. Статью о тюрьме Суда королевской скамьи, взгляд изнутри. Чтобы потом представить ее, если понадобится, палате общин.

Он рассмеялся и покачал головой:

— Думаю, вы неисправимы.

— О господи, я надеюсь. Иначе для чего жить?

Надзиратель открыл дверь, и они с Генри Бругхэмом вышли в коридор. Дверь с лязгом захлопнулась. Повернулся ключ. В маленьком зарешеченном окошечке на двери появилось лицо заключенной. Она уже успела снять шляпку, бросить ее на солому и накинуть на плечи плед из экипажа адвоката.

— Еще одно слово, — сказал господин Бругхэм. — Мне ужасно жаль…

Она взглянула на него и улыбнулась. Голубой глаз подмигнул. Она тихо проговорила на настоящем кокни, которому выучилась в переулке:

— Кто отстегивает бабло, тот заказывает и музыку.

Она услышала, как их шаги эхом отдались под сводами коридора и затихли вдали, смешавшись

с обычными звуками тюрьмы: криками, визгами и смехом. В десять вечера, когда свечи почти полностью оплыли, надзиратель отпер дверь и подал ей письмо. Как сказал надзиратель, его принес посыльный Суда королевской скамьи. Оно было адресовано начальнику и содержало приказ передать его ей лично.

Она протянула руку и взяла у него письмо. Ни обращения, ни подписи, только штамп главного штаба в Уайтхолле и число, семнадцатое февраля 1814 года.

Письмо было очень кратким:

> *Его Величество имел удовольствие назначить Джорджа Ноэля Кларка в 17-й полк легких драгун. Назначение вступает в силу с семнадцатого марта, по истечении четырех недель после исполнения офицеру шестнадцати лет. В тот же день корнет Кларк обязан явиться к месту службы.*

Его королевское высочество главнокомандующий не забыл о своем обещании.

Глава 6

Они все время куда-то переезжали. Нигде не задерживались. Ее постоянно охватывало нетерпение, она никак не могла усидеть на месте — Эллен называла это «мамина божественная неудовлетворенность», — и в один прекрасный день начинались сборы, упаковывались сундуки, перевязывались коробки, и все трое отправлялись в дорогу в поисках какого-то недосягаемого Эльдорадо. Сегодня Брюссель, завтра Париж, а если ни один город не привлекал ее, она продолжала колесить в дилижансе с наглухо закрытыми окнами по пыльным дорогам Франции. Ее лицо прижато к стеклу, все ее существо переполняет восторг.

«Вот где мы остановимся: в отеле „Тет д'Ор“» — только потому, что вымощенная булыжником площадь, как ей показалось, несла в себе какую-то тайну, потому, что женщины стирали белье в ручье и крестьяне в темно-синих блузах встречали ее улыбками на высушенных солнцем лицах. Кроме того, на соседнем холме стоял замок, в котором жил какой-то барон или больной граф, к нему они, может быть, заедут в гости. Ничто

не могло обескуражить ее, даже французские правила этикета — она, размахивая визитной карточкой, требовала встречи со строгим незнакомцем.

А ее испытывающим неловкость дочерям приходилось сидеть с опущенными глазами и молчать, пока их мать, на совершенно непередаваемом французском, с ужасным произношением и путая все грамматические формы, знакомилась с хозяином, расточая похвалы налево и направо:

— Счастлив делать ваше знакомство, месье!

И месье, вовсе не счастливый, щелкал каблуками и кланялся. Его неприступный до настоящего времени замок, посещаемый только старыми девами и дряхлыми кюре, оказывался беззащитным и сдавался на милость завоевательницы с голубыми глазами, взгляд которых скользил по комнатам и оценивал произведения искусства, а потом и тихий шепот, обращенный к сгорающим от мучительного стыда дочерям:

— Вдовец. Вполне приемлемо для одной из вас.

Пломбьер-ле-Ван, Нанси, Дьепп, курорты с лечебными водами отмечены булавками на карте: она что-то слышала два года назад, но забыла, потом вспомнила.

— Кто живет в Нанси? Маркиз де Видланж?

Настоящий душка, он однажды сидел рядом со мной за обедом и ни разу не сказал «старый режим» — мы заглянем к нему.

А Мэри и Эллен, обменявшись полным ужаса взглядами, кричали:

— Мама, нельзя, он сразу узнает, кто мы такие!

— Но, дорогие мои, что ж такого? Это только интереснее.

И появляются на свет пропахшие нафталином саркастические замечания и истории о скандалах давно ушедших дней, о развлечениях, о том, как жили в Лондоне двадцать лет назад, — все это хранится только в глубинах памяти двух девушек, мировосприятие которых омрачено образом тюремных стен, непередаваемым ужасом и видом какого-то бледного и изнуренного существа с тусклыми глазами, которое, вытащенное из ада на свет божий, смотрит вокруг непонимающим взглядом.

А правда ли то, что говорили доктора дяде Биллу: что будто бы ее разум отсеивает то, что ей страшно вспомнить? Или она ничего не рассказывает о тех страшных месяцах просто потому, что все помнит и не хочет причинять им боль? Даже между собой они никогда не упоминали об этом, и, когда их мать принималась рассказывать

о прошлом, засыпая их своими любимыми анекдотами, осмеивая Двор времен, давно канувших в вечность, их охватывала паника. А если какой-нибудь нетактичный незнакомец, пробормотав «тюремное заключение», коснется этого вопроса? Вдруг шлюз откроется и затопит память? Девушки не знали, что может последовать за этим.

Так что пусть она получает удовольствие от своих иллюзий и скитаний по континенту, утоляет жажду увидеть незнакомые места и получить новые впечатления, лето провести здесь, зиму — где-то еще, потому что, как она скажет дочерям, никому не дано предугадать… А вдруг испанский граф обратит свое внимание на Мэри, а русский князь положит на колено Эллен стопку рублей.

Итак, вперед, из одних меблированных комнат в другие, будем бродяжничать: три годовых пособия исчерпаны. Они, как бабочки, перелетали с квартиры на квартиру, и за ними оставались неоплаченные счета. Реликвии прошлого очень пригодились: кольцами расплачивались в гостиницах, браслеты продавали, вызывающие сомнения украшения сбывались через каких-то грязных дельцов.

— Уверяю вас, это ожерелье принадлежало королеве Шарлотте.

— Мадам, я очень сожалею…

— Сколько же вы даете?

Пятьдесят луидоров! Пятьдесят луидоров за ожерелье, которое стоит пятьсот? Французы — это нация мошенников и грабителей, это мусор, они никогда не моются, их дома наполнены зловонием. Но, оказавшись на улице, она быстро пересчитывала деньги, трясла монетами, чтобы проверить, не фальшивые ли, улыбалась, взмахивала зонтиком, чтобы остановить проезжающий мимо фиакр, и приказывала везти ее домой — вернее, в небольшой отель со скромными ценами, расположенный в предместье, который и был в настоящее время их домом.

— Дорогие мои, мы опять богаты, давайте тратить деньги!

Заказывались платья, устраивался прием, на два месяца снималась меблированная квартира.

— Но, мама, мы не можем себе позволить так сорить деньгами!

— Какое это имеет значение?

И французы становились уже не мошенниками и грабителями, отбросами общества, а ангелами с нежным взглядом, горящими желанием услужить ей. Историю своей жизни она рассказывала консьержке, свои любовные связи обсуждала с

горничной, Париж называла единственным городом мира — но только до тех пор, пока у них были деньги, а потом они опять трогались в путь. А испанские графы и русские князья для утонченной Мэри и педантичной Эллен так и не появлялись. Она видела, что ее дочерям суждено остаться незамужними, и называла их в разговорах «моими непорочными девственницами», приводя этим в восторг своих никудышных знакомых и старых друзей и отпугивая вероятных зятьев. Джордж, который к тому времени стал довольно напыщенным молодым человеком, осуждал ее:

— Девочки не смогут выйти замуж до тех пор, пока ты не обоснуешься на одном месте. А Париж — это не очень подходящее для них место. Мне тревожно при мысли, что вы будете странствовать без меня.

Опекаемая и руководимая своим сыном, она смотрела на него с обожанием. Как же он красив в своей элегантной форме, он так выделяется среди офицеров своего полка! Ее сын служит в 17-м уланском полку. У него большое будущее: ему всего двадцать семь, а он уже капитан. Но больше всего ее радовало то, что он не обращает внимания на женщин: ей не грозит делить его отпуска с какой-то невесткой, мать остается самым

важным человеком в его жизни. Неизвестно, сколько это продлится.

Но девочки — она все надеялась подцепить для них какого-нибудь графа, или миллионера-иностранца, или просто мужчину. (В конце концов мужчины нашлись, но без особых видов на будущее. Мэри достался молодой человек по имени Баулез, который сначала влюбился в нее, а потом бросил, а Эллен — беззаботный француз по имени Буссон дю Морье.)

Проблема состояла в том, что она, достигнув среднего возраста, оказалась вырванной с корнем из родной почвы, изгнанницей, утратившей связь со своей страной, и как бы ее ни увлекал их нынешний образ жизни, с каким бы пылом она ни отдавалась светским развлечениям, устраивая приемы, и переписке с друзьями, все ее мысли неизменно возвращались к прошлому.

Я помню… И останавливала себя. Молодежи скучно слушать ее воспоминания. Кому интересно, что самые знаменитые щеголи Воксхолла вставали на цыпочки, чтобы увидеть ее? Какое для них имеет значение, что толпа облепила ее экипаж, когда она подъехала к зданию парламента? Или что она правила всеми в палате общин, единственная женщина в царстве мужчин? Луч-

ше забыть об этом, сказал ей Джордж. В полку к нему очень хорошо относятся, так почему бы не опустить завесу? Она поняла намек. Но иногда, ночью, когда никого не было рядом, ее охватывала непонятная тоска по прошлому; и, окруженная молчанием, чувствуя себя ужасно одинокой, она слушала бой церковных часов в Булони и думала: «Я больше никому не интересна. Мир, который я знала, умер. Существует только завтра».

Если так, то где прошлое? Неужели ничего не осталось? Неужели не осталось ни одного осколка, который затерялся в темном углу и ждет, когда его подберут? Вспышка — и она видит своего брата Чарли, еще маленьким мальчиком, который, цепляясь за ее юбку, бродит с ней по Баулинг-Инн-Элли; еще одна вспышка — и перед ней письмо поверенного со счетом на семьдесят фунтов: «Уважаемая мадам, в прилагаемом счете учтены расходы, связанные с идентификацией личности и установлением причины смерти Чарльза Фаркуара Томпсона».

Кто из этих двух — ее Чарли, которого она знала и любила? И какое отношение тело, найденное у сточной трубы, выходящей в Темзу, имеет к маленькому мальчику?

Она слышит, как Билл, который привез ее из

тюрьмы и организовал отъезд во Францию, совсем не изменившийся, говорит ей, взяв ее руки в свои: «Я сразу приеду, как только понадоблюсь тебе». Какой смысл было давать подобное обещание, если он не смог выполнить его? Билл, такой сильный, преданный, удобный: «Ваш давний друг так внезапно покинул нас… Пользовался всеобщим уважением… В Аксбридже… погребальный звон…» Где же его нежность и терпение? Ушли в могилу с покойным или окружают ее в темноте, светлые и вечные?

— Мама красит волосы. Лучше бы она этого не делала.

— Это простит ее. Надо, чтобы Джордж остановил ее.

— Женщина должна встречать старость достойно.

Она случайно подслушала этот разговор между Мэри и Эллен. Но что такое достоинство и когда можно считать человека старым? Ведь ничто не изменилось: утро напоено теми же ароматами свежести, море сверкает на солнце в Булони так же, как в Брайтоне. Прочь туфли. Ступни погружаются в песок. Волны нежно гладят босые ноги. С криками «Мама!» непорочные девственницы бегут к ней с зонтиками… Но это

жизнь: внезапный восторг, переполняющий сердце, беспричинная радость, заставляющая сильнее биться сердце и в восемь, и в пятьдесят два. И сейчас, как и раньше, в ней поднимается волна счастья, непередаваемое волнение. Эти мгновения самые важные. Только эти мгновения, и никакие другие. Гранд-рю в Булони — это то же самое, что Ладгейт-Хилл, Брайтон-Кресент, Бонд-стрит по утрам. Она сейчас пойдет и купит себе шляпку, или корзину груш на рынке, или шарик на яркой нитке. Все дело в людях, только в людях и их лицах.

Тот старик с костылем, та плачущая женщина, мальчик с крутящимся волчком — они часть того, что она знала и помнила, часть постоянно повторяющейся яркой картинки. Ребенок, который свалился в канаву, — она сама. Вот такой она была когда-то, все это пережила — и сердечную боль, и внезапный приступ смеха, и слезы гнева, и огонь желания.

Жизнь — все еще приключение, даже сейчас. Забудем, что существует завтра, что ее ждут часы одиночества. Утром придет письмо из Англии, она услышит новости, ей принесут английские газеты. Кто-нибудь заедет по пути в Париж. «Что слышно? Что это за слухи о недавнем скандале?

Еще не утих? Он очень старо выглядит? Но я помню…» И опять назад в прошлое, в давно ушедшие дни. «Как мы веселились. Лето казалось таким длинным». И так далее, почти до полуночи, когда посетитель, бросив взгляд на часы, кидается к своему экипажу и уезжает в Париж.

А после его отъезда ее охватывает ощущение какой-то пустоты, смешанной с замешательством и удивлением. Совсем недавно он был молодым человеком с горящими глазами, а теперь перед ней седой мужчина с толстой шеей и выпяченным животом. Что-то не так. Оборвалось какое-то звено. Стареющий холостяк — это не тот юноша, с которым она была знакома. Неужели все ее друзья и сверстники стали такими же грузными, медлительными, напыщенными, осторожными? Неужели живой огонь гаснет с возрастом? В таком случае лучше сгореть как свеча, умереть в одно мгновение, исчезнуть с лица земли. Вспыхнуть ярким огнем только на одно мгновение, а потом исчезнуть — и конец.

Однажды холодным январским утром принесли английские газеты, черные от траурных рамок. Мэри и Эллен, поняв, в чем дело, попытались спрятать их от нее, чтобы не вызвать лишних эмоций: они боялись внезапной смены

настроения. Однако она обратила внимание на необычную мрачность газетных полос и догадалась, о чем они сообщают, — слухи дошли и до нее, — но все равно известие ошеломило, и, поднявшись наверх, она в одиночестве заперлась в своей спальне и развернула «Таймс».

> Пятое января 1827 года.
>
> Прошлым вечером, в девять часов десять минут, в Рутланд-Хаусе, Арлингтон-стрит, на 64-м году жизни скончался Его Королевское Высочество Фредерик, герцог Йоркский и Олбанский.

Вот и все, больше ничего не осталось. Вернувшись в прошлое, она вспомнила, как в былые времена внимательно просматривала все газеты в поисках короткого сообщения о его действиях. «Его Королевское Высочество главнокомандующий сегодня приехал с инспекцией в 14-й полк легких драгун, а позже посетил его величество». «А еще позже, — со смехом говорила она ему, — госпожу М.-Э. Кларк на Глостер-Плейс». У нее куча альбомов с подобными вырезками, под которыми ее собственные подписи и комментарии.

Она принялась читать дальше:

Покойный принц, который своей добротой и уравновешенным характером завоевал всеобщий почет и уважение, навсегда останется в нашей памяти.

Он любил вино, любил играть, у него были и другие склонности, которым он, к сожалению, слишком часто давал волю. Подобные склонности простительны представителям других сословий, но не принцу.

Как известно, герцог Йоркский имел приверженность к изысканной кухне, скачкам и азартным играм, а также обладал некоторыми другими, присущими любому смертному слабостями, которые мы легко можем простить и оправдать, однако Его Королевское Высочество крайне слабо разбирался – что заслуживает как порицания, так и сочувствия – в том, какова же на самом деле настоящая цена денег. Навряд ли стоило бы упоминать здесь то крайне болезненное расследование, в которое английская палата общин была вовлечена семнадцать лет назад, если бы не два обстоятельства: во-первых, этот исключительный слу-

чай, независимо от того, хотим мы этого или нет, станет частью нашей истории и будет занесен в скрижали парламента; а во-вторых, результат этого расследования оказал весьма благотворное влияние как на армию, так и на королевство в целом. Тихое разочарование переросло в шумные протесты, а молчаливая зависть – в ропот о том, что назначения получались посредством секретных и нечистоплотных вмешательств.

В частной жизни герцог Йоркский был преданно любим, он славился своим веселым, приветливым, открытым нравом, своим великодушием, верностью и преданностью друзьям. Он всегда с благодарностью отзывался на доброту, был незлопамятным и человечным, всегда чувствовал чужую боль и умел ее облегчить.

Память о Его Королевском Высочестве всегда будет дорога тем, кого волнуют честь, благосостояние и процветание Британской армии.

В газете, датированной более поздним числом,

сообщалось следующее:

> Тысячи прибыли попрощаться с герцогом Йоркским в Сент-Джеймсский королевский дворец, где в торжественной тишине происходит смена караула.
>
> Как нам стало известно, останки герцога королевской крови будут в течение двух дней, а именно восемнадцатого и девятнадцатого, находиться в Сент-Джеймсском дворце, а на следующий день их перевезут в Виндзор. Прах герцога будет предан земле в королевском фамильном склепе с церемониями, подобающими наследнику трона и главнокомандующему, а не фельдмаршалу.

Она не рассказала о своем плане ни Мэри, ни Эллен. Они бы постарались отговорить ее. Запрет появляться в Англии, наложенный на нее попечителями и строго соблюдавшийся с того дня, как ее выпустили из тюрьмы Верховного суда, не имел для нее значения. Ей не дано было оплакать Чарли, сошедшего в могилу самоубийцы; проводить Билла, покоящегося рядом со своими родителями в Аксбридже; прочитать молитву над телом Вилла Огилви, сраженного неизвестным

убийцей выстрелом в спину. Но сейчас совсем другой случай.

Ее гнала исконно английская гордость, какое-то фанатическое упорство. Она опять пересекла Канал, храбро встретив неистово вздымающиеся под налитыми свинцом небесами волны, и, назвавшись мадам Шамбр, загримировалась так, что никто ее не узнал бы под черной вуалью вдовьего наряда.

Она затерялась в качающейся из стороны в сторону толпе, ее толкали, пихали и сжимали. Никто не управлял людским потоком, текущим по Пэлл-Мэлл, шарахающимися лошадьми, вереницами карет. Десять тысяч мужчин и женщин, двадцать тысяч — люди все шли и шли, и над головами плыли траурные знамена с надписями: «Друг солдата», выведенными пурпурными буквами; а за ними маршировали солдаты; потом шли кадеты школы Челси, пятьсот мальчиков с бледными и торжественными лицами; за ними — дети помладше, сопровождаемые своими нянями в черных соломенных шляпах и красных пальто, похожих на то, которое носила Марта в 1805 году.

Она догадывалась, что толпа несет ее к Сент-Джеймсскому дворцу; ее шаль соскользнула с

плеч, шляпку с вуалью она потеряла. Рядом кто-то истошно закричал, и над головами подняли потерявшего сознание ребенка, а потом еще одного и еще одного. Она заметила женщину без башмаков, затоптанную слепой и бездушной толпой.

Сзади поднялся ропот. «Они закроют двери… они не пустят нас…» Еще большая паника и замешательство охватили толпу, люди останавливались и оглядывались по сторонам. «Идите вперед… поворачивайте назад… они вызывают гвардейцев…» Полная решимости, она яростно пробилась вперед. Пусть вызывают!

Она добралась до площади перед Сент-Джеймсским дворцом, направилась к лестнице, по обе стороны которой стояли безмолвные солдаты дворцовой стражи с черными лентами на головных уборах и на алебардах, с черными лентами на шпагах.

Толпа притихла в торжественном молчании. В Сент-Джеймсском дворце царило безмолвие, резиденция английских монархов была погружена в полумрак, нарушаемый мерцанием свечей. Она поймала себя на том, что внимательно разглядывает его шпагу, которая лежала на мантии рядом с короной и жезлом. Но корона и жезл принадлежали к церемониальным регалиям, а

шпага была неотъемлемой частью мужчины, которого она знала.

«Ведь я держала ее в своих руках», — подумала она, удивившись тому, что узнала его шпагу, которая в пламени свечей выглядела угрожающе, казалась строгой, одинокой и совершенно неуместной.

Она слышала, как бряцает шпага, когда герцог спускался к завтраку, или входил в холл, или кидал ее на диван; она видела, как он передавал шпагу Людвигу, чтобы тот почистил ее, как она стояла в углу гардеробной, как ее брали, чтобы показать Джорджу. Эта шпага не имеет никакого отношения к мантии — она часть жизни, а не похорон.

Рядом были выставлены его ордена, его лента ордена Подвязки, но она не смогла задержаться возле них, так как толпа напирала, заставляя двигаться вперед, следуя в потоке сотен людей, спускавшихся по лестнице. Всего один взгляд на его шпагу… странное прощание.

Она обнаружила, что поток несет ее к Черринг-Кросс, и подумала: «Что теперь? Я сделала то, ради чего приехала. Мне незачем больше оставаться здесь».

Она прошла и села на ступени церкви Святого

Мартина рядом с ворчащим мужчиной и утомленной женщиной, к коленям которой жались плачущие дети, стремившиеся спрятаться от порывов пронизывающего ветра и ледяных струй дождя.

Женщина предложила ей еды, а мужчина — пива.

— Вокруг нас бродит судьба, — сказала Мэри-Энн, и кто-то засмеялся. Выглянуло солнце, и послышалось чье-то пение. Она подумала о своих непорочных девственницах, оставшихся в Булони, о Джордже, который в своей форме казался таким строгим и напыщенным, и внезапно поняла, что они больше ничего для нее не значат, даже Джордж; она дома, ее место здесь, в самом сердце Лондона.

— Вы далеко живете? — спросила ее соседка, потягивая апельсиновый сок.

— Здесь, рядом, — ответила она, — на Баулинг-Инн-Элли.

Зазвонили колокола церкви Святого Мартина, а она продолжала сидеть, наслаждаясь простой пищей, бросая крошки голубям, которые бродили по ступеням, и наблюдая, как на небе зажигаются звезды.

Менабилли
Март – апрель, 1953 г.